СИБИРСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

2018. Том 16, № 4

СОДЕРЖАНИЕ

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Гончаров С. С., Свириденко Д. И. Семантическое моделирование и искусственный интеллект 5

Головко Н. В. Д. Деннет и научный реализм: подтверждение следствия и тезис существования с проецируемостью 26

Овчинников С. Е. Научная объективность и эволюционная эпистемология 36

Сандакова Л. Б. Язык, мировоззрение, картина мира: проблема взаимообусловленности 46

Бессонов А. В. Аналог теоремы Гёделя о неполноте арифметики с использованием предиката опровержимости 58

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Розов Н. С. Роль революционных волн в процессах модернизации 69

Иванов А. В., Журавлева С. М. Искушение новизной 81

Бутина А. В. Интеллектуалы в гражданских движениях: модель конфликтной коалиции 94

Аблажей А. М. Новые тенденции интеграции академической науки и высшего образования в период радикальных реформ 103

Слюсарев В. В., Хусяинов Т. М. Проявление социальности, асоциальности и антисоциальности в виртуальном пространстве 114

Лбова Е. М. Культура и язык как факторы формирования когнитивных процессов: анализ зарубежных концепций 125

Гребенщикова Е. Г. Этика как управление 135

Синюкова Н. А. Субъективизация опыта болезни как гуманистическая парадигма современной медицины 147

Солодова Г. С. Законодательные и иные нормативные акты дореволюционной России как институциональная детерминанта этноконфессиональной политики 159

Ерохина Е. А. Инверсионные механизмы социокультурной динамики и институциональные модели управления этническим многообразием 168
Тюриков В. Е. Рома в Европе: между правдой и вымыслом 180
Ушаков Д. В. Семья как институт воспроизводства этничности (на примере Монголии) 192
Шмаков В. С. Институциональные детерминанты развития сельских локальных сообществ 207
Самсонов В. В. Институциональные и социокультурные факторы постсоциалистических трансформаций 216
Зазулина М. Р. Патернализм, сельский вариант: к вопросу о социокультурных факторах трансформации российского социума 227

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Вольф М. Н. История философии как культурная политика: два кейса 240
Стрельцов А. М. Концепция бесстрастия бога в древнегреческой философии: был ли консенсус? 257
Санженаков А. А. Этика Аристотеля как первая философия 267
Мазаев Р. М. Апологетика Афинагора Афинского 276
Бровкин В. В. Древняя Академия и период раннего эллинизма 288
Горан В. П. Т. Гоббс и Б. Спиноза о «богоданности» Библии 299

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, ПОЛЕМИКА И ДИСКУССИИ

Диев В. С., Петров В. В., Розов Н. С. Философия гуманизма и вызовы XXI века (по итогам Всероссийской научной конференции «Философия, наука, гуманизм в эпоху глобальной турбулентности») 311
Бутаков П. А. Диалог с теологами в современном историческом философском контексте 322

РЕЦЕНЗИИ

Головко Н. В. Знание о прошлом и проблема теоретической нагруженности наблюдений. Рец. на кн.: Kosso P. Knowing the Past. Philosophical Issues of History and Archaeology. Amherst, New York: Humanity Books, 2001 329
Головко Н. В. Тропный реализм и знание как эпистемическая характеристика ложных убеждений. Рец. на кн.: Niiniluoto I. Critical Scientific Realism. Oxford University Press, 1999 335

Сведения об авторах 341
Информация для авторов 344

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOSOPHY

2018. Vol. 16, № 4

CONTENTS

ANALYTICAL PHILOSOPHY, EPISTEMOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

GoncharovS. S., Sviridenko D. I. Semantic Modeling and Artificial intelligence 5

Golovko N. V. D. Dennett and Scientific Realism: Affirming the Consequent and the Existence Dimension With Projectability 26

Ovchinnikov S. E. Scientific Objectivity in the Light of Evolutionary Epistemology 36

Sandakova L. B. Language, Worldview, World Picture: the Problem of interdependence 46

Bessonov A. V. Analog of Gödel's incompleteness theorem Using a Falsifiability Predicate 58

SOCIAL PHILOSOPHY

Rozov N. S. the Role of Revolutionary Waves in Modernization Processes 69

Ivanov A. V., Juravleva S. M. the Temptation by Novelty 81

Butina A. V. intellectuals in Civil Movements: a Model of Conflict Coalition 94

Ablazhey A. M. The New Trends in the integration of Science and Higher Education in the Period of Radical Reforms 103

Sliusarev V. V., Khusyainov T. M. the Development of Sociality, Asociality and Antisociality in the Virtual Space 114

Lbova E. M. Culture and Language As Forming Factors of Cognitive Processes: Analysis of Western Conceptions 125

Grebenshchikova E. G. Ethics As Governance 135

Sinyukova N. A. Subjectivization of the Illness Experience as a Humanistic Paradigm of Modern Medicine 147

Solodova G. S. Legislative Provisions of Pre-Revolutionary Russia as An institutional Determinant Ethnocultural and Religious Policy 159
Erokhina E. A. inversion Mechanisms of Sociocultural Dynamics and institutional Models of Ethic Diversity Management 168
Turikov V. E. Roma in Europe: a Gap Between Facts and Fiction 180
Ushakov D. V. Family As institution For the Reproduction of Ethnicity (the Case of Mongolia) 192
Shmakov V. S. the Development of Rural Local Communities: institutional Determinants 207
Samsonov V. V. institutional and Socio-Cultural Factors of Post-Socialist Transformations 216
Zazulina M. R. Paternalism, Rural Mode: on Socio-Cultural Factors of the Russian Society Transformation 227

HISTORY OF PHILOSOPHY

Volf M. N. History of Philosophy As Cultural Politics: Two Cases 240
Streltsov A. M. Impassibility of God in Ancient Greek Philosophy: Was there a Consensus? 257
Sanzhenakov A. A. Aristotle's Ethics As First Philosophy 267
Mazaev R. M. Apologetics of Athenagoras of Athens 276
Brovkin V. V. the Old Academy and the Early Hellenistic Period 288
Goran V. P. T. Hobbes and B. Spinoza on the «God-Givenness» of the Bible 299

REVIEWS

Diev V. S., Petrov V. V., Rozov N. S. the Philosophy of Humanism and the Challenges of 21-St Century (Results of the All-Russian Scientific Conference «Philosophy, Science, Humanism in the Epoch of Global Turbulence») 311
Butakov P. A. a Dialogue With theology in the Contemporary Historical Philosophical Context 322
Golovko N. V. Knowledge of the Past and the theory-Ladenness of Observation 329
Golovko N. V. Tropic Realism and Knowledge As An Epistemic Property of False Beliefs 335

Our Contributors 341
Instructions to Contributors 344

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 004.055, 004.82, 168.2, 510.62, 510.67
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-5-25

С. С. Гончаров, **Д. И. Свириденко**

Институт математики им. С. Л. Соболева СО РАН
пр. Акад. Коптюга, 4, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

gonchar@math.nsc.ru; dsviridenko47@gmail.com

СЕМАНТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ *

Обсуждается проблема решения человеком задач с помощью компьютеров. Анализируются достоинства и недостатки декларативного программирования, в том числе функционального и логического программирования, выступающих как инструментарий искусственного интеллекта. Описывается альтернативный, теоретико-модельный подход к решению задач, носящий название семантического моделирования. Анализируются достоинства предлагаемой концепции, в том числе возможность сочетания аксиоматического и теоретико-модельного подхода к решению задач в рамках единого подхода, а также возможность интеграции на базе семантического моделирования методов непрерывной и дискретной математики. Описывается возможность построения на основе семантического моделирования нового, «объяснительного» искусственного интеллекта, свободного от недостатков, присущих традиционному искусственному интеллекту.

Ключевые слова: искусственный интеллект, машинное обучение, семантическое моделирование, декларативное программирование, вычислимость, теоретико-модельный подход.

Человек в живой природе занимает особое место и одно из основных качеств, выделяющих его в ней, – это умение понимать и ставить задачи, решать их и, что очень важно, при необходимости не только

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 17-11-01176).

ISSN 2541-7517. Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 4. С. 5–25.
© С. С. Гончаров, Д. И. Свириденко, 2018

объяснить найденное решение, но и *обосновать* его. Длительное время человек достаточно успешно пользовался этим умением, не прибегая к помощи каких-либо внешних инструментов, пока не столкнулся с необходимостью научиться решать сложные и масштабные задачи. Это вынудило его искать соответствующий инструментарий, и он придумал компьютер – пожалуй, один из чрезвычайно перспективных и весьма эффективных инструментов.

При решении человеком задач с помощью компьютера стандартная последовательность действий выглядит следующим образом: формулируется задача, ищется алгоритм ее решения, формальное или формализованное описание алгоритма передается программисту для написания кода на том или ином языке программирования, понятного используемому компьютеру, пишется и отлаживается программа, планируются и осуществляются вычисления, порождаемые написанной программой, полученные данные интерпретируются Заказчиком, и если они удовлетворительны с точки зрения некоторого критерия, то принимается решение, что задача решена.

Если же результат неудовлетворителен, то производится анализ предпринятых действий и в них вносятся соответствующие изменения. Заметим, что такие изменения могут коснуться практически всех этапов процесса решения задачи, вплоть до этапа ее постановки. При этом ошибки, нечеткости или неточности, допущенные при формулировке задачи, могут повлечь за собой весьма «дорогостоящие» последствия, что налагает на постановщика задачи особую ответственность.

В связи с таким «экономическим» подходом к проблеме компьютерного решения задач имеет смысл вспомнить известный афоризм: «правильно поставленная задача – наполовину решенная задача». Сразу же возникает вопрос – а существует ли ситуация, когда правильно поставленная задача фактически означает ее полноценное решение? Поскольку речь идет о решении человеком задач с помощью компьютеров, то этот вопрос можно переформулировать иначе – существует ли возможность формулировать задачу таким образом, чтобы из этой формулировки компьютер мог бы автоматически «извлечь» требуемое решение? И не только извлечь решение, но и *объяснить* его?

Заметим, что этот вопрос не оригинален – решением похожей проблемы занимается *искусственный интеллект* (далее – ИИ) [Тейз и др., 1990; Рассел, Норвиг, 2007; Flasinski, 2016]**.** В частности, такое направление ИИ, как машинное обучение (см., например; [Kubat, 2017]) решает эту проблему, пытаясь с помощью математико-статистических

методов и технологии нейронных сетей путем их обучения (методом «натаскивания») синтезировать решение той или иной массовой задачи. Скажем, по радужной оболочке человеческого глаза или по тепловому полю поставить пациенту диагноз, распознать человеческое лицо в толпе идущих людей и т. д.

Следует отметить, что технология нейронных сетей имеет много удачных и вполне успешных приложений и активно развивается, особенно в последнее время. Но она же обладает и серьезным изъяном – синтезируемые нейронными сетями решения являются плохо или даже вообще необоснованными, поскольку никто не знает, как нейронная сеть приходит к своим решениям (так называемый эффект «черного ящика»). Кроме этого, системы искусственного интеллекта, базирующиеся на применении технологии традиционных нейронных сетей, являются нестабильными, демонстрируя непредсказуемое поведение в непредусмотренных и нестандартных условиях. Оба этих обстоятельства – необоснованность и нестабильность, делают использование традиционных нейронных сетей проблематичным и даже зачастую вообще неприемлемым в таких областях, как медицина, оборона, логистика, управление сложными человеко-машинными системами и т. п. В чем же причина таких негативных эффектов?

На взгляд авторов этой статьи, главной причиной наличия указанных выше недостатков применяемых технологий ИИ является изолированность и обособленность используемых ими приемов и инструментов от исходного *смысла* (*семантики*) задачи, т. е. от тех знаний о проблемной области, которые используются при ее постановке и формулировке. Такая изолированность и обособленность усугубляется еще и тем, что при написании компьютерных программ используются, как правило, технологии и языки программирования, носящие *императивный* характер, что автоматически влечет за собой разделение данных и операций над ними [Пратт, Зелковиц, 2003]. Напомним, что при описании задач и при их решении в виде алгоритмов мы всегда имеем дело с двумя видами сущностей:

• *данными*, т. е. с тем, что мы хотим обрабатывать, преобразовывать, управлять;

• *операциями,* т. е. с действиями над данными.

Очевидно, что любой язык формулирования задачи и любой язык, в терминах которого мы записываем ее решение, должен предоставлять возможность описывать эти сущности. Для этого такие языки обычно содержат, с одной стороны, элементарные выражения, представляющие исходные примитивные данные и операции над ними

(базис языка), а с другой – набор специальных средств конструирования из этих простых объектов более сложных конструкций, которые могли бы рассматриваться как единые сущности, что позволяло бы манипулировать этими конструкциями с помощью средств этого же языка. И то, что при императивном программировании мы вынуждены *разделять* данные и операции, является одной из главных причин разрушения исходной семантики задачи. Помимо всего прочего, разрушение и тем самым неполный учет семантических аспектов задачи приводят к таким проблемам, как неструктурированность больших данных (Big Data), с которой, что интересно, предлагается бороться, используя … те же традиционные технологии ИИ, пытаясь придать с их помощью некий смысл получаемым решениям и как бы восстановить семантику решаемых задач. Возникает порочный круг – вначале разрушаем исходную семантику задачи с тем, чтобы потом попытаться ее восстановить!

Помимо императивных языков программирования, ИИ активно пользуется так называемыми *декларативными языками* [Зюзысов, 2003], каковыми являются функциональные [Хендерсон, 1983; Хювенен, Сепянен, 1990; Филд, Харрисон, 1993] и логические [Логическое программирование, 1988; Братко, 1990; Малпасс, 1990; Стерлинг, Шапиро, 1990] языки программирования. Но и это не спасает ситуацию. Остановимся чуть подробнее на этом моменте.

На этапе формулирования человеком задачи, решение которой предусматривает использование компьютера и потому формулировка задачи должна быть свободной от неточностей и двусмысленностей, стараются применять по возможности строгие, формальные конструкции. Человеческий опыт подсказывает, что для человека, формулирующего задачу, предпочтительнее, чтобы используемые языковые конструкции имели вид математических утверждений, носящих повествовательный, декларативный характер. Правда иногда, когда задача изначально формулируется как необходимость осуществить совокупность некоторых действий, используется форма представления задачи и в виде последовательности инструкций, носящих уже повелительный, т. е. императивный характер. Очевидно, что императивными по своей природе являются и описания решений задач в виде алгоритмов. И уж совсем отчетливый императивный характер имеют представляющие эти алгоритмы команды компьютерной программы.

Справедливости ради стоит отметить, что императивные языки программирования высокого уровня (например, объектно-ориентированные языки), как правило, имеют достаточно развитые средства

написания повествовательных, декларативных конструкций. Используя такие средства, можно в отдельных случаях, когда уже заранее имеется некая компьютерная программа решения целого класса задач (шаблон), формулировать конкретную задачу из данного класса задач не как последовательность инструкций, а как совокупность декларативных условий, позволяющих параметрически настроить этот шаблон на решение именно этой конкретной задачи и автоматически получать это решение.

Понятно, что такой автоматизированный способ решения задачи выглядит намного привлекательнее, поскольку вместо указаний о том, *как* решать задачу мы формулируем лишь описание того, *что* следует решать. Поэтому вполне закономерным является вопрос: а можно ли создать декларативный язык постановки задач, который бы:

• опирался на общепризнанную и развитую математическую базу;

• максимально был приближен к постановщику задачи, был удобен и комфортабелен для формулировок задач и способен был адекватно отражать в постановке исходную семантику используемых знаний;

• был пригоден для формулировки по возможности максимально широкого класса практических задач;

• допускал бы эффективную интерпретацию своих конструкций как набор команд для компьютера?

Заметим, что в предельном случае этот вопрос звучит как вопрос о возможности создания некоего универсального декларативного языка с добротной математической базой и пригодного для декларативного описания любой(!) задачи, имеющей алгоритмическое решение – такие языки носят название Тьюрингово полных.

Поскольку в формулировке всех этих вопросов речь идет о задачах, допускающих решение с помощью компьютера в виде набора неких вычислительных конструкций, то поиск ответов на поставленные вопросы естественно начать с поиска математической основы такого языка, т. е. с поиска и анализа существующих в дискретной математике моделей, формализующих понятие «*вычислимость*».

Напомним, что наиболее распространенными в математике являются *язык множеств* и *язык функций*. Поэтому вполне естественно, что изучение понятия вычислимости в основном осуществлялось и продолжает осуществляться в терминах именно этих языков – «вычислимая функция», «вычислимое множество». Однако не все созданные математиками модели вычислимости для данных понятий оказались приемлемыми и перспективными при компьютерном решении задач. Скажем, в парадигме функционального программирования

(далее – ФП) используются в основном только три модели, формализующие понятие «вычислимость» в терминах вычислимых функций:

- классическая теория рекурсивных функций;
- лямбда-исчисление (типовое и бестиповое);
- комбинаторная логика.

Классическая *модель рекурсивных функций* составляет основу языка РЕФАЛ (РЕкурсивных Функций АЛгоритмический язык), придуманного еще в Советстком Союзе в начале 60-х гг. прошлого столетия. Другая функциональная модель вычислимости – *лямбда-исчисление*, или *исчисление лямбда-конверсий*, наиболее популярная в ФП модель, была создана в 1934 г. А. Черчем. Предложенный им *лямбда-язык*, несмотря на его кажущуюся простоту, оказался весьма мощным по своей выразительности, поскольку, как выяснилось, позволяет (согласно знаменитому *Тезису Черча*) описывать все(!) интуитивно вычислимые функции (отметим, что справедливость Тезиса Черча была подкреплена теми математическими фактами, что в лямбда-языке оказались выразимы все функции, определяемые в других альтернативных моделях вычислимости, и наоборот).

Близкую к лямбда-исчислению модель вычислимых функций, носящую название *комбинаторной логики,* в 1940 г. создал Х. Карри. Обе эти модели вычислимости некоторое время развивались как чисто математические теории, и только в начале 1960-х гг. Д. Маккарти создал на основе языка лямбда-исчисления язык функционального программирования ЛИСП (LISP – LISt Processing), а Д. Тернер на базе комбинаторной логики реализовал низкоуровневый язык для описания трансляторов языков функционального программирования. Впоследствии на идеях лямбда-исчисления и комбинаторной логики было создано еще несколько языков, в том числе и функциональные системы программирования (FP-системы), позволяющие работать с функциями высших порядков.

Многообразие созданных к 90-м гг. прошлого столетия языков функционального программирования послужило причиной реализации проекта создания функционального языка, в котором были объединены наиболее интересные идеи ФП. Так, в начале 90-х гг. появился функциональный язык программирования, названный HASKELL в честь Хаскелла Карри. Тем не менее следует признать, что основной вклад в развитие парадигмы ФП внес язык ЛИСП, который на протяжении многих лет оставался наиболее популярным функциональным языком программирования. Этот язык был использован в большом числе исследований и разработок в области ИИ при решении таких задач, как обработка естественного языка, создание экспертных систем,

распознавание образов и многих других. Однако заметим, что, строго говоря, и ЛИСП, и HASKELL не являются чисто декларативными языками, поскольку в них разрешается использовать императивные конструкции, оправдывая это тем, что они позволяют создавать весьма эффективные практические приложения. На практике же это приводит к излишней сложности используемых конструкций, поскольку исчезает их первичная декларативная ясность. Кстати, аналогичный эффект имеет место и при добавлении в императивные языки функциональных средств. Заметим, что попытки создания языка, совмещающего в себе сильные стороны функционального и императивного программирования, продолжаются до сих пор.

Итак, что же предлагает нам современное ФП с позиций декларативного описания задач и процессов их решения. В ФП действия представляются в виде функций, которые одни данные (аргументы) преобразуют в другие данные (значения). При этом, в отличие от императивных языков, значения функций однозначно определяются их аргументами и не зависят как от истории вычислительного процесса, так и от внешних по отношению к вычислительному процессу сигналов и состояний. В то же время имеется и важное отличие программно реализованной функции от ее математического аналога – «программистская» функция должна быть определена *явно*, т. е. таким образом, чтобы всегда была возможность извлечь из ее описания способ ее вычисления. Отсюда, в ФП исходные условия задачи описываются в виде конечного набора явных определений функций, (база данных), а цель задачи ставится в виде запроса на вычисление значений так называемого целевого выражения с заданными параметрами и, возможно, содержащего обращения как к базовым функциям, так и к функциям, определенным в базе данных.

Таким образом, общая схема формулирования и решения задачи в ФП сводится к:

- функциональной спецификации задачи, т. е. к написанию ее исходных условий в виде конечного набора определений функций;
- написанию запроса и заданию его параметров;
- вычислению значений данного запроса.

При этом процесс вычисления с математической точки зрения представляет собой процесс исполнения так называемых правил переписывания, который можно интерпретировать как логический вывод искомого результата из аксиоматической теории, в роли которой выступает набор определений функций.

Похоже, но несколько иначе, осуществляются постановка и решение задач в другой парадигме декларативного программирования –

в так называемом логическом программировании (далее –ЛП). Его математическую основу составляет акиоматическая модель вычислимости, базирующаяся на понятии вычислимого множества. Логическая программа представляет собой формульное описание вычислимого отношения между параметрами в терминах формального логического языка. При этом разница между параметрами, объявленными входными, и параметрами, рассматриваемыми как выходные, в логической программе достаточно условна, что и отличает парадигму логического программирования от функционального. Дело в том, что вычисление функции всегда является строго направленным процессом – мы подаем на вход значения аргументов функции и на выходе должны получить результат, т. е. вычисленные значения функции. В логических же языках допускаются ситуации, когда вначале указывается значение выходного параметра и ищется такое значение входного, при котором имеет место заданное отношение. Другое важное отличие логического программирования от функционального – это неоднозначность логических вычислений, поскольку удовлетворяющих исходному запросу значений переменных у логической программы может оказаться несколько.

В логическом программировании используется так называемое формульное описание вычислимых отношений с применением достаточно узкого подмножества языка исчисления предикатов первого порядка. Заметим, что для логической программы, как и для функциональной, также имеют место понятия «база данных» и «запрос». При этом база данных (т. е. исходные условия задачи) в ЛП задается конечным набором логических правил и фактов, записанных в виде логических формул узкого подмножества языка исчисления предикатов, которые рассматриваются как аксиомы предметной области. Запрос также представляет собой логическую формулу этого языка, которая может содержать переменные, а целью решения задачи, специфицированной в виде логической базы данных и формулы-запроса, является попытка либо доказать, что запрос есть *логическое следствие* аксиом, т. е. является *теоремой* данной системы аксиом (с определением желательно всех вариантов означивания переменных в запросе), либо убедиться в том, что запрос не является логическим следствием этой аксиоматической теории.

Первые попытки реализовать отдельные идеи логического программирования делались еще в начале 60-х гг. прошлого столетия. Значительный вклад в становление ЛП внес Дж. Робинсон, который для языка исчисления предикатов первого порядка в 1965 г. разработал алгоритм унификации и на его основе создал метод резолюций.

Используя этот метод, в 1971 г. А. Колмероз и Ф. Руссел создали первую версию языка ПРОЛОГ (Prolog – PROgrammation en LOGique), написанную на ФОРТРАНе. Сразу же отметим, что ПРОЛОГ, как и ЛИСП, является квазидекларативным языком, поскольку в нем также достаточно активно используются императивные конструкции. Основополагающей для становления ЛП как новой парадигмы декларативного программирования стала публикация Р. Ковальским в 1974 г. статьи, в которой он показал, что для целей ЛП достаточно ограничиться использованием лишь *хорновских дизъюнктов,* т. е. формул вида P_1 *&* ... *&* P_n –> Q.

Пик популярности идей ЛП пришелся на 80-е гг. прошлого столетия, свидетельством чему явился японский проект создания ЭВМ 5-го поколения. В предшествующие этому проекту и последующие годы наметилось несколько направлений развития ЛП, среди которых выделим следующие:

• *совершенствование и модификация* языка ПРОЛОГ (расширение базы языка, использование более мощных логических средств, постулирование модульности логических программ и т. п.);

• *параллельное* логическое программирование (заметим, что логические программы по своей природе являются параллельными);

• *комбинирование* логического стиля программирования с функциональным.

Остановимся на последнем направлении. Следует отметить, что уже с момента появления логического и функционального языков программирования неоднократно предпринимались попытки объединить эти две декларативные парадигмы. Как правило, главной целью всех предлагаемых вариантов объединения являлась возможность использования более широкого набора стратегий управления вычислениями, например, эффективной стратегией ленивых вычислений, характерной для функционального программирования, или стратегией параллельных вычислений, изначально свойственных логическим программам. Однако серьезной проблемой при подобных объединениях оказалась проблема единообразия используемых структур данных, а также решение проблемы их типизации. Именно по этой причине в объединенных декларативных языках наиболее распространенными структурами данных оказались списки и деревья. Что же касается проблемы типизации данных, то в декларативном программировании реализуются оба возможных варианта ее решения – либо полное игнорирование понятия типа данных, либо, наоборот, следование строгой и жесткой дисциплине их определения и использования. Кстати, заметим, что отсутствие в декларативном

языке понятия типа данных (так называемые *бестиповые языки*) имеет свое преимущество, поскольку в таких языках на множество всех его объектов (данные, действия, программы) можно смотреть как на *единое пространство*. Яркими примерами таких языков являются ЛИСП и ПРОЛОГ, у которых единственной формой представления объектов являются символьные выражения, что и позволяет программе обрабатывать и преобразовывать другие декларативные программы и даже саму себя – знаменитая *проблема самоприменимости*. Отметим, что эта особенность декларативных бестиповых языков активно используется в ИИ и именно поэтому эти языки так популярны в ИИ. Кстати, из-за бестиповости декларативных языков серьезной математической задачей в свое время оказалась задача построения строгой математической семантики для таких языков. Эта проблема была практически одновременно решена в 70-е гг. известными математиками – в России акад. Ю. Л. Ершовым (теория А-пространств Ершова), в Англии – Даном Скоттом (теория информационных систем).

Итак, подведем итог вышесказанному. Ключевая идея декларативного программирования – то обстоятельство, что программа в нем является *теорией*, а вычисления представляют собой *вывод* в этой теории. Понятно, что чем меньше ограничений накладывается на допустимые способы построения таких теорий, тем проще пользователю специфицировать задачу. Но, к сожалению, имеет место и другое наблюдение – чем меньше ограничений, тем менее эффективным будет алгоритм интерпретации теорий и, следовательно, алгоритм организации поиска вывода. Данное противоречие заставляет сторонников и апологетов декларативного программирования искать разумный компромисс между удобством и выразительностью существующих декларативных языков и их эффективностью. Такой поиск может проходить либо в рамках существующих парадигм функционального и логического программирования, либо в их критическом осмыслении и, возможно, создании новой парадигмы.

Как известно, фундаментальным изучением понятия вычислимости в математике занимается математическая логика в рамках двух основных подходов: *аксиоматическом* и *теоретико-модельном.* Как было замечено выше, именно аксиоматический подход составляет математическую основу декларативного программирования. Но ведь в качестве концептуальной основы технологии компьютерного решения задач можно выбрать и теоретико-модельный подход, взяв, скажем, в качестве математической базы возможность *формульной определимости вычислимости на конструктивных моделях*,

а сам процесс вычислимости мыслить как процесс проверки *истинности формулы* на конструктивной модели. Эта идея и была положена в основу концепции *семантического моделирования,* выдвинутой в 80-х гг. прошлого столетия сотрудниками ИМ СО РАН академиками РАН С. С. Гончаровым, Ю. Л. Ершовым и д-ром физ.-мат. наук Д. И. Свириденко [Goncharov, Sviridenko, 1986; 1989; Ershov et al., 1986; 1987; Гончаров, Свириденко, 1986; Ershov, 1983a; 1983b; 1996]. Отметим, что авторы концепции в то время использовали термин «семантическое программирование», поскольку выдвинутая концепция была ориентирована в основном на решение задач управления сложным системами. Однако впоследствии концепция постепенно стала приобретать черты модельного подхода и все больше и больше ориентироваться на решение задач моделирования сложных процессов, а также на задачи обработки больших и потоковых данных. По этой причине было предложено концепцию переименовать в семантическое моделирование. Суть этой концепции заключается в следующем.

1. Предполагается наличие исходной базовой модели, выступающей как ядро системы, средствами которой будут специфицироваться и решаться задачи. При этом предполагается, что все объекты данной модели (элементы, функции, предикаты) и операции над ними являются *конструктивными*, т. е. вычислимыми [Ershov, Goncharov et al., 1998; Ambos-Spies et al., 2011; Goncharov, 2007]. Заметим, что в семантическом моделировании базовая модель рассматривается вместе со своей *списочной надстройкой*, состоящей из наследственно-конечных списков, порожденных элементами этой модели. Допускается интерпретация некоторых предикатов базовой модели как *оракулов*.

2. Исходным условиям задачи сопоставляется смешанное формульно-термальное, т. е. фактически логико-функциональное определение новой модели той предметной области, к которой относится решаемая задача, с использованием так называемых Σ-*формул* и Σ-*термов* языка исчисления предикатов первого порядка сигнатуры исходной базовой модели. При этом отметим, что в отличие от классического подхода термальная часть используемого Σ-языка значительно расширена путем допущения *условных* и *рекурсивных* термов [Гончаров, 2017; Гончаров, Свириденко, 2018]. Допускается также рекурсивное описание не только новых функций, но и определяемых предикатов.

3. В качестве ответа на формулу-запрос или терм-запрос, записанные либо как Σ-формула, либо как Σ-терм, алгоритмически ищутся в первом случае такие конкретизации свободных переменных фор-

мулы, для которых данная Σ-формула является *истиной,* или вычисляется значение Σ-терма-запроса.

Сразу же отметим, что на практике предлагается ограничиться классом так называемых Δ_0-*формул* и Δ_0-*термов*. Напомним, что отличие Δ_0-формул от Σ-формул заключается в том, что при написании Δ_0-формул разрешается использовать только *ограниченные кванторы* существования и всеобщности. Причина такого ограничения заключается в желании с самого начала ограничиться эффективными вычислениями, т. е. вычислениями заданной, например, полиномиальной или автоматной сложности [Arora, Barak, 2009; Papadimitriou, 1994; Ospichev, Ponomarev, 2018].

Итак, в предлагаемом подходе главными выступают процесс формульно-термального описания некой проблемной области в виде конструктивной модели и процедура либо проверки истинности Σ-формулы-запроса на этой модели, либо вычисления Σ-терма в этой модели. Практика показала, что такой модельный подход позволяет вполне адекватно отразить и полностью сохранить исходную семантику задачи. Именно поэтому он и называется *семантическим моделированием.*

Концепция семантического моделирования получила свое воплощение в целой серии теоретических и прикладных работ. В настоящее время продолжается дальнейшее развитие ее теоретических и прикладных аспектов, в том числе в направлении создания практических технологий семантического моделирования и их адаптации применительно к особенностям различных конкретных проблемных областей – ритейл, финтех, медицина, техника, умные контракты и кошельки, криптоэкономика, теория решения инновационных задач (далее – ТРИЗ) и др. [Малых, Манцивода, 2017; Martynovich, Vityaev, 2016; Vityaev, Martinovich, 2015; Витяев, Неупокоев, 2014; Витяев, Мартынович, 2015; 2017; Свириденко, Сибиряков, 2017а; 2017б].

Одним из главных направлений развития семантического моделирования в настоящее время является его применение к проблемам ИИ. В результате исследований в этом направлении возникла альтернативная традиционному искусственному интеллекту концепция «*объясняющего*» *искусственного интеллекта* (*Explanable Artificial Intelligence*), целью которого является создание таких технологий ИИ, в том числе и технологий обучения компьютеров, которые базировались бы на исходной семантике решаемой задачи и позволяли бы автоматически синтезировать семантически обусловленное и понятное человеку ее решение, при этом автоматически адаптирующиеся к изменению условий решения этой задачи**.** И такие технологии, основан-

ные на оригинальных математических результатах, обобщающих логико-математический и вероятностный анализ формальных понятий, были созданы [Martynovich, Vityaev, 2016; Vityaev, Martinovich, 2015; Витяев, Неупокоев, 2014; Витяев, Мартынович, 2015; 2017]. При этом полученные математические результаты позволили не только создавать эффективные методы решения задач ИИ, свободные от указанных ранее недостатков традиционных технологий ИИ, но и, что очень важно для дальнейшего развития ИИ, разработать уникальный подход к решению проблемы *самообучения* систем ИИ**.**

Что касается практического применения концепции «объясняющего» ИИ, то успешными примерами здесь могут служить работы по автоматизации и глубокой роботизации бизнес-отношений, а также работы в области умных контрактов и умных кошельков нового поколения, осуществляемых ИМ СО РАН совместно с иркутскими коллегами из Иркутского государственного университета и группой компаний АЙЛАЙН (см., например, проекты Bsystem [1] и Kirik [2]). С помощью семантического моделирования и методов «объяснительного» искусственного интеллекта в настоящее время решается также широкий круг и других теоретических и прикладных проблем, например, решение совместно с Новосибирским государственным университетом проблем анализа сложных и масштабных коммуникационных сетей и платежных систем.

Важно отметить, что семантический подход позволяет, в отличие от аксиоматического варианта, осуществлять эффективный синтез решений задач заранее оговоренной сложности, например, полиномиальной или автоматной. Более того, в рамках семантического моделирования можно ставить и решать задачу создания «почти везде» эффективных алгоритмических решений, скажем, алгоритмов автоматной или полиномиальной сложности на «почти всех» исходных данных. Эти исследования, как и многие другие, носят уникальный характер.

Значительным преимуществом семантического моделирования перед другими концепциями математического моделирования является возможность в рамках единого подхода объединять идеи, концепции, модели и алгоритмы *непрерывной* и *дискретной* математики. Такой эффект достигается путем использования в качестве сигнатурных сущностей базовой конструктивной модели алгоритмов непрерывной математики, которые могут выступать как своеобраз-

[1] http://www.inbox.io

[2] www.kirik.io

ные *оракулы*, над которыми выстраивается логико-математическая надстройка, описывающая логику решения задач из той или иной предметной области. Такой подход позволяет, например, по-новому подойти к решению такой сложной проблемы, как управление гибридными системами.

И еще одно важное преимущество предлагаемого семантического подхода – он не отрицает использования в нем элементов аксиоматического подхода. Более того, в теории и практике семантического моделирования активно используется возможность эффективного синтеза обоих подходов – теоретико-модельного и аксиоматического. Так, например, при проведении исследований по объяснительному ИИ выяснилось, что результаты, полученные в рамках данного синтетического подхода, дают нам значительное преимущество перед чисто математико-статистическим или чисто аксиоматическим подходами, поскольку позволяют вместо традиционного машинного (глубокого) обучения типа «черный ящик» предложить принципиально другой подход к проблеме машинного обучения, основанный на сочетании математико-статистического и логического подходов (см., например: [Martynovich, Vityaev, 2016; Vityaev, Martinovich, 2015; Витяев, Неупокоев, 2014; Витяев, Мартынович, 2015; 2017]). Такое сочетание позволяет строить иерархию логико-вероятностных классов, которые, с одной стороны, легко *понимаемы* человеком как совокупность логико-вероятностных утверждений, а с другой – более точно, на основе самообучения, формируют иерархию «естественных» классов, тем самым теоретически, по своим последствиям, намного превосходящих глубокое обучение, основанное на традиционных нейронных сетях. Проведенные предварительные эксперименты полностью подтвердили этот теоретический вывод. Более того, эти эксперименты показали также, что такое семантически-«прозрачное» машинное (глубокое) обучение адекватно формализует не только «естественную» классификацию, но и даже процесс реального восприятия, описанный в психологической литературе.

Последнее обстоятельство позволяет вплотную подойти к решению труднейшей проблемы ИИ – проблемы *саморефлексии* систем ИИ. Заметим, что успешное решение этой проблемы даст возможность говорить о достижении искусственным интеллектом следующего уровня развития, который можно условно назвать *искусственным интеллектом 3.0* (если считать, что развиваемый нами «объясняющий» ИИ – это *искусственный интеллект уровня 2.0*). Именно на уровне 3.0 развития технологий ИИ появится возможность создавать системы ИИ, умеющие не только ставить перед собой

задачи и осуществлять поиск их решения, но и, что принципиально важно, *объяснять* и *обосновывать* найденные решения. Отдельные элементы ИИ 3.0 в рамках семантического подхода создаются уже сейчас. Есть уверенность в том, что уже в течение ближайших 10–15 лет будет получено решение таких важнейших проблем, как проблема *самоидентификации* и *самоприменимости*, включая решение проблемы *целеполагания,* ведущих к удовлетворительному решению проблемы *саморефлексии.*

В заключение отметим, что активное развитие концепции семантического моделирования не только повлекло за собой решение как новых, так и давно стоящих перед ИИ проблем, о которых шла речь выше, но и оказало значительное влияние на такие смежные научные и пракические области, как поисковые системы, автоматизация бизнес-процессов, смарт-контракты и смарт-кошельки, робототехника, гибридные системы, ТРИЗ, онтологическое моделирование и многие другие, что говорит о ее значительном научном и прикладном потенциале, особенно в связи с предстоящей цифровизацией экономики.

Список литературы

Братко И. Программирование на языке ПРОЛОГ для искусственного интеллекта. М.: Мир, 1990.

Витяев Е. Е., Мартынович В. В. Прозрачное глубокое обучение на основе вероятностных формальных понятий в задаче обработки естественного языка // Изв. ИГУ. Серия: Математика. 2017. Т. 22. С. 31–49.

Витяев Е. Е., Мартынович В. В. Формализация «естественной» классификации и систематики через неподвижные точки предсказаний // Сибирские электронные математические известия (Siberian Electronic Mathematical Reports). Новосибирск, 2015. Т. 12. С. 1006–1031.

Витяев Е. Е., Неупокоев Н. В. Формальная модель восприятия и образа как неподвижной точки предвосхищений // Подходы к моделированию мышления: Сб. / Под ред. В. Г. Редько. М.: УРСС Эдиториал, 2014. С. 155–172.

Гончаров С. С. Условные термы в семантическом программировании // Сиб. мат. журн. 2017. Т. 58, № 5. С. 1026–1034.

Гончаров С. С., Свириденко Д. И. Математические основы семантического программирования // Докл. АН СССР. 1986. Т. 289, № 6. С. 1324–1328.

Гончаров С. С., Свириденко Д. И. Рекурсивные термы в семантическом программировании // Сиб. мат. журн. Ноябрь-декабрь, 2018. Т. 59, № 6. С. 1279–1290.

Зюзысов В. М. Математическое введение в декларативное программирование: Учеб. пособие. Томск: Изд-во ТГУ, 2003. 83 с.

Логическое программирование: Сб. ст. / Под ред. В. Н. Агафонова. М.: Мир, 1988. 368 с.

Малпасс Д. Р. Реляционный язык ПРОЛОГ и его применение. М.: Наука, 1990.

Малых А. А., Манцивода А. В. Документное моделирование // Изв. ИГУ. Серия: Математика, 2017.

Пратт Т., Зелковиц М. Языки программирования: разработка и реализация. 4-е изд. СПб.: Питер, 2003.

Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект. Современный подход. 2-е изд. / Пер. с англ. М.: Изд. дом «Вильямс», 2007. 1408 с.

Свириденко Д. И., Сибиряков В. Г. ТРИЗ-теория решения инновационных задач. Ч. 1: Как решать инновационные задачи: разработка концепции инновации // Сибирская финансовая школа. Инновации. 2017а. № 3/122. С. 26–35.

Свириденко Д. И., Сибиряков В. Г. ТРИЗ-теория решения инновационных задач. Ч. 2: Что такое инновационная задача // Сибирская финансовая школа. Менеджмент и инновации. 2017б. № 4/123. С. 21–37.

Стерлинг Л., Шапиро Э. Искусство программирования на языке ПРОЛОГ. М.: Наука, 1990.

Тейз А., Грибомон П., Луи Ж. и др. Логический подход к искусственному интеллекту: от классической логики к логическому программированию: Пер. с фр. М.: Мир, 1990. 432 с.

Филд А., Харрисон П. Функциональное программирование: Пер. с англ. М.: Мир, 1993.

Хендерсон П. Функциональное программирование. Применение и реализация: Пер. с англ. М.: Мир, 1983. 349 с.

Хювенен Э., Сепянен И. Мир ЛИСПа: В 2 т. М.: Мир, 1990.

Ambos-Spies K., Badaev S., Goncharov S. Inductive inference and computable numberings // Theoretical Computer Science. 2011. Vol. 412, No. 18. P. 1652–1668.

Arora S., Barak B. Computational Complexity: a Modern Approach. Cambridge Univ. Press, 2009.

Ershov Yu. L. Definability and Computability. Siberian School of Algebra and Logic. New York: Plenum, 1996.

Ershov Yu. L. Dynamic logic over admissible sets // Soviet. Math. Dokl. 1983b. Vol. 28. P. 739–742.

Ershov Yu. L. The principle of Σ-enumeration // Soviet. Math. Dokl. 1983a. Vol. 27. P. 670–672.

Ershov Yu. L., Goncharov S. S., Nerode A., Remmel J. Introduction to the Handbook of Recursive Mathematics, Handbook of Recursive Mathematics, Vol. 1–2, Amsterdam ets.: Elsevier, 1998. Vol. 138, Pt 1, vii-xlvi, 40 p.

Ershov Yu. L., Goncharov S. S., Sviridenko D. I. Semantic foundations of programming // Lecture Notes in Computer Science. 1987. Vol. 278. P. 116–122.

Ershov Yu. L., Goncharov S. S., Sviridenko D. I. Semantic programming // Information processing, Proc. IFIP 10-th World Comput. Congres. Dublin, 1986. Vol. 10. P. 1113–1120.

Flasinski M. Introduction to Artificial Intelligence. Switzerland: Springer International Publ., 2016. 321 p.

Goncharov S. S. Computability and Computable Models // Mathematical Problems from Applied Logic II International Mathematical Series / Eds. D. M. Gabbay, M. Zakharyaschev, S. S. Goncharov. Springer, 2007. Vol. 5. P. 99–216.

Goncharov S. S., Sviridenko D. I. Theoretical aspects of Σ-programming // Lecture Notes in Computer Science. 1986. Vol. 215. P. 169–179.

Goncharov S. S., Sviridenko D. I. Σ-programming, Transl., II. Ser. // Am. Math. Soc. 1989. Vol. 142. P. 101–121.

Kubat M. An Introduction to Machine Learning. 2 Ed.; Springer Int. Publ. AG, 2017. 348 p.

Martynovich V. V., Vityaev E. E. Recovering Noisy Contexts with Probabilistic Formal Concepts // Proceedings of the 2nd International Workshop on Soft Computing Applications and Knowledge Discovery (SCAKD 2016). Moscow, Russia, July 18, 2016. CEUR Workshop Proceedings. Vol. 1687. P. 24–35.

Ospichev S., Ponomarev D. On the Complexity of Formulas in Semantic Programming // Сибирские электронные математические известия. 2018. № 15. P. 987–995.

Papadimitriou C. H. Computational complexity. Addison-Wesley, 1994.

Vityaev E. E., Martinovich V. V. Probabilistic Formal Concepts with Negation / Eds. A. Voronkov, I. Virbitskaite. PCI 2014, LNCS 8974, 2015. P. 385–399.

Материал поступил в редколлегию 23.08.2018

S. S. Goncharov, D. I. Sviridenko

Sobolev Institute of Mathematics SB RAS
4 Koptyug Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

gonchar@math.nsc.ru; dsviridenko47@gmail.com

SEMANTIC MODELING AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE

The paper discusses the problem of solving human problems using computers. Analyzed are the advantages and disadvantages of declarative programming, including functional and logical programming, acting as an artificial intelligence tool. An alternative, model-theoretic approach to solving problems, called the semantic modeling, is described. The advantages of the proposed concept are analyzed, including the possibility of combining the axiomatic and model-theoretic approach to solving problems in a single approach, as well as the possibility of integrating on the basis of semantic modeling methods of continuous and discrete mathematics. The possibility of constructing a new, «explanatory artificial intelligence free from the drawbacks inherent in the traditional artificial intelligence, based on semantic modeling, is described.

Keywords: artificial intelligence, machine learning, semantic modeling, declarative programming, computability, model-theoretic approach.

References

Ambos-Spies K., Badaev S., Goncharov S. Inductive inference and computable numberings. *Theoretical Computer Science*, 2011, vol. 412, no. 18, p. 1652–1668.

Arora S., Barak B. *Computational Complexity*: *a Modern Approach*. Cambridge Univ. Press, 2009.

Bratko I. *Programming in the PROLOG language for artificial intelligence*. Moscow, Mir Publ., 1990. (In Russ.)

Ershov Yu. L. *Definability and Computability*. *Siberian School of Algebra and Logic*. New York, Plenum, 1996.

Ershov Yu. L. Dynamic logic over admissible sets. *Soviet. Math. Dokl.*, 1983b, vol. 28, p. 739–742.

Ershov Yu. L. The principle of Σ-enumeration. *Soviet. Math. Dokl.*, 1983a, vol. 27, p. 670–672.

Ershov Yu. L., Goncharov S. S., Nerode A., Remmel J. Introduction to the Handbook of Recursive Mathematics, Handbook of Recursive Mathematics, Vol. 1–2, Amsterdam et. al.: Elsevier. Vol. 138, Part 1, 1998, p. vii-xlvi, 40 ff.

Ershov Yu. L., Goncharov S. S., Sviridenko D. I. Semantic foundations of programming. *Lecture Notes in Computer Science*, 1987, vol. 278, p. 116–122.

Ershov Yu. L., Goncharov S. S., Sviridenko D. I. Semantic programming. *Information processing*, Proc. IFIP 10-th World Comput. Congress. Dublin, 1986, vol. 10, p. 1113–1120.

Field A., Harrison P. *Functional programming*: Trans. with English. Moscow, Mir Publ., 1993. (In Russ.)

Flasinski M. *Introduction to Artificial Intelligence*. Springer International Publ., Switzerland, 2016.

Goncharov S. S. Computability and Computable Models. *Mathematical Problems from Applied Logic II International Mathematical Series.* Dov M. Gabbay, M. Zakharyaschev, S. S. Goncharov (eds.), Springer, 2007, vol. 5, p. 99–216.

Goncharov S. S. Uslovnye termy v semanticheskom programmirovanii [Conditional terms in semantic programming]. *Siberian Mathematical Journal*, 2017, vol. 58, no. 5, p. 1026–1034. (In Russ.)

Goncharov S. S., Sviridenko D. I. Mathematical principles of semantic programming. *Doklady Akademii Nauk SSSR* [*Reports of the USSR Academy of Sciences*], 1986, vol. 289, no. 6, p. 1324–1328). (In Russ.)

Goncharov S. S., Sviridenko D. I. Rekursivnye termy v semanticheskom programmirovanii [Recursive terms in semantic programming]. CSF, 2018, vol. 59, no. 6, p. 1279–1290. (In Russ.)

Goncharov S. S., Sviridenko D. I. Theoretical aspects of Σ-programming. *Lecture Notes in Computer Science*, 1986, vol. 215, p. 169–179.

Goncharov S. S., Sviridenko D. I. Σ-programming. Transl., II. Ser., *Am. Math. Soc*., 1989, vol. 142, p. 101–121.

Henderson P. *Functional programming. Application and implementation*: Trans. with English. Moscow, Mir Publ., 1983. (In Russ.)

Huvenen E., Sepyanen I. *The World of LISP*: In 2 vols. Moscow, Mir Publ., 1990. (In Russ.)

Kubat M. *An Introduction to Machine Learning*. 2 Ed.; Springer International Publ. AG. 2017.

Logical programming. Digest of articles. V. N. Agafonov (ed.). Moscow, Mir Publ., 1988. (In Russ.)

Malpass D. R. *Relational language PROLOG and its application*. Moscow, Nauka, 1990. (In Russ.)

Malykh A. A, Mantsivoda A. V. Document modeling. *Izvestiya ISU* [*News of ISU. Series*: *Mathematics*], 2017. (In Russ.)

Martynovich V. V., Vityaev E. E. Recovering Noisy Contexts with Probabilistic Formal Concepts. *Proceedings of the 2nd International Workshop on Soft Computing Applications and Knowledge Discovery* (SCAKD 2016), Moscow, Russia, July 18, 2016. CEUR Workshop Proceedings, vol. 1687, p. 24–35.

Ospichev S., Ponomarev D. A Note on the Complexity of Formulas in Semantic Programming. Sibirskie elektronnye matematicheskie izvestiya [*Siberian Electronic Mathematical Reports*], 2018, no. 15, p. 987–995. (In Russ.)

Papadimitriou C. H. *Computational complexity*. Addison-Wesley, 1994.

Pratt T., Zelkovitz M. *Programming languages*: *development and implementation*. 4 th ed. St. Petersburg, Peter Publ., 2003. (In Russ.)

Russell S., Norvig P. *Artificial Intelligence. A Modern Approach*. Second ed.: Prentice Hall, Upper Saddle River New Jersey, 2003. 1408 p. (In Russ.)

Sterling L., Shapiro E. *The Art of Programming in the language PROLOG*. Moscow, Nauka, 1990. (In Russ.)

Sviridenko D. I., Sibiryakov V. G. TRIZ-teoriya resheniya innovatcionnyh zadach. Chast 1: [TRIZ-Theory of Innovative Problems Solution: Part 1: How to solve innovative problems: the development of the concept of innovation]. *Siberian financial school. Innovations,* 2017a, no. 3/122, p. 26–35. (In Russ.)

Sviridenko D. I., Sibiryakov V. G. TRIZ-teoriya resheniya innovatcionnyh zadach. Chast 2: Chto takoe innovatcionnaya zadacha [TRIZ-Theory of Innovation Solutions: Part 1. What is an Innovative Task]. *Siberian financial school. Management and Innovation*, 2017b, no. 4/123, p. 21–37. (In Russ.)

Teiz A., Gribomon P., Louis J. et al. *Logicheskii podhod k iskusstvennomu intellektu: ot klassicheskoi logiki k logicheskomu programmirovaniyu* [*A Logical Approach to Artificial Intelligence: from Classical Logic to Logical Programming*]. Moscow, Mir Publ., 1990. (In Russ.)

Vityaev E. E., Martinovich V. V. Probabilistic Formal Concepts with Negation. A. Voronkov, I. Virbitskaite (eds.). PCI 2014, LNCS 8974, 2015, p. 385–399.

Vityaev E. E., Martynovich V. V. Formalization of the «natural» classification and taxonomy through fixed points of predictions. *Siberian Electronic Mathematical Reports*. S. L. Sobolev Institute of Mathematics of the SB RAS, 2015, vol. 12, p. 1006–1031. (In Russ.)

Vityaev E. E., Neupokoev N. V. Formalnaya model vospriyatiya i obraza kak nepodvizhnoi tochki predvoskhishcenii [Formal model of perception

and image as a fixed point of anticipation]. *Podkhody k modelirovaniyu myshleniya* [*Approaches to the Modeling of Thinking*] (a collection edited by Doctor of Physical and Mathematical Sciences VG Redko). Moscow, URSS Editorial, 2014, p. 155–172. (In Russ.)

Vityaev V. V., Martynovich V. V. Transparent profound learning based on probabilistic formal concepts in the task of processing natural language. *Izvestiya ISU* [*News of ISU. Series*: *Mathematics*]. 2017, vol. 22, p. 31–49. (In Russ.)

Zyuzysov V. M. *Matematicheskoe vvedenie v deklarativnoe programmirovanie*: Uchebnoe posobie [*Mathematical Introduction to Declarative Programming*: a Tutorial]. Tomsk, TSU Publ., 2003. (In Russ.)

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-26-35
УДК 165.0:82

Н. В. Головко

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

golovko@philosophy.nsc.ru

Д. ДЕННЕТ И НАУЧНЫЙ РЕАЛИЗМ: ПОДТВЕРЖДЕНИЕ СЛЕДСТВИЯ И ТЕЗИС СУЩЕСТВОВАНИЯ С ПРОЕЦИРУЕМОСТЬЮ *

Цель работы – поиск аргументов против тезиса, что вывод к лучшему объяснению, связывающий научный реализм и успешность научного знания, – основной аргумент в пользу научного реализма, – является циклическим, поскольку содержит ошибку подтверждения следствия (Л. Лаудан, Б. Фраассен и др.). Рассматривается частный случай «основного аргумента» – вывод о существовании «ненаблюдаемых» объектов на основании причинного объяснения явления. Подобный аргумент является предметом так называемой «дилеммы Хичкока», требующей, чтобы содержательность вывода подтверждалась независимым аргументом в пользу существования «причины». Принятие онтологии специального вида, в нашем случае, это одна из возможных интерпретаций «тропического (rainforest) реализма» Д. Росса, позволяет построить требуемый «независимый аргумент». Паттерн не только задается как проекция, в первую очередь для того, чтобы играть функционально значимую, успешную роль в объяснении явлений в заданной области, но и «обязан содержать информацию о другом паттерне» (Дж. Лэдимен), – что и является искомым условием содержательности «основного аргумента».

Ключевые слова: вывод к лучшему объяснению, цикличность, причинное объяснение, дилемма Хичкока, проецируемость, Л. Лаудан, Д. Росс, К. Хичкок.

Это вторая статья, посвященная рецепции работы Л. Лаудана «Опровержение конвергентного реализма» [Laudan, 1981] в свете авторской интерпретации определения существования «по Д. Россу» и сопутствующей концепции «тропического (rainforest) реализма». В предыдущей статье было показано, что переход к онтологии специального вида позволяет, одновременно, и согласиться с утверждением Л. Лаудана о том, что реальная история науки не подтверждает тезис сходимости научного знания (Х. Патнэм) и дает возможность непротиворечиво по отношению к концепции научного реализма зафиксировать понимание того, что значит, что ученые «принимают науку именно такой, какая она есть», не заботясь о том, что в будущем

ISSN 2541-7517. Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 4. С. 26–35.
© Н. В. Головко, 2018

Апелляция к ошибке подтверждения следствия является традиционной попыткой показать циклический характер «основного аргумента в пользу научного реализма» – вывода к лучшему объяснению, связывающего научный реализм и успешность научного знания. Л. Лаудан отмечает: «Демонстрация того, что теория имеет истинные следствия, оставляет открытым вопрос об истинности самой теории. Значительная часть не-реалистов является не-реалистами именно потому, что они убеждены, что ложные теории, так же как и истинные, могут иметь истинные следствия» [Laudan, 1981. P. 45]. У нас есть основания согласиться с Л. Лауданом. В самом простом виде «основной аргумент» можно переписать так: (1) «Если теоретически объекты, которые постулирует теория, существуют, то теория эмпирически успешна»; (2) «Теория эмпирически успешна»; значит (3) «Теоретические объекты, постулированные теорией, существуют». Примечательно то, что скептицизм в отношении данного абдуктивного вывода, по мнению Л. Лаудана, также является следствием допущения возможности эмпирически эквивалентного описания: «По крайней мере, со времен Аристотеля каждый хрестоматийный “ученик” знал, что утверждение с истинными следствиями (entailments) может быть ложным. Это, в свою очередь, рассматривалось большинством мыслителей как аргумент в пользу того, что наличие истинных подтверждений теории не является определяющим признаком ее истинности. …По-настоящему решающее значение для принятия скептицизма сыграло *возникновение*, сначала в рамках астрономии, а затем в рамках других теоретических наук, *противоречащих друг другу* (contrary) *теорий*, *которые были предположительно эквивалентны в отноше-*

объекты их успешных научных теорий будут отброшены (аргумент пессимистической метаиндукции) (см.: [Головко, 2018]). В центре внимания этой статьи – еще один скептический аргумент против научного реализма, утверждающий, что вывод к лучшему объяснению, связывающий научный реализм и успешность научного знания, является одной из форм ошибки подтверждения следствия. Примечательно, что в отмеченной работе Л. Лаудан нигде не упоминает о том, можно ли считать его позицию принадлежащей так называемой «натуралистической» (У. Куайн, М. Девитт и др.) философии. В то же время он неоднократно подчеркивает необходимость именно «эмпирического отношения к оценке эпистемических утверждений» (см., например: [Laudan, 1981. P. 19]). Именно история науки является для Л. Лаудана основным критерием проверки представлений об «эпистемическом реализме». В этом смысле наш перенос рассуждений Л. Лаудана в рамки натурализованной метафизики (см.: [Головко, 2010; 2011]) может быть оправдан тем, что и рассуждения Л. Лаудана, и авторская интерпретация существования «по Д. Россу», – это последовательно натуралистические проекты.

нии [имеющихся] *наблюдений*, по отношению к любому возможному набору данных» (курсив автора. – *Н. Г.*) [Laudan, 1978. P. 248].

Приведенные сомнения в обоснованности вывода к лучшему объяснению, связывающего научный реализм и успешность научного знания, – это канонический пример проблемы, предполагаемое решение которой существенным образом зависит от того, как и на каких концептуальных основаниях мы будем ее интерпретировать [1]. К сожалению, фиксированный объем статьи не дает возможности в полной мере раскрыть контекст, в рамках которого мы рассматриваем «основной аргумент», в частности: (а) тезис о том, что постановка проблемы научного реализма не зависит от того, как мы понимаем объяснение и другие «сопутствующие» эпистемологические и семантические понятия (причинность, обоснование, подтверждаемость, истинность и т. д.) (М. Девитт); и (б) тезис о том, что определение существования «по Д. Россу», как частная интерпретация концепции реальных паттернов Д. Деннета, предложенная с целью получения фундаментальной концепции существования, является достаточно универсальным, в том смысле, что отдельным «частям» этого определения можно придавать альтернативные интерпретации, которых не было у Д. Росса, и при этом не нарушать общую «логику определения», которой придерживается сам Д. Росс. Существенным для нас также будет то, что мы, не нарушая общности рассуждений, будем рассматривать частный случай постановки «основного аргумента» – как вывод, условно, от имеющихся эмпирических данных к существованию «ненаблюдаемых» объектов, и, в данном случае, будем понимать «успешность теории» строго в свете представления об успешности «причинного объяснения», которое эта теория предлагает, постулируя существование этих «ненаблюдаемых» объектов. Наш аргумент в пользу обоснованности вывода к лучшему объяснению (1) – (3) заключается в том, что при определенных условиях

[1] В частности, можно вспомнить целый ряд классических попыток защитить «основной аргумент», которые опираются на далеко не самые очевидные предположения. Например, Дж. Смарт использует понятие «априорного интуитивного предпочтения реализма перед инструментализмом», Г. Максвелл – байесианский подход, Р. Бойд – понятие объяснительной силы, Д. Папино – различение между «состоявшейся» и «недостаточно зрелой» науками, С. Псиллос – различением между абдуктивными выводами «циклическими относительно правил» и «циклическими относительно посылок», и т. д. В этом смысле наша интерпретация вывода к лучшему объяснению в контексте «причинного объяснения», о которой речь пойдет ниже, является именно таким, авторским, элементом реконструкции более общей проблемы, по отношению к которой Л. Лаудан рассматривает классический же скептический аргумент.

(в частности, приняв онтологию специального вида – в нашем случае, это одна из возможных интерпретаций «тропического (rainforest) реализма» Д. Росса) мы можем привести дополнительные, независящие от интерпретации понятия «успешность», соображения в пользу соответствующим образом проинтерпретированного заключения (3) и тем самым, в определенном смысле, – не согласиться с Л. Лауданом, что «основной аргумент» имеет порочный циклический характер.

Дилемма Хичкока

Работа К. Хичкока «Причинное объяснение и научный реализм» [Hitchcock, 1992] примечательна не только разбором каноничных для большинства научных реалистов и антиреалистов точек зрения Н. Картрайт (ее различение между теоретическим и причинным объяснением, между фундаментальными и феноменологическими законами и т. д.) и Б. Фраассена (его селективный скептицизм в отношении «ненаблюдаемого», отрицание особого онтологического статуса причинного объяснения и т. д.) и интересными примерами (демонстрация того, что причинное объяснение отношения неопределенности в квантовой механике нарушает сложившееся общее представление о том, что принятие причинного объяснения по определению влечет убежденность в истинности предполагаемого этим объяснением описания), но и одним рассуждением (лишь косвенно относящимся непосредственно к основной цели статьи), которое впоследствии получило название «Дилемма Хичкока». Рассмотрим следующий вывод: «(1') *Q*; (2') *P* объясняет *Q*; значит (3') *P*», который традиционно принимается как вывод к существованию «ненаблюдаемых» объектов (см., например: [Glymor, 1984]). Следуя К. Хичкоку, «...защитники вывода к лучшему объяснению стоят перед дилеммой: чтобы принять посылку "P причинно объясняет (causally explains) Q", необходимо: (i) иметь независимые основания того, что причина существует; либо (ii) принять вывод, опираясь на описание причинного отношения (causal story), но тогда будет нужен еще один аргумент, уже в пользу того, что сам вывод является правильным (valid)» [Hitchcock, 1992. P. 162–163]. В реалистском смысле, «объяснение» – это, прежде всего, указание на причины явления, раскрывающее истинную структуру реальности (см., например: [Salmon, 1984]). В этом смысле «истинность», как соответствие положению дел, является необходимым условием для реалистской интерпретации причинного объяснения. А значит, для научного реалиста, для того, чтобы вывести существование «ненаблюдаемых» объектов, недостаточно просто «правильно-

сти» (в смысле «valid») вывода к лучшему объяснению, необходимо, чтобы этот вывод был «содержательным» (в смысле «sound»). Именно об этом говорит «дилемма», – недостаточно просто принять описание причинного отношения (causal story), тем более, что в этом случае могут быть сомнения в правильности вывода (о чем, например, и говорит Л. Лаудан), научный реалист должен иметь независимые аргументы в пользу существования объектов, которые делают это «причинное объяснение» истинным. К. Хичкок отмечает: «Мы не можем принять причинное объяснение, что мое лимонное дерево выглядит плохо именно в силу переизбытка воды, до тех пор пока мы не обнаружим воду в подставке под горшок. Сам факт, что вода в подставке объясняет состояние дерева, не может объяснить наличия там [в подставке] воды, ибо мы должны иметь [независимые] аргументы в пользу наличия воды в подставке, если мы собираемся принять предлагаемое объяснение состояния дерева» [Hitchcock, 1992. P. 161]. Возвращаясь к проблеме циклического характера «основного аргумента в пользу научного реализма», поставленной Л. Лауданом, можно отметить, что, теоретически, может существовать такая версия научного реализма, в которой вывод (1) – (3) будет именно содержательным, поскольку мы сможем привести независимый аргумент в пользу заключения (3), понимаемого в данном случае как утверждение о «причине» в контексте приведенного вывода (1') – (3').

Существование с проецируемостью и независимый аргумент в пользу вывода к лучшему объяснению

В качестве исходного пункта предполагаемой хорошей версии научного реализма рассмотрим концепцию «тропического (rainforest) реализма» Д. Росса: «Существовать – значит быть реальным паттерном; паттерн является реальным, если (i) он может быть проекцией (projectible) относительно, по крайней мере, одной физически возможной перспективы; (ii) он содержит [нетривиальную] информацию относительно, по крайней мере, одной структуры события или об объекте *S*. При этом эта информация (закодированная в теоретико-информационных терминах) является более продуктивной (efficient), чем тривиальное представление (bit-map encoding) *S*, в том смысле, что в рамках заданной проекции, отвечающей выбранной физически возможной перспективе, существует такой аспект *S*, который невозможно было бы обнаружить (track), если бы данная перспектива не была бы зафиксирована» [Ross, 2000. P. 161]. Не вдаваясь достаточ-

но детально в содержания используемых здесь Д. Росссом понятий «проекция», «физически возможная перспектива» и «не-тривиальность содержания паттерна» в приведенном определении, следует все же иметь в виду, что он некритически использовал соответствующие представления Г. Рейхенбаха (см.: [Reichenbach, 1938]). Имеет также смысл привести одно из уточнений к определению Д. Росса, на котором настаивает Дж. Лэдимен: «Первую часть условия (ii): "[претендующий на то, чтобы быть реальным] паттерн содержит [нетривиальную] информацию относительно, по крайней мере, одной структуры события или об объекте *S*", нужно заменить на: "содержит информацию относительно, по крайней мере, одного паттерна *P*"» [Ladyman et al., 2007. P. 230] [2]. Чуть выше он пишет: «О чем же собственно несет информацию реальный паттерн? Ответ может быть только один: относительно *других* реальных паттернов» (курсив мой. – *Н. Г.*) [Ibid. P. 227]. Именно так, для того, чтобы паттерн получил статус «реального», он должен содержать информацию не столько о своей внутренней структуре, сколько о *другом* паттерне, именно поэтому в новой трактовке первой части условия (ii) появляется «паттерн *P*». «Рассмотрим пример, – множество кривых, которые можно провести по соответствующему множеству точек, отражающему состояния котировок акций на фондовом рынке. Любая из этих кривых обозначает паттерн. Однако работающий финансовый аналитик хотел бы знать, какая из этих кривых может быть достоверным образом продолжена вперед (reliable projected forward), – какую можно обобщить с целью анализа ненаблюдаемых данных… В этом смысле, не-проецирующий (non-projectible) паттерн, заданный на конечном множестве данных, является парадигмальным примером химеры, – эпистемически бесполезный, потому что не реальный» [Ibid. P. 228, 230]. На наш взгляд, именно эта, подчеркиваемая Дж. Лэдименом черта «реального паттерна» – в обязательном порядке содержать информацию относительно (быть носителем) *другого* паттерна, – и является необходимым условием содержательности вывода (1) – (3), понимаемого в контексте постановки (1') – (3').

С точки зрения Л. Лаудана, «успешность теории» – это прагматическое понятие, которое отражает то, насколько хорошо теория работает и применяется: «делает ли теория корректные предсказания, насколько широка область явлений, которые объясняет теория» [Laudan, 1981. P. 23]. В этом смысле, для того, чтобы перенести содержание

[2] Более детально интерпретация концепции «существования с проецируемостью» и, в частности, перехода от «определения Д. Росса» к «определению Дж. Лэдимена» дана в работах: [Головко, 2016] и [Карпович, Головко, 2016].

вывода (1) – (3), который рассматривает Л. Лаудан, в тот контекст, в котором его можно рассматривать с точки зрения рассуждений К. Хичкока, нам достаточно ограничить «успешность» Л. Лаудана представлением об «успешности причинного объяснения». Соответственно, угроза существования «альтернативных эмпирических описаний», о которых говорит Л. Лаудан, трансформируется в представление о существовании различных «причинных объяснений», предполагающих существование разных «ненаблюдаемых» объектов и своих «причинных историй». Примечательно то, что К. Хичкок, анализируя позицию Н. Картрайт, приводит пример того, как следовало бы рассуждать, для того чтобы зафиксировать содержательность вывода (1') – (3'): «Картрайт согласна, что нельзя заключать об истинности причинного отношения опираясь только на его [отношения] описание. Для этого нужно исключить все возможные альтернативные причинные описания… Подобный подход не исключает дилемму, но, по крайней мере, постулирует необходимость поиска независимых аргументов в пользу анализируемого причинного описания» [Hitchcock, 1992. P. 163]. На наш взгляд, то, насколько хорошо «работает» паттерн в причинной объясняющей схеме, которая предполагает существование данного паттерна, является ни чем иным, как индикатором успешности данного «причинного описания» (в смысле «causal story»). Независимым аргументом в пользу существования паттерна, в каком-то смысле повторяющим рассуждения Н. Картрайт, а также иллюстрирующим «независимые основания того, что причина существует» К. Хичкока, будет требование «содержания внутри паттерна информации о *другом* паттерне», которое, по сути, и является главным фактором, ограничивающим произвольность в выборе паттерна и наличие «альтернативных» паттернов. Согласно определению Дж. Лэдимена, условие «необходимости существования второго паттерна» является необходимым условием существования «реального» паттерна, достаточным условием существования которого, кроме прочего, является функциональная значимость и успешность паттерна в объяснении явлений. В данном случае, независимость «необходимого условия», а значит, и содержательность в конечном счете вывода (1) – (3), опираются на представление о том, что «второй паттерн», информацию о котором должен содержать паттерн, является в собственном смысле слова независимым от «первого», конечно, с учетом принятых ограничений на понимание «проецируемости», условно, порождающей «первый» и «второй» паттерны.

Список литературы

Головко Н. В. Натуралистический поворот: первичность метафизики // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2010. Т. 8, вып. 4. С. 33–38.

Головко Н. В. Натуралистический поворот: современная наука и метафизика // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2011. Т. 9, вып. 3. С. 30–36.

Головко Н. В. Натуралистический поворот: Научная метафизика, Д. Деннет и Д. Росс // Сиб. филос. журн. 2016. Т. 14, № 4. С. 5–17.

Головко Н. В. Д. Деннет и научный реализм: Пессимистическая мета-индукция и аргумент от ошибки // Сиб. филос. журн. 2018. Т. 16, № 3. С. 49–60.

Карпович В. Н., Головко Н. В. Логическая глубина и проецируемость как основания для онтологического научного реализма // Сиб. филос. журн. 2016. Т. 14, № 4. С. 43–57.

Glymor C. Explanation and Realism / Ed. by J. Leplin // Scientific Realism. Berkeley, CA: University of California Press, 1984. P. 173–192.

Hitchcock C. Causal Explanation and Scientific Realism // Erkenntnis. 1992. Vol. 37. No. 2. P. 151–172.

Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J. Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007.

Laudan L. Ex-Huming Hacking // Erkenntnis. 1978. Vol. 13. No. 3. P. 417–435.

Laudan L. A Confutation of Convergent Realism // Philosophy of Science. 1981. Vol. 48. P. 19–49.

Reichenbach H. Experience and Prediction: An Analysis of the Foundations and the Structure of Knowledge. Chicago, Ill: University of Chicago Press, 1938.

Ross D. Rainforest Realism: A Dennettian Theory of Existence / Eds. A. Brook, D. Ross, D. Thompson // Dennett's Philosophy: A Comprehensive Assessment. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.

Salmon W. Scientific Explanation and the Causal Structure of the World. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1984.

Материал поступил в редколлегию 18.09.2018

N. V. Golovko

Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

golovko@philosophy.nsc.ru

D. DENNETT AND SCIENTIFIC REALISM: AFFIRMING THE CONSEQUENT AND THE EXISTENCE DIMENSION WITH PROJECTABILITY

The paper aims to look for the arguments against the tenet that the inference to the best explanation that connects the scientific realism and the success of scientific knowledge, and that is coined as the Main argument for the scientific realism, is circular for it contains the affirming the consequent fallacy (L. Laudan, B. Van Fraassen, etc.) A special case of the «Main argument» is considered – the inference to the existence of unobservables on the basis of the causal explanation of the phenomenon. Such an argument is the subject of the so-called Hitchcock Dilemma, which requires that for the inference to be sound it must be accompanied by an independent argument in favor of the existence of a «cause». The adoption of a special kind of ontology – in our case, it is one of the possible interpretations of D.Ross's rainforest realism, makes it possible to construct the required «independent argument». A pattern is not only defined by the projection relation, first of all, in order to play a functionally significant and successful role in explaining phenomena within a given area, but it also «must contain information about another pattern» (J. Ladyman), which is the exact the «independent condition» we are looking for to prove the soundness of the «Main argument».

Keywords: inference to the best explanation, circularity, causal explanation, Hitchcock Dilemma, projection, L. Laudan, D. Ross, K. Hitchcock.

References

Golovko N. Naturalisticheskii povorot: Pervichnost metafiziki [Naturalistic Turn: Putting Metaphysics First]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series*: *Philosophy*, 2010, vol. 8, no. 4, p. 33–38. (In Russ.)

Golovko N. Naturalisticheskii povorot: Sovremennaya nauka i metafizika [Naturalistic Turn: Contemporary Science and Metaphysics].

Vestnik of Novosibirsk State University. Series: *Philosophy*, 2011, vol. 9, no. 3, p. 30–36. (In Russ.)

Golovko N. Naturalisticheskii povorot: Nauchnaya metafizika, D. Dennett i D. Ross [Naturalistic Turn: Naturalistic Metaphysics, D. Dennett, and D. Ross]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2016, vol. 14, no. 3, p. 5–17. (In Russ.)

Golovko N. D. Dennett i nauchnyi realism: Pessimisticheskaya meta-induktsiya i argument ot oshibki [D. Dennett and Scientific Realism: Pessimistic Meta-Induction and the Argument From Error]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2018, vol. 16, no. 3, p. 49–60. (In Russ.)

Glymor C. Explanation and Realism. J. Leplin (ed.) *Scientific Realism*. Berkeley, CA, University of California Press, 1984, p. 173–192.

Hitchcock C. Causal Explanation and Scientific Realism. *Erkenntnis,* 1992, vol. 37, no. 2, p. 151–172.

Karpovich V., Golovko N. Logicheskaya glubina i proetsiruemost kak osnovaniya dlya ontologicheskogo nauchnogo realisma [Logical Depth and Projectability As Foundations for Ontological Scientific Realism]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2016, vol. 14, no. 4, p. 43–57. (In Russ.)

Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J. *Every Thing Must Go*: *Metaphysics Naturalized*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2007.

Laudan L. Ex-Huming Hacking. *Erkenntnis*, 1978, vol. 13, no. 3, p. 417–435.

Laudan L. A Confutation of Convergent Realism. *Philosophy of Science,* 1981, vol. 48, p. 19–49.

Reichenbach H. *Experience and Prediction: An Analysis of the Foundations and the Structure of Knowledge*. Chicago, Ill, University of Chicago Press, 1938.

Ross D. Rainforest Realism: A Dennettian Theory of Existence. In A. Brook, D. Ross, D. Thompson (eds.) *Dennett's Philosophy*: *A Comprehensive Assessment*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.

Salmon W. *Scientific Explanation and the Causal Structure of the World*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1984.

УДК 165.0
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-36-45

С. Е. Овчинников

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 6300090, Россия

step.ovch@gmail.com

НАУЧНАЯ ОБЪЕКТИВНОСТЬ И ЭВОЛЮЦИОННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

Рассматривается роль аналогии между адаптированным организмом и научной теорией в дискуссии об объективности познания. Приводится критика существующих подходов к научной объективности, которые основаны на данной аналогии. Анализ понятия адаптации показывает, что адаптационная аналогия не может быть использована в качестве критерия объективности научной теории, но и не свидетельствует против объективности суждений восприятия. Таким образом, можно сформулировать новое понятие объективности как регулятивной идеи в процессе отбора теорий, которые опираются на суждения восприятия.

Ключевые слова: объективность, эволюционная эпистемология, эволюция эпистемических механизмов, адаптация, интуиция.

К. Поппер, один из основоположников эволюционной эпистемологии, выразил ее суть в следующих тезисах: «Специфически человеческая способность познавать, как и способность производить научное знание, являются результатом естественного отбора» [2000a. С. 58] и «Эволюция научного знания представляет собой в основном эволюцию в направлении построения все лучших теорий. Это – дарвинистский процесс. Теории становятся лучше приспособленными благодаря естественному отбору. Они дают нам все лучшую и лучшую информацию о действительности. Они все больше и больше приближаются к истине» [Там же. С. 70]. Идеи К. Поппера, связанные с использованием естественного отбора в эпистемологии (как в качестве аналогии, так и непосредственно), положили начало двум проектам, которые М. Брэди называет «эволюцией эпистемических механизмов» и «эволюционной эпистемологией науки» [Bradie, 1986]. Первый

ISSN 2541-7517. Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 4. С. 36–45.
© С. Е. Овчинников, 2018

подразумевает оправдание достоверности восприятия путем анализа эволюционного происхождения когнитивных механизмов. Целью второго является описание роста научного знания «при помощи моделей и метафор, взятых из эволюционной биологии» [Ibid. P. 403]. В рамках каждого из проектов сформировался свой способ использования понятия объективности. В эволюционной эпистемологии науки речь идет об объективности научной теории, которая, по мнению К. Поппера, достигается при помощи критического отбора: «Научная объективность – это не дело отдельных ученых, а социальный результат взаимной критики…» [2000б. С. 305]. В проекте, анализирующем эволюцию эпистемических механизмов, речь идет об объективности суждений восприятия, которая достигается путем естественно-научного исследования субъекта познания: «Среди философов, чуждых биологическому мышлению, широко распространено заблуждение, будто освободиться от всего личного, субъективного и возвыситься до уровня объективных суждений позволяет нам одна лишь "воля к объективности". На самом деле для этого необходимо естественно-научное понимание когнитивных процессов, происходящих внутри познающего субъекта» [Лоренц, 1998. С. 332]. По нашему мнению, взятые по отдельности, оба понимания объективности имеют существенные недостатки. К. Поппер ограничивает объективность науки лишь принципиальной критикуемостью теорий, и так как предлагаемый им способ отбора теорий (метод проб и ошибок) не обеспечивает сходимость к истине [Решер, 2000], то стирается граница между научным знанием и ненаучными утверждениями. К. Лоренц справедливо использует естественный отбор для оправдания объективности суждений восприятия, но не осуществляет перехода от индивидуального восприятия к объективности научной теории. Таким образом, из того, что теории подвержены «естественному отбору», непосредственно не следует их объективность, а изучение когнитивных процессов человека имеет лишь косвенное влияние на формирование научных теорий.

На наш взгляд, объективность научной теории является не результатом отбора, а главным его критерием, т. е. выступает в роли регулятивной идеи. В процессе отбора выживает только теория, которая соответствует действительности в большей степени, чем другие. В свою очередь, задача естествознания, о которой говорит К. Лоренц, показать, что эпистемические механизмы человека позволяют использовать объективность как регулятивный критерий. В таком случае на вопрос М. Брэди: «в какой мере эволюционная эпистемология

является эволюционной, а в какой эпистемологией?» [Bradie, 1986. P. 402], можно ответить: «в равной».

Критика адаптационной аналогии в философии К. Поппера

Для традиционной философии характерно отождествление объективности знания с отсутствием субъективных искажений. К. Поппер отмечает, что это общее место и в рационализме Р. Декарта, и в эмпиризме Ф. Бэкона: «Учение о проявленности истины вынуждает нас объяснять возможность заблуждения. Само по себе знание, обладание истиной не требует объяснения. Но как можно ошибаться, если истина очевидна? Ответ: благодаря нашему собственному греховному нежеланию увидеть очевидную истину вследствие зараженности нашего мышления предрассудками» [Поппер, 2008. С. 12]. Систематическое сомнение и освобождение от идолов суть процедуры отделения науки от субъективного влияния, но «всем нам известно, что истину часто трудно обнаружить, и даже когда она найдена, ее вновь легко потерять» [Там же. С. 13]. Таким образом, в рамках концепции К. Поппера, дело не в том, чтобы освободиться от субъективных искажений, а в том, чтобы выявить метод, ведущий к истине. В качестве такого метода он предлагает эволюционную эпистемологию, использующую аналогию с биологической эволюцией для описания процесса развития теоретического знания.

К. Поппер полагает источником объективности критический отбор теорий, т. е. адаптационную аналогию, которая заключается в том, что в рамках научного поиска осуществляется элиминация неприспособленных теорий, а выживают лишь объективные: «В результате взаимодействия между нами и третьим миром происходит рост объективного знания, и существует тесная аналогия между ростом знания и биологическим ростом, то есть эволюцией растений и животных» [Поппер, 2002. С. 116].

На это можно привести ряд возражений. Во-первых, эволюционная эпистемология науки была сконструирована К. Поппером как теория, объясняющая рост научного знания. Центральной частью этой эпистемологии является метод проб и ошибок. Схема роста знания представляет собой эволюцию проблемной ситуации посредством критики пробных решений: P1=> TT=> EE=> P2, где P1 – изначальная проблемная ситуация, TT – пробная (временная) гипотеза, EE – устранение ошибок, P2 – новая проблемная ситуация [Там же]. И если в части проб действительно существует совпадение между те-

ориями и организмами (так как и те, и другие возникают в результате «слепых» вариаций), то в части способа регистрации ошибок аналогия используется лишь как иллюстрация. К. Лоренц демонстрирует одно из важнейших отличий между теориями и организмами: «между способом действия генома, который непрерывно ставит эксперименты, сталкивает их результаты с действительностью и сохраняет пригодное, и способом действия человека, стремящегося к научному знанию, имеется лишь одно различие, которое, однако, часто оказывается очень важным: геном учится только на своих успехах, а человек-исследователь также и на своих ошибках!» [1998. С. 356]. Во-вторых, не ясно, каким образом процесс исключения ошибок в общем случае приводит к истине, так как «это, очевидно, применимо лишь к теории с ограниченными возможностями. Можно исключать бесконечное число возможных решений проблемы, скажем, все нечетные целые числа в качестве решений диофантовой проблемы, настоящим решением которой является число восемь, – нисколько не приближаясь при этом к истине» [Решер, 2000. С. 213]. Предлагаемый К. Поппером метод проб и ошибок не гарантирует сходимости к наиболее объективной научной теории и отсутствие ошибок. Третье возражение состоит в том, что приспособленность организма может достигаться разными способами и в разной мере, а научная теория претендует на единственно возможное объяснение. Организму достаточно иметь «минимальную» степень приспособленности для выживания, от теории же требуется «максимальная». Последнее возражение состоит в том, что наука, в отличие от естественного отбора, является искусственным процессом. Ее успех и неудачи определяются принятыми в сообществе критериями, и объективность – главный из них. Более того, в рамках адаптационной аналогии можно ответить на вопрос «почему у нас есть успешные теории?», но на самом деле требуется объяснить «почему данная теория успешна?» [Park, 2014. P. 264]. Развитие научной теории определяется не только ее «приспособленностью» к решению конкретной задачи, но и нормативными критериями, такими как простота или согласованность с другими теориями, и, следовательно, аналогия между теорией и организмами может быть использована в эволюционной эпистемологии лишь с оговорками.

Объективность суждений восприятия как результат естественного отбора

Программа К. Лоренца, предполагающая «естественнонаучное понимание когнитивных процессов» [1998. С. 332], как необходимое

условие объективности сталкивается с критикой восприятия: теории опираются на восприятия, которые, в свою очередь, определяются специфически человеческими эпистемическими механизмами. Последние развивались эволюционно, при этом цель эволюции – выживание и репродукция генов, т. е. адаптация, а не объективность. Таким образом, вопрос, как индивидуальные субъективные восприятия могут стать основой для выдвижения объективной научной теории в рамках теории Лоренца, не имеет ответа.

Рассмотрим последовательно три стратегии решения этой проблемы. Первая стратегия предполагает отказ от восприятий как источников объективности и соответствует позиции К. Поппера в его полемике с логическим позитивизмом. В рамках последнего существенной частью объективности знания являются «конечные основания», т. е. наблюдения и факты. Для К. Поппера объективность достигается только при помощи критического рассмотрения, а «конечные основания» отвергаются по соображениям принципиальной погрешимости знания. Аргумент К. Поппера против позитивизма заключался в том, что «факты и наблюдения определяются структурой теории» [Freeman, Skolimowski, 1974. P. 475], а не являются независимыми концептуальными единицами знания, что, в свою очередь, позволило Т. Куну подняться на более высокий уровень абстракции и заключить, что теории зависят от парадигм [Ibid.].

Вторая стратегия предполагает доказательство связи между адаптацией организма и объективностью. М. Влерик считает, что такое доказательство подразумевало бы следующие проблемные посылки: «Эпистемические механизмы приспособлены к условиям среды оптимальным образом» и «Оптимальное приспособление тождественно объективному отражению реальности» [Vlerick, 2012. P. 54]. Хотя определение оптимального приспособления не устоялось в философской дискуссии, можно предположить, что в данном контексте оно означает некоторую идеальную выживаемость, т. е. невозможность ситуации, когда организм погибнет в своей среде из-за ошибки, связанной с восприятием. Ясно, что в такой интерпретации, по крайней мере, вторая посылка не выполняется. Если из выживания организма можно заключить, что его эпистемические механизмы приспособлены к среде оптимально, то оптимальность приспособления не тождественна объективности восприятия. Естественный отбор, например, органов зрения корректирует не точность регистрации длин волн, а то, насколько они способствуют процветанию вида, т. е. связь между объективным отражением реальности и выживанием не очевидна. Представим, что абсолютное большинство насекомых окрашивается

в яркие цвета для того, чтобы выдавать себя за ядовитых, не будучи таковыми. Тогда птицам, которые этими насекомыми питаются, выгоднее вообще не различать цвет. Таким образом, адаптация, рассматриваемая как способность к выживанию в определенной среде, не тождественна объективному знанию о ней. Более того, эпистемический механизм может представляться «злым демоном» [Декарт, 1994], который искажает познание.

В качестве третьей стратегии, которая будет развита далее, можно предложить более детальный анализ связи между выживанием и восприятием, а также роли восприятий в объективности научного познания.

Связь между выживанием и объективностью суждений восприятия

Связь между выживанием организма (т. е. его поведением) и работой эпистемических механизмов не является непосредственной [Kitcher, 1993]. С одной стороны, единицей естественного отбора являются гены, а не эпистемические механизмы, а с другой – выживание является результатом адаптации организма к среде в целом. Более того, термин «адаптация» может быть истолкован различными способами в зависимости от того, к чему применяется. Адаптация эпистемического механизма – это способность к взаимодействию с определенным аспектом среды с целью познания. Адаптация организма – это способность выживать в среде. Адаптационистская критика восприятия, как правило, не проводит данного различения и отождествляет адаптацию эпистемического механизма и выживание организма. Для прояснения этого проведем разделение процесса работы эпистемического механизма на этапы.

На первом этапе органы чувств взаимодействуют с определенным аспектом среды, т. е. получают информацию. Так, например, для зрения данный этап состоит во взаимодействии глаза со световыми волнами определенной длины. На следующем этапе в результате обработки полученной информации формируется восприятие. Для зрения это зрительное поле. Два данных этапа объединяются под названием «интуиция», главной характеристикой которой является автоматическое осуществление. Но интуиция сама по себе не может приводить к выживанию, так как не является единственной составляющей поведения. Помимо механизмов восприятия, так же должен существовать механизм принятия решений или интерпретации, от работы которого будет зависеть поведение организма. К. Поппер называет этот ме-

ханизм «управляющей структурой» [2002. С. 258]. Данный механизм, во-первых, имеет дело сразу со всеми интуициями, а во-вторых, как в случае человека, обладает культурными особенностями. Таким образом, не существует непосредственной связи между эпистемическим механизмом и поведением, следовательно, адаптация организма в целом не может быть ни источником объективности восприятия, ни указывать на его необъективность.

Связь между субъективностью восприятия и объективностью научной теории

Для прояснения того, как восприятия помогают отбирать теории по степени объективности, будем отталкиваться от стандартной критики восприятия. В качестве примера рассмотрим позицию П. Дюгема: «...абстрактные понятия – интенсивность звука, высота, тембр – представляют только для нашего ума общие признаки слуховых восприятий. Они знакомят его со звуком таким, каким он является по отношению к нам, но не таким, какой он есть сам по себе, в звучащих телах. Задача акустических теорий – познакомить нас с действительностью, по отношению к которой наши ощущения являются только чем-то внешним, наружным, скрывающим ее от нас. Они учат нас, что там, где наши восприятия улавливают только это проявление, которые мы называем звуком, в действительности имеется колебательное движение…» [2007. С. 10]. Но если, в соответствии с материалистическим подходом, принять, что единственным свойством материи является движение, то не существует никакого звука «самого по себе», который мог бы быть отражен нашим эпистемическим механизмом. Следовательно, роль восприятия в научном поиске состоит в корректности регистрации изменений или отношений между объектами в окружающем мире [Рассел, 2001], а не в корректности определения «истинной природы» вещей. Корректность регистрации подтверждается тем, что человек обладает способностью сравнивать результаты работы разных эпистемических механизмов, а также результаты работы одного и того же механизма в разные моменты времени. Более того, из теории биологической эволюции следует, что механизмы восприятия развивались независимо друг от друга, так как возникли на разных этапах эволюционной истории. Таким образом, объективность человеческих интуиций проистекает из согласованности изменений в различных восприятиях. Ощущение тепла будет усиливаться вместе с уменьшением расстояния между рукой и горячим телом. Невероятно, что искажение реальности не только было бы постоянным,

но и одинаковым для разных независимых эпистемических механизмов.

Эмпирическая наука формирует предположения относительно реальности, и любое ее утверждение в конечном счете опирается на некоторую интуитивную очевидность. Даже ненаблюдаемые непосредственно (так как не существует соответствующего эпистемического механизма) явления, например электромагнитные волны, описываются с помощью интуитивно понятных механических моделей. Имея соответствующие знания об эпистемических механизмах человека (К. Лоренц называет это «теорией аппаратуры»), можно составить иерархию теорий по степени их соответствия интуициям, т. е. по объективности.

Таким образом, научные теории объективны не потому, что «выжили» в результате отбора, а потому, что критерием отбора является объективность теории. Применить такой критерий мы можем, так как теории опираются на восприятия, полученные с помощью эпистемических механизмов. При этом эволюционное происхождение эпистемических механизмов не свидетельствует против объективности суждений восприятия, потому что связь между выживанием организма и работой этих механизмов опосредована.

Список литературы

Декарт Р. Размышления о первой философии. М.: Мысль, 1994.

Дюгем П. Физическая теория. Ее цель и строение. М.: КомКнига, 2007.

Лоренц К. Оборотная сторона зеркала. Опыт естественной истории человеческого познания. М.: Республика, 1998.

Поппер К. Предположения и опровержения. М.: АСТ, 2008.

Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002.

Поппер К. Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 2000а. С. 58–74.

Поппер К. Логика социальных наук // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 2000б. С. 299–315.

Рассел Б. Проблемы философии. Новосибирск: Наука, 2001.

Решер Н. Пирс, Поппер и методологический поворот // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 210–221.

Bradie M. Assessing Evolutionary Epistemology // Biology and Philosophy. 1986. Vol. 1, No. 4. P. 401–459.

Freeman E., Skolimowski H. The Search for Objectivity in Peirce and Popper // The Philosophy of Karl Popper. Illinois: Open Court Publ. Co, 1974. P. 464–519.

Kitcher P. The Advancement of Science: Science without Legend, Objectivity without illusions. New York: Oxford Univ. Press, 1993.

Park S. On the evolutionary defense of scientific antirealism // Axiomathes. 2014. Vol. 24, No. 2. P. 263–273.

Vlerick M. Darwin's doubt – Implications of the theory of evolution for human knowledge. Stellenbosch, 2012.

Материал поступил в редколлегию 03.09.2018

S. E. Ovchinnikov

Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

step.ovch@gmail.com

SCIENTIFIC OBJECTIVITY IN THE LIGHT OF EVOLUTIONARY EPISTEMOLOGY

The paper considers the role of analogy between a well-adapted organism and scientific theory in the discussion about the objectivity of knowledge. The criticism of existing approaches based on this analogy is offered. The analysis of the concept of adaptation shows that this concept cannot be used as a criterion for the objectivity of scientific theory, but also does not refute the objectivity of perception judgments. Thus, one can formulate a new concept of objectivity as a normative idea in the process of selection of theories, which are based on perception judgements.

Keywords: objectivity, evolutionary epistemology, evolution of epistemic mechanisms, adaptation, intuition.

References

Descartes R. *Razmyshleniya o pervoi filosofii* [*Meditations on First Philosophy*]. Moscow, Mysl' Publ., 1994. (In Russ.)

Duhem P. *Fizicheskaya teoriya*: *ee tsel' i stroenie* [*The Aim and Structure of Physical Theory*]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. (In Russ.)

Lorenz K. Oborotnaya storona zerkala. Opyt estestvennoi istorii chelovecheskogo poznaniya [The reverse side of the mirror. Experience the natural history of human cognition] [Behind the mirror]. Moscow, Respublika Publ., 1998. (In Russ.)

Popper K. *Predpolozheniya i oproverzheniya* [*Conjectures and refutation*]. Moscow, AST Publ., 2008. (In Russ.)

Popper K. *Ob'ektivnoe znanie. Evolyutsionnyi podhod* [*Objective Knowledge. An Evolutionary Approach*]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002. (In Russ.)

Popper K. Evolyutsionnaya Epistemologiya [Evolutionary Epistemology]. *Evolutsionnaya epistemologiya i logika sotsialnyh nauk*: *Karl Popper i ego kritiki* [*Evolutionary Epistemology and Logic of Social Sciences*: *Karl Popper and his Critics*]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2000a, p. 58–74. (In Russ.)

Popper K. Logika Sotsialnykh nauk [The logic of the Social Sciences]. *Evolutsionnaya epistemologiya i logika sotsialnyh nauk*: *Karl Popper i ego kritiki* [*Evolutionary Epistemology and Logic of Social Sciences*: *Karl Popper and his Critics*]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2000b, p. 299–315. (In Russ.)

Russel B. *Problemy Filosofii* [*The Problems of Philosophy*]. Novosibirsk, Nauka, 2001. (In Russ.)

Rescher N. Peirce, Popper i Metodologicheskii povorot [Pierce, Popper and the Metgodological turn]. Evolutsionnaya epistemologiya i logika sotsialnyh nauk: Karl Popper i ego kritiki [Evolutionary epistemology and logic of social Sciences: Karl Popper and his critics]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2000, p. 210–221. (In Russ.)

Bradie M. Assessing Evolutionary Epistemology. *Biology and Philosophy*, 1986, vol. 1, no. 4, p. 401–459.

Freeman E., Skolimowski H. The Search for Objectivity in Peirce and Popper. *The Philosophy of Karl Popper*. Illinois, Open Court Publ. Co, 1974, p. 464–519.

Kitcher P. *The Advancement of Science*: *Science without Legend, Objectivity without illusions*. New York, Oxford Univ. Press, 1993.

Park S. On the evolutionary defense of scientific antirealism. *Axiomathes*, 2014, vol. 24, no. 2, p. 263–273.

Vlerick M. *Darwin's doubt – Implications of the theory of evolution for human knowledge*. Stellenbosch, 2012.

УДК 167+81-11
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-46-57

Л. Б. Сандакова

Новосибирский государственный технический университет
пр. К. Маркса, 20, Новосибирск, 630092, Россия

l.sandakova@mail.ru

ЯЗЫК, МИРОВОЗЗРЕНИЕ, КАРТИНА МИРА: ПРОБЛЕМА ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОСТИ [*]

Рассматриваются методологические аспекты проблемы взаимообусловленности языка, мировоззрения и картины мира. Уточняется содержание понятий «мировоззрение», «картина мира», «культура», «язык» в их взаимной соотнесенности. Рассматривается потенциал некоторых направлений и школ отечественной лингвистики в изучении обозначенной проблемы. Выявляются исследовательские концепты лингвистических теорий, связанных с осмыслением взаимосвязи языка, мышления, культуры. Выдвигается гипотеза о методологическом значении принципа дополнительности в построении исследований по заявленной проблеме.

Ключевые слова: язык, мировоззрение, картина мира, культура, методология исследования, антропоцентрический поворот, лингвокультурология, принцип дополнительности.

Проблема и ее актуальность. Мировоззрение – основание и результат человеческой деятельности. Вопросы формирования и коррекции мировоззрения, объяснения и согласования различных типов мировоззрения – это важнейшие вопросы социально-гуманитарного проектирования, регулирования, прогнозирования. Поскольку мировоззрение – это сложный комплекс взглядов и установок различного уровня (рациональных и иррациональных, осознаваемых и неосознаваемых, контролируемых и неконтролируемых), то и проблема исследования детерминант мировоззрения оказывается чрезвычайно сложной и неоднозначной. Наиболее перспективным в этом отноше-

[*] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-011-00223 «Влияние лингвокультурной специфики среды на формирование установок молодежи в межэтнических отношениях»).

© Л. Б. Сандакова, 2018

нии представляется исследование языковых детерминант, поскольку коммуникативная деятельность – это основной канал информационной взаимосвязи носителей мировоззрения. Язык, понимаемый широко, как система знаков, служащая для информационной взаимосвязи в социальных системах, тесно связан со спецификой мировоззрения, а значит, является как источником информации о мировоззрении, так и способом влияния на него.

Для исследователя в изучении этой связи проблемными оказываются прежде всего методологические вопросы. Во-первых, не имеют терминологической определенности понятия «мировоззрение», «картина мира», «культура». Во-вторых, языкознание и культурология, обращающиеся к подобным исследованиям, полипарадигмальны и могут использовать принципиально разнящиеся методологические подходы к рассмотрению одних и тех же вопросов. В-третьих, заявленная проблемная область носит междисциплинарный характер, что также требует внимательно отнестись к методологическим вопросам исследования.

Задачи данной статьи: 1. Уточнить содержание понятий «мировоззрение», «картина мира», «культура», «язык» в их взаимной соотнесенности. 2. Рассмотреть потенциал некоторых направлений и школ отечественной лингвистики в исследовании взаимосвязи языка, мировоззрения и картины мира.

Понятия «мировоззрение» и «картина мира» входят в тезаурус философских размышлений и социально-гуманитарных исследований в эпоху формирования классической рациональности, отражая появление особого отношения человека к сущему. М. Хайдеггер, размышляя по поводу времени картины мира, обозначает это отношение как противопоставленность человеку бытия сущего и его переход в сферу человеческой компетенции и распоряжения [1993]. Оба понятия значительно эволюционировали, и на сегодняшний день исследователи отмечают большое разнообразие и неопределенность во взглядах по поводу нюансов их соотношения и содержания [Арутюнян, 2006; Рахматуллин, 2015]. М. П. Арутюнян, например, рассматривая различные подходы к понятию «мировоззрение», обнаруживает следующие его значения: «предпосылочное знание», «смысловой контекст», «стиль мышления» (Л. А. Микешина), «картина мира» (В. С. Степин), «дух эпохи», «идеология» (К. Мангейм), «научная идеология» (марксистско-ленинская философия), ментальность (историческая школа «Анналов»). И даже фиксирует наличие методологического мифа «отсутствия мировоззрения» [Арутюнян, 2006]. Зачастую понятия «мировоззрение» и «картина мира» используются как инту-

итивно ясные: взгляды человека на мир, отдельные его составляющие и самого себя в этом мире. В ряде исследований характер постановки проблем таков, что различения этих понятий не требуется, они понимаются как тождественные и содержательно означают модель мира, в которой обобщены опыт и представления субъекта социальной деятельности [Гураль, 2008].

Закономерно, что в эпоху серьезных социальных и антропологических трансформаций методологическая актуальность понятий, отражающих отношение «человек – мир», возрастает. Поэтому в исследованиях, где необходимо разбираться с особенностями и детерминантами становления мировоззрения, трансформации картины мира, учитывая при этом разный уровень субъектности, этим понятиям необходимо придать терминологический статус и выявить параметры их различения. Воспользуемся методом феноменологической работы с понятием.

«Картина мира» предполагает целостный характер представлений о мире и некоторую статичность, фиксированность (относительную, разумеется) этих представлений. Существуя в образной или понятийной форме, эти представления носят рефлексивный характер, связанный с некоторой определенной целью, вычлененной субъектом, носителем картины мира, в своей многообразной деятельности. В понятии же «мировоззрение» отражается сложный, многоуровневый и внутренне противоречивый, процессуальный характер отношения человека к миру. Здесь вряд ли можно говорить о системной целостности и рефлексивном характере всех функционалов мировоззрения (мироощущение, миропонимание, миросозерцание и т. п.) [Рахматуллин, 2015]. Зато следует подчеркнуть значимость нерациональных компонент и непосредственную связь с деятельностью субъекта – носителя мировоззрения. Картина мира опосредованно связана с деятельностью: она выполняет роль некоторой «ментальной карты», модели отражающей действительность [Гураль, 2008], но всегда условно и в некоторых границах. Поэтому, например, в рамках одного мировоззрения вполне можно оперировать фрагментами нескольких различных картин мира. Или же в рамках одной картины мира (научной, например) могут формироваться различные индивидуальные мировоззренческие комплексы. Картина мира выступает как некоторый временный результат мировоззренческой работы субъекта, который при этом может быть объективирован – представлен в знаковой форме для взаимодействия в коммуникативном процессе.

Обозначим содержание рабочих понятий исследования. *Мировоззрение* – комплексное воззрение человека или группы людей на мир

и свое место в этом мире. Мировоззрение процессуально, амбивалентно по своей природе и непосредственно связано с деятельностью и переживаниями субъекта – носителя мировоззрения. *Картина мира* – относительно устойчивая совокупность представлений, понятий, образов, в которой мир представлен как некоторая осмысленная целостность, «ментальная карта», может выступать основанием мировоззренческого процесса и его результатом.

Учитывая позицию ряда отечественных исследователей (Т. О. Бажутина, М. И. Дробжев, Р. Ю. Рахматуллин и др.), полагаем возможным говорить о разнопорядковости субъектов мировоззрения и носителей картины мира, коими могут выступать: 1) индивиды; 2) устойчивые группы людей различной степени общности (этнические, религиозные, научные и т. д.); 3) человечество в целом. Это позволяет в общих чертах представить диалектику взаимодействия и развития мировоззрения и картины мира. Так, в онтогенезе мировоззрение индивида формируется в условиях уже существующей некой общечеловеческой и коллективной картины / картин мира, что безусловно определяет некоторые его существенные характеристики. С другой стороны, специфика индивидуального развития и опыта деятельности способствует формированию уникальных характеристик индивидуального мировоззрения. В зависимости от социальной значимости такого рода «отклонений» и новаций, они в большей или меньшей степени влияют на изменение картины мира более высокого порядка (т. е. коллективной или общечеловеческой).

Исследование мировоззрения и картины мира невозможно вне культуры, в которой осуществляют свою жизнедеятельность субъекты мировоззрения. Различные элементы культуры (материальные и идеальные) создаются людьми и отражают специфику как коллективной картины мира, так и индивидуального мировоззрения. Коллективная картина мира консолидирует индивидов в их совместной жизнедеятельности, поскольку задает ряд общих значимых для жизни человека в обществе смыслокомплексов (представлений, знаний, образов, ценностей), закодированных в материальных и идеальных элементах культуры. В семиотике такие системы кодов называют языками культуры. Под языком, таким образом, можно понимать знаковые системы, способные объективировать, фиксировать, хранить и передавать смыслы и значения различных процессов и явлений действительности. В более узком понимании, которым гораздо чаще пользуются в лингвистике, язык – это система знаков, которая соотносит содержание понятий и их формальное выражение. И в узком и в широком понимании человеческие языки неразрывно связа-

ны с культурой и двойственны: имеют объективную и субъективную стороны. Поскольку значения и смыслокомплексы «распаковываются» в индивидуальном опыте освоения культуры или ее языковой составляющей, результат всегда имеет черты уникальности. Однако же мера этой уникальности ограничена самой культурой: нормами, традициями, ценностями, правилами, материальными культурными предметами и объектами (ведь каждый из них предполагает некоторую заложенную в него функцию, смысл, отношение). Выход за границы культуры в индивидуализированной интерпретации смыслокомплекса расценивается как маргинальность, отклонение от нормы или даже преступление. Таким образом, коллективные картины мира оказываются неотъемлемой частью культуры данного сообщества. В то же время индивидуальная картина мира, сформированная в условиях определенной культуры, всегда обладает той или иной степенью уникальности.

Данному представлению о взаимосвязи культуры, мировоззрения и картины мира релевантно понимание культуры, предложенное в работах М. С. Кагана [1996] и Т. О. Бажутиной [1995], посвященных проблемам формирования культуры и творчества. Показывая, что культура – «это не только структура групповых взаимодействий» но и «конституирование в определенном времени и определенном пространстве меры неопределенности творческого поведения человека» [Бажутина Н., Бажутина Т., 2014. С. 160], исследователи определяют культуру «как исторически устойчивую меру репродуктивно-творческого отношения к действительности, обеспечивающую целостность индивидуально-коллективной жизнедеятельности индивида и общества при самоорганизации и саморазвитии социальной жизни» [Там же. С. 191]. Методологическая значимость такого понимания культуры заключается в следующем: 1) позволяет построить востребованное ныне представление о человеке как о противоречивом единстве биологического и социального, коллективного и индивидуального, объективного и субъективного; 2) способно аккумулировать различные подходы к пониманию и изучению культуры: описательные, исторические, нормативные, ценностные, символические; 3) способно выполнять роль концепта в объяснении и прогнозировании различных элементов и феноменов культуры. Все это имеет значение в исследовании связи языка (важнейшей составляющей культуры), мировоззрения и картины мира.

Предыдущие размышления позволяют предполагать, что в наибольшей степени решению задач такого исследования должна удовлетворять теория и методология лингвокультурологии. Она сложи-

лась как продукт антропоцентрической парадигмы в лингвистике, которая развивается в последней трети XX в. и, по словам В. Н. Телия, «ориентирована на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке» [1996. С. 222]. Однако, будучи достаточно молодой исследовательской областью, претендующей на междисциплинарность своей методологии, лингвокультурология не имеет отчетливой дисциплинарной онтологии и понятийного аппарата. Это отмечают как исследователи истории лингвистики [Алпатов, 2016], так и собственно теоретики лингвокультурологии [Воробьев, 2006].

Зародившись в недрах философии, идея взаимообусловленности языка, культуры, картины мира и мировоззрения была положена в основу научных лингвистических исследований Ф. В. Гумбольдтом. Немецкий мыслитель развивает представление о языке как динамической, развивающейся системе, выражающей духовную силу и интеллектуальную жизнь народа.

Талантливым отечественным продолжателем идей Гумбольдта был языковед А. А. Потебня. В его работах язык рассматривается в развитии, как формальном, так и содержательном. Серьезное внимание уделяется экстралингвистическим данным и коммуникативной функции языка, что обусловливает и обращение к вопросам понимания, творчества, уникальности. В своих исследованиях А. А. Потебня предложил множество плодотворных идей, получивших затем разработку в разных направлениях лингвистики и смежных наук. К таковым можно отнести разграничение языка и речи, рассуждения о синхронии и диахронии в методологии языкознания, поиск в грамматических формах языка механизма порождения мысли, различение содержания, внутренней и внешней формы слова, использование антиномий для описания явлений языка и «содержания ранних состояний картины мира» [Байбурин, 1989. С. 7]. А. К. Байбурин отмечает, что «исключительная плодотворность теоретических изысканий А. А. Потебни во многом объясняется тем, что язык для него не изолированный феномен» [Там же. С. 5].

Большое количество фактов и предположений, накопленных в языкознании, требовало своего истолкования. И на фоне общих позитивистских установок в науке, стремление исследователей языка к объективности знания и методологической определенности формирует лингвистический структурализм, согласно которому структура языка (грамматические и семантические его категории) определяет мышление, понимание и способ познания реальности. В отечественной лингвистике большая заслуга в становлении и развитии структуралистской методологии принадлежит И. Бодуэну де Куртенэ,

Ф. Фортунатову, В. Виноградову, А. Шахматову, представителям русской эмиграции Н. Трубецкому, Р. Якобсону, и др. [Засорина, 1974]. Ряд концептуальных идей и понятий структурной лингвистики весьма продуктивны в объяснении языковых детерминант мировоззрения и картины мира. Особого внимания здесь заслуживает семиотическая школа (Ю. М. Лотман, В. В. Иванов, Б. А. Успенский и др.), которая в своих теоретических построениях вышла далеко за рамки сугубо лингвистической проблематики.

Однако, как отмечает В. М. Алпатов, ориентация структуралистской методологии на объективизм, изучение языка лишь как системы правил, а не деятельности [2016], имеет эвристические границы: результатом такого познания являются лишь абстрактные схемы и модели, далекие от реальных процессов. Поэтому в языкознание постепенно возвращается гуманитарный компонент. Это происходит на фоне изменения типа научной рациональности и под значительным влиянием феноменологии, герменевтики, экзистенциализма. Определяющими становятся идеи развития, неопределенности, контекстуальности, актуализируется значимость человека как субъекта деятельности, языковой или коммуникативной в первую очередь. В отечественном языкознании это ярко проявляется в работах Ю. М. Лотмана, Л. В. Щербы, М. М. Бахтина, А. Ф. Лосева, Г. И. Богина и др. Постепенно меняется исследовательская парадигма: на смену системоцентризму (где именно структура играла определяющую роль в понимании языка как системы) приходит антропоцентризм [Кубрякова, 1994; Маслова, 2001; Алпатов, 2016]. Антропологический поворот и развитие междисциплинарных направлений открывают исследовательское пространство, но серьезно усложняют методологические задачи. В этой ситуации представляется важным: 1) вычленить ключевые концепты, объясняющие исследовательские программы в разных лингвистических теориях; 2) определить методологические принципы, позволяющие максимально учитывать смысловой потенциал всех этих концептов.

Обзор основных теоретических концепций языкознания [Демьянков, 1995, Амирова и др., 2006] позволяет выявить основные понятия, выполняющие роль исследовательских концептов в различных лингвистических теориях. Во-первых, это концепт «системность» и связанные с ним ключевые термины: элемент, структура, функция, целостность. Во-вторых, это – «контекст»: от широкого – социокультурные условия, до самого узкого – событие коммуникативного взаимодействия. В-третьих, это – «субъект языкового взаимодействия»: от широкого – этнокультурная общность, до узкого – индивид с его

особенностями мышления, восприятия, опыта жизнедеятельности. Причем он может быть как передающим информацию, так и принимающим ее: в этих различных ипостасях язык ему по-разному дан. В-четвертых, это концепт «развития», под которым понимается направленное изменение качественных характеристик объекта во времени. Важную концептуальную роль играют понятия «смысл» и «значение». В понимании их содержания и соотношения существуют серьезные разногласия, что необходимо учитывать в работе с лингвистическими теориями.

В различных теориях языка признается или игнорируется значимость тех или иных концептов, формируя некоторое многообразие подходов к описанию, объяснению, прогнозированию языковых процессов. Например, очевидно, что в структурализме при общей установке на признание системности языка, значимым оказывается идея структуры – того, что определяет относительную устойчивость системы в различных условиях. Функционализм более значимым считает функции системы, которые определяют структуру и элементы. Соответственно, требуется учитывать также специфику субъекта и условия функционирования. А в интерпретационистских направлениях субъект и контекст определяют форму и содержание языкового события.

Какие методологические принципы позволяют максимально учитывать потенциал различных концептов, особенно если они задают противоположные подходы к построению исследования? Если мы изучаем структуру и нормативные аспекты языка, можно обнаружить значимые закономерности и связи, но от нас «ускользает» то, что имеет отношение к реальной жизни языка. Если же мы пытаемся понять язык вместе с говорящим на нем человеком, учитывая всю специфику ситуации, теряется научная строгость исследования. В. М. Алпатов, анализируя два подхода к изучению языка [2016. С. 218], небезосновательно упоминает о принципе дополнительности, сформулированном в физике Н. Бором. Этот принцип имеет серьезный методологический потенциал, что понимал уже и сам Н. Бор, говоря о возможности его использования в гуманитарных исследованиях [1971. С. 58, 358]. В лингвистике на значение этого принципа указывали Р. Якобсон и М. Бахтин. Отечественный философ и методолог М. Розов в работе «Теория познания» [1995] посвятил рассмотрению дополнительности в гуманитарных науках IV главу в 4-м томе. Говоря о языковом взаимодействии как о социальной эстафете, М. Розов на примерах показывает дополнительность объясняющего (аналог абстрактного объективизма) и понимающего (аналог индивидуали-

стического субъективизма) подходов в изучении языковой деятельности [Там же].

Принцип дополнительности, таким образом, допускает и предполагает сосуществование логически несовместимых исследовательских стратегий, каждая из которых обладает особой значимостью. Детальный анализ методологических возможностей данного принципа применительно к задачам исследования взаимообусловленности языка, мировоззрения и картины мира должен стать предметом отдельной статьи.

Список литературы

Алпатов В. М. Два подхода к изучению языка // История и современность. 2016. Вып. 1 (23). С. 198–220.

Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В. История языкознания. М.: Academia, 2006. 672 с.

Арутюнян М. П. Мировоззрение: онтологический и методологический подходы: Дис. ... д-ра филос. наук. Хабаровск, 2006. 352 с.

Бажутина Т. О. Формирование культуры и творчества в антропосоциогенезе: Дис. ... д-ра филос. наук. Новосибирск, 1995. 325 с.

Бажутина Н. С., Бажутина Т. О. Человек, культура, творчество: Моногр. Новосибирск, 2014.

Байбурин А. К. А. А. Потебня: философия языка и мифа // А. А. Потебня. Слово и миф: Сб. работ разных лет. М.: Правда, 1989. С. 3–10.

Бор Н. Избранные научные труды. М., 1971. Т. 2. 674 с.

Воробьев В. В. Лингвокультурология. М.: Изд-во РУДН, 2006. 330 с.

Гураль С. К. Мировоззрение, картина мира, язык: лингвистический аспект соотношения // Язык и культура. 2008. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mirovozzrenie-kartina-mira-yazyk-lingvisticheskiy-aspekt-sootnosheniya-1 (дата обращения 27.07.2018).

Демьянков В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 239–320.

Засорина Л. Н. Введение в структурную лингвистику: Учеб. пособие для студентов филологических специальностей ун-тов. М.: Высш. шк., 1974. 319 с.

Каган М. С. Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996. 416 с.

Кубрякова Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Изв. АН. Серия литературы и языка, 1994. Т. 53, № 2. С. 3–15.

Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2001. 208 с.

Потебня А. А. Мысль и язык // А. А. Потебня. Слово и миф: Сб. работ разных лет. М.: Правда, 1989. С. 17–200.

Рахматуллин Р. Ю. Картина мира и мировоззрение // Молодой ученый. 2015, № 14. С. 632–635.

Розов М. А. Явление дополнительности в гуманитарных науках // Теория познания / М. А. Розов; под ред. В. А. Лекторского, Т. И. Ойзермана: В 4 т. М., 1995. Т. 4: Познание социальной реальности. С. 208–227.

Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический лингвокультурный аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

Хайдеггер М. Время картины мира // Время и бытие: статьи и выступления / Пер. с нем.; коммент. В. В. Бибихина; серия «Мыслители XX в.»). М.: Республика, 1993. С. 41–63.

Материал поступил в редколлегию 24.09.2018

L. B. Sandakova

Novosibirsk State Technical University
20 Karl Marx Ave., Novosibirsk, 630092, Russian Federation

l.sandakova@mail.ru

LANGUAGE, WORLDVIEW, WORLD PICTURE: THE PROBLEM OF INTERDEPENDENCE

The article examines the methodological aspects of the problem of the interdependence of language, world outlook and the picture of the world. The content of the concepts «worldview», «world picture», «culture», «language» in their mutual correlation is specified. The potential of some directions and schools of Russian linguistics in studying this problem is considered. The paper also identifies the research concepts of linguistic theories associated with understanding the relationship of language, thinking, and culture. The author advances a hypothesis on the methodological significance of the principle of complementarity for the study of these problems.

Keywords: language, worldview, world picture, culture, research methodology, anthropocentric turn, cultural linguistics, principle of complementarity.

References

Alpatov V. M. Dva podkhoda k izucheniyu yazyka [Two approaches to the study of language]. *Istoriya i sovremennost* [*History and Modernity*], 2016, no. 1 (23), p. 198–220. (In Russ.)

Amirova T. A., Ol'khovikov B. A., Rozhdestvenskii Yu. V. Istoriya yazykoznaniya [*History of Linguistics*]. Moscow, Academia Publ., 2006. (In Russ.)

Arutyunyan M. P. *Mirovozzrenie: ontologicheskii i metodologicheskii podkhody* [*World View: Ontological and Methodological Approaches*]: PhD thesis. Khabarovsk, 2006. (In Russ.)

Bazhutina T. O. *Formirovanie kultury i tvorchestva v antroposotsiogeneze* [*Formation of Culture and Creativity in Anthroposociogenesis*]: PhD thesis. Novosibirsk, 1995. (In Russ.)

Bazhutina N. S., Bazhutina T. O. *Chelovek, kultura, tvorchestvo*: monografiya [*Man, Culture, Creativity*: monograph]. Novosibirsk, 2014. (In Russ.)

Baiburin A. K. A. A. Potebnya: filosofiya yazyka i mifa [A. A. Potebnya: philosophy of language and myth]. *A. A. Potebnya. Slovo i mif*: Sbornik rabot raznykh let [*Word and myth*: Collection of works of different years]. Moscow, Pravda Publ., 1989, p. 3–10. (In Russ.)

Bor N. *Izbrannye nauchnye trudy* [*Selected Scientific Works*]. Moscow, 1971, vol. 2. (In Russ.)

Vorob'ev V. V. *Lingvokulturologiya* [*Lingvoculturology*]. Moscow, RUDN Publ., 2006. (In Russ.)

Gural S. K. Mirovozzrenie, kartina mira, yazyk: lingvisticheskii aspekt sootnosheniya [World outlook, world picture, language: a linguistic aspect of correlation]. *Yazyk i kultura*. 2008. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/mirovozzrenie-kartina-mira-yazyk-lingvisticheskiy-aspekt-sootnosheniya-1 (accessed 27.07.2018). (In Russ.)

Dem'yankov V. Z. Dominiruyuschie lingvisticheskie teorii v kontse XX veka [Dominant linguistic theories at the end of the 20th century]. *Yazyk i nauka kontsa 20 veka* [*Language and Science of the Late 20th Century*]. Moscow, Institut yazykoznaniya RAN, 1995, p. 239–320. (In Russ.)

Zasorina L. N. Vvedenie v strukturnuyu lingvistiku: Ucheb. posobie dlya studentov filologicheskikh spetsialnostei universitetov [*Introduction to Structural Linguistics*: Textbook for students of philological specialties of universities]. Moscow, Vyssh. shkola Publ., 1974. (In Russ.)

Kagan M. S. *Filosofiya kultury* [*Philosophy of Culture*]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1996. (In Russ.)

Kubryakova E. S. Paradigmy nauchnogo znaniya v lingvistike i ee sovremennyi status [Paradigms of scientific knowledge in linguistics and its modern status]. *Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka* [*News of the Academy of Sciences. Literature and Language Series*], 1994, vol. 53, no. 2, p. 3–15. (In Russ.)

Maslova V. A. *Lingvokulturologiya* [*Cultural Linguistics*]. Moscow, Izd. Centr «Akademiya», 2001. (In Russ.)

Potebnya A. A. Mysl i yazyk [Thought and Language] / *A. A. Potebnya*. *Slovo i mif*: Sbornik rabot raznykh let [*Word and myth*: Collection of works of different years]. Moscow, Pravda Publ., 1989, p. 17–200. (In Russ.)

Rakhmatullin R. Kartina mira i mirovozzrenie [The picture of the world and the worldview]. *Molodoi uchenyi* [*Young Scientist*], 2015, no. 14, p. 632–635. (In Russ.)

Rozov M. A. Yavlenie dopolnitelnosti v gumanitarnykh naukakh [The phenomenon of complementarity in the humanities]. *Teoriya poznaniya*: V 4 t. [*Theory of Knowledge*: In 4 vols.]. Moscow, 1995, vol. 4: Cognition of social reality, p. 208–227. (In Russ.)

Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya: semanticheskii, pragmaticheskii lingvokulturnyi aspekty* [*Russian Phraseology*: *Semantic, Pragmatic, Linguocultural Aspects*]. Moscow, Iazyki russkoi kultury Publ., 1996. (In Russ.)

Heidegger M. Vremya kartiny mira [Time picture of the world]. Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya [*Time and Being*: articles and speeches]: (transl. from German, comments by V. V. Bibikhin, series «Thinkers of the Twentieth Century»). Moscow, Respublika Publ., 1993, p. 41–63. (In Russ.)

УДК 164.07
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-58-68

А. В. Бессонов

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

trt@academ.org

АНАЛОГ ТЕОРЕМЫ ГЁДЕЛЯ О НЕПОЛНОТЕ АРИФМЕТИКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПРЕДИКАТА ОПРОВЕРЖИМОСТИ

Рассматриваются теоремы К. Гёделя о неполноте применительно к формальной арифметике Дедекинда – Пеано. С использованием предиката опровержимости строится формула, формально выражающая свою неопровержимость, и доказывается ее неразрешимость. Тем самым подтверждается истинность первой теоремы. В то же время, при подобном представлении недоказуемости заключение второй теоремы оказывается неверным. Это означает, что вторая теорема независима от первой, что дезавуирует общепринятое положение о неразрывной связи первой и второй теорем Гёделя о неполноте.

Ключевые слова: теоремы Гёделя, неразрешимость, предикат доказуемости, предикат опровержимости, программа Гильберта.

С момента опубликования знаменитых теорем К. Гёделя о неполноте [Gödel, 1931] не ослабевает интерес к ним со стороны ученых самых разных специальностей, от логики, математики и философии науки, до гносеологии, юриспруденции и даже теоретической социологии. В последнее особенно время интенсивно обсуждается вторая теорема о неполноте, прежде всего, в связи с вопросом о реализуемости выдвинутой Д. Гильбертом программы финитного обоснования математики (см. обзор: [Zach, 2006] и цитированная в нем литература [1]). В наших предыдущих работах мы дезавуировали основной вывод второй теоремы, что показало ошибочность до сих пор не изжитой ее оценки как неопровержимого

[1] *Raatikainen P.* Gödel's Incompleteness Theorems // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: http://plato.stanford.edu/entries/ goedel-incompleteness/ (дата обращения 20.01.2015).

ISSN 2541-7517. Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 4. С. 58–68.
© А. В. Бессонов, 2018

свидетельства невозможности реализации гильбертовской программы (см.: [Бессонов, 2011; 2014; 2015a; 2016; 2017; Bessonov, 2015b; 2015c]).

Обе теоремы о неполноте обычно рассматриваются в неразрывной связи, поскольку Гёдель и практически все остальные исследователи доказывают вторую теорему как непосредственное следствие первой (см., например: [Gödel, 1931; Zach, 2006; Raatikainen, 2015; Мендельсон, 1976; Булос, Джеффри, 1994; Мадер, 1995]). Мы опровергнем это общепринятое положение. Для формального выражения рассуждений о (не) доказуемости, вместо предиката доказуемости мы используем предикат опровержимости, и в рамках такого аппарата докажем аналог первой теоремы о неполноте. При этом вывод второй теоремы о невозможности доказать в формальной арифметике ее собственную непротиворечивость окажется неверным.

Теоремы Гёделя мы рассматриваем относительно формальной арифметики Дедекинда – Пеано (PA) как наиболее интересной и популярной формальной системе (определение PA см., например: [Бессонов, 2014. С. 15–16]). Приведем необходимые определения и формулировки.

Теория *непротиворечива*, если в ней не может быть доказана какая-либо формула вместе со своим отрицанием или, что эквивалентно, если хотя бы одна формула теории недоказуема. Теория *ω-непротиворечива*, если в ней нет ни одной формулы $\Phi(x)$ с одной свободной переменной, для которой доказуемы все формулы из списка

$$\Phi(1), \Phi(2), ..., \neg\forall x\Phi(x)$$

В *первой теореме Гёделя* о неполноте арифметики утверждается, что если PA ω-непротиворечива, то она неполна, т. е. в ней существует некоторая замкнутая формула («говорящая» о своей собственной недоказуемости) такая, что ни она, ни ее отрицание не доказуемы (такие формулы называются *неразрешимыми*). В соответствии со *второй теоремой Гёделя*, если PA непротиворечива, то в ней не доказуема формула, выражающая непротиворечивость PA.

Для доказательства своих теорем Гёдель кодирует язык PA и ее логику (гёделева нумерация), а также вводит понятие выразимости. Предикат $F(x_1, \ldots, x_k)$, заданный на множестве натуральных чисел, называется *выразимым*, если в PA найдется формула $\Phi(x_1, \ldots, x_k)$, такая что для любого набора натуральных чисел $(n_1, \ldots, n_k)$ справедливы условия:

I. Если $F(n_1, \ldots, n_k)$ выполняется, то $\vdash \Phi(\boldsymbol{n}_1, \ldots, \boldsymbol{n}_k)$.

II. Если $F(n_1, \ldots, n_k)$ не выполняется, то $\vdash \neg\, \Phi(\boldsymbol{n}_1, \ldots, \boldsymbol{n}_k)$.

Здесь и далее ⊢ означает доказуемость в PA. Через $\boldsymbol{n}$ обозначается нумерал, соответствующий числу n. Чтобы избежать путаницы

с обычным словоупотреблением слова «выразимость», далее для введенного понятия будем использовать термин G-*выразимость*.

В доказательствах своих теорем Гёдель использует предикат *доказуемости* Prov(*x*, *y*), который выполняется тогда и только тогда, когда x является гёделевым номером некоторой формулы, а *y* – гёделевым номером ее доказательства. Предикат Prov(*x*, *y*) G-выразим в PA с помощью некоторой арифметической формулы *Prov*(x, y). Для нас важно то, что Гёдель, как и другие исследователи, каких-либо иных, не использующих предикат доказуемости, способов G-выражения рассуждений о (не)доказуемости, вообще не рассматривают. А есть ли таковые? И если есть, что будет с теоремами о неполноте при альтернативных способах G-выражения?

Рассмотрим предикат *опровержимости* (*фальсифицируемости*) Fals(*x*, *y*), который выполняется тогда и только тогда, когда x является гёделевым номером некоторой формулы F(*x*) с одной свободной переменной, а *y* – гёделевым номером доказательства ¬*F*(*n*), т. е номером доказательства отрицания формулы, полученной из *F*(*x*) подстановкой числа *n* на место переменной *x*.

Этот предикат разрешим. Опишем его разрешающий алгоритм. Выберем пару натуральных чисел (*l*, *k*) и проверим, является ли *l* гёделевым номером какой-либо формулы, а *k* – гёделевым номером какого-либо доказательства. Если это неверно, то предикатное выражение Fals(*l*, *k*) ложно по определению предиката. Если это верно, то восстановим по номеру *l* формулу *F*(*x*), сделаем подстановку числа *n* на место переменной *x* и возьмем отрицание полученной формулы. Затем по номеру *k* восстановим соответствующее доказательство. Доказательство представляет собой последовательность формул. Рассмотрим заключительную формулу этой последовательности и сравним ее с ¬*F*(*n*). Если эти две формулы совпадают, то Fals(*l*, *k*) истинно, а если нет – ложно.

Поскольку предикат Fals(*l*, *k*) разрешим, он G-выразим в PA (см.: [Мендельсон, 1976. С. 158]) некоторой арифметической формулой *Fals*(*x*, *y*). Рассмотрим формулу

$$\forall y \neg Fals(x, y),$$

G-выражающую факт неопровержимости формулы с номером *x*, и обозначим ее через (1). Учитывая эквивалентность $A \leftrightarrow \neg\neg A$, вместо формулы (1) возьмем эквивалентную ей формулу

$$\neg\neg \forall y \neg Fals(x, y).$$

Она является отрицанием формулы $\neg\forall y\, \neg Fals(x, y)$, которую обозначим через (2). Пусть гёделев номер формулы (2) равен n. Сделаем подстановку $x = \boldsymbol{n}$ в (1) и обозначим полученную формулу

$$\forall y\, \neg Fals(\boldsymbol{n}, y)$$

через G. Покажем, что G неразрешима в PA при тех же условиях, которые Гёдель накладывает на PA в доказательстве своей первой теоремы.

Предположим, что формула G доказуема. Тогда, с учетом эквивалентности $A \leftrightarrow \neg\neg A$, доказуемой будет и формула $\neg\neg\forall y\, \neg Fals(\boldsymbol{n}, y)$. Пусть гёделев номер вывода последней формулы равен k. Рассмотрим предикатное выражение

$$\mathrm{Fals}(n, k).$$

Оно будет истинным, поскольку n в этом случае будет номером формулы (2), а k – номером вывода формулы $\neg\neg\forall y\, \neg Fals(\boldsymbol{n}, y)$, т. е. отрицания формулы, полученной из (2) подстановкой нумерала $\boldsymbol{n}$ на место переменной x. Значит, по условию I G-выразимости формула $Fals(\boldsymbol{n}, \boldsymbol{k})$ доказуема. Из нее по закону экзистенциального обобщения $F(t) \to \exists x F(x)$
выводим

$$\exists y\, Fals(\boldsymbol{n}, \boldsymbol{y}),$$

что эквивалентно $\neg\forall y\, \neg Fals(\boldsymbol{n}, y)$. Получаем, что доказуема формула $\neg G$. Противоречие с предположением о непротиворечивости PA.

Пусть теперь формула $\neg G$ доказуема, т. е., доказуемо $\neg\forall y\, \neg Fals(\boldsymbol{n}, y)$. Как мы уже показали, G не доказуема, т. е. ни одно число не может быть гёделевым номером вывода формулы $\forall y\, \neg Fals(\boldsymbol{n}, y)$. Значит, ни одно число не может быть номером вывода формулы $\neg\neg\forall y\, \neg Fals(\boldsymbol{n}, y)$, т. е. отрицания формулы, полученной из (2) подстановкой нумерала $\boldsymbol{n}$ (номера формулы (2)) на место переменной x. Вспомнив определение предиката $\mathrm{Fals}(x, y)$, приходим к выводу, что все предикатные выражения

$$\mathrm{Fals}(n, 1),\ \mathrm{Fals}(n, 2),\ \mathrm{Fals}(n, 3),\ \ldots$$

ложны. Тогда из условия II G-выразимости следует, что доказуемы все формулы

$$\neg Fals(\boldsymbol{n}, 1),\ \neg Fals(\boldsymbol{n}, 2),\ \neg Fals(\boldsymbol{n}, 3),\ \ldots$$

По условию первой теоремы Гёделя, PA ω-непротиворечива. Значит, одновременно все формулы

$$\neg Fals(\boldsymbol{n}, 1), \neg Fals(\boldsymbol{n}, 2), \neg Fals(\boldsymbol{n}, 3), \ \ldots, \ \neg\forall y \neg Fals(\boldsymbol{n}, y)$$

не могут быть доказаны. Следовательно, формула $\neg\forall y \neg Fals(\boldsymbol{n}, y)$ не доказуема, т. е. недоказуема формула $\neg G$. Противоречие.

Заметим, что формула $\forall y \neg Fals(\boldsymbol{n}, y)$ G-выражает свою собственную неопровержимость точно в том же смысле, в котором гёделева неразрешимая формула G-выражает свою собственную недоказуемость. Таким образом, в нашей формализации рассуждений о (не) доказуемости, формула, «говорящая» о своей неопровержимости, недоказуема. В гёделевой же формализации доказуема формула, «говорящая» о своей собственной доказуемости (см., например: [Булос, Джеффри, 1994. С. 249]). Нетрудно понять, что при условии непротиворечивости PA, такая формула G-выражает и свою собственную неопровержимость.

Мы доказали, что формула *G* неразрешима в PA, т. е. PA неполна. Конечно, приведенное нами доказательство математически банально и отличается от обычных «школьных» доказательств (см., например: [Мадер, 1995. С. 361–362]) лишь тем, что в нем вместо предиката доказуемости используется предикат опровержимости. Установить неразрешимость формулы G можно было бы еще проще. Нетрудно понять, что это прямо следует из первой теоремы о неполноте в гёделевой формализации. Мы намеренно не допускали в нашем доказательстве какие-либо упоминания предиката доказуемости, как будто его вообще нет. Но точно так же поступает Гёдель, когда в своих доказательствах он вообще не рассматривает отличные от предиката доказуемости средства формализации рассуждений о (не)доказуемости, как будто их вообще нет. Это странно, поскольку факт выбора Гёделем для построения неразрешимой формулы предиката доказуемости, а не какого-нибудь иного предиката, в общем-то случаен. Как мы убедились, с тем же успехом вместо предиката доказуемости можно было выбрать предикат опровержимости. Выбор предиката опровержимости был бы даже более естественным.

Действительно, возьмем формулу $\exists y\ Fals(x, y)$, G-выражающую опровержимость формулы с номером *x*, и предположим, что ее гёделев номер равен *m*. Подставив в нее m на место x, получим формулу

$$\exists y\ Fals(\boldsymbol{m}, y),$$

которую обозначим буквой *g*. Докажем, что *g* неразрешима, если PA удовлетворяет условиям, аналогичным гёделевым.

Пусть ⊬ ¬ *g*, т. е. ⊬ ¬ ∃*y Fals*(***m***, *y*). Тогда, если *k* – номер доказательства последней формулы, то по определению Fals(*m*, *k*) истинно, значит, доказуемо ⊬ *Fals*(***m***, ***k***), откуда ⊬ ∃*y Fals*(***m***, *y*), т. е. ⊬ *g*. Противоречие.

Пусть ⊬ *g*. Уже установлено, что формула ¬ ∃*y Fals*(***m***, *y*) недоказуема, т. е. никакое натуральное число не может быть номером доказательства отрицания формулы, полученной из формулы с номером *m* при подстановке *x* = ***m***. Значит, ложны все предикатные выражения из списка

$$\text{Fals}(m, 1),\ \text{Fals}(m, 2),\ \text{Fals}(m, 3),\ \ldots,$$

т. е. доказуемы все формулы из списка

$$\neg\, \mathit{Fals}(\boldsymbol{m}, 1),\ \neg\, \mathit{Fals}(\boldsymbol{m}, 2), \neg\, \mathit{Fals}(\boldsymbol{m}, 3),\ \ldots$$

Тогда по условию ω-непротиворечивости не может быть доказуемой формула ¬∀*y* ¬*Fals*(***m***, *y*), которая эквивалентна ∃*y Fals*(***m***, *y*), т. е. эквивалентна *g*. Таким образом, формула *g* не может быть доказана. Противоречие.

В итоге *g*, т. е. формула ∃*y Fals*(***m***, *y*), неразрешима. Она построена путем подстановки на место x в формулу ∃*y Fals*(*x*, *y*) номера самой этой формулы, и поэтому «говорит» о своей собственной опровержимости аналогично тому, как гёделева формула «говорит» о своей собственной недоказуемости.

Известно, что Гёдель, доказывая первую теорему о неполноте, был мотивирован парадоксом лжеца (см., например: [Мадер, 1995. С. 358]). Но формула, «говорящая» о своей собственной опровержимости, т. е. о доказуемости своего отрицания, гораздо ближе по смыслу к парадоксальному «я лгу», нежели гёделева неразрешимая формула, «говорящая» о своей недоказуемости. И как мы убедились, неразрешимость формулы ∃*y Fals*(***m***, *y*) устанавливается ничуть не сложнее неразрешимости гёделевой формулы, построенной с помощью предиката доказуемости.

Казалось бы, нет никакой разницы в том, какие средства G-выразимости выбраны, если достигнут желаемый результат. На самом деле выбор предиката опровержимости вместо гёделева предиката доказуемости имел бы весьма нетривиальные философские следствия. Если первая теорема неполноты, как мы убедились, осталась бы в силе, то для второй теоремы это имело бы катастрофические последствия, поскольку построенная с использованием предиката опровержимости формула, G-выражающая непротиворечивость PA, элементарно доказуема.

Действительно, рассмотрим предикат опровержимости $\underline{\text{Fals}}(x, y)$, который выполняется тогда и только тогда, когда x является гёделевым номером некоторой формулы, а y – гёделевым номером доказательства отрицания этой формулы. Этот предикат G-выразим в PA некоторой арифметической формулой

$$\underline{Fals}(x, y),$$

посредством которой существование в PA недоказуемой формулы (что означает непротиворечивость PA) G-выражается формулой

$$\exists x \exists y \, \underline{Fals}\,(x, y).$$

Последнее читается как «имеется формула, отрицание которой доказуемо в PA», что, в предположении о непротиворечивости PA, означает недоказуемость такой формулы. И мы доказали, что формула $\exists x \exists y \, \underline{Fals}\,(x, y)$ доказуема в PA (см., например: [Бессонов, 2011. С. 184]).

Теперь мы вправе сделать вывод о том, что в основе хрестоматийного, воспринимаемого как религиозная догма утверждения «арифметика, если она непротиворечива, не может доказать собственную непротиворечивость», лежит случайное событие. Выбери Гёдель для доказательства своей первой теоремы о неполноте вместо предиката доказуемости предикат опровержимости, и никаких оснований для безоглядной веры в данное утверждение не было бы. Как не было бы (и на самом деле нет) никаких оснований для необозримого множества философских спекуляций вокруг этого заклинания. Действительно, Ю. Л. Ершов и В. В. Целищев утверждают: «Основанием для всех философских заключений служит простой факт: для любой адекватной формальной дедуктивной системы T, если T непротиворечива, тогда эта непротиворечивость выразима в T, но не доказуема в ней» [2012. С. 390]. Мы показали, что с использованием предиката опровержимости непротиворечивость и выразима, и доказуема в T. Поэтому нет никаких оснований и для до сих пор широко распространенных утверждений, подобных следующему: «…программа Гильберта была остановлена на своем пути второй теоремой Гёделя о неполноте» [In Memoriam, 2016. P. 299].

Зачастую первая и вторая теоремы рассматриваются чуть ли не как логически эквивалентные. Приведем свидетельства: «Вторая теорема действительно является следствием первой» [Berto, 2009. P. 51]. «Для обычных первопорядковых теорий арифметики и теории множеств первая теорема является легким следствием второй» [Bagaria, 2003. P. 6]. И уж совсем экзальтированно философское: «Первая и вторая (теоремы. – *А. Б.*) являются двумя едиными эта-

пами восхождения к *математической истине*» [Антипенко, 2017. С. 211]. Мы доказали, что в действительности вторая теорема о неполноте независима от первой. Обратная ситуация, т. е. случай, когда вторая теорема верна, а первая – нет, скорее всего, невозможна. Если некоторая формула *A* G-выражает существование недоказуемой формулы в PA, то ее отрицание будет G-выражать доказуемость любой формулы PA. И если вторая теорема верна, т. е. *A* недоказуема, то ее отрицание также должно быть недоказуемым, поскольку в противном случае мы вступим в противоречие с условием непротиворечивости PA.

Список литературы

Антипенко Л. Г. Полемический отзыв на статью А. В. Бессонова «Предикатная зависимость второй теоремы Гёделя о неполноте» // Сиб. филос. журн. 2017. Т. 15, № 3. С. 208–217.

Бессонов А. В. К интерпретации теорем Гёделя о неполноте арифметики // Вестн. Томск. гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Политология. 2011. № 4. С. 177–189.

Бессонов А. В. О двух неверных догмах, связанных со второй теоремой Гёделя о неполноте. II // Философия науки. 2016. № 2 (69). С. 42–61.

Бессонов А. В. Предикатная зависимость второй теоремы Гёделя о неполноте // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2015а. Т. 13, вып. 4. С. 5–14.

Бессонов А. В. О двух неверных догмах, связанных со второй теоремой Гёделя о неполноте. I // Философия науки. 2014. № 4 (63). С. 12–31.

Бессонов А. В. Что доказано и что не доказано во второй теореме Гёделя о неполноте арифметики // Сиб. филос. журн. 2017. Т. 15, № 3. С. 218–233.

Булос Дж., Джеффри Р. Вычислимость и логика. М.: Мир, 1994. 396 с.

Ершов Ю. Л., Целищев В. В. Алгоритмы и вычислимость в человеческом познании. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 504 с.

Мадер В. В. Введение в методологию математики. М.: Интерпракс, 1995. 457 с.

Мендельсон Э. Введение в математическую логику. М.: Наука, 1976. 320 с.

Bagaria J. A Short Guide to Gödel's Second Incompleteness Theorem // Teorema: Revista Internacional de Filosofia. 2003. Vol. 22. No. 3. P. 5–15.

Berto F. There's Something about Gödel!: The Complete Guide to the Incompleteness Theorem. Singapure: Wiley-Blackwell, 2009. 233 p.

Bessonov A. V. Peano Arithmetic Can Well Prove Its Own Consistency // 15th Congress of Logic, Methodology and Philosophy of Science, CLMPS 2015, Logic Colloquium 2015, LC 2015, Book of abstracts (University of Helsinki, 3–8 August 2015). Helsinki, 2015b. P. 705–706.

Bessonov A. V. Gödel's Second Incompleteness Theorem Is Predicate Dependent // 15th Congress of Logic, Methodology and Philosophy of Science, CLMPS 2015, Logic Colloquium 2015, LC 2015, Book of abstracts (University of Helsinki, 3–8 August 2015). Helsinki, 2015c. P. 419–420.

Gödel K. Über formal unentscheidbare Sätze der Principia Mathematica und verwandter Systeme I // Monatshefte für Mathematik und Physik. 1931. Bd. 38. S. 173–198.

In Memoriam: Georg Kreisel // The Bulletin of Symbolic Logic. 2016. Vol. 22. No. 2. P. 298–299.

Zach R. Hilbert's Program then and Now // Handbook of Philosophy of Science. Amsterdam: Elsevier, 2006. Vol. 5: Philosophy of Logic. P. 411–447.

Материал поступил в редколлегию 24.09.2018

A. V. Bessonov

Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

trt@academ.org

ANALOG OF GÖDEL'S INCOMPLETENESS THEOREM USING A FALSIFIABILITY PREDICATE

K. Gödel's incompleteness theorems are considered in relation to the formal Dedekind–Peano arithmetic. A falsifiability predicate is used to construct a formula that formally expresses its own nonfalsifiability. And unsolvability of that formula is proved. This proves the incompleteness of formal arithmetic, that is, the conclusion of the first theorem is confirmed. At the same time, with this representation of (un)provability, the main conclusion of the second theorem turns out to be false. It follows that the second theorem is independent of the first, which denies the generally accepted statement about the inseparable connection between Gödel's first and second incompleteness theorems.

Keywords: Gödel's theorems, unsolvability, provability predicate, falsifiability predicate, Hilbert's program.

References

Antipenko L. G. Polemicheskii otzyv na stat'yu A.V. Bessonova «Predikatnaya zavisimost' vtoroi teoremy Gyedelya o nepolnote» [A polemic review of A. V. Bessonov′s article «Gödel′s second incompleteness theorem is predicate dependent»]. *The Siberian Journal of Philosophy*, 2017, no. 3, p. 208–217. (In Russ.)

Bagaria J. A Short Guide to Gödel's Second Incompleteness Theorem. *Teorema*: *Revista Internacional de Filosofia*, 2003, vol. 22, no. 3, p. 5–15.

Berto F. *There's Something about Gödel*!: *The Complete Guide to the Incompleteness Theorem*. Singapure, Wiley-Blackwell, 2009.

Bessonov A. V. Chto dokazano, i chto ne dokazano vo vtoroi teoreme Gödelya o nepolnote [What is proved and what is not proved in Gödel's second incompleteness theorem]. *The Siberian Journal of Philosophy.* 2017, vol. 15, no. 3, p. 208–217. (In Russ.)

Bessonov A. V. K interpretatsii teorem Gedelya o nepolnote arifmetiki [Toward an interpretation of Gödel's incompleteness theorems]. *Vestnik of Tomsk State University. Series: Philosophy, Sociology and Political Science*, 2011, no. 4, p. 177–189. (In Russ.)

Bessonov A. V. O dvukh nevernykh dogmakh, svyazannykh so vtoroi teoremoi Gödelya o nepolnote. I [Two false dogmas related with Gödel's second incompleteness theorem. I]. *Philosophy of Science*, 2014, no. 4 (63), p. 12–31. (In Russ.)

Bessonov A. V. O dvukh nevernykh dogmakh, svyazannykh so vtoroi teoremoi Gödelya o nepolnote. II [Two false dogmas related with Gödel's second incompleteness theorem. II]. *Philosophy of Science*, 2016, no. 2 (69), p. 42–61. (In Russ.)

Bessonov A. V. Peano arithmetic can well prove its own consistency. *15th Congress of Logic, Methodology and Philosophy of Science, CLMPS 2015, Logic Colloquium 2015, LC 2015, Book of abstracts* (University of Helsinki, 3–8 August 2015). Helsinki, 2015b, p. 705–706.

Bessonov A. V. Predikatnaya zavisimost vtoroi teoremy Gödelya o nepolnote [Gödel's second incompleteness theorem is predicate dependent]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series*: *Philosophy*, 2015a, vol. 13, no. 4, p. 5–14. (In Russ.)

Bessonov A. V. Gödel's second incompleteness theorem is predicate dependent. *15th Congress of Logic, Methodology and Philosophy of Science,*

CLMPS 2015, Logic Colloquium 2015, LC 2015, Book of abstracts (University of Helsinki, 3–8 August 2015). Helsinki, 2015c, p. 419–420.

Boolos G., Jeffrey R. *Vychislimost' i logika* [*Computability and Logic*]. Moscow, Mir Publ., 1994. (In Russ.)

Ershov Yu. L., Tselishchev V. V. *Algoritmy i vychislimost v chelovecheskom poznanii* [*Algorithms and Computability in Human Cognition*]. Novosibirsk, SB RAS Publ. House, 2012. 504 p. (In Russ.)

Gödel K. Über formal unentscheidbare Sätze der Principia Mathematica und verwandter Systeme I. *Monatshefte für Mathematik und Physik*, 1931, Bd. 38, S. 173–198.

In Memoriam: Georg Kreisel. *The Bulletin of Symbolic Logic*, 2016, vol. 22, no. 2, p. 298–299.

Mader V. V. *Vvedenie v metodologiyu matematiki* [*Introduction to Metodology of Mathematics*]. Moscow, Interpraks Publ., 1995. (In Russ.)

Mendelson E. Vvedenie v matematicheskuyu logiku [*Introduction to Mathematical Logic*]. Moscow, Nauka, 1976. (In Russ.)

Zach R. Hilbert's Program Then and Now. *Handbook of Philosophy of Science*, Amsterdam, Elsevier, 2006, vol. 5: Philosophy of Logic, p. 411–447.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 342.2; 316.012; 316.422; 94
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-69-80

Н. С. Розов

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный технический университет
пр. К. Маркса, 20, Новосибирск, 630073, Россия

nrozov@nsu.ru

РОЛЬ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ВОЛН В ПРОЦЕССАХ МОДЕРНИЗАЦИИ

Разные революции и их цепочки (революционные волны), как правило, являются прямыми или опосредованными следствиями региональных и глобальных процессов модернизации. Иногда они усиливают, ускоряют тренды модернизации, но также могут их блокировать, усиливать или даже запускать противоположные тренды контрмодернизации (противотренды). Рассматриваются пять трендов модернизации и соответствующие пять противотрендов: 1) бюрократизация и дебюрократизация (откат к патримониальным структурам и практикам); 2) секуляризация и десекуляризация (возвращение религии и церкви в центр социальной, политической и культурной жизни, подъем фундаментализма); 3) капиталистическая индустриализация и деиндустриализация (как вариант – подавление капиталистических, рыночных институтов и организаций); 4) демократизация и авторитарные откаты (роспуск или превращение в фикцию парламентских, независимых судебных институтов); 5) подъем творческого авангарда в культуре или консерватизм, реставрация старых стилей и форм). Сформулированы эвристические принципы для анализа причин включения разных революционных волн и революций в указанные тренды с векторами модернизации и контрмодернизации.

Ключевые слова: революционные волны, модернизация, тренды модернизации, контрмодернизация, бюрократизация, неопатримониализм, секуляризация, десекуляризация, индустриализация, деиндустриализация, капитализм, демократизация, авторитаризм.

ISSN 2541-7517. Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 4. С. 69–80.
© Н. С. Розов, 2018

Пять трендов и противотрендов модернизации

Модернизация здесь понимается как совокупность пяти относительно автономных трендов (линий, тенденций развития), четыре из которых выделены Р. Коллинзом [2015. С. 264–293]:

• *бюрократизация* как переход государственного управления к безличным организационным иерархиям от прежних, преимущественно патримониальных порядков; отделение личной и семейной идентичности, родовых, клановых ресурсов от организационной позиции и государственных ресурсов;

• *секуляризация* как вытеснение религии и церкви из центра внимания, из центра общественной, политической, культурной жизни, передача церковных функций по легитимации власти, контроля над образованием, семейной жизнью, нравами населения, культурным творчеством другим институтам;

• *капиталистическая индустриализация* как развитие промышленности на основе открывающихся рынков земли, труда и капитала, устранения сословных, цеховых, конфессиональных, этнических и прочих барьеров на пути накопления капитала и расширения товарного производства;

• *демократизация* как формирование политических институтов со сменяемой на основе выборов властью, разделением властей и коллегиальной разделенности власти, гражданским равенством, защитой прав и свобод граждан, расширением избирательного права, порядками открытого доступа, свободой создания организаций (см. также: [Коллинз, 2015. С. 201–206; Розов, 2011. С. 366–372; Норт и др. 2011]).

Дополним это комплекс еще одним трендом:

• *рост творческой свободы в культурном производстве,* ведущий к беспрестанному обновлению стилей и жанров (авангардизму в широком смысле), когда возможны частичные возвраты к прежним традициям, их синтез, рефлексия над ними, ирония, но не ригидное окостенение канонов.

В XVIII–XIX вв. «прогресс человеческого разума», «социальный прогресс», «моральный прогресс», «научно-технический прогресс» служили более или менее адекватными обозначениями указанных пяти трендов модернизации. Однако шок Первой мировой войны, связанные с ним шпенглерианские и геополитические идеи, широкое разочарование в идеях прогресса и линейной эволюции, подъем антидемократических и даже тоталитарных режимов, реванш рели-

гиозного фундаментализма уже во второй половине XX в. привели к осознанию наличия контрмодернизационных процессов, которые обозначим здесь как пять симметричных противотрендов:

• *дебюрократизация* как разложение безличных организационных иерархий в государственном управлении с откатом к клановым структурам и практикам, личной зависимости, получившим название неопатримониализма [Фисун, 2010; Розов, 2016]; рост коррупции как объединение вплоть до слияния семейных, клановых ресурсов с государственными;

• *десекуляризация* как возвращение религии и церкви в центр внимания, в центр общественной, политической, культурной жизни, возврат религиозным структурам функций по легитимации власти, контроля над образованием, семейной жизнью, нравами населения, культурным творчеством;

• а) *деиндустриализация* как разрушение ранее построенной промышленной базы, примитивизация и архаизация производства, и б) *развитие промышленности на некапиталистической* (*даже антикапиталистической*) *основе* при отсутствии или подавлении рынков земли, труда и капитала, огосударствлении экономической деятельности, возрождении институтов и практик закрепощения, рабства, явных или негласных барьеров для экономической деятельности;

• *антидемократизация, или авторитарные откаты* как вытеснение или имитация политических институтов со сменяемой на основе выборов властью, установление авторитарного контроля над парламентом и судебной системой, устранение оппозиции, систематическое ущемление государством прав и свобод граждан, подавление или уничтожение неподконтрольных государству организаций;

• *рост внешнего контроля над культурным производством*, сужение или уничтожение его свободы; установление допустимых рамок и ригидных канонов для стилей и жанров, неприятие новшеств, рефлексии, иронии, прокламирование возврата к прежним священным образцам.

Типы революционных волн и векторы (контр)модернизационной направленности

Революционные волны – это серии близких во времени революционных событий, которые происходят в различных (нередко сосед-

них) обществах, служат причинами друг для друга или имеют общие причины. Далее, революционные события, понимаемые как массовые протестные выступления, сопряженные с политическим кризисом, будем для краткости называть революциями, причем вне зависимости от последствий: революция может победить (свержение власти или значимые уступки), быть усмиренной (нет свержения, нет уступок, но нет и репрессий) или быть подавленной (реакция, массовые аресты, казни).

Каждая революция приводит либо к смене режима либо к его существенной трансформации. Под *общим вектором* будем здесь понимать преимущественный сдвиг в сторону модернизации или контрмодернизации. *Трендовый вектор* – это направление сдвига между режимами до и после революции по одному из пяти условных континуумов, в сторону тренда модернизации или обратно – в сторону противотренда. Численная оценка векторов представляется исключительно затруднительной, если вообще возможной. Поэтому будем использовать качественные и логические критерии.

Общий вектор революции считается модернизационным, если таковыми являются три последних трендовых вектора, когда есть явственный сдвиг постреволюционного режима (который удерживается не менее 10 лет) в сторону капиталистической индустриализации, демократизации и творческой свободы. Наоборот, когда те же три трендовых вектора являются контрмодернизационными, т. е. постреволюционный режим характеризуется деиндустриализацией и / или закрытием рынков земли, труда, капитала, усилением авторитаризма и подавлением свободы культурного творчества, тогда общий вектор революции также считается контрмодернизационным.

Такая «дискриминация» между аспектами (контр)модернизации обусловлена, следующими соображениями:

• важнейшей общей чертой трех «коренных» трендов является рост свободы, причем экономическая свобода капиталистической индустриализации, политическая свобода демократизации и творческая свобода культурного авангарда обычно тесно связаны, вдохновляют и поддерживают друг друга; случаи противонаправленных движений между ними редки и не долговременны;

• при этом тренды (де)бюрократизации и (де)секуляризации во многих отношениях нейтральны относительно свободы и «коренных» трендов, поскольку бюрократия и церковь могут служить разным целям и двигать общества в разных направлениях в сферах экономики, политики и культуры; привычное ассоциирование бюрократии с авторитаризмом, а церкви с консерватизмом и архаизацией

нередко оказывается ошибочным, поскольку только при развитой бюрократии могут формироваться в больших обществах избирательные системы, авторитетные независимые суды, устойчивые демократические институты, банковские, рыночные структуры и правила, необходимые для капиталистической индустриализации; революционные свободолюбивые и творческие движения не только раньше, но и в современную эпоху нередко обретают религиозные формы, особенно когда соответствующая конфессия подавляется авторитарным государством.

Не менее сложен вопрос о векторе каждой революционной волны, поскольку составляющие ее революции вполне могут иметь противоречивые векторы. Будем считать волну *преимущественно модернизационной*, если ведущими к большей свободе являются общие тренды революций в самых крупных и влиятельных обществах, события в которых получили наибольшее внимание в мировом дискурсе, в последующих исторических трудах.

Таким же образом, волна считается *преимущественно контмодернизационной*, если после революций в наиболее крупных и влиятельных обществах побеждают противотренды по трем «коренным» аспектам: буксует или оборачивается вспять капиталистическая индустриализация, постреволюционные режимы становятся еще более авторитарными и подавляющими свободу культурного творчества.

Операционализация критериев

При сравнении старых и постреволюционных режимов почти всегда возникают трудности с определением вектора изменений по каждой шкале. Изменения разнообразны и противоречивы, особенно когда дело касается центра и провинций, разных социальных слоев, разных сфер жизни, аспектов и пр. Поэтому с учетом неизбежного упрощения и погрешностей установим несколько базовых операциональных критериев (диагностических признаков). О тренде *бюрократизации* свидетельствуют следующие явления:

- рост числа официальных записей и документов, касающихся каждого индивида;
- рост числа министерств, комитетов, всевозможных государственных ведомств и их подразделений;
- разрастание номенклатуры государственных должностей;
- громкие скандалы, связанные с обвинениями в коррупции и непотизме, ведущие к реальным строгим наказаниям;

• в высших эшелонах власти все реже делаются назначения по родству из-за боязни таких скандалов;

• налажен и осуществляется контроль накоплений и расходов высших чиновников; поэтому большинство довольствуется официальными окладами, не имеет крупной недвижимости, особо дорогих предметов роскоши и т. п.

Тренд *секуляризации* проявляется в таких процессах:

• ритуалы религиозной легитимации власти либо сводятся к минимуму, либо вовсе отменяются;

• церковные власти и религиозные авторитеты отстраняются от контроля над системами начального, среднего и высшего образования, а в предельных случаях вовсе изгоняются из образовательных организаций;

• то же касается армии, полиции, больниц, приютов, волонтерства;

• свобода совести, свободомыслии, право верить или не верить фиксируются в основных законах (конституции), практики принуждения как к вере, так и к безверию, безбожию (атеизму) запрещены и преследуются;

• религиозная символика и дискурс устраняются из оформления государственных учреждений, из официальных речей политиков, из публичных государственных документов, из городской архитектуры; их последовательно замещают светские символы или, по крайней мере, их доля и внимание к ним растут;

• церковь отстраняется от контроля над книгоизданием, прессой, культурным творчеством (кинематограф, театр и др.); попытки такого контроля со стороны религиозных групп и авторитетов пресекаются как общественным остракизмом, так и государственными инстанциями.

Тренд *капиталистической индустриализации* распознается по следующим признакам:

• больше земли поступает на рынок, ее становится легче продать и купить;

• растет число банков, частных компаний, количество и объем кредитов;

• повышается социальная мобильность как пространстве, так и между профессиями;

• растет разнообразие товаров на рынке, произведенных частными компаниями.

Тренд *демократизации*, согласно концепции Р. Коллинза, включает одну базовую составляющую – коллегиальная разделенность власти (коалиция нескольких центров силы и влияния, играющих по пра-

вилам, исключающих узурпацию могущества) и две сопутствующие: расширение избирательного права и защита прав, свобод граждан. Сюда следует добавить сменяемость власти как реальную возможность победы оппозиции по результатам выборов (А. Пшеворски), свободу создания организаций (Д. Норт и др.) и распространенность независимых СМИ.

Значения всех компонентов, кроме первого, могут прямо определяться на основе изучения избирательных законов и практик, экспертных оценок (типа используемых такими организациями, как Freedom House), сведений о числе созданных гражданами организаций, об их судьбе и доле, закрытых властями.

Сложен для операционализации компонент «коллегиальная разделенность власти» (КРВ). Отчасти его уровень проявляется в остальных составляющих: насколько независим суд, насколько защищены права и свободы граждан, сменяется ли власть по результатам выборов. Показателем является также уровень территориальной децентрализации (в том числе, федерализации) власти, финансовых ресурсов, сил правопорядка, влиятельных СМИ и ведущих университетов. Концентрация всех этих факторов в столице свидетельствует о низкой КРВ, распределенность по провинциям – о высокой. Качественный анализ динамики отношений между группами политической, экономической, силовой, интеллектуальной элиты, меняющиеся порядки административных назначений, передачи, купли-продажи, слияния и поглощения крупных банков и компаний также показывает либо растущую концентрацию ресурсов в одном центре (низкая КРВ), либо сохранение распределенности, пусть и через сложные трансформации (высокая КРВ).

Наконец, *рост творческой свободы в культурном производстве* распознается посредством качественного и количественного анализа динамики и смены стилей, количества новых творческих групп, разнообразия и места продуктов творчества на культурных рынках, характера помощи со стороны государства и бизнеса (установление контроля или поддержка при сохранении свободы творчества) и т. д.

Согласно указанным критериям выделены следующие группы революционных волн с векторами модернизации и контрмодернизации.

Модернизирующие волны революций

• 1566–1609 гг. – Первая Кальвинистская волна, или Вторая Реформация (Франция, Нидерланды);

• 1618–1630 гг. – Вторая Кальвинистская волна, пересекается с Тридцатилетней войной (Франция, Швейцария);

• 1776–1794 гг. – атлантические революции, движимые антимонархическими настроениями (США, Нидерланды, Франция);

• 1810–1815 гг. – освободительная война в Латинской Америке;

• 1821–1831 гг. – волна, запущенная Греческой войной за независимость (Греция, Молдавия, Крит);

• 1848–1849 гг. – европейские революции с идеями республиканизма и конституционного ограничения монархий («Весна народов»);

• 1861–1878 гг. – американские освободительные восстания и войны (США, Доминикана, Куба);

• 1905–1911 гг. – Первая красная волна, начавшая с русской революции 1905 г. (Россия, Иран, Турция, Китай, Бразилия, Мексика, Португалия);

• 1950–1970 гг. – антиколониальные революции, движимые национализмом (страны Аравийского полуострова, Бруней, Сингапур, Малайзия, Камбоджа, Лаос, Кипр, Ливия, Египет, Тунис, Марокко, Судан, Гана, Гвинея, 1960-й – «год Африки»);

• 1968 г. – волна молодежных протестов (США, Франция, Япония, ФРГ) и «Пражская весна»;

• 1989–1991 гг. – антикоммунистические революции (страны Восточной Европы и СССР).

Революционные волны с вектором контрмодернизации

• 1917–1920 гг. – Вторая красная волна (Россия, Ирландия, Германия, Австрия, Венгрия);

• 1926–1945 гг. – авторитарные и фашистские перевороты (Италия, Германия, Португалия, Испания, Югославия, Франция);

• 1930–1940 гг. – латиноамериканские восстания и путчи (Бразилия, Перу, Куба);

• 1945–1979 гг. – коммунистические революции (страны Восточной Европы, Китай, Куба, Корея, Вьетнам);

• 1979–1989 гг. – исламские революции (Иран, Судан, Афганистан).

Общие принципы выбора направлений социальной динамики

Сформулируем самые общие принципы, связывающие объективные, субъективные условия с выбором направлений социальной

динамики, точнее, с тем, какого типа складываются новые предметы заботы (ценностные и целевые установки групп, организаций, государств), обеспечивающие структуры (сами эти организации, институты и соответствующие практики), что и составляет основу социальных порядков.

1. Способ (средство, подход, идея и пр.), приводивший в прежних опытах к успеху, закрепляется и распространяется на новые сферы, служит основой ответных стратегий и обеспечивающих структур (*принцип расширения факторов успеха*).

2. Правящие группы склонны также заимствовать способы, стратегии, структуры у влиятельных, успешных, могущественных высокореферентных союзников, патронов (*принцип подражания сильным и славным*).

3. Когда интересы членов коалиции расходятся, многое зависит от соотношения сил, прошлого опыта и характера угроз: при патовой ситуации, прошлом опыте солидарности, совместной борьбы и при общей внешней угрозе стороны склонны к компромиссам и установлению паритетных, партнерских порядков; при явном преимуществе одной стороны или опыте конфронтации, когда основную угрозу стороны видят друг в друге, они склонны к попыткам силового подавления конкурентов, а победитель обычно устанавливает порядок вертикального подчинения (*принцип зависимости от расклада сил*).

4. Когда некий порядок дискредитирован как порочный, враждебный, устаревший, учредители нового порядка выбирают его черты по принципу инверсии, т. е. противоположные чертам старого порядка, причем в рамках используемых категорий (принцип инверсии).

5. Получившие власть обычно отдают предпочтение тем структурам, которые укрепляют их позиции, т. е. обеспечивают такие уровни благосостояния, силовой мощи и демонстрации статуса для себя и своего окружения, которые считаются достаточными и достойными (*марксистский принцип прямого классового интереса*).

6. Каждая социальная сила (класс, сословие) в разных структурных условиях склонна поддерживать как модернизационный, так и контрмодернизационный вектор. Здесь возьмем за основу логику и результаты исследования Баррингтона Мура: политические решения этих сил зависят от базовых экономических интересов и от того, кто является их главными противниками, а кто – естественными союзниками [Moore, 1966]. Будем учитывать следующие группы: аристократия, буржуазия, низший городской класс (пролетариат и т. п.),

высшая и низшая бюрократия, военные из высших и низших слоев (*структурный принцип Б. Мура*).

Следующий этап исследования состоит в объяснении складывания того или иного вектора в каждой революционной волне через формулирование на основе приведенных выше принципов теоретических и эмпирических гипотез и их проверку [Гемпель, 1998].

Список литературы

Гемпель К. Функция общих законов в истории (Первоначально опубликовано в 1942 г.) // Время мира. Новосибирск, 1998, вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке. С. 16–31.

Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011.

Розов Н. С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011.

Розов Н. С. Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 139–156.

Фисун А. А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация // Политическая концептология, 2010. № 4. С. 158–187.

Moore B. Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston: Beacon Press, 1966.

Материал поступил в редколлегию 04.09.2018

N. S. Rozov

Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Novosibirsk State Technical University
20 K. Marks Ave., Novosibirsk, 630073, Russian Federation

nrozov@nsu.ru

THE ROLE OF REVOLUTIONARY WAVES IN MODERNIZATION PROCESSES

Different revolutions and their chains (revolutionary waves), as a rule, are direct or indirect consequences of regional and global modernization processes. Sometimes they strengthen, speed up the modernization trends, but they can also block, strengthen or even launch the opposite trends of counter-modernization (countertrends). Five trends of modernization and the corresponding five counter-trends are considered: 1) bureaucratization and de-bureaucratization (rollback to patrimonial structures and practices); 2) secularization and desecularization (return of religion and church to the center of social, political and cultural life, rise of fundamentalism); 3) capitalist industrialization and de-industrialization (alternatively, suppression of capitalist and market institutions); 4) democratization and authoritarian rollbacks (dissolution or becoming a fiction of parliamentary, independent judicial institutions); 5) the rise of the creative avant-garde in culture or conservatism, the restoration of old styles and forms). Heuristic principles are formulated to analyze the reasons for including different revolutionary waves and revolutions in these trends with the vectors of modernization and counter-modernization.

Keywords: revolutionary waves, modernization, modernization trends, counter-modernization, bureaucratization, neo-patrimonialism, secularization, desecularization, industrialization, de-industrialization, capitalism, democratization, authoritarianism.

References

Collins R. *Makroistoriya*: *Ocherki sociologii bol'shoi dlitel'nosti* [Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run]. Moscow, URSS, 2015. (In Russ.)

Fisun A. A. K pereosmisleniyu postsovetskoi politiki: neopatrimonialnaya interpretatsiya [To Rethinking Post-Soviet Politics: a Neopatrimonial Interpretation]. *Politicheskaya konceptologiya* [*Political conceptology*], 2010. no. 4, p. 158–187. (In Russ.)

Hempel K. Funktsiya obschih zakonov v istorii [Function of General Laws in History]. *Vremya mira* [*Time of peace*]. Novosibirsk, 1998, vol. 1: [Historical macro-sociology in the XX century], p. 16–31. (In Russ.)

Moore B. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston, Beacon Press, 1966.

North D. C., Wallis J. J., Weingast B. R. *Nasilie i socialnye poryadki. Kontseptualnye ramki dlya interpretatsii pismennoi istorii chelovechestva* [*Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*]. Moscow, Izd. Instituta Gaidara, 2011. (In Russ.)

Rozov N. S. *Koleya i pereval*: *makrosotsiologicheskie osnovaniya strategii Rossii v XXI veke* [*Track and Pass: Macrosociological Foundations of Russia's Strategies in the 21st Century*]. Moscow, ROSSPEN, 2011. (In Russ.)

Rozov N. S. Neopatrimonialnye rezhimy: raznoobrazie, dinamika i perspektivy demokratizatsii [Neopatrimonial Regimes: Diversity, Dynamics, and Prospects for Democratization]. *Polis. Political Studies*, 2016, no. 1, p. 139–156. (In Russ.)

УДК 130.2
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-81-93

А. В. Иванов, С. М. Журавлева

Алтайский государственный аграрный университет
пр. Красноармейский, 98, Барнаул, 656049, Россия

philosophyasau@mail.ru

ИСКУШЕНИЕ НОВИЗНОЙ

Статья посвящена анализу феномена прогрессизма, который существует как на уровне массового сознания, так и в форме идей и даже целых идеологий, обнаруживая ряд характерных черт: вера в необратимость и безальтернативность научно-технического прогресса; забвение традиции; примат мнения над обоснованием, новизны и оригинальности над стремлением к истине; вычурность языка. Обосновывается наличие альтернативной прогрессизму парадигмы, которую можно назвать «новым эволюционизмом». Приводятся аргументы, что «новый эволюционизм» – это не просто совокупность достаточно хорошо обоснованных идей, но частично верифицированная общественная и личная практика.

Ключевые слова: прогрессизм, научно-технический прогресс, постчеловек, трансгуманизм, эволюционный потенциал природы и человека, «новый эволюционизм».

Введение

Испокон веков в политике, общественной жизни, науке и культуре ведут спор традиция и новация, желание обновления и склонность к сохранению старого. Известны диалектические отношения между ними: чем радикальнее утверждалось новое и разрушалось старое, тем более радикальными впоследствии будут попытки вернуться к незаслуженно отвергнутому. И наоборот: чем дольше и агрессивнее пытаются сохранить то, что подлежит замене, тем более революционно-радикальный характер будут носить грядущие преобразования. Отсюда возникают разрушительные крайности, которых следует избегать и в политической, и в культурной жизни: это *революционный радикализм* и являющееся его оборотной стороной *реакционное охранительство*. Им свойственно переходить в свою противоположность,

ISSN 2541-7517. Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 4. С. 81–93.
© А. В. Иванов, С. М. Журавлева, 2018

что очень точно в свое время подметил С. Л. Франк: «Консерватизм, ставший реакцией, стремлением сохранить не жизнь, а безжизненные окостеневшие формы, по самому своему существу разрушителен; радикализм, ставший бунтарством, революцией, по самому существу своему реакционен, ибо, разрушая, не ведет жизнь вперед, а через ее ослабление отталкивает ее назад, на низший уровень» [1992. С. 127].

Эти вещи, казалось бы, давно и хорошо известны, однако человечество вновь и вновь наступает на те же грабли, сегодня искушаясь одной крайностью, чтобы завтра впасть в прямо противоположную. Более того, в условиях глобализированного мира мы сталкиваемся с новым феноменом, когда *почти синхронно* какая-нибудь одна часть человечества впадает в соблазн радикального культурного обновленчества, как, например, либерально-постмодернистские Европа и США, а вторая, напротив, занимает агрессивную охранительную позицию, как в ряде стран исламского мира. Соответственно, каждое усиление проповеди однополых браков и атеистической вседозволенности множит ряды сторонников исламского фундаментализма и наоборот.

Однако именно от западного мира исходит *общеидеологический импульс прогрессизма*, заслуживающий отдельного разговора. Он тем более необходим, что и Россия, казалось бы, счастливо до сей поры избегающая как консервативно-религиозных, так и либерально-постмодернистских крайностей, поддалась этому искусу перманентных и часто совершенно иррациональных инноваций.

Прогрессизм как болезнь современного гуманитарного знания

У прогрессизма есть реальная онтологическая основа – все возрастающие темпы научно-технического прогресса, особенно в области био-, нано- и информационных технологий, радикально изменившие быт и труд человека буквально за жизнь одного поколения. Этот очевидный прогресс, особенно если не анализировать его системно и не утруждать себя моральной рефлексией, вызывает к жизни стихийное мироощущение, а также ряд рационально сформулированных идей и даже целых доктрин, которые в совокупности образуют то, что может быть названо *идеологией прогрессизма*.

Начнем с *прогрессистского мироощущения*, которое свойственно обыденному сознанию и в формирование которого значительный вклад вносят средства массовой коммуникации, особенно Интернет. Его главный лозунг – «жить в ногу со временем». Быть «несовремен-

ным» – не только неприлично, но и чревато потерей социального статуса, который все чаще оценивают по одежде, машине, местам отдыха, марке сотового телефона и т. д. Отсюда – бесконечная погоня за новыми вещами, уровнем комфорта, развлечениями и просто «свежими» впечатлениями, что К. Лоренц удачно назвал «бегом наперегонки с самим собой» [1998. С. 16].

Эта прогрессистская установка получает и вполне рациональную формулировку: *то, что появилось позже, – является и более качественным, и более достоверным, и более актуальным.* Свое интеллектуальное развитие она находит в современном гуманитарном знании, превращаясь в подлинную болезнь гуманитарных наук, особенно недавно возникших, типа теории журналистики или коммуникативистики. Каковы же основные признаки этой болезни?

Во-первых, забвение авторитета традиции. Господствует мнение, что интеллектуальные традиции, особенно восходящие к Платону и к религиозным воззрениям, лишены теоретического значения и представляют сегодня разве что архивный интерес. В отличие от естественно-научных школ, нацеленных на апробацию новых идей в русле научной традиции с ее понятным и общепринятым языком, более или менее устоявшимися методами, проблемами и теориями, авторитетными классиками и современниками, современные гуманитарные концепции все чаще опираются на принцип релятивизма и утверждают себя в противовес традиции: либо борются с ней, либо о ней попросту умалчивают.

Во-вторых, если знание исторически безосновно и релятивно в плане истины, то происходит упадок культуры аргументации, преобладание изречения тезисов над их обоснованием, мнения над знанием. Но где нет установки на поиск истины и на ее обоснование, там неизбежно возникает культ «новизны» и «оригинальности».

В-третьих, в погоне за новизной и оригинальностью неизбежен идейный и методологический плюрализм, утверждаемый как ценность. Но разве может претендовать на научный статус знание, в котором нет профессионального единства и преемственности даже на уровне базовых понятий?

В-четвертых, претензия на новизну параллельно с отсутствием направленности на общезначимое обоснование провоцирует искусственность и вычурность языка. Язык из средства облечения мысли в плоть четко определенных понятий и обоснованных суждений превращается в способ самовыражения и отличия «своих» от «чужих», провоцируя сектантское дробление гуманитарного знания. В современных «дискурсах», «концептах», «трендах», «фейках», «контентах»

и «нарративах» мысль теряется в дебрях языковых конструкций. Любопытно, что подобные заумные тексты, часто плохо понимаемые даже самими авторами, обречены на скорое забвение уже ближайшими гуманитариями, которые будут создавать свой собственный претенциозный «новояз».

В-пятых, отечественный «новояз» оказывается, в сущности, и не оригинальным, и не новым, поскольку заимствуется преимущественно из западных гуманитарных текстов, где «одержание» новизной и оригинальностью проявилось раньше, чем в России. Особенно в этом преуспел постмодерн с его «ризомами», «симулякрами» и «деконструкциями». Российское гуманитарное сознание оказалось буквально магически зачаровано подобными латинизмами, что пагубно сказывается на подлинной новизне и качестве текстов.

Прогрессизм в естественных науках и технике. Трансгуманизм

Однако культ новизны свойствен не только гуманитариям, но и представителям естественных и технических наук. Это связано с другой ключевой идеей прогрессизма: *нынешняя линия научно-технического прогресса объективна, безальтернативна и сопротивляться ей невозможно.* Она оборачивается научно-технологическим фатализмом, когда *настоящее принимается за необходимое, а следовательно, и оправдывается.*

Здесь, вопреки всем разговорам о неклассической рациональности, явственно слышатся отголоски старой гегелевской идеи, что «все действительное разумно, а все разумное действительно», а также марксизма в виде гипотетических «объективных законов общественного развития». Существование таких гипотетических законов давно вызывало глубокие сомнения, ибо общественная жизнь, во-первых, принципиально необратима, во-вторых, в ней действуют люди, наделенные свободной волей. Поэтому существует веер возможных сценариев развития. Эти сценарии могут быть более и менее вероятными, более и менее созидательными, но выбор есть всегда, и его совершают живые люди.

Может возникнуть сомнение: но ведь и биологическая эволюция необратима – значит ли это, что нет и неизменных биологических законов, о которых речь в статье пойдет ниже? Здесь надо отметить, что в биологических системах, в отличие от социальных, первостепенную роль играют как раз циклические, воспроизводящиеся процессы. Так, законы реализации генетической информации одинаковы

и неизменны на всех уровнях живого, а деревья сбрасывают листву перед холодами в северных широтах точно так же, как делали это десятки и сотни тысяч лет назад. В личном и общественном бытии мы вынуждены считаться с действием этих объективных биологических законов, типа законов человеческой физиологии или законов созревания пшеницы, но их познание и использование – часть общественной жизни, где действует свободный человек.

Исторический фатализм был подвергнут убедительной критике в работе П. А. Сорокина «Историческая необходимость». Он писал: «Каждый закон, в подлинном смысле этого слова, предполагает повторение; история не знает повторений, поэтому говорить о законе истории – значит не понимать закона» [1992б. С. 518]. И далее: «… Наше будущее создаем мы. И чем активнее будет каждая личность, чем выше будут ее идеалы, тем быстрее мы будем приближаться к Правде и прекрасней будет Правда человеческая» [Там же. С. 521]. Вопреки историческому активизму и этическому перфекционизму, звучащим в этих словах П. А. Сорокина, позиция оправдания настоящего так называемыми «объективными законами развития» всегда в конечном счете соседствует, с одной стороны, с оправданием человеческой пассивности, а с другой – с готовностью поддержать любые морально сомнительные эксперименты и технологии.

Подтверждением этого служит еще одна важная *идея* прогрессизма: *благодаря научно-техническому прогрессу человек уже обрел* (*или очень скоро обретет*) *абсолютную власть над пространством и временем, над природной средой, а также и над своим телом и сознанием.* В наиболее зримой форме эта идеология воплощается в трансгуманизме.

Хотя основные идейные положения трансгуманизма не новы (страх смерти и мечта о бессмертном постчеловеке, моральная допустимость любых научных экспериментов над жизнью) [1], все же в нем проявляются новые черты, отражающие специфику времени. В частности, отстаивается идея о возможности превращения человека в механического киборга или же в биологического мутанта с помощью нанотехнологий и генной инженерии. Как справедливо пишет И. В. Кузина-Анащенкова, здесь «человек является биологическим материалом, из которого с помощью НБИК-технологий [2] можно и нужно *конструировать бесконечное количество моделей организмов*… Человечество за историю своего существования сменило не-

[1] Их можно встретить уже в трудах Н. Ф. Федорова и его учеников.

[2] Нано-био-информационно-компьютерных технологий.

сколько философских парадигм – космоцентризм, теоцентризм, антропоцентризм. Все эти парадигмы так или иначе шли от человека, который был либо частью космоса, либо образом и подобием Божиим, либо сутью мира. Впервые за историю человечества его история строится исходя из наукоцентричной парадигмы, которая предполагает возможность существования мира, где человеку места не предусмотрено» [3]. Как тут не вспомнить работу К. С. Льюиса, написанную еще в первой половине XX в. и пророчески названную «Человек отменяется» [1993].

В основе трансгуманизма лежит все то же прогрессистское убеждение, что современная линия научно-технического прогресса безальтернативна, а человек, к сожалению, является телесным и смертным существом, которому надо «помочь» эволюционировать в сторону бессмертного существа. А если этого сделать не получится, – необходимо согласиться на его замену более совершенным, постчеловеческим существом.

Трансгуманистическая доктрина вызывает целый ряд серьезных возражений. Во-первых, здесь налицо возврат редукционизма и механицизма, которые давно изжиты в науке в целом. Множество научных данных свидетельствует в пользу принципа *холизма* при рассмотрении не только органических, но даже неорганических систем. По отношению же к человеку это означает невозможность механической «перетасовки» или замены элементов его организма, в том числе генома. Как показывает биоинженерная практика, чем выше эволюционный уровень организма, тем более неудачными и чреватыми побочными эффектами оказываются попытки его механического «улучшения». Так, любой сложный и длительный онтогенез, – это всегда масса тонких геномных и морфогенетических корреляций, которые практически невозможно не нарушить. Правы многие ученые, считающие, что прежде чем успешно созидать новую жизнь, нужно сначала познать фундаментальные законы существования живого и его отдельных систем, от чего мы пока бесконечно далеки. Во-вторых, еще большие проблемы у «трансгуманизма» возникают с сознанием: его природой, механизмами функционирования, связями с мозгом. Все эмпирические факты говорят, что деятельность сознания принципиально не сводима к деятельности мозга, как музыка не сводима к устройству и звучанию музыкальных инструментов. В сознании

[3] *Кузина-Анащенкова И. В.* Трансгуманизм как «бесчеловечная» философия. URL: https://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=11675&Itemid=39

есть свой идеальный порядок и своя «сверхфизиологическая» логика функционирования и развития. Еще больше проблем связано с пониманием личности, ее психологических и моральных качеств, свободой воли и т. д. Все это говорит о бесперспективности сведения феномена сознания не только к работе мозга, но и к абстрактному набору программ и информационных блоков, не говоря уж об абсолютной утопичности попыток механического переноса сознания на нечеловеческие материальные носители. В-третьих, встают острые социальные и этические вопросы, связанные с идейной подоплекой и практикой трансгуманизма. Официально его целью объявляется «освобождение от господства природы» и достижение неограниченной власти человека над ее законами, «рост возможностей». Однако «освободиться» от законов природы невозможно в принципе, тем более от тех, которых не знаешь; но если бы такое «освобождение» и было возможным, то оно стало бы доступным лишь элите. Что же касается масс, то новые технологии скорее всего использовались бы для превращения людей в управляемых биороботов. В-четвертых, трансгуманизм совершенно не учитывает возможности перехода человечества к совсем другой эволюционной стратегии, которую можно условно назвать «новым эволюционизмом».

«Новый эволюционизм» как линия на проявление скрытого потенциала природы и человека

Вопреки прогрессистской идеологии существует иной взгляд на развитие. Его анализ требует отдельного обстоятельного разговора, поэтому выделим лишь ключевые идеи и ценности без детального обоснования.

Во-первых, есть вечные и объективные ценности, которые позволяют во все времена и у всех народов пребывать со старой истиной и не становиться жертвой новой глупости. Например, целостное поступательное развитие мы видим в тех сообществах, где ставились правовые и нравственные границы насилию, осознавались ценности мира между людьми и народами, защищалась семья и здоровая окружающая природная среда, поощрялось развитие науки и культуры, царило межрелигиозное согласие. Такие эпохи в истории человечества были редкими и краткими, но и спустя столетия они задавали эталон созидательного общественного развития. Таково правление Перикла в Греции, царя Ашоки в Индии, династии Тан в Китае [Иванов и др., 2006]. Соответственно, один из критериев ложности идеологии прогрессизма – попытка релятивистского отказа от вечных

ценностей с разговорами о «новой морали», «новом человеке», «новом обществе» и т. д.

Может возникнуть вопрос: а как совместить тезис о вечных и неизменных ценностях человеческого бытия с ранее высказанным тезисом о том, что «история не знает повторений»? Тут надо четко различать необратимость общественных и жизненных перемен, когда в одну и ту же реку, действительно, нельзя войти дважды; и сферу идеальных ценностных установок и представлений, которые могут носить сверхвременный характер, как сверхвременны, например, христианские ценности, выраженные в Нагорной проповеди Христа. Эта сверхвременность объективных ценностей вовсе не исключает, во-первых, того, что они кем-то *могут не разделяться и не приниматься*; во-вторых, возможности их *различной* интерпретации, и, в-третьих, *многообразного* практического применения в зависимости от исторического или экзистенциального контекстов. Сила объективных и вечных ценностей в отличие от ценностей сугубо временных и относительных как раз и состоит в возможности их многообразного и творческого *созидательного* применения в каждый раз неповторимой исторической ситуации.

Что касается отрицания существования вечных и абсолютных ценностей, то само суждение «объективные и вечные ценности не существуют» противоречиво, ибо претендует на абсолютную и объективную ценность.

Во-вторых, чтобы уверенно и безопасно двигаться вперед, нужно периодически оборачиваться назад и извлекать из прошлого творческие уроки. Известно, насколько успешно сегодня осваиваются медицинские и психологические достижения индийской йоги, тибетской диагностики и гомеопатии, китайской акупунктуры. Эксперименты в аграрных науках подтвердили, что оптимальную всхожесть семян обеспечивает их разбрасывание рукой опытного сеятеля. Это позволило в Дании создать эффективную сеялку, моделирующую движения человеческой руки. Подтверждается также непосредственное влияние мысли и рук человека на окружающий мир. Так, качество молока всегда выше в случае ручного, а не механического доения коровы. Одежда, сшитая или связанная человеческой рукой, комфортнее и долговечнее, чем изготовленная механическим способом. Подобных примеров можно привести десятки. Поэтому резонно говорить о феномене «возрождающей инновации», когда самым прогрессивным часто оказывается «хорошо забытое старое». А иногда и вовсе необходимо вернуться к пройденной дороге на развилке, если очевидно, что избранный путь ведет в пропасть. Это касается возврата

от «химического» и «генно-модифицированного» к так называемому «органическому» земледелию; от понимания медицины как лечения патологий – к ее древней трактовке как важнейшего средства поддержания баланса в организме, что во многом и является синонимом здоровья. Показательно, что и в образовании постепенно происходит отказ от бездумного использования технических средств в пользу проверенных веками педагогических методик «с человеческим лицом». Так, в Израиле вернулись к советским классическим учебникам по математике, а в Силиконовой долине в Калифорнии детям запретили в школе пользоваться сотовыми телефонами.

В-третьих, «новый эволюционизм» подразумевает не механическое и внешнее «переделывание» человека и природы, а творческое и органическое проявление их внутреннего скрытого потенциала. С. Н. Булгаков когда-то прозорливо писал в «Философии хозяйства»: «Защита и расширение жизни, а постольку и частичное ее воскрешение и составляет содержание хозяйственной деятельности человека» [1993. С. 170]. Действительно, человек, особенно в области сельского хозяйства, вплоть до самого последнего времени «расширял» жизнь через выведение новых сортов культурных растений и пород домашних животных путем тщательной селекции и скрещивания естественных видов, т. е. через *органическое* проявление их генетического эволюционного потенциала. Сегодня, например, становится понятной огромная роль выведенных национальных пород домашних животных и сортов культурных растений. Они обеспечивают генетическую и продовольственную безопасность государства, играют важную роль в производстве органических продуктов питания, служат базой для дальнейшей творческой селекционной работы [Столповский, 2007]. Человек также всегда «воскрешал» природу, борясь с опустыниванием и восстанавливая леса, улучшая плодородие почв и озеленяя городские ландшафты, возвращая к жизни биологические виды, которые без участия человека неминуемо бы погибли. Известно, что, лишившись влияния и контроля со стороны человека, начинают болеть заброшенные леса и деградировать пашни, стремительно дичать сады и зарастать бурьяном брошенные деревни. Ландшафты, где перестал творчески хозяйствовать человек, уже никогда не превратятся в очаги девственной природы, а вот статус ландшафтов культурных они неизбежно потеряют. Человек призван выполнять по отношению к природе роль мудрого попечителя и пастыря, а не деспота, обеспокоенного только собственным благополучием и комфортом.

Одним из практических примеров «нового эволюционизма» является развитие так называемой «зеленой экономики», основанной

на понимании, что никакое увеличение объемов производства товаров и услуг не может достигаться за счет здоровья людей и окружающей природной среды. Отсюда следуют такие черты «зеленой экономики», как максимальная экологизация производства и быта, развитие нетрадиционной энергетики, переход к так называемым биоцентричным (или природосообразным) технологиям, опирающимся на действие объективных биологических законов. Социальные аспекты перехода к «зеленой экономике» также показательны и являются отрицанием идеологии прогрессизма: примат кооперации и сотрудничества над доминированием и конкуренцией; отказ от потребительства и расточительной роскоши в пользу разумного самоограничения и фактически возвращение к известному принципу русских нестяжателей «все, что лишнее – то не мое».

Творческое проявление и использование созидательных сил природы подразумевает, что проявить свой латентный эволюционный потенциал должен будет и сам человек. Об этом писал тот же С. Н. Булгаков: «…Расширяя жизнь в себе, человек изливает ее и вне себя, оживляет природу; пробуждая в себе дремлющие силы, он пробуждает их и в природе. Будучи одно с природой, человек может воскрешать в себе замерзшие и как бы умершие силы не иначе, как воскрешая и природу, превращая материю в свое тело … согревая ее своим огнем» [1993. С. 169].

Можно привести два антропологических аргумента в пользу того, что человек, действительно, обладает «дремлющим» эволюционным потенциалом. Один аргумент, условно говоря, носит телесно-исторический, а второй – духовно-исторический характер; один свидетельствует о непроявленности этого потенциала; второй о том, что его можно успешно актуализировать. Так, физиология человека современного физического типа, включая структуру мозга, сложилась 50–40 тыс. лет назад и с той поры не претерпела существенных трансформаций. Но удивительным и до конца не объяснимым образом человек появился с огромным «эволюционным запасом», позволившим ему решать все более сложные задачи, а на определенной исторической ступени сформировать развитое логическое и образно-символическое мышление, создать письменность, искусство и науку. Резонно предположить, что наша физиология обладает потенциальной возможностью обеспечить функционирование таких познавательных способностей и качеств сознания, которые у подавляющего большинства современных людей развиты довольно слабо, типа различных видов творческой интуиции, синтетического мышления, глубинной рефлексии. Одновременно о том, что можно

намного опередить свое историческое время и добиться высочайшего уровня индивидуального сознания, говорят жизни великих ученых и деятелей искусства, типа Архимеда, Авиценны, Леонардо да Винчи, Николая Кузанского, Лейбница, Флоренского, Рериха. Удивительные духовные способности и антропологические характеристики демонстрируют также великие религиозные праведники и подвижники. Сравнительно-социологическое исследование П. А. Сорокиным более 4 500 биографий святых разных религий позволило установить, что фактом являются «необычная продолжительность жизни и кипучее здоровье святых. Несмотря на аскетический образ жизни, которому следовало большинство из них, антисанитарные условия и частые физические самоистязания, средняя продолжительность жизни святых, включая и 37 % тех, кто умер мученически, не своей смертью, оказывается намного большей, чем у их современников, и даже большей, чем у сегодняшних европейцев и американцев» [1992a. С. 204]. Это позволило П. А. Сорокину установить закономерность, имеющую важное эволюционное значение: «...Бескорыстная и мудрая... любовь является жизненной силой, необходимой для физического, умственного и нравственного здоровья; альтруисты в целом живут дольше эгоистов» [Там же. С. 205]. *Фактически в лице великих творцов и святых мы имеем очень разные, но оттого и особенно ценные для изучения, уже сбывшиеся в истории образцы творческого проявления своего эволюционного потенциала, делающие не только бессмысленными, но и вредоносными утопии о человеке-мутанте и человеке-киборге.* Понятно, что к подобным фактам нужно относиться научно, без всякой мистики и ложной религиозности, их необходимо проверять и искать рациональные причинные объяснения.

Заключение

Итак, в отличие от сомнительных прогрессистских проектов, «новый эволюционизм», нацеленный на актуализацию скрытого потенциала природы и человека, можно считать не только теоретически обоснованной, но и частично эмпирически подтвержденной концепцией. Единичные эволюционные примеры антропологической трансформации, как их являют жизни выдающихся творцов и подвижников, должны будут в будущем стать массовыми; а пастырская деятельность человека по «сохранению, расширению и воскрешению жизни», прообраз которой мы видим сегодня в «зеленой экономике», превратится в ведущую линию научно-технического прогресса.

Список литературы

Булгаков С. Н. Философия хозяйства // Булгаков С. Н. Соч.: В 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 1. С. 49–297.

Иванов А. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю. Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2006. 449 с.

Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Лоренц К. Оборотная сторона зеркала. М.: Республика, 1998. С. 4–60.

Льюис К. С. Человек отменяется // Льюис К. С. Космическая трилогия. СПб.: Северо-Запад, 1993. С. 597-631.

Сорокин П. А. Дальняя дорога: Автобиография. Сыктывкар: Союз журналистов Коми ССР, 1992а. 304 с.

Сорокин П. А. Историческая необходимость // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992б. С. 513–521.

Столповский Ю. А. Ключевой вопрос в сохранении «культурного» биоразнообразия животных – сохранение породного многообразия // Изв. Тимирязевской сельскохозяйственной академии. 2007. № 5. С. 125–134.

Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 14–146.

Материал поступил в редколлегию 07.10.2018

A. V. Ivanov, S. M. Juravleva

Altai State Agrarian University
98 Krasnoarmeyskii Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation

philosophyasau@mail.ru

THE TEMPTATION BY NOVELTY

The article analyzes the phenomenon of progressivism existing at the level of mass consciousness and in the form of ideas and even ideologies. This phenomenon displays a number of characteristic features: the belief in the irreversibility and lack of alternatives to scientific-technological progress; an abeyance of tradition; the primacy of opinion over justification, of novelty and originality over the desire for truth; the pretentiousness of language. The article justifies the existence of an alternative paradigm

to progressivism, which can be called «new evolutionism». It is argued that «new evolutionism» is not just a set of well-founded ideas, but a partially verified social and personal practice.

Keywords: progressivism, scientific and technological progress, posthuman, transhumanism, evolutionary potential of nature and man, «new evolutionism».

References

Bulgakov S. N. Filosofiya hozyaistva [Philosophy of economy]. *Works*: In 2 vols. Moscow, Nauka, 1993, vol. 1, p. 47–297. (In Russ.)

Ivanov A. V., Fotieva I. V., Shishin M. Y. *Skrizhali metaistorii: tvortsy i stupeni duhovno-ecologicheskoi tsivilizatsii* [*The Inscriptions of History: the Creators and the Steps of the Spiritual-Ecologic Civilization*]. Barnaul, Altai State Technical Univ. Publ., 2006. (In Russ.)

Lorenz K. Vosem smertnych grehov tsivilizovannogo chelovechestva [Eight Mortal Sins of Civilized Humanity]. Lorenz K. *Oborotnaya storona zerkala* [*The Reverse Side of the Mirrow*]. Moscow, Respublica Publ., 1998, p. 4–60. (In Russ.)

Lewes K. S. Chelovek otmenayetsa [Man is Abolished]. Lewes K. S. *Kosmicheskaya trilogiya* [*Space Trilogy*]. St. Petersburg, Severo-Zapad Publ., 1993, p. 597–631. (In Russ.)

Sorokin P. A. Dalnaya doroga: Avtobiographia [*Distant Road*: *Autobiography*]. Syktyvkar, Soyuz Jurnalistov Komi SSR Publ., 1992 a. (In Russ.)

Sorokin P. A. Istoricheskaya neobhodimost [Historical Necessity]. Sorokin P. A. *Chelovek. Tsivilisatsiya. Obshchestvo* [*Man. Civilization. Society*]. Moscow, Politizdat, 1992b, p. 513–521. (In Russ.)

Stolpovsky Y. A. Klyuchevoi vopros v sohranenii «kulturnogo» biorasnoobrasiya zhivotnych – sohranenie porodnogo mnogoobraziya [The Key Question of Preservation of Cultural Biodiversity of Animals – the Preservation of Stock Diversity]. *Izvestia Timiryazevskoi Selskohozyaistvennoi Akademii* [*News of the Timiryazev Agricultural Academy*], 2007, no. 5, p. 125–134. (In Russ.)

Frank S. L. Duchovnye osnovy obschestva [*The Spiritual Foundations of the Society*]. Moscow, Respublica Publ., 1992, p.14–146. (In Russ.)

УДК 323.329
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-94-102

А. В. Бутина

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия

anbutina@yandex.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В ГРАЖДАНСКИХ ДВИЖЕНИЯХ: МОДЕЛЬ КОНФЛИКТНОЙ КОАЛИЦИИ

Приведен анализ изменения представлений о роли интеллектуалов в современном социально-философском дискурсе. Сформулирован вывод об утрате интеллектуалами прежней монополии на формирование общественного мнения и ценностных ориентаций ввиду системных изменений в общественной жизни и возникновения социальных движений нового типа Дана критика основных одномерных моделей участия интеллектуалов в гражданских движениях. Представлена интерпретация гражданского участия интеллектуалов как модели конфликтной коалиции с общественными движениями.

Ключевые слова: интеллигенция, интеллектуалы, гражданские движения, конфликтная теория коалиций.

Традиционный подход к интерпретации роли интеллектуалов в социуме представлен утверждением, что интеллектуалы выполняют функцию создания или конструирования идеологических нарративов. Своими корнями такая позиция восходит к идеалам европейского Просвещения, провозглашавшего этику долга и ответственность философов и ученых, представителей так называемой аристократии духа, за культурный облик современного им общества. Еще в 1990-е гг. в рассуждениях о Модерне британский социолог З. Бауман указывал на устойчивое понимание культуры как миссионерской деятельности интеллектуалов [2003. С. 10]. Данный подход обладал несомненным эвристическим потенциалом в исследовании социально-ментальной динамики и коренных политических трансформаций вплоть до сере-

ISSN 2541-7517. Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 4. С. 94–102.
© А. В. Бутина, 2018

дины XX в., однако в последние десятилетия лишился своей универсальности ввиду возникновения социальных движений нового типа и утраты интеллектуалами прежней ведущей роли в формировании общественного мнения и ценностных ориентаций.

Следует отметить, что пафос исчерпания интеллектуалами своей социальной роли и даже «смерти» интеллектуала как социального субъекта характерен и для российского научного дискурса. Здесь особенно заметна позиция историка А. Кустарева, не проводящего четкой грани между понятиями «интеллигенция» и «интеллектуалы» и определяющего их как конгломерат агентуры умственной функции – «интеллигентности» («церебральности») общества [2006. С. 18]. По его мнению, говоря об интеллектуалах сегодня, мы имеем дело с неустойчивой терминологической конвенцией. Однако каким бы ни был дисбаланс «интеллигентского нарратива», как определяет его А. Кустарев, содержание дискурса о его влиянии традиционно характеризуется следующими аспектами. Во-первых, это апологетическое самоопределение интеллектуалов / интеллигенции. Во-вторых, традиционное разоблачение «псевдоинтеллигенции» и своего рода дифференциация интеллигенции по качеству. Наконец, нормативную часть нарратива составляют рассуждения об общественном долге интеллектуалов [Там же. С. 19]. А. Кустарев также говорит о формировании в России своего рода «антиинтеллигентского синдрома», основные истоки которого следует искать в идеологическом течении «веховства».

Предпринимая попытку дать анализ исторической типологии и современному состоянию феномена интеллигенции / интеллектуалов, сибирский исследователь И. В. Борисов отмечает, что это уже «уходящая натура – не в силу "морального износа", интеллектуальной деградации и предательства соответствующих групп, а в силу крупных системных изменений в общественной жизни» [2017. С. 69]. Одним из ключевых изменений исследователь считает ослабление позиций внутрисистемных левых движений. Если в рамках конфликта господствующей элиты с такими движениями интеллектуалы играли роль идеологического фильтра и буфера по отношению к остальным социальным субъектам, то с поражением левых движений позиция интеллектуалов во многом теряет функциональный смысл [Там же. С. 70]. Действительно, взлет и последовавший за ним кризис социального статуса интеллектуалов – общий феномен для всех культур, которые прошли период модернизации.

Характерной чертой господствующей ранее «просветительской» трактовки роли интеллектуала в обществе являлась предпосылка

об определенной дистанции между субъектом воздействия – интеллектуалом и его объектом – социумом, обусловленная особым статусом ученого или мыслителя в обществе. В данном ключе интеллектуал выступал олицетворением разума, носителем идей и смыслов, имманентно присущих социальному порядку, что накладывало отпечаток и на само понимание соотношения мира идей и мира действий. Диалектика теории и практики здесь, как правило, определялась посредством установления причинно-следственных связей: практика понималась либо как применение теории, т. е. как ее следствие, либо, напротив, как нечто причинное, вызывающее теорию к жизни. Тем не менее такая констатирующая трактовка не дает ответа на вопрос, почему одни теории трансформируются в действия социальных субъектов, а другие оказываются невостребованными. В этой связи представляется значимым рассмотрение не столько роли идей в социальной практике, столько роли авторов проектов и концепций – гражданского участия интеллектуалов.

Непосредственное взаимодействие с интеллектуалами не раз сопутствовало успеху гражданских движений в новой и новейшей истории России, стран Европы и обеих Америк. Примерами чему выступают: поддержка французскими интеллектуалами движения за гражданские права в Алжире в 1950–1960-е гг.; диссидентское движение в СССР; деятельность философа субкоманданте Маркоса в Сапатистской армии национального освобождения в 1990-е гг. в Мексике; участие интеллектуалов в движении безземельных рабочих в 1980-е гг. в Бразилии и т. д. Опыт истории показывает, что интеллектуалы и их идеи определяют символы движений, принципы и ценности, разделяемые их участниками. А для движений, добившихся успеха – достигших целей или получивших общественное признание, – характерно установление устойчивой связи с именем интеллектуала.

В современной социальной мысли существует ряд теоретических позиций, объединяющих точки зрения исследователей на причины участия интеллектуалов в гражданских движениях. В настоящей статье мы определяем эти позиции в качестве моделей участия.

Интеллектуалы – субъекты гражданской ответственности. По мнению немецкого социолога Р. Дарендорфа, «интеллектуалы несут ответственность перед обществом. Общества, где они немы, лишены будущего. Обязанность интеллектуалов – отчетливо выражать [существующие точки зрения] и таким образом обращаться к тем, кто несет на себе тяготы и невзгоды реальной жизни» [1997. С. 5]. В схожем ключе французский исследователь П. Бурдье налагал

на интеллектуалов обязательство действовать в качестве коллективного сознания нации, занимая определенную позицию в общественных вопросах и активно выражая ее в публичном пространстве. Роль интеллектуала, по его мнению, состоит в гуманитарной экспертизе социально-экономических и политических процессов [2002].

Интеллектуалы – выразители интересов или позиций определенных социальных групп. Автор концепции «органического интеллектуала» итальянский философ А. Грамши указывал на то, что каждый новый класс создает вместе с собой и формирует интеллектуалов в своем поступательном развитии. Такие интеллектуалы являются «специалистами» в области отдельных сторон первоначальной деятельности нового социального типа, который новый класс вывел в свет [1991].

Интеллектуалы – организаторы. Итальянский философ и последователь А. Грамши Н. Боббио считал, что задачу интеллектуала во взаимоотношениях с субъектами гражданского общества следует формулировать как работу организующим началом, образцом созидательного разума.

Интеллектуалы – критики и стратеги. На осуществление интеллектуалами в обществе критической функции в разное время указывали Й. Шумпетер [1995], Р. Арон [2006], Ю. Хабермас [2006] и др. Такая позиция, а также утверждение роли интеллектуалов в качестве разработчиков программ общественного развития близки и многим исследователям в современной России, в числе которых В. Мартьянов [2009], О. Яницкий [1991], Ю. Резник [2006] и др.

Интеллектуалы-фабианцы и интеллектуалы-фрилансеры. Американский социолог И. Хоув полагает, что для интеллектуалов, жаждущих совмещать серьезную социальную критику с защитой демократических институтов, есть два основных направления деятельности – путь «фабианца» (социал-демократический) и путь «фрилансера» (анархистский). Так, фабианец всецело отдается участию в движении за социальные реформы, посредством чего он чувствует, что служит обществу в качестве исторического наставника. Он организует свою деятельность рационально, с уважением к историческим ценностям, придавая этой деятельности идеологическое значение. В свою очередь, интеллектуал-фрилансер предлагает только один продукт – критику. Он заботится не о власти, но о влиянии, и даже менее о влиянии в социуме, чем в сообществе таких же интеллектуалов [Howe, 2006. P. 78–79.].

Однако общей чертой изложенных выше моделей участия интеллектуалов в гражданских движениях является их умозрительный

характер и представление о должном или желательном поведении интеллектуалов, которое часто расходится с реальной практикой. Представленные модели в значительной степени одномерны, в них отражено одно из свойств или ключевая, с точки зрения автора, функция интеллектуалов, что не позволяет произвести полную теоретическую реконструкцию условий интеграции интеллектуалов в практики низовой самоорганизации граждан и сформулировать вывод об их влиянии на развитие и успех социальных движений.

Предлагая подход к анализу взаимодействия интеллектуалов и гражданских активистов, нужно формулировать исследовательскую задачу не в контексте определения приоритета объективного либо субъективного для достижения успеха сотрудничества, а как поиск механизма взаимодействия, сочетающего в себе обе группы условий, и с необходимостью воспроизводящего себя в обществах вне зависимости от их географической локализации, а также типа политического и социокультурного развития.

На наш взгляд, теоретическим базисом адекватной современной модели интеграции интеллектуалов в проблемы и практики гражданских движений выступает концепция Р. Вутноу, представленная им в работе «Сообщества дискурса: Идеология и социальная структура в Реформации, Просвещении и европейском социализме» [Wuthnow, 1993].

В течение всех трех рассмотренных Р. Вутноу исторических и революционных периодов сперва новые политические и экономические ресурсы укрепляли государственный сектор, а затем в сложившейся ситуации длительного равновесия сил (патовой ситуации) между государственными акторами и главными обладающими собственностью консерваторами открывалось пространство для так называемых культурных предпринимателей – «третьей партии», которая в итоге и выигрывала от борьбы. Так, в период Реформации патовая ситуация возникла между аристократами-землевладельцами и городскими (как правило, торговыми) структурами; в эпоху Просвещения – между центральной бюрократией и независимыми представительными органами, в которых доминировала аристократия, а в социалистических движениях XIX в. – между землевладельческими и буржуазными партиями.

Отметим, что в своем анализе Вутноу практически не вникает в содержание идей, формулируемых интеллектуалами, а скорее обращает внимание на материальные основы культурного производства, а также расстановку политических и экономических сил, предоставляющих интеллектуалам пространство и свободу действия. При этом,

как отмечает исследователь работ Вутноу Р. Коллинз, тот делает значительный акцент на процессе отбора и институционализации идей [Коллинз, 2015].

Так, когда социально-политические условия благоприятны, происходит взрыв интеллектуального производства, однако вместе с циркуляцией новых идей возникает и обширная область несогласия. Тем не менее, согласно концепции Р. Вутноу, распространение критических идеологий дополняет атмосферу государственного распада.

Очевидно, что деятельность интеллектуалов в современных условиях весьма специализирована, и они не могут производить структурные изменения в обществе, действуя как группа, так как не могут договориться относительно выбора направления развития. Востребованность и отбор проектов интеллектуалов определяются формированием в обществе благоприятной структуры политических возможностей, характеризующейся наличием существенного разрыва между гражданскими требованиями и принимаемыми элитой политическими решениями, возникновением ситуации длительного равновесия сил между элитными группами, а также наличием интереса со стороны гражданских активистов. Для последних сотрудничество с интеллектуалами обеспечивает компенсацию недостатка ресурсов, а также завоевание социального престижа и привлечение сторонников.

Отсюда предлагаемая модель принимает вид конфликтной коалиции, устойчивость и успех которой определяются пересечением интересов (сетей) интеллектуалов и гражданских активистов, а также формированием паттернов их личных связей. Очевидно, что влияние интеллектуалов на развитие самоорганизации особенно значимо на стадии мобилизации гражданских движений, когда происходит определение репертуара коллективных действий и развитие активистской среды.

Следует отметить, что отказ считать интеллектуалов «моральным орденом» общества и определять гражданский этос их сущностной чертой отнюдь не исключает профессиональных производителей идей из пространства социальных субъектов. Напротив, предлагаемая модель конфликтной коалиции призвана подчеркнуть общественную заинтересованность в проектах интеллектуалов, существующую с необходимостью и независимо от содержания самих идей.

Гражданский проект, предлагаемый интеллектуалом, предстает неким «ящиком с инструментами», а его ценность определяется практической полезностью. Включенность в практику, в жизненный мир повседневности, изменяет и самого интеллектуала, а следовательно,

способствует развитию теории и поиску новых способов влияния на социальную динамику.

Интеграция интеллектуалов в структуру социальных и политических связей является особенно значимой для современных обществ, где специфический ресурс интеллектуала (способность к производству идей, обладающих универсальной ценностью и имеющих значение вне исторического контекста, географической привязки и практической применимости) превращается в символический капитал.

Список литературы

Арон Р. Опиум интеллектуалов // Логос. 2006. № 6. С. 182–205.

Бауман З. Законодатели и толкователи // Неприкосновенный запас. 2003. № 1 (27). С. 5–20.

Борисов И. В. Феномен интеллигенции / интеллектуалов: историческая типология и нынешнее состояние // Сиб. филос. журн. 2017. Т. 15, № 3. С. 64–74.

Бурдье П. За ангажированное знание // Неприкосновенный запас. 2002. № 5. С. 61–63.

Грамши А. Тюремные тетради (Избранное). М.: Изд-во полит. лит., 1991.

Дарендорф Р. Гражданская ответственность интеллектуалов: против нового страха перед просвещением // Полис. 1997. № 6. С. 5–14.

Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015.

Кустарев А. Конгломерат «интеллигенция» и его нарратив // Неприкосновенный запас. 2006. № 3 (47). С. 18–30.

Мартьянов В. Траектория постсоветских интеллектуалов: осознание «нового класса» или выработка общественного согласия // Мыслящая Россия. История и теория интеллигенции и интеллектуалов. М.: Наследие Евразии, 2009. С. 72–95.

Резник Ю. М. Социальная теория и общество: гражданская миссия и ответственность интеллектуалов // Личность. Культура. Общество. 2006. № 1. С. 60–79.

Хабермас Ю. Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала // Неприкосновенный запас. 2006. № 3. С. 4–12.

Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995.

Яницкий О. Н. Социальные движения: 100 интервью с лидерами. М.: Моск. рабочий, 1991.

Howe I. Intellectuals, Dissent and Bureaucrats // Public intellectuals, an endangered species? / Eds. A. Etzioni, A. Bowditch. New York, 2006. P. 71–80.

Wuthnow R. Communities of discourse: Ideology and Social Structure in the Reformation, the Enlightenment, and European Socialism. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1993.

Материал поступил в редколлегию 15.10.2018

A. V. Butina

Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Altai State University
61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation

anbutina@yandex.ru

INTELLECTUALS IN CIVIL MOVEMENTS: A MODEL OF CONFLICT COALITION

The paper provides an analysis of changing views about the role of intellectuals in contemporary socio-philosophical discourse. The author makes a conclusion about the loss by intellectuals of the previous monopoly on shaping the public opinion and value orienations. The article criticizes the basic one-dimensional models of the participation of intellectuals in civil movements, and also presents the interpretation of civic participation of intellectuals as a model of a conflict coalition with social movements.

Keywords: intelligentsia, intellectuals, civil movements, coalition conflict theory.

References

Aron R. Opyum intellektualov [The Opium of the Intellectuals]. *Logos*, 2006, no. 6, p. 182–205. (In Russ.)

Bauman Z. Zakonodateli i tolkovateli [Legislators and Interpreters]. *Neprikosnovennyi Zapas* [*Emergency Store*], 2003, no. 1, p. 5–20. (In Russ.)

Borisov I. V. Fenomen intelligentsii / intellektualov: istoricheskaya tipologiya i nyneshnee sostoyanie [The Phenomenon of Intelligentsia / Intellectuals: the Historical Typology and Present State]. *Siberian Journal of Philosophy,* 2017, vol. 15, no. 3, p. 64–74. (In Russ.)

Bourdieu P. Za angazhirovannoe znanie [For Engaged Knowledge]. *Neprikosnovennyi Zapas* [*Emergency Store*], 2002, no. 5, p. 61–63. (In Russ.)

Collins R. *Makroistoriya: ocherki sotsiologii bolshoi dlitilnosti* [*Macrohistory*: *essays in Sociology of the Long Run*]. Moscow, 2015. (In Russ.)

Dahrendorf R. Grazhdanskaya otvetstvennost intellektualov: protiv novogo straha pered prosvescheniem [The civil liability of intellectuals: the fear against the new enlightenment]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [*Polis. Political Studies*], 1997, vol. 6, p. 5–14. (In Russ.)

Gramschi A. *Tyuremnye tetradi* [*The Prison Notebooks*]. Moscow, 1991. (In Russ.)

Habermas J. Pervym pochuyat' vazhnoe. Chto otlichaet intellektuala [What is distinguish the intellectual]. *Neprikosnovennyi Zapas* [*Emergency Store*], 2006, no. 3, p. 4–12. (In Russ.)

Howe I. Intellectuals, Dissent and Bureaucrats. *Public intellectuals, an endangered species*? A. Etzioni, A. Bowditch (eds.). New York, 2006, p. 71–80.

Kustarev A. Konglomerat «intelligentsiya» i ego narrativ [Conglomerate «intelligentsia» and its narrative]. *Neprikosnovennyi Zapas* [*Emergency Store*], 2006, no. 3, p. 18–30. (In Russ.)

Martyanov V. Traektoriya postsovetskikh intellektualov: osoznanie «novogo klassa» ili vyrabotka obschestvennogo soglasiya [The trajectory of the post-Soviet intellectuals: the realization of the «new class» or the development of social consensus]. *Myslyaschaya Rossiya* [*Thinking Russia*]. Moscow, Eurasia Heritage Foundation, 2009, p. 72–95. (In Russ.)

Reznik Yu. M. Sotsialnaya teoriya i obschestvo: grazhdanskaya missiya i otvetstvennost intellektualov [Social Theory and Society: Civil Mission and Responsibility of intellectuals]. *Lichnost. Kultura. Obschestvo* [*Personality. Culture. Community*], 2006, no. 1. p. 60–79. (In Russ.)

Schumpeter J. *Kapitalizm, sotsializm i demokratiya* [*Capitalism, Socialism and Democracy*]. Moscow, 1995. (In Russ.)

Wuthnow R. *Communities of discourse*: *Ideology and Social Structure in the Reformation, the Enlightenment, and European Socialism*. Cambridge, MA, Harvard Univ. Press, 1993.

Yanitskiy O. N. *Sotsialnye dvizheniya*: *100 intervyu s liderami* [*Social Movements*: *100 Interviews with Leaders*]. Moscow, 1991. (In Russ.)

УДК 378.4 /316.422.44
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-103-113

А. М. Аблажей

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

ablazhey@academ.org

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИНТЕГРАЦИИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРИОД РАДИКАЛЬНЫХ РЕФОРМ

Анализируются процессы институционального взаимодействия академической науки и высшего образования в России на этапе их радикального реформирования. Исследование проводилось методом case-study, в качестве объекта выбрано научно-образовательное сообщество Красноярского научного центра Сибирского отделения РАН (также привлекались примеры из других центров СО РАН – Иркутска, Томска, Новосибирска). Показано, что особенности интеграции академической науки и высшего образования в современных условиях обусловлены реформированием как сферы университетского образования, так и академических научных учреждений, при этом «первую скрипку» играют университеты, активно вовлеченные в «гонку за рейтингами». Одним из ее побочных эффектов при этом может стать феномен *принудительной* интеграции, под которой понимается силовое инкорпорирование учреждений академической науки в состав ведущих университетов, с целью резкого усиления научного потенциала последних. Предлагается находить и использовать иные, взаимовыгодные способы и формы интеграции.

Ключевые слова: высшее образование, академическая наука, реформирование, рейтинг, ведущий университет, научный потенциал, принудительная интеграция.

Выбор оптимальных способов и форм интеграции науки и высшего образования – одна из наиболее острых проблем в сфере воспроизводства интеллектуального потенциала страны. Требуют ответа вопросы о том, кто должен играть ведущую роль в процессе интеграции, где должны быть сконцентрированы лучшие кадры, какое институциональное устройство является оптимальным для сферы передовых научных исследований, прикладных разработок, наукоем-

© А. М. Аблажей, 2018

кого производства; наконец, не лишен смысла вопрос о том, нужна ли интеграция вообще. Часть экспертов выступает в пользу приоритетного развития науки в вузах, ссылаясь на опыт большинства развитых стран, где наука сосредоточена прежде всего в университетах, а бюджет крупнейших из них превышает бюджет объединенной РАН. Сторонники иной позиции, напротив, апеллируют к опыту организации науки во Франции и Германии, где также имеются разветвленные сети специализированных научно-исследовательских институтов, подобные Российской академии наук: Французская Академия и «Общество Макса Планка» в Германии (подробнее об этом см.: [Дежина, 2007]).

В постсоветский период одним из основных направлений трансформации сферы интеллектуального производства стали многочисленные попытки ускоренного наращивания объема научных исследований в вузах, с целью позиционирования последних в качестве реальной альтернативы институтам Академии наук. Однако ожидаемого эффекта, за немногими исключениями, эти попытки не принесли, что связано как со слабостью материально-технической базы вузов и неготовностью подавляющего большинства ректоров рассматривать вложения в науку как реальный способ увеличения доходов вузов, так и отсутствием у заметной части вузовских преподавателей мотивации и уровня подготовки, необходимых для активной исследовательской деятельности [1].

Новое качество вопрос о методах и формах эффективной интеграции академической и вузовской систем приобрел в свете радикального реформирования как высшего образования, так и академической науки, вошедшего в активную фазу во второй половине 2000-х гг. С 2006 г. начинается формирование сети федеральных университетов, за которым последовал конкурс инновационных программ развития вузов. В 2010 г. стартовала программа создания национальных исследовательских университетов; в 2013 г. запущен масштабный проект по вхождению не менее пяти ведущих университетов России в число лучших вузов мира (Программа «5-100»). Коренным образом изменилась и система управления фундаментальной наукой: с осени 2013 г. все академические институты перешли в ведение Федерального агентства научных организаций (ФАНО); летом 2018 г. создано министерство науки и высшего образования. Появление новых адми-

[1] *Соколов М., Волохонский В.* Политическая экономия российского вуза. URL: http://www.strana-oz.ru/2013/4/politicheskaya-ekonomiya-rossiyskogo-vuza) (дата обращения 14.11.2017).

нистративных структур стало итогом усиленного бюрократического давления на науку, которое активизировалось с начала 2000-х гг.

Как справедливо отмечают эксперты, в начавшейся «гонке за рейтингами» российские вузы изначально находятся в менее выигрышном положении, чем их зарубежные визави, поскольку создавались и функционировали как *Learning University,* тогда как все мировые рейтинги строятся прежде всего на анализе индикаторов и показателей, характерных для *Science University*. Наращивание научного потенциала во многих отечественных вузах протекает крайне сложно, и серьезных эффектов не стоит ждать слишком скоро [2]. Однако результат, несмотря на вполне объективные обстоятельства, препятствующие его достижению, нужен уже сегодня, что диктует необходимость чрезвычайных мер. Одной из них и стала попытка ускоренного наращивания научного потенциала ведущих вузов (речь идет в первую очередь о федеральных и национальных исследовательских университетах) путем *силового включения* в их состав академических институтов. Примеры подобного рода не единичны, более того, в период с 2015 по 2017 г. процесс стал носить массовый характер – стоит назвать хотя бы попытку присоединения к МИСиСу двенадцати академических институтов или создание научно-образовательного консорциума на базе Дальневосточного федерального университета [3]. Добавим – официально речь шла исключительно об открытии кафедр ведущих вузов на базе научных организаций [4], но, учитывая несопоставимый размер интегрирующихся структур, были все основания говорить о начале процесса *поглощения* университетами академических организаций. В Томске большой шум наделало письмо ректора одного из крупнейших вузов города, предлагавшего «форсировать интеграцию ведущих российских университетов с географически близкими учреждениями науки, реализующими научные исследования по направлениям, соответствующим стратегическим

[2] *Березина И.* Слабакам здесь не место: на образовательном поле останутся только сильные игроки. URL: http://5top100.ru/about/mass-media/9526 (дата обращения 11.08.2018).

[3] ДВФУ и ведущие научные организации региона объединились в консорциум. URL: http://www.dvfu.ru/web/dvfu/-/dvfu-i-vedusie-naucnye-organizacii-regiona-ob-edinilis-v-konsorcium (дата обращения 29.04.2015).

[4] Информационное сообщение на официальном сайте РАН от 18.02.2015. URL: http://ras.ru/news/shownews.aspx?id=8e1651dd-eb22-4c03-a5f1-e0b94f0a4fb8&print=1 (дата обращения 20.02.2018).

целям развития вузов» и с этой целью включить в состав университета ряд институтов Томского научного центра СО РАН [5].

Более подробно остановимся на истории взаимоотношений Сибирского федерального университета (СФУ) и академических институтов Красноярского научного центра (КрасНЦ) СО РАН. С начала 2012 г. тогдашний ректор СФУ (в прошлом – директор Института леса КрасНЦ СО РАН) акад. Евгений Ваганов активно продвигал идею организации в крае регионального научно-образовательного центра (холдинга) на базе одного-двух крупных университетов и академических институтов. Идея сама по себе не только интересная и перспективная (создание подобного центра, по замыслу ее авторов, «позволило бы четче выстраивать и реализовывать НИОКРовскую стратегию на одной территории… заточить научные планы под единую стратегию... выступать единым сообществом, чтобы развивать прорывные направления в науке»), но и вполне логичная (в основу программы формирования сети федеральных университетов изначально закладывалась возможность включения в их состав «научных организаций, находящихся в ведении федеральных органов исполнительной власти, государственных академий наук, их региональных отделений») [Водичев и др., 2013. С. 362]. Особо подчеркивалось отсутствие «конфликтов с институтами Сибирского отделения РАН, в первую очередь с теми, которые расположены в Красноярске и частью в Новосибирске» [6]. Базой для сотрудничества предлагалось сделать совместное выполнение крупных научных программ в интересах макрорегиона, когда решение актуальных прикладных задач будет поддерживаться фундаментальными исследованиями. Другими словами, интеграция академической и университетской науки становилась важнейшим условием реализации регионального заказа на фундаментальные исследования. Планировалось, что ФАНО будет осуществлять базовое финансирование институтов, Министерство образования и науки сконцентрируется на поддержке научных школ университетов, научные фонды, прежде всего РНФ, поддержат интегрированные программы развития фундаментальных исследований на перспективу, регион сосредоточится на развитии инновационной инфраструктуры и софинансировании выигранных грантов. СФУ выполнял бы функции инициатора и одного из координаторов фор-

[5] Письмо ректора Томского политехнического университета П. Чубика заместителю министра образования и науки РФ А. Повалко от 19.11.2014 г. (из архива автора).

[6] Интервью ректора СФУ Евгения Ваганова. URL: strf.ru/material.aspx?d_no=48179&CatalogId=221&print=1 (дата обращения 17.08.2017).

мирования перспективных программ развития научных исследований [7].

В конце 2014 г. в ситуацию активно вмешалась местная власть: тогдашний губернатор Красноярского края В. Толоконский в письме на имя Президента страны предложил создать региональный научно-образовательный холдинг на базе Сибирского федерального университета. Региону отводилась бы роль «модельной площадки» федерального уровня по «апробации нового формата эффективного взаимодействия» научно-образовательного комплекса, региональной инновационной системы и промышленных компаний, новой системы управления сектором исследований и разработок и подготовки кадров для обеспечения ряда отраслей экономики, в первую очередь высокотехнологичных. В качестве центрального звена, «интеграционного ядра» в новой схеме организации инновационного процесса предлагалось рассматривать Сибирский федеральный университет, который в состоянии «существенно повысить эффективность» всей сферы инновационного производства при объединении его потенциала с институтами Красноярского научного центра СО РАН и Красноярским инновационно-технологическим бизнес-инкубатором, создании в дальнейшем «холдинговой модели» управления научно-образовательным и инновационным процессом, «наиболее эффективной» в современных условиях. В качестве приоритетных направлений деятельности предполагалось рассматривать освоение Арктики, космические и информационные технологии, глубокую переработку минеральных и возобновляемых ресурсов; атомную энергетику; биотехнологии и новые материалы; энергосберегающие технологии и биоэнергетику [8].

В то время как в пользу проекта высказалось профильное министерство [9], реакция с противоположной стороны не заставила себя долго ждать: руководители академических институтов, только-только начавшие приспосабливаться к новой пореформенной реальности, высказывались (чаще всего неофициально) резко против губернаторской (а по сути – университетской) инициативы. Руководство ФАНО, в целом формально одобряя проект, «направленный на поэтапную интеграцию научно-исследовательских институтов и универ-

[7] Форум в Красноярске. URL: http://tayga.info/news/2014/02/28/~115697 (дата обращения 28.01.2018).

[8] Письмо губернатора Красноярского края В. Толоконского от 2 декабря 2014 г. (из архива автора).

[9] Письмо заместителя министра образования и науки РФ А. Климова от 23 января 2015 г.

ситета», в то же время обращало внимание на президентский мораторий. Исходя из этого, предлагалось «обсудить» создание единого научно-образовательного и инновационного центра с руководством и научными коллективами научных учреждений, а также «создать рабочую группу для разработки стратегии (программы) его развития» [10]. Однако формальное одобрение проекта создания Центра отнюдь не означало его безоговорочной поддержки. Федеральные министерства обращали внимание на необходимость обоснования именно «холдинговой» модели управления научно-образовательным и инновационным центром, предполагавшей сохранение самостоятельного юридического статуса всех его участников. Участники дискуссии напоминали о созданном в Красноярском крае «Кластере инновационных технологий ЗАТО г. Железногорск», на обеспечение деятельности которого только в 2013–2014 гг. было направлено более 140 млн руб. из федерального бюджета, и предлагали создавать единый научно-образовательный и инновационный центр «в увязке» с программой развития кластера [11].

Проект не получил поддержки и на уровне академического сообщества. Как явствует из проведенных нами в январе-феврале 2015 г. интервью с научными сотрудниками институтов Красноярского научного центра, ученые выступили резко против подобного объединения, считая, что речь идет о фактическом включении академических институтов в состав федерального университета. Один из наших респондентов заявил: «*…некоторая нервозность связана с идеей объединения с СФУ... руководители институтов против, потому что считают – ничего хорошего такое объединение, тем более в форме холдинга, им не принесет*». В качестве одной из причин неприятия идеи объединения наш собеседник назвал сложившуюся в СФУ модель управления: «*это гигантский бюрократический механизм, все дела там делаются медленно, никакой реальной науки там нет*».

По сути, большинство ученых восприняли идею подобной интеграции как «Реформу академической науки-2», что закономерно вызвало негативную реакцию: «*Любая интеграция с федеральным университетом, даже первоначально в виде холдинга, с сохранением юр*[*идических*] *лиц – это все равно ползучее поглощение. Университету нужно повысить свой рейтинг за счет публикаций – переводных, Web of Science, цитируемости и так далее... Все понимают, что после*

[10] Письмо заместителя руководителя ФАНО А. Медведева от 22 января 2015 г.

[11] Письмо заместителя министра экономического развития РФ О. Фомичева от 20 января 2015 г.

интеграции начнется оптимизация направлений, оптимизация численности и т. д. Вот это всех волнует, поскольку пока мы независимы, то можем сопротивляться. У нас был опыт [*совместной работы*] *в рамках мегапроекта по Норильскому комбинату, где мы и университет работали по оценке экологической ситуации в Норильском районе. Но без этого слияния, потому что все подозревают, что за этим, якобы холдингом, стоит просто элементарное поглощение... Никакого добровольного вхождения быть не может*». Встает вопрос – чем объясняется столь резкое неприятие разумной, казалось бы, идеи углубленной интеграции с таким крупным университетом, как СФУ, руководителями и рядовыми сотрудниками академических институтов?

Здесь необходимо вернуться к истории создания Сибирского федерального университета и его дальнейшего развития. Он был учрежден в ноябре 2006 г. на базе объединения четырех красноярских вузов: трех университетов – технического, классического и университета цветных металлов и золота, а также архитектурно-строительной Академии. В числе важнейших конкурентных преимуществ Красноярского края как места создания федерального университета назывались «накопленный потенциал красноярских вузов и проектно-исследовательских учреждений в сфере научных исследований и подготовки кадров; развитая интеллектуально-культурная городская среда Красноярска; заинтересованность и инициатива в модернизации системы профессионального образования в регионе со стороны властей субъекта Федерации» [12].

В 2010 г. автор статьи также провел серию интервью с сотрудниками академических институтов Красноярска, в ходе которых обращалось особое внимание на взаимоотношения академических институтов с Сибирским федеральным университетом. Уже тогда стало понятно, что они носят проблемный характер. Ученый секретарь одного из институтов дала им следующую оценку: «*Я большой противник СФУ. Несмотря на обилие денег – эти деньги на пользу не пошли…* [*Что касается*] *задачи интегрироваться с академической наукой – у них всячески это звучало, более того, наш институт пытались соединить, влить его. Это вообще несопоставимо… просто ликвидация* [*нашего*] *института сразу*». В ходе дальнейшего разговора стало понятно, чем вызван подобный скепсис: «*Никакой там не будет лаборатории, которая будет как-то финансироваться, она*

[12] Концепция Национального университета в Сибирском федеральном округе. URL: about.sfu-kras.ru/formation/conception (дата обращения 13.08.2018).

тут же станет никому не нужна, и все разбегутся. У нас… две успешные кафедры в Институте математики [*СФУ*]*, это радует нас, это поставщик каких-то аспирантов, т. е. нельзя сказать, что там все плохо. Но, с моей точки зрения, это на энтузиазме нашем держится, со стороны университета в нас больше видят конкурентов, чем помощников*». Особо обращает на себя внимание пассаж о конкуренции – следует предположить, что именно конкурентный характер взаимоотношений с университетом стал одной из причин резко отрицательного отношения к идее создания научно-образовательного холдинга на базе СФУ.

С другой стороны, часть наших респондентов, в частности, из институтов биологического профиля характеризовали отношения с университетом как взаимовыгодные. Ученый секретарь одного из них уверенно утверждал: «*У нас две базовые кафедры в СФУ,* [*подписан*] *договор о долгосрочном сотрудничестве, преподают наши сотрудники, ведущие специалисты. Постоянно к нам приходят студенты, выполняются дипломные работы, магистерские диссертации и т. д. Очень тесное сотрудничество и главное, что оно никоим образом не влияет на суверенитет института… мы не только за счет денег Сибирского отделения содержим и развиваем наши стационары полевые, но и за счет практик студентов. У нас с университетами, не только с СФУ, отношения хорошие*». (Сотрудничество с университетом позволяло, например, отдельным институтам хотя бы отчасти решать такую острейшую проблему, как обновление научного оборудования, поскольку тогдашние финансовые возможности СФУ позволяли закупать уникальное дорогостоящее оборудование, институт же предоставлял под это оборудование помещения и организовывал обучение студентов работе на нем. В свободное от занятий время оборудование использовалось для проведения экспериментов в интересах института.)

Как показали дальнейшие события, идея создания в Красноярске научно-образовательного холдинга во главе с федеральным университетом потерпела фиаско. Руководство КрасНЦ СО РАН сыграло «на опережение» – все академические учреждения края вошли в состав Федерального исследовательского центра «Красноярский научный центр Сибирского отделения РАН»; объединившись, институты смогли успешно противостоять попыткам принудительной интеграции с СФУ. По этому же пути пошли в Тюмени и ряде других научных центров СО РАН.

В условиях, когда общемировой тренд заключается в создании и развитии исследовательских университетов, главный вопрос

для России – как наиболее органично и эффективно сделать академические институты частью этих новых университетов. *Силовое навязывание* новой модели несет существенные издержки для сложившихся демократических традиций, научной продуктивности и, что очень важно, психологического состояния научных сотрудников академических институтов (описание профессионального менталитета российских ученых см.: [Gerber, Ball, 2009]). На наш взгляд, необходимо искать новые пути, предлагая новые, в ряде случаев – промежуточные, формы взаимодействия, не привлекая административный ресурс для насильственного разрешения возникших проблем, поскольку лимит подобного рода действий с лихвой был исчерпан реформой науки 2013 г. Задача состоит в том, чтобы выстроить новую систему взаимоотношений, максимально выгодную для обеих сторон, не допуская потери накопленного опыта, научных заделов, кадров, материально-технической базы академических учреждений, максимально усиливая в то же время научный потенциал отечественного высшего образования.

Список литературы

Водичев Е. Г., Лисс Л. Ф., Узбекова Ю. И. Высшая школа в условиях системных трансформаций. Сравнительно-исторический аспект. Новосибирск: Изд-во ГЕО, 2013.

Дежина И. Опыт интеграции образования и науки на примере программы «Фундаментальные исследования и высшее образование» // Университетское управление: практика и анализ. 2007. № 1. С. 45–50.

Gerber T., Ball D. Scientists in a Changed Institutional Environment: Subjective Adaptation and Social Responsibility Norms in Russia // Social Studies of Science. 2009. No. 39/4. P. 529–567.

Материал поступил в редколлегию 06.09.2018

A. M. Ablazhey

Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

ablazhey@academ.org

THE NEW TRENDS IN THE INTEGRATION OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION IN THE PERIOD OF RADICAL REFORMS

The article analyzes the processes of interaction between social institutions of academic science and higher education in contemporary Russia. The author used the method of case study, and the object of analysis are scientific and educational communities of regional scientific centers of Siberian Branch RAS (Krasnoyarsk, Irkutsk, Tomsk, Novosibirsk). The main determining factor in the current conditions became a reform of the university education system and academic research institutions. In the context of the reform, when the main indicator of the success of the university is now its high positions in university rankings (Program «5-100», etc.), clearly marked an urgent need to accelerate the strengthening of the scientific potential of leading (federal and national research) universities. The universal way to satisfy it, as a rule, is the intensification of cooperation with academic institutions. The author concludes that it results in the phenomenon of *forced integration*, understood as a forceful incorporation of the academic research institutions into the leading universities, to boost the scientific potential of the latter. The author is critical of this trend, offering to find and use other, softer methods and forms of mutually beneficial integration.

Keywords: higher education, academic science, reform, leading university, research potential, forced integration.

References

Vodichev E. G., Liss L. F., Uzbekova Ju. I. *Vysshaya shkola v usloviyah sistemnyh transformatsii. Sravnitelno-istoricheskii aspect* [*Higher Education in the Context of Systemic Transformations. Comparative-Historical Aspect*]. Novosibirsk, GEO Publ., 2013. (In Russ.)

Dezhina I. Opyt integratsii obrazovaniya i nauki na primere programmy «Fundamentalnye issledovaniya i vysshee obrazovanie» [Experience of integration of education and science on the example of the program «Fundamental research and higher education»]. *Universitetskoe upravlenie*: *praktika i analiz* [*University Management*: *Practice and Analysis*], 2007, no. 1, p. 45–50. (In Russ.)

Gerber T., Ball D. Scientists in a Changed Institutional Environment: Subjective Adaptation and Social Responsibility Norms in Russia. *Social Studies of Science*, 2009, no. 39/4, p. 529–567.

УДК 177.9:316.4
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-114-124

В. В. Слюсарев, Т. М. Хусяинов

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
пр. Гагарина, 23/3, Нижний Новгород, 603098, Россия

timur@husyainov.ru

ПРОЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОСТИ, АСОЦИАЛЬНОСТИ И АНТИСОЦИАЛЬНОСТИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ *

Рассматриваются особенности проявления социального поведения в новых условиях виртуального пространства. Противопоставляются три формы характера отношений человека и киберсоциума – просоциальная (взаимодействие), асоциальная (независимость, невключенность), антисоциальная (паразитирование). Предлагается классификация форм виртуальности, представленных в современном мире. Описывается их связь с киберсоциальной структурой и возможные пути развития. Статья призвана показать, что современные социальные трансформации, вызванные цифровизацией общества, имеют амбивалентные последствия. В зависимости от позиции личности, современные технологии, являющиеся лишь средством достижения целей, могут быть использованы как во вред, так и во благо другому человеку, обществу, государству культуре. Человек и его моральность остаются главными критериями сосуществования.

Ключевые слова: асоциальность, антисоциальность, просоциальность, виртуальное пространство, киберреальность, киберсоциум, виртуализация общественных отношений, виртуальная культура, виртуальная коммуникация.

Введение

Технический прогресс второй половины XX в. принес человечеству огромное количество различных открытий и достижений. Одним из наиболее ярких стало возникновение в ходе Информационной революции Глобальной сети Интернет в 1970-х гг. Виртуальная реальность выступает своего рода еще одним онтологическим уров-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект №18-011-00335).

ISSN 2541-7517. Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 4. С. 114–124.
© В. В. Слюсарев, Т. М. Хусяинов, 2018

нем, который может синтезировать в себе сразу свойства нескольких других видов и форм бытия, обладая свойствами объектно-идеального и субъектно-идеального, так как может меняться по воле и желанию субъекта.

Если ранее существовали такие виды виртуальной реальности духовного характера, как идеологическая, религиозная, педагогическая, политическая, то в современных условиях виртуального пространства в дополнение к ним возникает социоинформационная виртуальная киберреальность [Питько, 2014]. В ней воссоздаются как физически-протяженные, так и «социальные» образы. Среди них особый интерес представляют различные киберспортивные соревнования, многопользовательские онлайн игры и т. п. явления, прочно закрепившиеся в актуальном дискурсе. Их особая важность заключается в масштабности и обыденности включения в них членов общества, так как они используют их в своих повседневных практиках. На таких коммуникативных «срезах реальности» возникает симуляция социально-психологического поведения в пространственно-протяженной форме. Игрок-актор в данном случае идентифицирует себя со своим внутриигровым аватаром и проецирует на него желаемое для себя киберсоциальное поведение [Воинова, Плешаков, 2018]. При этом игрок-актор, коммуницирующий внутри киберреальности, как правило, не имеет никаких способов доподлинно верифицировать «другого» в качестве человека – актором может быть качественный «бот» (автоматический оппонент), который, благодаря условностям данного вида реальности, успешно справляется с тестом Тьюринга. С другой стороны, участвующий человек-актор может сохранять свою анонимность или самопроизвольно выстраивать свою идентичность [Хусяинов, 2018а].

При этом мы можем разделить три концептуальных понятия и выявить определенную последовательность между ними: «Виртуальная реальность» – «Киберреальность» – «Киберпространство». Во многом подобное разделение и уточнение требуется в силу широкого употребления данных понятий в современных научных трудах и их разнообразной трактовки [Волов, 2011; Одинцов, Ващенко, 2016].

В частности, наиболее общим является концепт «Виртуальной реальности», включающей в себя как современные техноинформационные формы, так и исторически более ранние (литература, идеология, политика, религии и т. п.) [Питько, 2014]. Более частным случаем является концепт «Киберреальности», так как представляет собой именно современный способ реализации виртуальности посредством компьютерно-сетевой инфраструктуры (социальные сети,

сообщества, форумы, виртуальные государства). Внутри данной реальности можно выделить отдельное ее состояние, представленное в виде псевдоконтинуума – «киберпространство». Данное пространство формируется внутри киберреальности по средствам программного воссоздания симуляции частичного (или, в перспективе, полного) чувственного восприятия пространства и времени. При этом современные средства обмена информацией позволяют организовать не только такое пространство для личного пользования, как, например, компьютерные игры, но и в качестве социального. К существующим примерам социальных киберреальностей можно отнести проект Second Life, различные MMORPG и киберспортивные соревнования. К будущим – социальные сети, основанные на технологии шлемов виртуальной реальности (как, например, перспективные разработки Facebook совместно в Oculus Rift) [Слюсарев, 2017], практически воссоздающие «Матрицу».

В связи с этим возникает парадокс, когда сами социально-технические условия современной цивилизации приводят к «уходу» человека от социальности в ее традиционном понимании. Современные условия в виртуальности дают новое пространство для проявления разных форм киберсоциального поведения, лишенное привычных социально-психологических и антропологических оснований. Таком образом, можно выделить три стратегии поведения, определенные концептуальными понятиями: просоциальное, асоциальное, антисоциальное. В первом случае индивид в полной мере включается в существующие в виртуальной реальности структуры, а в некоторых случаях ведет активную социальную (просоциальную) деятельность для их развития. Во втором случае – индивид избегает включения в подобный киберсоциум. В третьем случае индивид противопоставляет себя «виртуальной общественности» и их ценностям и совершается делинквентные и преступные действия. Эти концептуальные понятия в рамках данного рассмотрения относятся исключительно к киберреальности.

Социальная и просоциальная деятельность в киберреальности

Киберреальность, интегрируясь в социальную жизнь общества, становится площадкой для коммуникации, реализации трудовой деятельности, получения образования. Многочисленные интернет-площадки дают возможность для реализации различных социальных действий в виртуальном мире.

Современные исследования демонстрируют жесткую взаимосвязь между нормами социального поведения, в том числе невербального, и действиями в киберпространстве (социальных сетях, в многопользовательских онлайн-ролевых играх (MMORPG) и т. д.).

Данные, собранные исследователями на основании взаимодействия пользователей «Second Life», позволяют полагать, что социальные нормы из предметной (физической) реальности также проявляются в киберпространстве. При этом выделяется интересная особенность относительно того, что используемое оборудование (мышь и клавиатура или шлемы виртуальной реальности) не влияет на социальное поведение [Yee et al., 2007].

В то время как для одних людей киберреальность становится пространством для коммуникации, развлечения и отдыха – повседневной практики, сохраняя при этом свою суверенность. Другие же используют данное пространство для осознанной гиперсоциальной активности, по мнению О. И. Воиновой и В. А. Плешакова, становясь «гражданином специфического социума» – киберсоциума [2018]. Киберпространство, в частности социальные сети, выступают площадками, катализаторами просоциального поведения.

Активное проникновение виртуальных социальных сетей в повседневную жизнь людей стало стимулом для трансляции своих проблем, просьб о помощи, распространения информации, новостей и уведомлений в кризисных ситуациях или способом привлечения средств для реализации социальных, творческих, научных и образовательных, коммерческих проектов (краундфандинг) [Масланов, 2018]: организации совместных покупок [Майорова-Щеглова, 2016]; обмена мнениями и дискуссий, консультирования.

Распространение информации в виде доминирующих, высокоранжируемых идей создает фактор некоего социального давления, что заставляет часть людей, не готовых к утрате своей индивидуальности, искать способы дистанцироваться от виртуального социума.

Асоциальность человека в киберпространстве

Современный мир был охарактеризован социологом Зигмундом Бауманом как «Индивидуализированное общество», т. е. как утрата человеком контроля над большинством значимых социальных процессов, постоянно растущая неопределенность и незащищенность человека перед неконтролируемыми переменами, отказ от достижения перспективных целей в пользу немедленного результата. Другие авторы называют это состояние «Обществом риска» и «Турбулентно-

стью времени». Подобный поворот событий нередко приводит к социальной дезинтеграции и индивидуализации.

В своем стремлении к свободе от социального давления человек вынужден уходить от общества и индивидуализироваться, становиться независимым и принимать на себя дополнительные риски. Поэтому Ф. И. Гиренок пишет об асоциальности виртуальных социальных сетей. В то время как в предметной реальности довлеет «Другой», который представляет собой общество, где нет места для индивидуального «Я». При этом единственным спасением от «Другого» философ называет «Параллельный мир», а его обитателей «Виртуалистами». Как мы можем судить, к числу виртуалистов относятся активные пользователи социальных сетей и современных гаджетов, в число которых входят как школьники и студенты, так и представители более старших поколений. Для этих людей сам социум – это тотальная несправедливость, а киберреальность – мир самоидентичности. В то время как предметный мир – мир социальных позиций, виртуальный – виртуальных диспозиций, проявления того, что люди думают о себе, их самоидентичности [Гиренок, 2013].

В этом постоянном беге индивидуальностей человек находит возможность для самовыражения в киберреальности, здесь он может быть тем, кем он хочет, фактически выступая в качестве силы, определяющей свой дискурс. Не испытывая сильной нужды общения, например, в работе, когда человек становится лишь оператором контента, а весь остальной социум – его рынком сбыта, он начинает задаваться вопросом о необходимости для него социума как такового. И, не находя необходимости в социуме, он начинает проявлять определенного рода интенциональность по отношению к нему, конструируя те социальные связи, которые для него интересны.

К проявлениям асоциальности в киберреальности можно отнести такое явление, как «Виртуальные государства». Подобный феномен – по сути симуляция государственной структуры и политической жизни (в некоторых случаях культурной и социальной), и используется как способ включения любого пользователя сети Интернет в деятельность подобного государствоподобного новообразования [Хусяинов, 2018б]. Подобные проекты часто создаются группой людей, невключенных в политическую жизнь в своей стране, как альтернатива, не затрагивающая других граждан реальных государств.

В отличие от субкультур это явление имеет совершенно другую природу, с одной стороны, человеческая индивидуальность получает больше возможностей для проявления, так как любой человек может стать активным субъектом и участвовать в формировании

определенных норм внутри такого новообразования. С другой – отсутствуют общие стандарты и объединяющие ценности, характерные для субкультур. При этом проявляются сразу два процесса – глобализация и глокализация [1]. С одной стороны, именно процесс глобализации и глобальной доступности информации дал возможность для объединения людей из разных стран, говорящих на разных языках и представляющих различные культуры. С другой стороны, именно в условиях киберреальности возникают новые замкнутые группы, нередко создающие особую общую идентичность. Это может проявляться как на фоне интереса к компьютерной игре, так и на основе особых мировоззренческих взглядов, например Пастафариантство (или Церковь Летающего Макаронного монстра).

Возникает новое – цифровое искусство, человек получает практически безграничные возможности для творческого самовыражения, объединяя в единую композицию различные формы трансляции смыслов. Искусство становится новым не только по форме, но и по технике исполнения / создания. На смену кистям, краскам, танцу и сценариям приходит программный код, при помощи которого создаются невероятные картины, сюжеты, действия. При этом автор может не принимать во внимание отношение общества к его творчеству.

Карл Маркс писал о значении экономического базиса общества. Естественно, асоциальность не могла не отразиться на этой сфере. Так возникли криптовалюты – по сути, целая финансовая система. Ее особенность заключается в децентрализованном характере, отсутствии регулятора и третьей стороны – посредника между участниками. Если в рамках традиционной финансовой системы таким посредником часто становится государство или финансовые организации, то теперь их место занимает программа. Рост популярности первой криптовалюты Bitcoin привел к новой волне множественности денег, когда в противовес официальным валютам, эмитируемым государственными банками, стали возникать новые альтернативные и децентрализованные. Кроме того, в киберреальности, например в MMORPG, возникают свои собственные экономические отношения и формируется особая система. Подобные деньги, как правило, напрямую зависят от спроса и предложения на них.

[1] См. Создатель читов в Южной Корее получил два года испытательного срока // Чемпионат.com. URL: https://www.championat.com/cybersport/news-3422327-sozdatel-chitov-v-juzhnoj-koree-poluchil-dva-goda-ispytatelnogo-sroka.html (дата обращения 05.05.2018).

В качестве одной из важных причин перехода людей к интернет-занятости можно отметить нежелание работать по стандартному графику и в трудовом коллективе. Среди интернет-работников велико число тех, кто стремится к гибкой занятости (по времени, расположению рабочего места и выполнению работы), удобной для него лично.

В зависимости от конкретной государственной политики те или иные асоциальные явления оказываются под запретом и признаются преступлениями или, наоборот, получают государственную поддержку и одобрение.

Так, регулирование интернет-занятости и криптовалют или правила регистрации в социальных сетях могут существенно отличаться в разных странах, что порой может одни асоциальные явления переводить в разряд социально одобряемых («Закон о чистом воздухе в Нью-Йорке», который был призван увеличить долю интернет-работников) или, наоборот, преступлений (запрет на использование социальных сетей, мессенджеров и криптовалют в ряде стран мира) [2].

Виртуальная антисоциальность и киберпреступления

Для ряда пользователей именно киберреальность становится местом борьбы с обществом. При этом следует отметить, что в основу антисоциальной деятельности могут ложиться как идеологические убеждения, так и стремление получить личную выгоду. Такая антисоциальность может проявляться в создании компьютерных вирусов, взломе государственных и корпоративных сайтов, создании мошеннических схем и т. д.

Практически абсолютная анонимность и отсутствие географических препятствий дают возможности для совершения действия по всему миру. Кроме того, далеко не все пользователи Глобальной сети в должной мере знакомы с правилами кибербезопасности, что открывает огромные возможности правонарушителю. Таким образом, фактически киберсоциум сам создал условия, при которых часть индивидов может противопоставить себя ему. В реальности такое было бы невозможно, так как вызвало бы действия социальных регуляторов – законов, правоохранительных органов – или просто самосуд. В киберреальности человек, совершающий преступление против «виртуального общества», практически ничем не рискует.

[2] См.: *Забродина Е.* В. Иране запретили Telegram // Рос. газета. 2018. URL: https://rg.ru/2018/04/30/v-irane-zapretili-telegram.html (дата обращения 05.05.2018).

Он в полной мере может противопоставить себя целому сообществу, сохраняя в реальной жизни или в других сообществах свою социальную роль и социальные связи.

Итак, современные СМИ, эксперты, обыватели склонны говорить о негативном влиянии киберреальности на различные аспекты жизни общества – зависимость от Интернета и игр, распространение ложной или конфиденциальной информации, пространство торговли нелегальными товарами или распространение экстремистских идей. Однако следует отметить, что именно люди, а не технологии это делают. В то время как для одних киберреальность – возможность творческого выражения, новые пути и способы познания, ведения творческой и личной жизни, для других – возможность самовыразиться, уйти от стигматизации, создать свой идеал государства, не затрагивая незаинтересованных в этом людей. Иные же противопоставляют себя обществу и общественному благу и стараются извлечь для себя выгоды независимо от средств. Киберреальность – это лишь условия, в которых происходят те или иные действия человека. Как и прежде, человек остается мерой всех вещей, основное значение имеют его воспитание, образование, отношение к миру, обществу, семье и самому себе.

Список литературы

Воинова О. И., Плешаков В. А. Личность и киберсоциум: становление киберсоциальности и классификация людей по степени интегрированности в киберсоциум // Homo Cyberus. 2018. № 1. URL: http://journal.homocyberus.ru/

Волов А. Г. Философский анализ понятия «Киберпространство» // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2011. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/filosofskiy-analiz-ponyatiya-kiberprostranstvo

Гиренок Ф. И. Параллельный мир: асоциальность социальных сетей // Философия коммуникации: проблемы и перспективы: Коллект. моногр. / Под ред. С. В. Клягина, О. Д. Шипуновой. СПб.: Гос. политех. ун-т, 2013. С. 107–110.

Масланов Е. В. Краудсорсинг как элемент экспертизы // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2018. № 1. С. 83–96. DOI: 10.5840/dspl2018115

Одинцов С. А., Ващенко А. В. Развитие теорий информационного общества и понятия «Киберпространство» // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 121. URL: http://ej.kubagro.ru/2016/07/pdf/116.pdf

Питько О. А. Виртуальная реальность как атрибут бытия человека // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2014. № 1. С. 58–64.

Слюсарев В. В. Виртуальная наркомания в информационном хаосе // Философия науки и техники в России: вызовы информационных технологий: Сб. науч. ст. Вологда: Изд-во ВоГУ, 2017. С. 274–277.

Хусяинов Т. М. Гендер и анонимность при построении виртуальной карьеры // Современная реальность в социально-психологическом контексте: Сб. науч. материалов. Новосибирск, 2018а. С. 56–59.

Хусяинов Т. М. Проекты «виртуальных государств» как способ политической самореализации молодого поколения // XX Ломоносовские чтения. Коряжма: ООО «РГ "Успешная"», 2018б. С. 43–45.

Yee N., Bailenson J. N., Urbanek M., Chang F., Merget D. The Unbearable Likeness of Being Digital: The Persistence of Nonverbal Social Norms in Online Virtual Environments // CyberPsychology & Behavior. 2007. Vol. 10. No. 1. URL: 10.1089/cpb.2006.9984

Материал поступил в редколлегию 17.09.2018

V. V. Sliusarev, T. M. Khusyainov

Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky
23/3 Gagarin Ave., Nizhni Novgorod, 603098, Russian Federation

timur@husyainov.ru

THE DEVELOPMENT OF SOCIALITY, ASOCIALITY AND ANTISOCIALITY IN THE VIRTUAL SPACE

The paper examines the features of the manifestation of social behavior in virtual space. The authors suggest three forms of the relations between man and cyber society, which are contrasted against each other: pro-social (interaction), asocial (independence, non-inclusion), antisocial (parasitic). A classification of forms of virtuality, presented in the modern world, is proposed. Their relationship with the social structure and possible ways of development are described. The article intends to show that modern social transformations caused by digitalization of society have ambivalent consequences. Depending on the position of the individual, modern technologies, which are only a means to achieving goals, can be used both for the harm and for the benefit of another person, society, state and culture. The person and his morality still remain the main criteria of coexistence.

Keywords: asociality, antisociality, prosociality, virtual space, cyber reality, cyber society, virtualization of social relations, virtual culture, virtual communication.

References

Girenok F. I. Parallelnyi mir: asotsialnost sotsialnykh setei [Parallel world: asociality of social networks]. *Filosofiya kommunikatsii: problemy i perspektivy*: kollektivnaya monografiya [*Philosophy of Communication*: *Problems and Perspectives*: A Collective Monograph] / Klyagin S. V., Shipunova O. D. (eds.) St. Petersburg, 2013, p. 107–110. (In Russ.)

Khusyainov T. M. Gender i anonimnost pri postroenii virtual'noi kar'ery [Gender and anonymity in building a virtual career]. *Sovremennaya realnost v sotsialno-psikhologicheskom kontekste*: Sbornik nauchnykh materialov [*Modern Reality in the Socio-Psychological Context*: A Compilation of Scientific Articles]. Novosibirsk, 2018a, p. 56–59. (In Russ.)

Khusyainov T. M. Proekty «virtualnykh gosudarstv» kak sposob politicheskoi samorealizatsii molodogo pokoleniya [Projects of «virtual states» as a way of political self-realization of the younger generation]. *XX Lomonosovskie chteniya* [*XX Lomonosov Readings*]. Koryazhma, «RG «Uspeshnaya», 2018b, p. 43–45. (In Russ.)

Maslanov E. V. Kraudsorsing kak element ekspertizy [Crowdsourcing as an Element of Expertise]. *Tsifrovoi uchenyi*: *laboratoriya filosofa* [*The Digital Scholar*: *Philosopher's Lab*], 2018, no. 1, p. 83–96. DOI: 10.5840/dspl2018115 (In Russ.)

Odintsov S. A., Vaschenko A.V. Razvitie teorii informatsionnogo obschestva i ponyatiya «Kiberprostranstvo» [The development of information society theory and the concept of «Cyberspace»]. *Nauchnyi zhurnal KubGAU* [*Scientific Journal of KubSAU*], 2016, no. 121. URL: http://ej.kubagro.ru/2016/07/pdf/116.pdf (In Russ.)

Pitko O. A. Virtualnaya realnost kak atribut bytiya cheloveka [Virtual reality as an attribute of human being]. *Traditsionnye natsionalno-kulturnye i dukhovnye tsennosti kak fundament innovatsionnogo razvitiya Rossii* [*Traditional National Cultural and Spiritual Values as the Foundation for Russia's Innovative Development*], 2014, no. 1, p. 58–64. (In Russ.)

Slyusarev V. V. Virtualnaya narkomaniya v informatsionnom khaose [Virtual addiction in information chaos]. *Filosofiya nauki i tekhniki v Rossii*: *vyzovy informatsionnykh tekhnologii*: Sbornik nauchnykh statei [*Philosophy of Science and Technology in Russia*: *Challenges of Information Technology*: A Compilation of Scientific Articles]. Vologda, VoGU Publ., 2017, p. 274–277. (In Russ.)

Voinova O. I., Pleshakov V. A. Lichnost i kibersotsium: stanovlenie kibersotsialnosti i klassifikatsiya lyudei po stepeni integrirovannosti v kibersotsium [Personality and cybersociology: the formation of cybersociality and the classification of people by the degree of integration into cybersociology]. *Homo Cyberus*, 2018, no. 1. URL: http://journal.homocyberus.ru/ (In Russ.)

Volov A. G. Filisofskii analiz ponyatiya «Kiberprostranstvo» [Philosophical analysis of the concept of «Cyberspace»]. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologii i kiberprostranstva* [*Philosophical Problems of Information Technologies and Cyberspace*], 2011, no. 2. URL: https: // cyberleninka.ru/article/v/filosofskiy-analiz-ponyatiya-kiberprostranstvo (In Russ.)

Yee N., Bailenson J. N., Urbanek M., Chang F., Merget D. The Unbearable Likeness of Being Digital: The Persistence of Nonverbal Social Norms in Online Virtual Environments. *CyberPsychology & Behavior*, 2007, vol. 10, no. 1. URL: 10.1089/cpb.2006.9984

УДК 304,5 + 81,11
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-125-134

Е. М. Лбова

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

kate.lbova@gmail.com

КУЛЬТУРА И ЯЗЫК КАК ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ: АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ КОНЦЕПЦИЙ *

Рассмотрены предпосылки возникновения современных западных направлений науки, анализирующих взаимовлияние языка, культуры и когнитивных процессов: лингвокультурологии, прикладной этнолингвистики, лингвистической антропологии. Показана трансформация философских концептуальных подходов в пространстве взаимовлияний «когнитивные процессы – язык – культура». Различия между дисциплинами показаны через призму истории развития когнитивных наук в США и Европе. Сделан вывод о больших эвристических возможностях этой науки в изучении межкультурной коммуникации индивидов и народов.

Ключевые слова: язык, культура, когнитивные науки, когнитивные процессы, структурализм, лингвокультурология, этнолингвистика, лингвистическая антропология.

Языковые, культурные и межэтнические взаимодействия; вербальное общение индивидов и народов – являются одними из ключевых тем современности, рассматриваемых в рамках различных научных дисциплин. В настоящее время разработка проблем, возникающих в рамках исследования данных тем, осуществляется с использованием методов, применяемых комплексом когнитивных наук, в центре внимания которых несколько категорий: язык, культура и когнитивные процессы. С одной стороны, это дает возможность исследователям использовать в своей работе большое количество подходов и мето-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-011-00223 «Влияние лингвокультурной специфики среды на формирование установок молодежи в межэтнических отношениях»).

© Е. М. Лбова, 2018

дов смежных наук. К примеру, в лингвокультурологии и этнолингвистике используются методы когнитивных наук, антропологии, культурологии и т. д. С другой стороны, междисциплинарный характер направлений и имеющиеся при этом различия в трактовке базовой терминологии, и, следовательно, в подходах к решению ключевых вопросов, могут осложнить работу ученого. Для решения этой проблемы необходимо выявить и проанализировать современные западные теории, объясняющие взаимовлияние когнитивных процессов, культуры и языка. Акцент на используемых за рубежом подходах связан с тем, что основные постулаты когнитивного направления в исследованиях возникли на Западе в середине XX в., определив особый путь развития научных направлений изучения социокультурных проблем в Европе, США и Австралии. Обращение исключительно к западным теориям позволяет обозначить различия в трактовках и подходах, связанных с развитием когнитивного направления в западной науке, на достижения которого ориентируются отечественные специалисты. Поэтому, помимо анализа теорий, необходимо также уделить внимание истории возникновения зарубежных концепций, анализирующих взаимовлияние языка, культуры и когнитивных процессов.

Идеи, обозначавшие тесную связь между языком, культурой и индивидом / обществом, появились еще в XIX столетии. Первым о взаимосвязи характера языка и характера народа написал В. фон Гумбольдт в своей работе «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода» [2000]. Он выдвинул тезис о необходимости изучения функционирования языка не только в отношении его к речи, но и к деятельности мышления и чувственного восприятия. Язык, согласно В. фон Гумбольдту – «орган, образующий мысль», являющийся своеобразным «мировидением» [Рамишвили, 2000. С. 5–6]. Тезис о тесной взаимосвязи языка и мировидения был впоследствии развит в русле психологии немецким ученым В. Вундтом, а также П. Германом, считавшим «психическое начало – важнейшим фактором всякого движения культуры» [1]. О взаимосвязи культуры, языка и истории писали такие ученые, как М. Бреаль и отечественные языковеды А. А. Потебня, М. М. Покровский.

Вплоть до начала XX в. подход В. фон Гумбольдта, исследовавшего (изучавшего) связь языка и мыслительных процессов, оставался самым влиятельным в языкознании. Его идеи продолжили свое раз-

[1] См.: *Голубева-Монаткина Н. И.* Предыстория психолингвистики: Герман Пауль // Этнокультурная специфика языкового сознания. URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1996/index.htm. (дата обращения 15.08.2018).

витие в форме неогумбольдтианства, утверждавшего зависимость содержания мышления и логического строя мысли от структурных особенностей языка. Но с появлением «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра обозначилась новая научная парадигма – структурализм, кардинальным образом изменившая отношение к языку [1999]. Согласно Ф. де Соссюру, язык характеризовался как автономная самодостаточная система, отделенная от функции речи. Это положение легло в основу структурной лингвистики.

Структурализм и неогумбольдтианство (Л. Вайсгербер, Х. Глинц, Х. Хольц – немецкая школа) имели своих последователей как в Европе, так и в Америке и продолжали сосуществовать и развиваться на протяжении первой половины XX в. В США структурализм получил радикальное развитие в работах Л. Блумфилда, сосредоточившего лингвистический анализ на языковой форме, игнорируя при этом семантику [Скребцова, 2018. С. 20]. Основные постулаты структурализма были созвучны с идеями бихевиоризма, что позволило Л. Блумфилду исключить «значение» из сферы языковых исследований, отделив таким образом язык от культуры и познания. Сторонники неогумбольдтианства же, напротив, все эти компоненты рассматривали во взаимосвязи друг с другом. Этот принцип отражен в работах американских ученых: основателя современной антропологии Ф. Боаса, лингвистов Э. Сепира и Б. Л. Уорфа – авторов гипотезы лингвистической относительности (гипотеза Сепира – Уорфа). Согласно этой гипотезе наличие разных категорий в различных языках свидетельствует о том, что носители этих языков по-разному концептуализируют окружающий мир; каждый народ видит мир сквозь призму родного языка, отражая действительность в «языковой картине мира». Так, языку отводится приоритетная роль в процессе познания, что обусловливает влияние языковых категорий на формирование мышления [Евсюкова, 2016. С. 29].

Различие между структурализмом и неогумбольдтианством наметило обозначившиеся впоследствии различия между философиями объективного и эмпирического реализма. В первой половине XX в. объективный реализм господствовал в западной науке [Лакофф, Джонсон, 2004. С. 218]. Ситуация начала меняться с появлением генеративной грамматики Н. Хомского. Несмотря на то, что теория, разработанная ученым, развивалась в рамках парадигмы структурализма, все же она отрицала принципы бихевиоризма и утверждала союз лингвистики и психологии [Скребцова, 2018. С. 25]. Взгляд на язык как на явление психики, призыв к изучению «внутреннего» языка привели к появлению когнитивной лингвистики, рассматривающей

язык не как автономную систему, а как обусловленную общим когнитивным механизмом способность.

Одними из ведущих теоретиков когнитивной лингвистики стали Дж. Лакофф и М. Джонсон. Теория концептуальной метафоры, предложенная учеными в совместной работе «Метафоры, которыми мы живем», базируется на опыте взаимодействия человека с окружающим миром [2004]. Итогом этого взаимодействия являются метафоры, пронизывающие «нашу повседневную жизнь, язык, мышление и деятельность» [Там же. С. 24]. Предложив теорию концептуальной метафоры, Дж. Лакофф и М. Джонсон поставили под сомнение авторитет философии объективного реализма в западной науке и вновь обратили внимание на взаимосвязь когнитивных процессов, культуры и языка.

Одновременно с теорией метафор, в 1970-е гг. психологом Э. Рош разрабатывалась теория прототипов и категорий базового уровня, позволившая впоследствии подтвердить один из основных постулатов когнитивной лингвистики о связи языка с общими когнитивными механизмами [Скребцова, 2018. С. 107–109]. Помимо этого, работа Э. Рош послужила базой для теории идеализированных когнитивных моделей Дж. Лакоффа, дополнившего с помощью нее описание процесса метафоризации и организации знаний в мозгу человека.

В конце 1980-х гг., американский ученый Р. Лангакер предложил идею, отрицающую независимость грамматики от лексики и семантики – когнитивную теорию языка, изначально названую пространственной грамматикой (space grammar). Согласно ученому, язык – система, содержащая в себе комплекс когнитивных шаблонов (cognitive routine), не поддающихся алгоритмическому исчислению. В рамках пространственной грамматики когнитивные процессы и язык связываются воедино [Langacker, 1988. P. 131].

Западные когнитивные исследования 1980-х – 1990-х гг. вновь обратили внимание на взаимовлияние языка, мышления и культурной среды. Однако акцент все же делался на анализе лингвистических структур во взаимосвязи с когницией. Особенности культуры привлекали меньше внимания со стороны когнитивных лингвистов. Этот пробел восполнился за счет развития в русле когнитивизма как уже существующих научных направлений (к примеру, этнолингвистики), так и совершенно новых (лингвокультурологии).

Новое научное направление – лингвокультурология (cultural linguistics), сочетало в себе как идеи неогумбольдтианства, так и новые подходы когнитивистов к языку. Уже сам тот факт, что термин «лингвокультурология» был впервые использован Р. Лангакером,

указывает на непосредственную связь новой дисциплины с когнитивной лингвистикой в западной науке [Langacker, 1994. P. 31]. Б. Питерс обозначает первоначальной датой существования нового направления 1996 г., связывая этот факт с публикацией американского ученого Г. Б. Палмера «Toward a theory of cultural linguistics», работавшего в рамках когнитивной теории языка Р. Лангакера [Peeters, 2017. P. 508]. Лингвокультурология, согласно ему, является результатом сочетания когнитивной лингвистики и трех традиционных подходов антропологической лингвистики: лингвистики Ф. Боаса, этносемантики и этнографии речи [Palmer, 1996. P. 5]. С точки зрения Г. Б. Палмера, основная задача лингвокультурологии состоит в определении того, как культурно-обусловленная и содержащая культурные ценности образность (imagery) влияет на модели грамматических структур [Ibid.].

В 2000-е гг. основные положения лингвокультурологии были развиты в работах австралийского ученого Ф. Шарифиана, предложившего свой аналог «образности» Г. Б. Палмера. Согласно ему, лингвокультурология – междисциплинарное направление, изучающее отношения между языком и культурными концептуализациями (cultural conceptualisations) [Sharifian, 2011]. Культурные концептуализации напрямую связаны с человеческим опытом и являются переходным звеном между языком и культурной когницией, представляющей форму познавательной способности, присущую не только индивиду, но и являющуюся результатом социальных и лингвистических взаимодействий между людьми через время и пространство [Sharifian, 2017]. Поскольку западная лингвокультурология изучает культурную когницию как комплексную адаптивную систему, возникающую из взаимодействия между членами языкового сообщества [Ibid. 2017. P. 2], изучение культурной когниции опирается на системный подход и теорию деятельности [Розин, 2015. С. 25]. Таким образом, Ф. Шарифиан выстраивает триаду: культурная когниция – культурные концептуализации – язык. Важным элементом триады являются культурные концептуализации, в которых отражены языковые особенности, напрямую связанные с верованиями, общественными правилами и традициями отдельно взятого социума. Для анализа этих особенностей используются следующие инструменты: «культурная схема», «культурная категория» и «культурная метафора / метонимия» [Sharifian, 2017. P. 4]. Также Ф. Шарифиан вводит термин «реконцептуализация» (reconceptualization), для описания последствий современных глобальных процессов, в результате которых культурная концептуализация отдельно взятого сообщества меняет свое перво-

начальное значение, становясь частью культурной когниции другого социума [Ibid. P. 5].

Когнитивные науки также оказали влияние на давно существующую научную дисциплину – этнолингвистику, дав развитие новым ее ответвлениям: когнитивной этнолингвистике и прикладной этнолингвистике.

Термин «когнитивная этнолингвистика» возник в рамках Польской этнолингвистической школы Е. Бартминьского. Главная задача этнолингвистики, согласно Е. Бартминьскому, состоит в «“субъектной” реконструкции культуры и изучении менталитета ее носителей, их способа концептуализации мира, воплощенного в языке» (цит. по: [Руденко, 2014. С. 67]). Одним из базовых понятий нового направления является языковой стереотип или концепт, определяемый через когнитивную дефиницию, включающую компоненты, закрепленные в коллективном сознании, которые выражены как вербально, так и невербально [Bartmiński, 2013]. Связь с когнитивными науками Польской этнолингвистической школы прослеживается через понятие «профилирования» т. е. возникающих в результате когнитивных процессов, субъективных концептуализаций различных предметов и явлений [Руденко, 2014. С. 70].

Прикладная этнолингвистика непосредственно связана с наработками Польской этнолингвистической школы. Подробный анализ нового прикладного направления дал в своих работах австралийский лингвист Б. Питерс [Peeters, 2013; 2017]. По мнению ученого, прикладная этнолингвистика возникла как «побочный продукт» теории Естественного Семантического Метаязыка (Natural Semantic Metalanguage), разработанной А. Вежбицкой и К. Годдаром [Peeters, 2017. P. 511]. Основной задачей новой дисциплины является исследование взаимовлияния языка и культурных ценностей [Ibid. P. 512]. Для ее решения Б. Питерс предложил модель этнолингвистических направлений – комплекс из шести подходов, предназначенных помочь изучающим иностранный язык на продвинутом уровне использовать сформированные языковые навыки для выявления культурных ценностей, ассоциируемых с носителями иностранного языка. Пять из них (этнолексикология, этнофразеология, этносинтаксис, этнопрагматика и этнориторика) позволяют выделить культурные ценности из языковых конструктов. Шестое направление, этноаксиология, используется для подтверждения результатов предыдущих пяти подходов [Ibid.].

В традиции Американской школы вместо термина «этнолингвистика» употребляется «лингвистическая антропология». А. Дуранти определяет данное направление как науку, изучающую язык и речевой процесс как элементы культуры [Duranti, 1997. P. 2]. Ученый выделяет три этапа развития лингвистической антропологии. В настоящее время наука переживает период третьей парадигмы, когда лингвистические практики используются для анализа развития и изменения личности, организации, общества в пространстве и времени. Ключевые понятия данного подхода – языковая практика (language practice), рамка участия (participant framework) и идентичность. Так, ориентация когнитивных наук на приоритет личности и субъективного восприятия находит отражение и в современных направлениях лингвистической антропологии и этнолингвистики.

В настоящее время на Западе существует несколько ведущих научных школ, занимающихся проблемами соотнесенности языка, культуры и познавательных процессов. Прежде всего, это Австралийская школа Ф. Шарифиана, развивающая теорию культурных концептуализаций, базирующаяся на теории метафор Дж. Лакоффа, и Американская школа лингвокультурологии, заимствующая подходы лингвистов Ф. Боаса и Р. Лангакера. В рамках Польской школы Е. Бартминьского были разработаны основные постулаты когнитивной этнолингвистики. Используя наработки Польской этнолингвистической школы, Б. Питерс развил собственное направление – прикладную этнолингвистику, позволяющую исследовать взаимовлияние языка и культурных ценностей. На появление перечисленных научных направлений оказали влияние теории когнитивной лингвистики, обогатившие также методологию Американской школы лингвистической антропологии.

Мы рассмотрели только основные концептуальные подходы, но выполненный анализ позволил сделать вывод о том, что парадигма когнитивизма, возникшая в середине XX в., во многом определила вектор развития западных социальных и гуманитарных наук, исследующих социокультурную проблематику. Утверждая приоритет субъективного реализма, представление о языке как зависящей от мыслительных процессов структуре, когнитивисты вернули внимание современных ученых к проблемам восприятия мира человеком и обусловленность ее социокультурными факторами, такими как язык, культура, специфика взаимодействия.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что подход представителей когнитивных направлений может быть основой

для исследований в области философии и социологии межкультурной коммуникации индивидов и народов в условиях глобализации.

Список литературы

Гумбольдт В. фон Избр. труды по языкознанию. М., 2000. 400 с.

Евсюкова Т. В. Лингвокультурология. М., 2016. 480 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004. 256 с.

Рамишвили Г. В. Вильгельм фон Гумбольдт – основоположник теоретического языкознания // Гумбольдт В. фон. Избр. труды по языкознанию. М., 2000. С. 3–15.

Розин В. М. Комплексные науки и междисциплинарные исследования // Идеи и Идеалы. 2015. Т. 1, № 4. С. 18–39.

Руденко Е. Н. Этнолингвистика без границ. Введение в лингвистическую антропологию. Минск, 2014. 192 с.

Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М., 2018. 392 с.

Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики. Екатеринбург, 1999. 432 с.

Bartmiński J. The Cognitive Definition as a Text of Culture // The Linguistic Worldview. Ethnolinguistics, Cognition and Culture. London, 2013. P. 161–180.

Duranti A. Linguistic anthropology. Cambridge. 1997. 398 p.

Langacker R. W. Culture, cognition, and grammar // Language contact and language conflict. Amsterdam, 1994. P. 25–53.

Langacker R. W. A usage-based model // Topics in Cognitive Linguistics. Amsterdam, 1988. P. 127–161.

Palmer G. B. Toward a theory of cultural linguistics. Austin, 1996. 360 p.

Peeters B. Applied ethnolinguistics Is Cultural Linguistics, but Is It cultural linguistics // Advances in Cultural Linguistics. Singapore, 2017. P. 507–527.

Peeters B. Language and cultural values: Towards an applied ethnolinguistics for the foreign language classroom // Cross-culturally speaking, speaking cross-culturally. Cambridge, 2013. P. 231–259.

Sharifian F. Cultural conceptualisations and language: Theoretical framework and applications. Amsterdam; Philadelphia, 2011. 238 p.

Sharifian F. Cultural Linguistics: The State of the Art // Advances in Cultural Linguistics. Singapore, 2017. P. 1–28.

Материал поступил в редколлегию 06.09.2018

E. M. Lbova

Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

kate.lbova@gmail.com

CULTURE AND LANGUAGE AS FORMING FACTORS OF COGNITIVE PROCESSES: ANALYSIS OF WESTERN CONCEPTIONS

The article reviews prerequisites that led to the emergence of contemporary western scientific approaches analysing the relationship between language, culture and cognition such as cultural cognition, applied ethno-linguistics, linguistic anthropology. It shows the transformation of philosophical conceptual approaches in the space of mutual influences between cognitive processes, language, and culture. The differences between disciplines are shown through the development of cognitive sciences in the USA and Europe. The conclusion is made about great heuristic possibilities of this science for studying cross-cultural communication of individuals and people.

Keywords: language, culture, cognitive sciences, cognitive processes, structuralism, cultural linguistics, ethno-linguistics, linguistic anthropology.

References

Bartmiński J. The Cognitive Definition as a Text of Culture. *The Linguistic Worldview. Ethnolinguistics, Cognition and Culture*. London, 2013, p. 161–180.

Duranti A. *Linguistic anthropology*. Cambridge, 1997.

Evsyukova T. V. *Lingvokulturologiya* [*Cultural Linguistics*]. Moscow, 2016. (In Russ.)

Humboldt W. von. *Izbrannye Trudy po yazykoznaniyu* [*Selected Works on Linguistics*]. Moscow, 2000. (In Russ.)

Lakoff G., Johnson M. *Metafory, kotorymi my zhivem* [*Metaphors We Live By*]. Moscow, 2004. (In Russ.)

Langacker R. W. A usage-based model. *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam, 1988, p. 127–161.

Langacker R. W. Culture, cognition, and grammar. *Language contact and language conflict*. Amsterdam, 1994, p. 25–53.

Palmer G. B. *Toward a theory of cultural linguistics*. Austin, 1996.

Peeters B. Applied ethnolinguistics Is Cultural Linguistics, but Is It cultural linguistics. *Advances in Cultural Linguistics*. Singapore, 2017, p. 507–527.

Peeters B. Language and cultural values: Towards an applied ethnolinguistics for the foreign language classroom. *Cross-culturally speaking, speaking cross-culturally*. Cambridge, 2013, p. 231–259.

Ramishvili G. V. Wilhelm fon Humboldt – osnovopolozhnik teoreticheskogo yazykoznaniya [Wilhelm von Humboldt – founder of Theoretical linguistics]. *Humboldt V. fon. Izbrannye Trudy po yazykoznaniyu* [*Humboldt W. von. Selected Works on Linguistics*]. Moscow, 2000, p. 3–15. (In Russ.)

Rozin V. M. Kompleksnye nauki i mezhdistsiplinarnye issledovaniya [Complex sciences and interdisciplinary researches]. *Idei i Idealy* [*Ideas and Ideals*], 2015, vol. 1, no. 4, p. 18–39. (In Russ.)

Rudenko E. N. *Etnolingvistika bez granits. Vvedenie v lingvisticheskuyu antropologiyu* [*Ethnolinguistics without borders. Introduction to Linguistic Anthropology*]. Minsk, 2014. (In Russ.)

Saussure F. de *Kurs obschei lingvistiki* [*Course in General Linguistics*]. Ekaterinburg, 1999. (In Russ.)

Sharifian F. *Cultural conceptualisations and language*: *Theoretical framework and applications*. Amsterdam, Philadelphia, 2011.

Sharifian F. Cultural Linguistics: The State of the Art. *Advances in Cultural Linguistics*. Singapore, 2017, p. 1–28.

Skrebtsova T. G. *Kognitivnaya lingvistika*: *klassicheskie teorii, novye podkhody* [*Cognitive Linguistics*: *Classical Theories, New Approaches*]. Moscow, 2018. (In Russ.)

УДК 168
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-135-146

Е. Г. Гребенщикова

Институт научной информации по общественным наукам РАН
Нахимовский пр., 51/21, Москва, 117997, Россия

aika45@yandex.ru

ЭТИКА КАК УПРАВЛЕНИЕ *

Рассматривается управленческий потенциал комплексных социогуманитарных программ, развивающихся в качестве вспомогательных компонентов крупных научно-технических проектов. Исследование институциональных структур и функций «новых типов этики» позволяет понять, каким образом социогуманитарное знание встраивается в процессы формирования нормативных и политических дискурсов технонауки и оказывает влияние на взаимоотношения между наукой и обществом.

Ключевые слова: этика, новые типы этики, институты этики, биоэтика, управление, этические, социальные и правовые проблемы технонауки, ответственные исследования и инновации.

Введение

Немногим более чем за 50 лет «индустрия этики» прошла путь от первых этических комитетов и немногочисленных публикаций до комплексных социогуманитарных исследований технонаучных проектов, представленных в «амбициозном эксперименте» по биоэтике – ELSI-программе (Ethical, Legal, and Social Implications) проекта «Геном человека», а также ELSA (Ethical, Legal, and Social Aspects) и RRI (Responsible Research and Innovations) подходах в разных областях технонауки (нанотехнологии, ИК-технологии), принятых, в частности, на уровне Рамочных программ (The Framework Programmes for Research and Technological Development) Евросоюза.

По мнению ряда исследователей, новые программы этики, развивающиеся в качестве вспомогательных компонентов крупных на-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-03-00784-ОГН).

ISSN 2541-7517. Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 4. С. 135–146.
© Е. Г. Гребенщикова, 2018

учно-технических проектов, «не соответствуют ни академической области, ни рациональным размышлениям об основах нравственной жизни, а представляют собой новый инструмент управления, основанный на предварительной институционализации биоэтики как способе решения морально неоднозначных проблем в биомедицине» [Hilgartner et al., 2017. P. 823–851]. Этот тип этики оказывает непосредственное влияние на процессы производства знаний и инноваций, формирование нормативных и политических дискурсов, которые ориентируются на факторы социальной приемлемости, безопасности и подотчетности науки.

Институционализированный в виде разных структур (комитетов, комиссий и др.) он [тип этики] рассматривается как инструмент «тонкого» и «мягкого» регулирования в демократическом управлении наукой и технологиями, который оказывает непосредственное влияние на взаимоотношения между наукой и обществом.

В настоящее время институты этической и социогуманитарной экспертизы представляют собой сложную систему комитетов и комиссий различной аффилиации: от подразделений ООН, Евросоюза, Совета Европы, парламентов, президентских администраций и т. д. до научно-исследовательских институтов. Их социальной функцией является комплексная социогуманитарная оценка инновационных проектов в различных областях технонауки. Идея социогуманитарной экспертизы в нашей стране плодотворно разрабатывалась в исследовательских программах Института человека РАН, а с 2006 г. – Института философии РАН под руководством чл.-корр. РАН Б. Г. Юдина И. И. Ашмариным, В. А. Луковым, Г. Б. Степановой, П. Д. Тищенко и другими российскими учеными.

От биоэтики к комплексным проектам технонауки

Британский исследователь Дж. Монтгомери, раскрывая биоэтику как практику управления, предложил два подхода – институциональный и функциональный. В первом речь идет об этических комитетах и других структурах, с деятельностью которых связана подготовка различного рода документов (руководств, принципов, кодексов и т. п.) и принятие решений, во втором – о функциях, демонстрирующих роль биоэтики в плюралистических обществах, где биотехнологические инновации нередко вызывают страх перед возможными рисками и негативными последствиями, провоцируют острые дискуссии. Он выделил четыре, с его точки зрения, наиболее важных легитимирующих нарративов биоэтики как практики управ-

ления, а именно: реакция на скандальные события в сфере медицинской практики; необходимость отвечать на обеспокоенность публики по поводу потенциально безответственного отношения к научным достижениям; необходимость разрешать глубокие разногласия, связанные с биоэтическими вопросами в плюралистическом обществе; сопротивление релятивистской идее о том, что в биоэтике все мнения равноправны [Montgomery, 2016].

Концепция британского биоэтика может представлять интерес в более широкой теоретической перспективе «новых типов этики». Это позволит не только раскрыть их управленческий потенциал, но и специфические особенности: особое внимание к перспективам развития инноваций, а также контекстам совместного производства знаний и социального порядка, формирующих, в терминологии М. Пикерсгилла, особые «режимы нормативности» [Pickersgill, 2012].

Институты этики

Началом институционализации этического дискурса принято считать «второе пришествие» Нюрнбергского кодекса в середине 1960-х гг., когда стало известно, что нарушения этики врачами в нацистской Германии не являются чем-то уникальным в новейшей истории медицины. «Они, вообще-то говоря, были широко распространены не только среди этих грешников, но и среди очень многих вполне уважаемых персонажей» [Юдин, 2017. С. 128]. Этические принципы Нюрнбергского кодекса стали основой для разработки законодательства в области исследований на людях, но сами не имели юридической силы. Поворот от моральных предписаний к обязательным этическим и правовым нормам связан с Хельсинкской декларацией, принятой Всемирной медицинской ассоциацией в 1964 г. Вместе с разработкой подобных документов и формированием института этической экспертизы сначала в биомедицине, а потом и в других сферах технонауки сложился язык, который позволил всем, включенным в дискуссии, конструктивно обсуждать новый круг проблем. В определенной степени с языком связан и трансдисциплинарный формат взаимодействия заинтересованных сторон, учитывающий комплексный характер обсуждаемых вопросов.

Следует также отметить, что со времен Нюрнбергского кодекса утвердились представления, согласно которым этическая экспертиза в биомедицине нацелена на защиту испытуемого, поскольку с участием в исследованиях связаны риски для его здоровья и даже жизни, угрозы достоинству и благополучию. Действительно, этическое,

а затем и юридическое регулирование первоначально предполагало минимизацию, а в идеале исключение возможных рисков. Но постепенно эти представления изменились, так как участие в исследованиях уже обещало определенную пользу для испытуемого, а не только возможные риски. Благо для него связывалось прежде всего с получением терапевтического эффекта, который невозможно получить другим способом в силу того, что исследуемое лекарственное средство или терапевтический метод еще не апробированы соответствующими контрольными органами и не вышли на рынок, имеют высокую для испытуемого стоимость или же в силу других обстоятельств. Таким образом, задачи этической экспертизы постепенно усложнялись, поскольку необходимо не только оценивать и минимизировать риски, но и обеспечивать доступ к благу, ориентируясь на идеи благодеяния и справедливости.

Механизмы этической экспертизы, которые изначально утвердились в биомедицине, в ряде стран постепенно начали применяться за ее пределами – в психологических, социологических, антропологических и т. п. исследованиях. Кроме того, со временем были выработаны процедуры оценки новых типов риска. Так, например, риски несанкционированного доступа к конфиденциальной информации актуализировалась не так давно в связи с конвергенцией биотехнологий и ИК технологий, развитием электронного здравоохранения.

Программы социогуманитарного сопровождения технонауки, начало которым было положено в рамках проекта «Геном человека», можно рассматривать как второй этап развития этической экспертизы. С ними связано формирование особого слоя этико-философского знания и поиска социогуманитарных ориентиров в необозримом пока поле новых технологических возможностей. Этот слой знаний представляет интерес не только с точки зрения поиска оснований эффективного взаимодействия представителей разных дисциплин, но и с точки зрения ориентации на социальные параметры инновационной политики. Кроме того, его потенциал обусловлен необходимостью учитывать сложность среды и балансировать между «мягкими» этическими опасениями и «жесткими» экономическими и юридическими аспектами. В результате, как утверждают Р. Странд и М. Кайзер, «этика становится все более законоподобной, а закон включает в себя больше этики». Например, программа «ответственные исследования и инновации» является не только рядом практик, в которых должны участвовать различные социальные акторы, но и юридическим принципом, принятым Европарламентом» [Strand, Kaiser, 2015. P. 14].

Функциональные измерения

Экстраполяция функционального подхода на сферу техноэтической рефлексии невозможна без учета проактивных стратегий, которые специфицируют ее социальные измерения и механизмы согласования разных точек зрения. Ориентация на подобные стратегии проявляется, например, в том, что социогуманитарные проблемы инноваций обсуждаются на стадиях проектирования и разработки, а этические дискуссии в результате оказываются тесно связанными с дискурсом антиципации. Последний отражает не столько интерес к будущему, сколько состояние ожиданий, с которыми соотносятся различные перспективы. Эвристический потенциал исследования антиципации хорошо демонстрирует концепция социотехнических мнимостей Ш. Джасанофф и С-Х. Ким, показавших, как коллективные представления формируют различные способы колонизации будущего, влияют на научно-техническую политику и восприятие возможностей технонауки. Они выступают и ресурсом для достижения желаемых сценариев, и способом предвосхищения нежелательных, изначально предполагая соотнесение разных видений и учет множества переменных, без которых тот или иной вариант не может состояться [Jasanoff, Kim, 2009]. Так, один из влиятельных подходов в современных исследованиях науки и технологий «оценка технологий в реальном времени», акцентирующий внимание на сложной динамике коэволюции науки и общества, в отличие от других близких теоретических моделей, часто определяется как «антиципативное управление». В близком ракурсе П. Д. Тищенко и Б. Г. Юдин отмечают, что «...наука и технологии будущего – это сложный объект с точки зрения управления. Причем сложным является не только объект управления наукой и технологиями, в своем современном развитии само управление правильно характеризуется как сложное, как управление не сложностью, а изнутри самой сложности. Все более интенсивными становятся усилия, основанные на этике, такие как ответственные исследования и инновации, идущее снизу вовлечение общественности, демократизация выработки повестки дня исследований и инноваций. Свое место в этом процессе может занять концепция социогуманитарного обеспечения инновационной деятельности, обеспечивая диалог между ее основными стейкхолдерами» [2016. С. 83].

Расширение зоны моральной ответственности за горизонт настоящего, связанной с антиципацией [Tutton, 2011], актуализирует этическую проблему разрыва между силой предвидения и мощью действия, описанную Г. Йонасом в середине прошлого века. По мнению

немецкого философа, «признание неведения становится оборотной стороной обязанности знать и через это – частью этики, которая призвана подвигнуть нас на делающийся все более настоятельным самоконтроль за собственной непомерной мощью. Никакой предыдущей этике не приходилось принимать в расчет глобальные условия человеческой жизни и отдаленное будущее, даже само существование человеческого рода» [2004. С. 53].

В рассматриваемом контексте антиципация может быть эксплицирована с точки зрения идеи «обживания» новых технологий, разработанной теоретиками гуманитарной экспертизы. Смысл «обживания» заключается не только в предварительном освоении открывающихся перспектив, но и в попытке противопоставить установке технологической неизбежности возможности ориентации в усиливающемся научно-техническом потоке, чтобы не плыть по течению, а делать рациональный выбор, понимая и принимая ответственность за него [Пронин и др., 2017. С. 89]. «Сегодня есть все основания утверждать, – отмечает Б. Г. Юдин, – что такая практика упреждающего реагирования, не реактивного, а проактивного поведения, стала общепринятой, и она касается не только того, что может принести человеку и человечеству научно-технический прогресс, но и, в общем-то, любых значимых научно-технических проектов. Уже в тот момент, когда они только еще замышляются, не надо специально кого-то будоражить для того, чтобы привлечь внимание к возможным рискам и опасностям, считается само собой разумеющимся, что с первых этапов, с первых стадий начинают обсуждаться и эти, этические проблемы. Таким образом, этический дискурс становится составной частью инновационной деятельности, научно-технического развития, создания и использования новых технологий» [2017. С. 130].

Переход к установкам предосторожности связан с рядом факторов: осознание ограниченности технологического оптимизма, негативный опыт крупных техногенных катастроф и др. Их подробный анализ не входит в задачи данной статьи, однако важно другое: логика действия по принципу «предупредить проблему легче, чем разрешить» оказывается не просто предпосылкой опережающего реагирования, но и основой нормативного регулирования. Таким образом, одна из функций биоэтики, связанная с реакцией на скандалы в сфере медицинской практики, может быть переосмыслена как реакция на негативные последствия использования новых технологий, их предупреждение и нормативное регулирование.

Вторая, по мысли Монтгомери, функция биоэтики – необходимость отвечать на обеспокоенность публики относительно новых

достижений технонауки – в полной мере согласуется с целями и задачами «новых типов этики». В другой оптике она может быть рассмотрена как попытка комплексного ответа на проблему социальной акцептации инноваций. Предупреждая как алармизм социальных акторов, так и недооценку рисков специалистами, он [ответ] связывает общественные, профессиональные и экспертные дискурсы в управлении научно-технологической деятельностью.

В свое время известный теоретик «общества риска» У. Бек, поставив в центр исследовательского интереса рукотворные риски, показал не только почему происходит переоценка сложившихся способов их контроля, но и какую роль играют процессы коммуникации рисков в управлении научно-техническим развитием. Например, сравнение отношения религиозной общественности к нанотехнологиям в США и Сингапуре [Liang et al., 2015] показало, что при интерпретации нанотехнологических знаний и представлений люди этих стран прибегают к разным фильтрам восприятия. Американцы опираются на свою религиозность, когда воспринимают пользу от новейших технологий, в то время как сингапурцы – когда речь идет о восприятии рисков. Все религии (буддизм, даосизм, ислам и индуизм), охваченные в выборке Сингапура, рассматривают человека в тесной взаимосвязи с природой, поэтому акцент ставится на защите, а не на модификации окружающей среды. Возможно, это объясняет, почему религиозность в Сингапуре направлена скорее на риски для окружающей среды, которые могут нести с собой нанотехнологии, чем на полезные эффекты. В США, где респонденты в основном христиане протестантских конфессий, меньше беспокойства проявляется в отношении окружающей среды, зато больше – относительно моральных и этических аспектов самих технологий.

Кроме того, проблематика риска оказала значительное влияние на становление нового формата взаимодействия науки и общества, точнее, переход от «дефицитной» модели (подразумевается дефицит знаний общественности по технонаучным вопросам) к «культуре консультаций и диалога», инициативам «вовлечения общества в науку» (public engagement in science). Учет социальных измерений – это, прежде всего, понимание, что инновации возникают в обществе и для общества. Другими словами, не только исследователи и разработчики должны нечто открыть и довести до потребителя, но и общество должно открыть для себя смысл новой технологии или продукта, соотнести его с миром повседневности. Каким образом возникающие в этой связи проблемы будут вписаны в пространство социальной коммуникации – вопрос, на который трудно ответить, не принимая

во внимание возможности этических институций. И в этом контексте еще одна функция – согласование разных позиций по тем или иным вопросам – приобретает особое значение. Она ставит под вопрос инструментальную трактовку взаимоотношений между наукой и обществом, предлагая вместо формальных процедур работающие модели диалога, основанные на открытой коммуникации и обратных связях. В таком ракурсе «институты этики» уже не воспринимаются «как ограничение для исследований и инноваций, а скорее как способ обеспечения качественных результатов» [European Commission, 2012].

Значимость публичного диалога может быть обоснована как минимум двумя факторами: нормативным и содержательным. Во-первых, важен сам процесс вовлечения публики, поскольку необходимо учитывать позицию тех, кого будут затрагивать принимаемые решения; во-вторых, возникающие в дискуссиях мнения, ценности и перспективы необязательно совпадают с тем, что ожидают спонсоры и ученые, а потому внимание к ним может привести к более приемлемым с социальной точки зрения результатам [Mohr, Raman, 2012].

Однако не все позиции и мнения можно согласовать, что хорошо демонстрируют непрекращающиеся дискуссии вокруг некоторых проблем биоэтики. Одним из возможных вариантов сопряжения разновекторных интересов является подход рефлексивного равновесия Дж. Ролза, активно обсуждаемый в биоэтике. В узкой трактовке рефлексивное равновесие предполагает решение моральной проблемы путем достижения согласия между рассматриваемыми суждениями. Широкая версия подразумевает объединение суждений, применяемых принципов и базовых теорий, в том числе философских, для достижения консенсуса, что придает большую устойчивость и жизнеспособность результату. Другой способ поиска решений связан с такой функцией биоэтики, как сопротивление релятивизму. Она может принимать либо форму определения общих принципов, которые затем могут быть реализованы через институты управления, либо установления нормативных рамок, ограничивающих значимость разнообразных взглядов. Международные конвенции также являются способом ответа на вызовы релятивизма, поскольку включают общие принципы. На актуальность этой функции за пределами биоэтики указывает тот факт, что в трех докладах (США, Евросоюза и Великобритании), посвященных проблемам подготовки общества к широкому использованию искусственного интеллекта (ИИ), подчеркивалась необходимость создания этических структур для анализа возникающих проблем и разработки рекомендаций и принципов

использования потенциала технологий ИИ в интересах всего общества [Cath et al., 2018].

Принципализм, как и другие регламентирующие подходы, оказывает влияние на нормативные основания профессионального этоса, обусловливающие взаимосвязь внешних систем ценностей и научной практики. Кодексы, стандарты добросовестного проведения исследований, моратории, определяя границы должного профессионального поведения, в то же время фиксируют изменение контекстов производства знаний, в которых социальные аспекты оказываются не внешними, а имплицитными факторами целеполагания и осмысления последствий научной деятельности. Таким образом, функциональный подход позволяет понять, как вместе с трансформацией контекстов производства знаний меняются основания этико-аксиологической рефлексии технонауки. В свою очередь, переход к новым уровням рефлексии соотносится с эволюцией управления – сдвиг от «классического управления к "мягким" видам управления через социальные среды» [Лепский, 2015. С. 96].

Заключение

Начиная с программы комплексного исследования этических, правовых и социальных последствий проекта «Геном человека» (ELSI), поиск социально приемлемых способов разрешения сложных проблем развития технонауки стал основой становления механизмов оценки и анализа технологических инноваций, определения рамок их обсуждения, а также последующей институционализации в виде комитетов и комиссий. Процессы «ELS-фикации» также сыграли ключевую роль в формировании способов «мягкого» регулирования в технонауке, соответствующих ускоряющейся динамике научно-технического развития и принципам демократического управления. Не требуя долгих согласований на уровне национального или международного законодательства, «новые типы этики» в качестве инструмента управления постепенно встроились в процедуры согласования, заполнив пробелы нормативно-правовой регламентации. Оперативно реагируя на возникающие вызовы, они обеспечивают возможности конструктивного обсуждения и разрешения возникающих противоречий, связывая ученых, разработчиков, представителей государственных и финансовых структур и общества в процессах совместного производства знаний и инноваций.

Список литературы

Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-пресс, 2004.

Лепский В. Е. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М.: «Когито-Центр», 2015.

Пронин М. А., Юдин Б. Г., Синеокая Ю. В. Философия как экспертиза // Философский журнал. 2017. Т. 10. № 2. С. 79–96.

Тищенко П. Д., Юдин Б. Г. Социогуманитарное сопровождение инновационных проектов в биомедицине // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 73–86.

Юдин Б. Г. Выступление на «круглом столе» // Мораль в современном мире и проблемы российской этики. М.; СПб.: ЦГИ «Принт»,2017. С. 128–131.

Cath C. et al. Artificial Intelligence and the 'Good Society': the US, EU, and UK approach // Science and engineering ethics. 2018. Vol. 24. No. 2. P. 505–528.

European Commission (EC). Responsible Research and Innovation. Europe's Ability to Respond to Societal Challenges. 2012. URL: https://ec.europa.eu/research/swafs/pdf/pub_public_engagement/responsible-research-and-innovation-leaflet_en.pdf. (дата обращения 11.09.2018).

Hilgartner S., Prainsack B., Hurlbut J. B. Ethics as governance in genomics and beyond // The Handbook of science and technology studies. 2017. P. 823–851.

Jasanoff S., Kim S. H. Containing the atom: Sociotechnical imaginaries and nuclear power in the United States and South Korea // Minerva. 2009. Vol. 47. No. 2. P. 119–146.

Liang X. et al. Value predispositions as perceptual filters: Comparing of public attitudes toward nanotechnology in the United States and Singapore // Public Understanding of Science. 2015. Vol. 24. No. 5. P. 582–600.

Mohr A., Raman S. Representing the public in public engagement: The case of the 2008 UK stem cell dialogue // PLoS biology. 2012. Vol. 10. No. 11. P. 1–7.

Montgomery J. Bioethics as a governance practice // Health Care Analysis. 2016. Vol. 24. No. 1. P. 3–23.

Pickersgill M. The co-production of science, ethics, and emotion // Science, Technology, & Human Values. 2012. Vol. 37. No. 6. P. 579–603.

Strand R., Kaiser M. Report on ethical issues raised by emerging sciences and technologies / Report written for the Council of Europe, Committee on Bioethics. 2015. 23 January. URL: https://rm.coe.int/168030751d. (дата обращения 11.09.2018).

Tutton R. Promising pessimism: reading the *futures* to be avoided in biotech // Social Studies of Science. 2011. Vol. 41. No. 3. P. 411–429.

Материал поступил в редколлегию 10.10.2018

E. G. Grebenshchikova

Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS
51/21 Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation

aika45@yandex.ru

ETHICS AS GOVERNANCE

The article deals with the governance potential of complex social and humanitarian programs that are developing as additional components of large scientific and technical projects. They promptly respond to emerging challenges and do not require long negotiations and agreements at the level of national or international legislation. The study of institutional structures and functions of new types of ethics makes it possible to understand how social knowledge and the humanities participate in normative and political discourses of governance that are structuring relationships of technoscience and society.

Keywords: ethics, new types of ethics, ethics institutions, bioethics, governance, ELSI, responsible research and innovation.

References

Jonas G. *Printsip otvetstvennosti. Opyt ehtiki dlya tekhnologicheskoi tsivilizatsii* [*Principle of responsibility. Experience ethics for technological civilization*]. Moscow, Airis-press, 2004. (In Russ.)

Lepskii V. E. *Evolyutsiya predstavlenii ob upravlenii* (*metodologicheskii i filosofskii analiz*) [*Evolution of management concepts* (*methodological and philosophical analysis*)]. Moscow, «Kogito-Centr», 2015. (In Russ.)

Pronin M. A., Yudin B. G., Sineokaya Yu. V. Filosofiya kak ekspertiza [The philosophy of expertise]. *Filosofskii zhurnal* [*Philosophical Journal*], 2017, vol. 10, no. 2, p. 79–96. (In Russ.)

Tischenko P. D., Yudin B. G. Sotsiogumanitarnoe soprovozhdenie innovatsionnyh proektov v biomeditsine [Socio-humanitarian support of innovative projects in Biomedicine]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [*Knowledge. Understanding. Skill*], 2016, no. 2, p. 73–86. (In Russ.)

Yudin B. G. Vystuplenie na «kruglom stole» [Speech at the round table]. *Moral v sovremennom mire i problemy rossiiskoi etiki* [*Morality in the Modern World and Problems of Russian Ethics*]. Moscow, St. Petersburg, CGI «Print», p. 128–131. (In Russ.)

Cath C. et al. Artificial Intelligence and the 'Good Society': the US, EU, and UK approach. *Science and Engineering Ethics*, 2018, vol. 24, no. 2, p. 505–528.

European Commission (EC). Responsible Research and Innovation. Europe's Ability to Respond to Societal Challenges. 2012. URL: https://ec.europa.eu/research/swafs/pdf/pub_public_engagement/responsible-research-and-innovation-leaflet_en.pdf. (accessed 11.09.2018).

Hilgartner S., Prainsack B., Hurlbut J. B. Ethics as governance in genomics and beyond. *The Handbook of Science and Technology Studies*, 2017, p. 823–851.

Jasanoff S., Kim S. H. Containing the atom: Sociotechnical imaginaries and nuclear power in the United States and South Korea. *Minerva*, 2009, vol. 47, no. 2, p. 119–146.

Liang X. et al. Value predispositions as perceptual filters: Comparing of public attitudes toward nanotechnology in the United States and Singapore. *Public Understanding of Science*, 2015, vol. 24, no. 5, p. 582–600.

Mohr A., Raman S. Representing the public in public engagement: The case of the 2008 UK stem cell dialogue. *PLoS biology*, 2012, vol. 10, no. 11, p. 1–7.

Montgomery J. Bioethics as a governance practice. *Health Care Analysis*, 2016, vol. 24, no. 1, p. 3–23.

Pickersgill M. The co-production of science, ethics, and emotion. *Science, Technology*, & *Human Values*, 2012, vol. 37, no. 6, p. 579–603.

Strand R., Kaiser M. Report on ethical issues raised by emerging sciences and technologies. *Report written for the Council of Europe*, *Committee on Bioethics*, 2015, 23 January. URl: https://rm.coe.int/168030751d. (accessed 11.09.2018).

Tutton R. Promising pessimism: reading the futures to be avoided in biotech. *Social Studies of Science*, 2011, vol. 41, no. 3, p. 411–429.

УДК 17.02:111.8
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-147-158

Н. А. Синюкова

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

sinuknat@gmail.com

СУБЪЕКТИВИЗАЦИЯ ОПЫТА БОЛЕЗНИ КАК ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНЫ

В современном обществе происходит переориентация медицины высоких технологий на гуманистическое осмысление медицинской науки и практики. Область медицины сегодня более чувствительна к «латентной» для клинической практики проблематике. Рассматриваются проблемы индивидуализации и гуманизации высокотехнологичной медицины. Анализируются теоретические подходы, разрабатываемые в рамках гуманистически-ориентированной модели медицины, направленные на концептуализацию субъективного опыта переживания болезни.

Ключевые слова: опыт болезни, заболевание, гуманистическая модель медицины, нарративная медицина, феноменология болезни, биомедицинская модель медицины, взаимоотношения врач-пациент, смысл, бытие-в-мире, отчуждение.

Новая эра высокотехнологичной, ускоренной жизни как бы «оглушает» современного человека по отношению к внутренним ощущениям своего тела. Появление серьезной болезни застает современного человека буквально врасплох. Блестящие достижения хирургии, ортопедии, трансплантологии и других областей медицины, стремительное развитие индустрии красоты и фитнеса «обещают» человеку уверенность в достижимости контроля над своим здоровьем и продления жизни. Одновременно современная консьюмеристская культура способствует популяризации эстетически нормализованного, улучшенного и управляемого технологиями тела и здоровья [Попова, 2015. С. 151]. При этом основы внутреннего самосознания, способность воспринимать «голос» своего тела в настоящее время лишь начинают формироваться. Человек не «прислушивается» к тревожным сигналам собственного тела, пока они не «захватывают» его внима-

ISSN 2541-7517. Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 4. С. 147–158.
© Н. А. Синюкова, 2018

ние полностью, как это происходит при возникновении острой боли, травмы или болезни [Суворова, 2017]. Происходит деаксиологизация здоровья на индивидуальном уровне или вытеснение ценностей здоровья на периферию. В современном обществе остро стоят проблемы, связанные с поздней диагностикой серьезных заболеваний уже на необратимых стадиях. Наблюдается тенденция «омоложения» тяжелых и хронических форм патологий. Все вместе определяет серьезную корректировку перспектив дальнейшего развития человеческого сообщества.

В современности широко обсуждается латентная для клинической медицины проблематика. Речь идет об актуализации экономических, социальных, культурных, психологических, этических, экзистенциальных противоречий в сфере медицины. Общество осознало, что решение всего комплекса кризисных проблем медицины посредством одних только научно-технических достижений невозможно. Актуализировались следующие вопросы. Каким должно быть оказание медицинской помощи? С помощью каких критериев нужно оценивать качество клинической медицины? Почему клиническая практика обеспечивает «технический» уход за пациентом и не может обеспечить «человечный», в котором так нуждаются больные? Еще сравнительно недавно этим вопросам не уделялось достаточно внимания как со стороны самой медицины, так и представителей гуманитарных наук и общества. А сегодня практические императивы дальнейшего развития клинической медицины и борьбы с болезнями остро нуждаются в критической рефлексии и гуманитарной экспертизе.

Попадая в больницу, человек оказывается в условиях жесткой отделенности от других сфер повседневной жизни. Ежедневная клиническая рутина полностью «колонизирует» человека, утверждает А. Франк, сравнивая ситуацию пациента с состоянием «колонизированной медицинской территории» [Frank, 2002. P. 56]. Идентичность пациента формируется набором регистрируемых биологических показателей, независящих от его желаний, привычек, особенностей и т. д. Человек как бы становится своей болезнью, а болезнь человеком. «Капельница для лимфомы в палате №...» – эта фраза в полной мере иллюстрирует, как в реальности на языке медицины один пациент отличается от другого. Как справедливо отмечает М. Фуко, «взгляд врача направлен не на это конкретное тело, а на то видимое множество, позитивное изобилие, стоящее перед ним; не на больного, но на разрывы природы, где проявляются, как в негативе, знаки, дифференцирующие одну болезнь от другой» [2014. С. 31]. В больнице человек обезличивается и объективируется.

Как показал Парсонс, «быть больным» означает оказаться в специфической социальной ситуации, характеризующейся как изменение от независимости к зависимости. В больнице человек утрачивает самостоятельность выбора и принятия решений о своей жизни. Повседневность пациентов наполнена пассивным ожиданием: анализов, медицинских процедур, визита врача, снова анализов и медицинских процедур. Разговор с врачом – это всегда центральное событие в жизни пациента, ведь только врач компетентен и ответственен за принятие медицинских решений. Врач доминирует над пациентом, олицетворяя своего рода источник возможности восстановления потерянного контроля. В больнице возникает тотальная власть врача. Его цель – доказать, что тело контролируемо; показать, что тело лишь «территория», «объект», восстанавливаемые медицинскими интервенциями. Медицина в лице врача и его «технэ» олицетворяет некий гарант общественного идеала контролируемого тела, разрушение которого происходит в ситуации болезни [Frank, 2002].

Франк жестко критикует стремление современной медицины к восстановлению контроля над телом. Он вводит термин body as a wonder или тело как «чудо» в противоположность телу «как колонизированной медицинской территории» [Ibid. P. 59–60]. Body wondering означает не привычную для человека аналитическую оценку возможностей своего тела, но их эмоционально-чувственное восприятие в действии. «Удивление» телу – это благоговение перед «тайной», стремление «прочувствовать» свое тело, «прислушаться» к нему, довериться ему, оказаться ведомым им или смиренным перед ним. С этим стремлением связано возникновение веры в существование чего-то таинственного и могущественного. Она формирует в человеке душевную силу, благодаря которой он может противостоять объективирующему дискурсу медицины. Франк настаивает на том, что лечение становится эффективным именно при обоюдном признании тела как «чуда» врачом и пациентом, в условиях комплементарности «удивления» телу и лечения.

Статус пациента в клинической практике, влияние объективизации личности больного на процесс и итог лечения широко обсуждались и обсуждаются в научных кругах в контексте осмысления причин и следствий дегуманизации медицинской науки и практики еще в начале XX в. Критическое осмысление результатов научно-технического прогресса в медицине обернулось если не полной потерей доверия, то осознанием не оправдавшихся надежд по отношению к биомедицинской модели медицины. В результате совсем недавно сформировалась гуманистически-ориентированная модель медици-

ны. Она связана с концептуализацией субъективного опыта больного и фокусируется на взаимоотношениях врач-пациент, основополагающими характеристиками которых утверждаются сострадание и сочувствие. Клиническая практика в рамках гуманистической модели рассматривается с учетом роли эмоционального, ментального, экзистенциального контекста взаимоотношений врач-пациент, их интерсубъективной природы и сквозь призму субъективных переживаний больного.

Изначально поворот исследовательского внимания к болезни как к субъективному опыту, как к индивидуальной сфере личных проблем и переживаний больного утвердился в контексте содержательной дифференциации понятий «болезнь» и «заболевание» (A. Young, A. Kleimann, D. Morris и др.). «Заболевание» (disease) рассматривается с опорой на механистическую объективированную установку, как биологическая дисфункция или сбой в работе телесного механизма. Заболевание представляется как обезличенная патология организма человека, устранимая с помощью медицинских, высокотехнологичных вмешательств. Данный подход к пониманию болезни укоренен в биомедицинской модели медицины. В рамках последней «знание о заболевании есть компас врача» [Фуко, 2014. С. 31], необходимый для понимания и управления организмом человека. Тогда основная цель клинической медицины заключается в устранении нарушения регистрируемых биологических показателей, научно обоснованном лечении организма человека.

«Болезнь» в противоположность одномерному представлению о «заболевании» анализируется в ее качественном срезе как опыт заболевания или как оно переживается, осмысливается, какое значение заболеванию придается больным. Болезнь включает в себя переживание телесных изменений, физических проявлений болезни в виде симптомов, ограничения моторики и мобильности. А также переживания, связанные с госпитализацией, медицинскими вмешательствами, с новой социальной ролью больного и включенностью в новые социальные отношения, с личными проблемами, с внутренними переживаниями боли и страдания, с соприкосновением со смертностью и т. д. [Carel, 2016. P. 16–17]. Соответственно такой субъект-ориентированный или индивидуализированный подход к пониманию болезни лежит в основе гуманистической модели.

Клиническая практика представляется в рамках гуманистического подхода как пространство взаимодействий врач-пациент, цель которых облегчение страданий, оказание помощи страдающему больному на основе взаимопонимания. Иначе говоря, не только «из-

лечение» пациента на биологическом уровне, но и его «исцеление» на ментальном и нравственно-экзистенциальном уровнях. Оказание медицинской помощи не исключает медицинское знание, но это знание включает и опирается на признание врачом личности своего больного [Svenaeus, 2014]. Идеал гуманистически-ориентированной клинической практики отражает установка: «медицина должна лечить больного, а не болезнь».

Бурно развивающимися в настоящее время научно-практическими направлениями гуманистической модели являются исследования в области нарративной медицины и феноменологии медицины. В рамках обоих рассматриваемых подходов осуществляется критика биомедицинской модели. В предыдущей статье концепция нарративной медицины была рассмотрена подробно [1]. В данной работе этот подход рассматривается кратко и в общих чертах, основное внимание направлено на рассмотрение феноменологии медицины.

Нарративная медицина приписывает биомедицинской модели чрезмерную научность, объективность, жесткость. Научность медицины формирует такие отношения врач-пациент, для которых центральным становятся борьба с патологией тела человека, диагностика и лечение заболевания, а не комплексный уход (care) за страдающим больным. При этом, как пишет Рита Шэрон, игнорируется сам индивид или больной и ситуация болезни, обладающая уникальным смыслом для каждого больного [Sharon, 2006]. В противоположность научности медицины, нарративный подход предлагает рассматривать медицину как некое искусство или мастерство (art). Оно включает слушание и понимание историй переживания болезни. рассказанных пациентом. Использование нарративной теории в медицине обеспечивает формирование в медицинском сообществе условий для понимания и практического использования нарратива пациента, а тем самым и предпосылки для «исцеления» больного на ментальном уровне [Ibid.].

Феноменология медицины критикует натуралистические, укорененные в картезианской парадигме, ориентиры современной медицины. Как полагают представители данного подхода, натуралистический взгляд на медицину формирует редуцированное, биологически-детерминированное понимание болезни. Как пишет С. Тумбс, биомедицинская модель сфокусирована на «заболевании», «болезнь» схватывается как объективированная, абстрактная сущность, отделенная

[1] См.: *Синюкова Н. А.* Нравственно-экзистенциальный контекст опыта болезни в современности // Сиб. филос. журн. 2018. Т. 16, № 2. С. 178–188.

от того, кто ею болеет [Toombs, 2001]. Представители феноменологии медицины призывают обратиться «к больному» или «к переживанию страданий». Сфокусироваться на восприятии изменений, происходящих в жизни больных, на анализе глубинного уровня этих изменений – осмыслении, понимании собственного Я, окружающего мира и своего существования в нем.

В рамках феноменологии медицины наличие заболевания не предполагает формирование опыта болезни. Когда развитие заболевания не связано с длительным пребыванием в больнице, радикальной терапией, не сопровождается телесными изменениями, ограничениями, недееспособностью, страданием и т. д. Привычная повседневная жизнь человека в целом не меняется, тогда он и не «погружается» в опыт болезни. Отмечается, что и опыт болезни сам по себе дифференцируется в зависимости от характера заболевания. Опыт переживания острой и хронической болезни существенно различаются. Острые заболевания предполагают обратимые телесные изменения, обозримый конец боли и страданий, возврат к активной жизни, т. е. в целом временную дистанцию от привычной повседневности. Опыт острого заболевания включает в себя ожидание выздоровления и само выздоровление. Они отсутствуют в «последних», предсмертных или хронических болезнях. Хроническая болезнь полностью меняет и как бы заново формирует повседневную жизнь больного. Болезнь становится фундаментальным опытом всей жизни человека [Carel, 2016].

Так, например, произошло в жизни выдающегося ученого современности Стивена Хоккинга. В юности у него была диагностирована серьезная и не поддающаяся лечению болезнь моторных нейронов. Прогнозы врачей для Хоккинга были неутешительными. Ему обещали не более 2-х лет жизни. А также врачи утверждали, что болезнь хоть и не скажется на работе мозга ученого, но он не сможет передать миру свои мысли, потому что быстро потеряет способность писать и говорить. Вопреки прогнозам Хоккинг прожил в болезни долгую жизнь, родил троих детей и внес существенный вклад в развитие физики и исследований космоса. Пример «жизни в болезни» Стивена Хоккинга иллюстрирует, как неизлечимая, последняя болезнь становится способом существования человека в окружающем мире.

В литературе по феноменологии медицины особое внимание уделяется проблеме «живой» телесности. Она противопоставляется биологическому телу человека, редуцированному к совокупности регистрируемых биологических признаков. Естественный процесс ощущения своего тела «живым», переживающим и ощущающим

представляется первичным по отношению к осознанию своего тела как «вещи среди вещей». Телесность является неотъемлемым условием восприятия и взаимодействия с пространственно-временными явлениями и их значениями. Переживание мира опосредовано и реализуется благодаря телесности [Carel, 2014. P. 23]. Изменения телесности, вызванные болезнью, трансформируют способ бытия человека в окружающем мире и переживаемые им смыслы мира. Раскрываются новые аспекты бытия человека, такие как адаптивность и зависимость.

В повседневной жизни здорового тела человек не задумывается о выполнении простейших физических действий: могу ли я встать с кровати, могу ли я пройтись по комнате, могу ли я выйти на улицу? В болезни происходит нарушение или полное разрушение телесных возможностей и функций, провоцируя рефлексию. Исчезает интуитивно данный способ восприятие телесных возможностей. Нормальность выполнения телесных функций «заключается в скобки», ставится под вопрос. В процессе его разрешения выявляется условность и временность телесности. То, что воспринималось как естественное и безусловное, становится как бы «искусственным» и требующим осмысления.

Карэл сравнивает болезнь с насильственным эпохе (violent epoche) или принудительным «заключением в скобки» естественной установки данности мира, вынужденным переключением внимания от объекта к акту его восприятия. Против воли человека происходит изменение, а иногда и полное разрушение смысловой структуры мира, продиктованной человеку его онтологическими установками. Аналогичным, насильственным образом формируется дистанция от повседневной реальности, знакомой, предсказуемой, понятной и разделяемой с другими. Возникает непроизвольная рефлексия, когда разрешение какой-либо практической задачи или проблемы выявляет те нормальные условия, в которых человек до болезни существовал как здоровый [Ibid. P. 27–29].

Опираясь на экзистенциальный анализ Хайдеггера, Ф. Свено сравнивает жизнь здорового человека с привычным или даже «уютным» бытием-в-мире или homelike being-in-the-world [Svenaeus, 2001]. Здоровый человек, функционируя как гармоничное целое, ощущает себя в мире «как дома». Окружающий мир переживается как неделимый горизонт интерсубъективных смыслов, воспроизводимых в отношениях между средствами в мире подручности. Изначальный смысл любого подручного средства формируется в результате его практического применения, в опыте его употребления как средства. Дело в том,

что в болезни изменяется способность воспринимать подручные средства как нужные, функциональные [Ibid. P. 25]. Простой пример: для инвалида в коляске вход в здание, не оборудованный специальным образом, становится просто не доступным. Или больной, проходящий химиотерапию и, как следствие, полностью облысевший: нужны ли ему расческа, фен или любое другое средство для укладки волос. До болезни все это было действительно полезным и даже незаменимым. Теперь эти вещи оказываются не нужными и напоминают больному о его инаковости, чуждости в мире здоровых. В утрате функциональности подручных средств проявляются «асимметрия» окружающего мира и даже его враждебность.

Больной переживает условность структуры смыслов окружающего мира. Открывается «отчуждающая странность сущего». Болезнь заставляет почувствовать «ненадежность» мира. Появляется страх, доходящий в отдельных ситуациях до ужаса, когда «проседание сущего подавляет, не остается ничего для опоры» [Хайдеггер, 1993. С. 21]. Подручность мира, его близость, неотрывность от человеческого существования, становится наличной, удаленной от человека. Тогда, согласно Свено, проявляется «бездомность» бытия-в-мире (unhome-like-being-in-the-world). Человек ощущает себя чужим в мире, утратившем свои привычные смыслы.

Отчуждение особым образом проявляется и развивается при соприкосновении больного с клинической медициной. В современной, технически оснащенной больнице объективация человеческого тела наращивается, как полагает Свено, приобретая принципиально новые основания. Речь идет о быстром обновлении новых технологий визуализации и концептуализации органов, функций и клеточных процессов (МРТ, ПЭТ-КТ и т. д.), а также хирургических и терапевтических техник и технологий. Технологии становятся не только незаменимой частью клинической медицины, но и частью человеческого тела (например, кардиостимуляторы, различные протезы, кишечные стомы, порт-системы и т. д.).

«Технологизация» человеческого тела в клинической медицине, по мнению Свено, является одной из важнейших характеристик индивидуального опыта болезни [Hofmann, Svenaeus, 2018]. Дело в том, что технологизация изменяет восприятие естественной человеческой телесности. Как пишет Свено, когда больной видит свою опухоль на картинке, он ощущает себя вещью, которая вне зависимости от его чувственно-эмоциональных переживаний становится объектом технологического контроля и управления. Он становится фактом, в котором заключена информация о нем, как о биологическом организме.

Его тело фрагментируется и отчуждается. По мере дальнейшего соприкосновения больного с объективирующим медицинским дискурсом отчуждение усиливается, формируя негативный опыт болезни, как утверждает Свено.

Как представляется, феноменология медицины и нарративная медицина придерживаются индивидуалистического взгляда в отношении медицинской науки как индивидуального «ремесла» или «искусства» (art) врача. Врач, обладая необходимыми знаниями, использует свое мастерство в отношениях врач-пациент. Современная философия науки рассматривает науку в целом более широко, как сферу человеческой деятельности, в которой участвует множество акторов, и люди, и неживые объекты. Тогда медицинскую науку можно интерпретировать более объемно, включая все институции, обеспечивающие уход за больными. Как пишет Фери-Данини, медицина безусловно является взаимодействием того, кто страдает, и того, кто призван восстановить здоровье. При этом сложность данного взаимодействия обусловливает необходимость включения в понимание клинической медицины не только врачей, но и медицинских сестер и других специалистов по уходу, радиологических, химико-биологических техников, медицинских «управленцев» и т. д. Клиническая медицина тогда представляет собой «макет» или сокращенную версию системы здравоохранения и оказания медицинской помощи в целом, включая не только индивидуальное здоровье, но и уровень общественного здоровья [Ferry-Danini, 2018].

Представители гуманистической медицины не рассматривают категорию общественного здоровья, как и систему оказания медицинской помощи в целом. Утверждается, что цель медицины заключается в облегчении страданий конкретного больного и заботе об индивидуальном благе человека. Однако обязательным атрибутом современного человека является его включенность в социум, которая лишь вскользь и сквозь призму психологии человеческих отношений учитывается в рассматриваемых подходах. Достижение физического, духовного и социального здоровья индивида возможно лишь в соответствующем социальном контексте. Другими словами, индивидуальное здоровье неотделимо от здоровья общественного. Так же, как и клиническая медицина не отделима от системы здравоохранения в целом и не может быть редуцирована к индивидуальному взаимодействию врач – пациент.

Включение взаимоотношений врач-пациент, их интерсубъективной, эмоциональной составляющей в анализ болезни расширило ее понимание на онтогносеологическом уровне. Субъективный опыт

переживания болезни в рамках гуманистической медицины сводится к ментальному состоянию. Поэтому гуманистической модели приписывают излишний психологизм, редукцию понимания клинической медицины до уровня отдельно взятого врача и пациента. Соответственно и заявленная гуманистами задача решения широкого спектра проблем клинической медицины представляется не совсем достижимой. Поскольку вся «нагрузка» в обеспечении «чуткого» ухода за больными ложится в итоге на врача. При этом предполагается рост мультизадачности его деятельности. Однако врач на сегодняшний день перегружен настолько, что не может уделить достаточно времени отдельному больному, чтобы выслушать его полностью. В этой связи пренебрежение включенности клинической медицины в систему здравоохранения представляется ограниченным. Тем не менее гуманистическая модель медицины несомненно является существенным дополнением к биомедицинской интерпретации феномена болезни и представляется перспективным направлением исследований. Теоретические разработки рассмотренных подходов сегодня, на мой взгляд, оправдано востребованы в реальной клинической практике, в области ухода и работы с больными, образования медицинских специалистов.

Список литературы

Попова О. Телесность в модусах боли, страдания, смерти: биоэтический ракурс // Философская антропология. 2015. Т. 1, № 2. С. 146–164.

Суворова О. С. Является ли здоровье личной ценностью? // Философская мысль. 2017. № 2. С. 84–98.

Фуко М. Рождение клиники. М.: Академ. проект, 2014.

Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993.

Carel H. Phenomenology of illness. New York: Oxford Univ. Press, 2016.

Carel H. Philosophical role of illness // Metaphilosophy. 2014. Vol. 45. No. 1. P. 20–40.

Charon R. Narrative medicine: honoring the stories of illness. New York: Oxford Univ. Press, 2006.

Ferry-Danini J. A new path for humanistic medicine // Theoretical medicine and bioethics. 2018, Vol. 39. No. 1. P. 55–77.

Frank A. At the Will of the Body. Boston: Mariner Books, 2002.

Hofmann B., Svenaeus F. How medical technologies shape the experience of illness // Life Sci Soc Policy. 2018. Vol. 14. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5797484/ (дата обращения 27.07.2018).

Toombs S. K. Handbook of Phenomenology and Medicine. Kluver Academic Publ., 2001. P. 495.

Svenaeus F. Phenomenology of health and disease / Ed. by S. K. Toombs. Handbook of phenomenology and medicine. Philosophy and medicine. Springer science+Business media Dordrecht, 2001. Vol. 68. P. 87–109.

Svenaeus F. What is phenomenology of medicine? Embodiment, illness and being-in-the-world // Health, illness and disease: philosophical essays /Eds. H. Carel, R. Cooper. New York: Routledge, 2014. URL: https://books.google.ru. (дата обращения 03.08.2018).

Материал поступил в редколлегию 24.09.2018

N. A. Sinyukova

Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

sinuknat@gmail.com

SUBJECTIVIZATION OF THE ILLNESS EXPERIENCE AS A HUMANISTIC PARADIGM OF MODERN MEDICINE

In modern society one may observe a shift of high-tech medicine towards a humanistic reflection of medical science and practice. The domain of medicine today is more sensitive to the «latent» questions of clinical practice. Problems concerning individualization and humanization of high-tech medicine are considered. Theoretical concepts developed in the framework of humanistic medicine focusing on the subjective experience of illness are analyzed.

Keywords: illness experience, disease, humanistic model of medicine, narrative medicine, phenomenology of illness, biomedical model of illness, doctor-patient relationship, meaning, being-in-the-world, alienation.

References

Carel H. *Phenomenology of illness*. New York, Oxford Univ. Press, 2016.

Carel H. Philosophical role of illness. *Metaphilosophy*, 2014, vol. 45, no. 1, p. 20–40.

Charon R. *Narrative medicine: honoring the stories of illness*. New York, Oxford Univ. Press, 2006.

Ferry-Danini J. A new path for humanistic medicine. *Theoretical medicine and bioethics*, 2018, vol. 39, no. 1, p. 55–77.

Fouacualt M. Rozhdenie kliniki [The birth of the clinic]. Moscow, Academ. projekt, 2014. (In Russ.)

Frank A. *At the Will of the Body*. Boston, Mariner Books, 2002.

Heidegerr M. *Vremya i bytie* [*Being and Time*]. Moscow, Respublika Publ., 1993. (In Russ.)

Hofmann B., Sveneaus F. How medical technologies shape the experience of illness. *Life Sci Soc Policy*, 2018, vol. 14. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5797484/ (accessed 27.07.2018).

Popova O. Telesnost v modusah boli, stradaniya, smerti: bioeticheskii rakurs [Embodiement in the modes of pain, suffering, death: bioethical view]. *Filosofskaya antropologiya* [*Philosophical Anthropology*], 2015, vol. 1, no. 2, p. 146–164. (In Russ.)

Suvorova O. S. Yavlyaetsya li zdorov'e lichnostnoi tsennost'yu [*Is health to be considered personal value?*]. *Filosofskaya mysl'* [*Philosophical Thought*], 2017, no. 2, p. 84–98. (In Russ.)

Svenaeus F. Phenomenology of health and disease. Toombs S. K. (ed.) Handbook of phenomenology and medicine. Philosophy and medicine. Springer science+Business media Dordrecht, 2001, vol. 68, p. 87–109.

Svenaeus F. What is phenomenology of medicine? Embodiment, illness and being-in-the-world. *Health, illness and disease: philosophical essays*. H. Carel, R. Cooper (eds.). New York, Routledge, 2014. URL: https://books.google.ru. (accessed 03.08.2018).

Toombs S. K. *Handbook of Phenomenology and Medicine*. Kluver Academic Publ., 2001.

УДК 322; 316.347
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-159-167

Г. С. Солодова

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики
ул. Кирова, 86, Новосибирск, 630102, Россия

gsolodova@gmail.com

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ИНЫЕ НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАНТА ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

История страны – это некая система координат, источник социального опыта и основа для адекватного реагирования на современные проблемы. Соответственно, обращение к прошлому может быть полезным при выработке потенциальных стратегий общественного развития. Законотворческие документы дореволюционной России представляются ресурсом, непредвзятое осмысливание которых будет способствовать продуктивному регулированию этнических и религиозно-конфессиональных вопросов, дальнейшему выстраиванию общегражданского согласия.

Ключевые слова: Полное Собрание Законов Российской Империи, православие, свобода вероисповедания, общегосударственный язык, иноверие, веротерпимость.

Идентификация государства как империи практически априори предполагает этнокультурное многообразие. Вместе с тем ни в дореволюционный, ни в советский период Россия, СССР не были этническими империями. Как отмечает американский исследователь Р. Суни, «ни Российская империя, ни Советский Союз не были этническими “русскими империями”, в которых метрополия полностью бы совпадала с господствующей русской национальностью. Место господствующей национальности занимал институт господства – дворянство в одном случае, коммунистическая партийная элита – в другом. Данный институт господства был многонациональным» [Никонов, 2012].

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-03-50224).

ISSN 2541-7517. Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 4. С. 159–167.
© Г. С. Солодова, 2018

Территориальная протяженность страны, ее этнокультурная и религиозно-конфессиональная гетерогенность обусловливают то, что вопросы межрелигиозных и межэтнических отношений становятся предметом не только внешней, но и внутренней политики. Снижение доли русского, православного и, соответственно, увеличение доли инославного, иноверческого и инородческого населения обусловили объективную потребность в законодательном закреплении принципов, которые бы обеспечивали сам факт государственного существования, его культурно-языковую связность и административную управляемость. Выработка политического, законодательно закрепленного способа управления этническим, религиозным и культурным разнообразием становится задачей государственного уровня.

В качестве базового источника законодательных документов, призванных формировать российскую гражданственность и сохранять общественное согласие и спокойствие, использовались Свод основных государственных законов России (1906 г.), Собрание Законов Российской Империи в целом. Полагаем, что обращение к фундаментальным законодательным актам позволит выделить основные принципы государственного управления в сфере вероисповеданий.

Логично, что среди первых статей Высочайше утвержденных Основных Государственных Законов Российской Империи были:

1. **Законодательное закрепление единства и неделимости Российского государства.**

«*Государство Российское едино и нераздельно*» (ст. 1) [Основные государственные законы, 1906].

«В силу Государственных законов» в качестве основополагающего подхода и церковным и светским службам вменялось прилагать старание, чтобы между подданными «не могло быть никакого разногласья, а паче б между ними любовь, тишина и согласие царствовало» [Указ Синода..., 1830].

2. **Избрание и закрепление русского языка как «общегосударственного».** Столь весомый статус делал русский язык «обязательным» в армии, на флоте, «во всех государственных и общественных установлениях». Применение «в государственных и общественных установлениях» «местных» языков определялось «особыми законами».

«*Русский язык есть язык общегосударственный и обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях. Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях определяется особыми законами*» (ст. 3) [Основные государственные законы, 1906].

Наличие «общегосударственного» языка, априори является фундаментальной основой для межэтнического общения, гражданского, культурного единства страны. Распространение русского языка и русской культуры явилось способом сближения разных народов империи, стало механизмом расширения государственного влияния и контроля, достижения «общего течения русской государственной жизни».

Помимо этого, для многих сибирских и центрально-азиатских народов это было способом просвещения и приобщения к культуре, находящейся на более высоком уровне развития.

3. **Закрепление православия как «первенствующей и господствующей» веры**. Российское государство законодательно зафиксировало статус исторически доминирующей религии, тем самым обеспечив ему свой протекторат.

«*Первенствующая и господствующая в Российской Империи вера есть Христианская Православная Кафолическая Восточного Исповедания*» (ст. 62) [Там же].

Начиная с 1797 г. преобладание православия было усилено запретом на занятие Всероссийского Престола человеком, исповедующим какую-либо иную веру, кроме православия.

«*Император, Престолом Всероссийским обладающий, не может исповедывать никакой иной веры, кроме Православной*» (ст. 63) [Там же].

В прямые обязанности монарха как «Христианского Государя» входили защита и сохранение «догматов господствующей веры».

«*Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правоверия и всякого в церкви святой благочиния*» (ст. 64) [Там же].

4. **Законодательное закрепление свободы вероисповедания.** Наряду с недвусмысленной защитой православия, устойчиво провозглашался и законодательно закреплялся принцип свободы вероисповедания и права ведения богослужений сообразно принятым в вере обрядам и языку богослужения.

Официальным документом, провозглашающим политику отказа от «недозволения» различных вер, стал «Наказ, Ея Императорского Величества Екатерины Вторыя Самодержицы Всероссийския, данный Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения с принадлежащими к тому приложениями» 30 июля 1767 г. Примечательно начало Наказа, ставшее неким нравственным императивом ко всему документу:

«*Закон Христианский научает нас взаимно делать друг другу добро, сколько возможно*».

Применительно к царствованию Екатерины II, исходным посылом веротерпимости могло служить положение о том, «что как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и Ея Величество из тех же правил, сходствуя Его Святой воле, и в сем поступать изволит, желая только, чтоб между подданными всегда любовь и согласие царствовало» [Указ Синода..., 1830].

Приведем ключевые статьи Наказа, относящиеся к культурному разнообразию народов, принявших российское подданство:

«*494. В столь великом Государстве, распространяющем свое владение над столь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойства и безопасности своих граждан был порок – запрещение или недозволение их различных вер.*

495. И нет подлинно иного средства, кроме разумного иных законов дозволения, православною нашею верою и политикою неотвергаемого, которым бы можно всех сих заблудших овец паки привести к истинному верных стаду.

496. Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестоковыйные сердца, и отводит их от заматерелого упорства, утушая споры их, противные тишине Государства и соединению граждан».

Положение о свободе вероисповедания распространялось на все население Империи, в том числе на не принадлежащих к православию, «природных» подданных и «в подданство принятых». Всем народам предоставлялось право «славить Бога Всемогущего разными языками по закону и исповеданию праотцов своих».

«*Все не принадлежащие к господствующей Церкви подданные Российского Государства, природные* (*а*) *и в подданство принятые* (*б*), *также иностранцы, состоящие в Российской службе, или временно в России пребывающие* (*в*), *пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной*» (ст. 66) [Основные государственные законы, 1906].

Во избежание каких-либо разночтений в Своде Законов уточняется, что:

«*Свобода веры присвояется не токмо Христианам иностранных исповеданий, но и Евреям, Магометанам и язычникам* (*а*): *да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языки по закону и исповеданию праотцов своих, благословляя царствование Российских Монархов и моля Творца вселенной о умножении благоденствия и укреплении силы Империи* (*б*)» (ст. 67) [Там же].

5. **Меры по поддержанию христианства.** Согласно первому своду законов Русского государства – Соборному Уложению 1649 г., в частности его первой главе «О богохулниках и церковных мятежниках», всякий богохульник, вне зависимости от его веры, должен быть подвергнут смерти.

«Будет кто иноверцы, какия ни буди веры, или и русской человек, возложит хулу на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, или на рождьшую Его Пречистую Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию, или на честный крест, или на Святых Его угодников, и про то сыскивати всякими сыски накрепко. Да будет сыщется про то допряма, и того богохулника обличив, казнити, зжечь».

Несмотря на ограниченные число наименований и тиражи печатных изданий, в целях предотвращения духовной смуты и распространения других религиозных течений, была введена цензура иностранных книг. Так, в «Уставе о цензуре и печати» говорилось:

«*Из книг духовного содержания подвергаются запрещению все те, кои заключают в себе умствования и мнения противные главным началам Христианской веры, или опровергающие учение Православной церкви, или же ведущие к безбожию, материализму, неуважению Священного писания и т. п.*» [Устав.., 1890].

6. **Определение границ веротерпимости. Миссионерская деятельность.** Для поддержания гражданского спокойствия и государственного порядка Управление делами инославных и иноверцев вменялось в введение особого Департамента Духовных Дел Иностранных Исповеданий, большую часть XIX и начало XX вв. входившего в Министерство внутренних дел.

«*В общем кругу управления государственного духовные дела Христиан иностранных исповеданий и иноверцев ведаются Министром Внутренних Дел*».

«*Предметы и порядок сношения духовных управлений с Министром Внутренних Дел определяются ниже, особыми о каждом исповедании и вере положениями; производство же по оным дел при сем Министре сосредоточивается, на основании Учреждений Министерств, в Департаменте Духовных Дел Иностранных Исповеданий*» [Свод..., 1857].

Регулирование взаимодействий между представителями разных вероисповеданий предполагало также, что духовные дела инославных – христиан иностранных исповеданий и иноверцев должны были вестись «особенными их духовными управлениями», которые «поступают по правилам и уставам своей веры». Вместе с тем подобное религиозное самоуправление не освобождало от неукоснительного

соблюдения «государственных узаконений» и верноподданнической присяги.

«*Духовные дела Христиан иностранных исповеданий и иноверцев ведаются особенными их духовными управлениями, Верховною Самодержавною Властью к тому предназначенными. Сии управления, в исполнении своих дел и должностей, поступают по правилам и уставам своей веры, но с тем вместе неупустительно наблюдают и государственные узаконения, и по долгу верноподданнической присяги охраняют все священные права и преимущества Его Императорского Величества и законы государства*».

В качестве меры, фиксирующей границы веротерпимости, можно рассматривать запрет на миссионерскую деятельность иных, кроме православия, христианских конфессий и иноверия.

Официальное «право убеждать» имела только Православная церковь. На уровне законов четко и недвусмысленно запрещалась миссионерская деятельность иных христианских конфессий и иноверия. Соответственно, духовные и светские лица других вер «строжайше обязаны не прикасаться к убеждению совести не принадлежащих к их религии».

«*В пределах государства одна господствующая Православная Церковь имеет право убеждать последователей иных Христианских исповеданий и иноверцев к принятию ее учения о вере. Духовные же и светские лица прочих Христианских исповеданий и иноверцы строжайше обязаны не прикасаться к убеждению совести не принадлежащих к их религии; в противном случае они подвергаются взысканиям, в уголовных законах определенным*».

Одновременно Российское государство следило за тем, чтобы приверженцы иных вер, пожелавшие «присоединиться к вере православной», не испытывали в этом никаких препятствий.

«*Если исповедующие иную веру пожелают присоединиться к вере Православной, никто ни под каким видом не должен препятствовать им в исполнении сего желания*».

«*Прием в которое либо из терпимых инославных Христианских исповеданий ламаитов магометан и язычников, изъявивших к тому желание, а также наставление их духовными лицами сим исповеданий в правилам своей церкви, допускается с разрешения Губернаторов, кроме случая, означенного в статье 11*».

«*11. Магометане заграничные* (*прилежащие к границам Империи*) *могут быть приводимы в Христианскую веру всякого терпимого исповедания*» [Свод..., 1890].

Было разрешено заключение браков между представителями разных христианских конфессий и с иноверцами, но «с точным соблюдением особых правил».

«*Вступать в брак лицам разных Христианских исповеданий между собою, а некоторым из них и с иноверцами, также дозволяется, но с точным соблюдением особых правил, определенных о сем в Своде Законов Гражданских*».

Подведем некоторые итоги. Религиозная и этническая неоднородность Российской империи, достигшая своих максимальных проявлений во второй половине XIX – начале XX в., обусловливала необходимость учета поликонфессиональности в государственном управлении. Исторический опыт законодательного регулирования религиозно-конфессиональной сферы позволяет говорить, что наряду с индивидуальной свободой вероисповедания и веротерпимостью одними из основных принципов были закрепление православия в качестве преобладающего исповедания, предотвращение перехода православных в «иностранные вероисповедания», поощрение принятия христианства иноверцами. Проведенный анализ законодательных документов дореволюционного периода позволяет говорить, что, несмотря на этническое многообразие населения, основным критерием регулирования и упорядочивания жизни разных народов было выбрано вероисповедание, их религиозная принадлежность. Данный принцип был значим как во внешнеполитическом контексте, так и во внутригосударственном управлении. Интегрирующим, не зависимым от религиозной принадлежности и сословия, было требование подчинения всех подданных предписанным законам.

Список литературы

Никонов В. А. Империя, государство и нация в России накануне революции 1917 года (по мотивам идей В. А. Тишкова) // Вестн. Российской нации. 2012. № 1. С. 26–39.

Основные государственные законы // Свод Законов Российской империи. СПб., 1906. Т. 1, ч. 1.

Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных // Свод Законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 11, ч. 1: Уставы духовных дел иностранных исповеданий.

Указ Синода о терпимости всех вероисповеданий и о запрещении Архиереям вступать в разные дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предо-

ставляя все сие светским начальствам 17 июня 1773 г. // Полн. Собр. Законов Российской империи: Собрание первое: 1770–1774 гг. СПб., 1830. Т. 19. С. 775–776.

Устав о цензуре и печати. Гл. 3: О цензуре книг иностранных. Ст. 184 // Свод Законов Российской империи. СПб., 1890. Т. 14.

Материал поступил в редколлегию 10.10.2018

G. S. Solodova

Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences
86 Kirov Str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation

gsolodova@gmail.com

LEGISLATIVE PROVISIONS OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA AS AN INSTITUTIONAL DETERMINANT ETHNOCULTURAL AND RELIGIOUS POLICY

The history of the country is a source of social experience, a certain system of coordinates, and the basis for an adequate response to modern problems. An appeal to the past can be useful in developing potential strategies for social development. Legislative documents of pre-revolutionary Russia appear to be a resource, an unbiased interpretation of which will contribute to the productive regulation of ethnic, religious and confessional issues and the further development of civil consent.

Keywords: Complete collection of Laws of the Russian Empire, Orthodoxy, freedom of religion, national language, religion, religious tolerance.

References

Nikonov V. A. Imperiya, gosudarstvo i natsiya v Rossii nakanune revolyutsii 1917 goda (po motivam idei V. A. Tishkova) [Empire, state and nation in Russia on the eve of the revolution of 1917 (based on the ideas of V. Tishkov)]. *Vestnik Rossiiskoi natsii* [*Bulletin of the Russian Nation*], 2012, no. 1, p. 26–39. (In Russ.)

Osnovnye gosudarstvennye zakony [Basic laws of the state]. *Svod Zakonov Rossiiskoi Imperii* [*The Code of Laws of the Russian Empire*]. St. Petersburg, 1906, vol. 1, ch. 1. (In Russ.)

Svod uchrezhdenii i ustavov upravleniya dukhovnykh del inostrannykh ispovedanii khristianskikh i inovernykh [Code of institutions and statutes of the Department of spiritual Affairs of foreign confessions of Christian and non-religious]. *Svod Zakonov Rossiiskoi Imperii* [*The Code of Laws of the Russian Empire*]. St. Petersburg, 1857, vol. 11, ch. 1, (In Russ.)

Ukaz Sinoda o terpimosti vsekh veroispovedanii i o zapreschenii Arkhiereyam vstupat' v raznye dela, kasayuschiesya do inovernykh ispovedanii i do postroeniya po ikh zakonu molitvennykh domov, predostavlyaya vse sie svetskim nachalstvam 17 iyunya 1773 g. [Decree of the Synod on tolerance of all religions and on the prohibition of Bishops to enter into various cases relating to pre-faith confessions and to the construction of houses of worship under their law, providing all these things to secular authorities on June 17, 1773]. *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie pervoe*: *1770–1774 gg.* [*Full Collection of Laws of the Russian Empire*: *Collection one*: *1770–1774 year*]. St. Petersburg, 1830, vol. 19, p. 775–776. (In Russ.)

Ustav o tsenzure i pechati. Gl. III: O tsenzure knig inostrannykh. St. 184 [Statutes on censorship and printing. Ch. III: On censorship of foreign books. St. 184]. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii* [*The Code of Laws of the Russian Empire*], St. Petersburg, 1890, vol. 14. (In Russ.)

УДК 316.722:39
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-168-179

Е. А. Ерохина

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

leroh@mail.ru

ИНВЕРСИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИМ МНОГООБРАЗИЕМ

На примере чередования мононационального и мультинационального типов управления этническим многообразием рассматривается механизм последовательного воспроизводства вестернизации и автомодернизации. Первый тип появляется как итог копирования европейских институциональных моделей, второй возникает как результат адаптации западных заимствований к российским реалиям. Каждая из фаз цикла российской модернизации оказывается связанной с действием одной из доминант: первая фаза – с вестернизацией, вторая имеет переходное от одной к другой доминанте значение, третья обусловлена автомодернизацией. Делается вывод о зависимости институциональных моделей управления этническим многообразием от инверсионных механизмов социокультурной динамики.

Ключевые слова: социокультурная динамика, инверсия, модернизация, вестернизация, автомодернизация, институциональная модель.

К числу значимых теоретических проблем современного социогуманитарного знания относятся вопросы, связанные с принятием или отрицанием идеи направленности истории. Первым, кто наиболее последовательно поставил вопрос о смысле и назначении истории как целенаправленного, последовательного и поступательного процесса, был Аврелий Августин [1998]. С тех пор философия истории остается ареной ожесточенных дискуссий вокруг идеи телеологической модели истории, выявления роли закономерности и случайности в историческом процессе, поиска адекватной парадигмы объяснения исторического процесса. Эти дискуссии нашли свое отражение

ISSN 2541-7517. Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 4. С. 168–179.
© Е. А. Ерохина, 2018

в философском наследии Г. Гегеля [1993], К. Маркса [1968], К. Ясперса [1991].

Конкретизация данной проблематики в исторических и смежных с историей междисциплинарных исследованиях XX в. была реализована в рамках теории модернизации, социокультурного и иных подходов. С учетом связи между переходом отдельных обществ к модерну и ростом национализма, зафиксированной в исследованиях историков и социологов, самого пристального внимания заслуживает изучение социальных флуктуаций, порождающих процессы этнического сближения и обособления, а также модели властного регулирования этносоциальных процессов в переходных обществах.

В числе аспектов обозначенной проблемы одним из наиболее дискуссионных остается вопрос о соотношении устойчивых и изменчивых факторов социокультурной динамики. Его актуализация в постсоветский период была вызвана необходимостью объяснить временную растянутость и незавершенность российской модернизации. Приверженцы и формационной теории, и западной концепции стадий экономического роста не нашли убедительного объяснения сосуществования различных, взаимно отрицающих друг друга укладов в разных сферах жизни российского общества. Не было найдено и адекватного решения проблемы «архаичного» ответа российского общества на модернизационные «вызовы» государства.

Парадокс сосуществования типологически разнородных и хронологически одновременных элементов в социальной структуре усилился по мере вовлечения России в глобализацию. Нарастание социального и этнического многообразия перед лицом глобальной унификации потребовало пересмотра идеи развития как прогресса. Данные обстоятельства обострили интерес не только к новейшим, но и к признанным, хотя и с некоторым запозданием, социальным теориям.

Одной из теорий, вызвавших интерес исследователей на рубеже XX и XXI вв., стала концепция социокультурной динамики российско-американского социолога П. А. Сорокина. Сорокин предложил заменить понятие прогресса ключевым концептом своей теории во второй половине XX в. Он полагал, что понятие социокультурной динамики станет методологическим инструментом, который даст возможность оценить роль культуры в социальных трансформациях. Динамика понималась им как волнообразный процесс внутренних изменений социокультурной системы общества в единстве ее упрощения и усложнения, интеграции и фрагментации ее подсистем [1992].

Сорокин заложил исследовательскую традицию, базовым элементом которой стали принципы цикличности исторического развития. Нельзя сказать, что идея цикличности была чем-то принципиально новым. У него были предшественники – Н. Я. Данилевский [1991], О. Шпенглер [1998а; 1998б], А. Тойнби [2001]. Новым моментом в учении Сорокина стала трехфазная модель динамических циклов. И хотя она не получила широкого распространения среди историков и социологов, сам подход, нацеленный на единство интерпретации воспроизводимых, циклических, инверсионных и невоспроизводимых, направленных, изменчивых элементов исторического развития, можно считать характерной чертой всех теорий социокультурной динамики.

Наиболее последовательно методологические традиции социокультурного подхода воспроизводятся в работах А. С. Ахиезера. В качестве ключевых для понимания социокультурной динамики России категорий Ахиезер предлагает понятия инверсии и медиации. Инверсия представляет собой циклический механизм воспроизводства привычных форм социальной жизни. «Для инверсии характерна напряженная направленность деятельности на воспроизводство определенного типа общества» [Ахиезер, 1995. С. 5]. Логика медиации, напротив, характеризуется человеческой деятельностью, направленной на преодоление исходной ограниченности, выход на качественно новый виток [Там же]. Важно отметить, что в работах А. С. Ахиезера социокультурная динамика рассматривалась в контексте проблемы модернизации России как незападного общества.

Наиболее последовательно специфика российской модернизации описана в работах В. Г. Федотовой. Она анализирует ее, опираясь на собственную классификацию цивилизаций. Критерием выделения цивилизаций является тип развития, интегральное качество, которое включает источник развития, степень его органичности, механизм преобразований, характер и темпы развития, духовные предпосылки и образ идеального будущего. Применяя эти критерии, Федотова выделяет западную, европейско-североамериканскую цивилизацию, и ряд незападных цивилизаций «Другой Европы». Россия оказывается в их числе [2005. С. 487–493].

Ключевым понятием, объясняющим судьбу и идентификацию России как незападного общества, является понятие «инновация». Традиционно и не без оснований Запад рассматривается в научной литературе как источник заимствований. В исторических ситуациях, когда Россия сама способна выступать центром инноваций, Запад, тем не менее, остается для нее «вызовом», побуждающим внедрять ново-

введения на мобилизационной основе. Это, по мнению Федотовой, позволяет охарактеризовать российскую модернизацию как неорганическую, догоняющую и неравномерную. Невысокая оценка темпа социальных изменений обусловлена определенной идеализацией Европы и Северной Америки. Российские элиты зачастую рассматривают свою страну не как отдельную цивилизацию, а как отсталую Европу. Отсюда исходят причины ложного образа будущего, который заключается в наивной вере в возможность превращения своей страны в западное общество. Поскольку современность является ускользающим феноменом, элиты «Другой Европы» по факту копируют образ «вчерашнего дня» [Там же. С. 225–226]. Таким образом, в этих дискуссиях мы видим, что ключевым моментом интерпретации процесса социокультурного развития остается вопрос об обратимости прогресса и воспроизводимости определенных, в том числе традиционных и архаических, а также этнически-специфических характеристик развития на тех или иных конкретно-исторических этапах. Это еще раз побуждает обратиться к логике инверсионных механизмов развития, не умаляя при этом значения социальных изменений.

Современные версии теории модернизации содержат допущение о множественности путей перехода к модерну. В исследованиях Й. Арнасона [2011], В. Пантина [2002], В. Лапкина [2002] предложенная Ш. Айзенштадтом идея множественности модернизмов раскрывается обращением, в том числе, и к советскому опыту, опровергающему представление об обществах социалистического типа как антимодернизационных. В этом свете модернизация российского общества предстает как единство взаимосвязанных тенденций, одна из которых содержит вестернизационную доминанту, а другая – автомодернизационную.

Это открывает возможность провести разграничение между модернизацией и вестернизацией. Последняя представляет собой прямой перенос структур, технологий и образа жизни западного общества в иные социокультурные среды. Отличительной чертой вестернизации от модернизации является колониализм, который силой навязывал незападным обществам западные ценности. Как отмечает В. Г. Федотова, вестернизацию можно рассматривать и как самостоятельную модель модернизации, и как часть любой другой модели. В контексте проблемы взаимосвязи между переходом к современности и ростом национализма представляется обоснованным рассмотреть автомодернизацию как самостоятельный вектор модернизации в незападном мире [2005. С. 172–175].

В свою очередь, данное разграничение позволяет охарактеризовать вестернизацию, элементом которой является, например, мононациональная модель государственного строительства (один народ – одно государство – одна культура), как одну из сторон модернизации. Наряду с вестернизацией модернизация содержит также автомодернизацию, которая заключается в апробации собственных моделей внедрения инноваций, в том числе таких, которые учитывают наличное этнокультурное многообразие.

Такая перспектива позволяет проанализировать инверсионный механизм воспроизводства устойчивых форм этносоциального и этнокультурного развития российского общества с использованием элементов социокультурного подхода. Например, выделить хронологические периоды российской истории, каждый из которых отражает определенную ориентацию либо на внедрение западных институциональных моделей управления этническим многообразием, либо на апробацию его незападных моделей.

Устойчивость воспроизводства вестернизации и автомодернизации в процессе государственного регулирования межэтнических отношений ярко проявилась, например, в чередовании моно- и мультинационального типов управления этносоциальными процессами в Российской империи и СССР. Оба типа являются вариациями национальной модели: первый тип внедрялся в практики государственного управления методом копирования европейских образцов, второй тип – методом адаптации западных заимствований к социокультурным условиям России и апробации собственных практик регулирования межэтнических отношений.

Вестернизационный тренд государственного регулирования проводился вместе с курсом на унификацию, что в условиях российского общества проявлялось в русификации. Под русификацией понимается комплекс мер государственного регулирования этнического многообразия, направленный на внедрение русского языка в администрирование, судо- и делопроизводство, гражданскую и военную службу на всей территории Российской империи / СССР. Автомодернизация в управлении этническим многообразием России проявилась в поддержке языков и идентичности недоминантных этнических групп. Данная политика имела целью сгладить социальные противоречия между доминирующей и недоминантными этническими группами и сократить культурную дистанцию между их представителями. Курс на автомодернизацию системы национальных отношений отражает линию на интеграцию без культурной гомогенизации. Если русификация является элементом мононационального типа управления

со всеми его классическими атрибутами (культурная унификация и гомогенизация), то интеграцию без ассимиляции правомерно рассматривать как элемент мультинационального типа регулирования.

Воспроизводство устойчивых форм социокультурной динамики в работе институциональных моделей регулирования этносоциальных процессов фиксируется в комплексах мер, осуществляемых государственной властью в сфере управления этническим многообразием. Так, например, для первой фазы цикла, фазы внедрения западных заимствований, общими характерными чертами являются усиление унификации, искусственное ограничение этнической мозаичности, бюрократизация этноконфессиональных отношений. Ориентация на мононациональную модель как одну из инверсионных форм социокультурной динамики запускается в действие инновациям в результате заимствования культурных моделей (петровская и пост-петровская модернизация, 1703–1762 гг.), социальных преобразований (пред- и пореформенная модернизация, 1833–1905 гг.), смены уклада (большевистская индустриализация, 1933–1953 гг.).

Аргументом в пользу выделения данных инверсионных фаз динамического цикла является фиксация правительственных мер в отношении этнического большинства и недоминантных меньшинств в качестве мер государственной политики. Для петровской и пост-петровской модернизации характерны следующие черты: государственная поддержка политики христианизации неславянских народов; изъятие земель, находившихся в распоряжении степных народов (башкир, калмыков, ногайцев), под поместья, крестьянские наделы и казенные заводы; использование военной силы для подавления волнений на национальных окраинах (на Украине, в Поволжье, в Сибири). В качестве начальной точки цикла и его первой фазы избрана закладка новой столицы, Санкт-Петербурга.

В отношении пред- и пореформенной модернизации можно отметить утверждение идеологического принципа «Православие, самодержавие, народность», русификацию образования, администрирования, судо- и делопроизводства, подавление конкурирующих с русским национальных проектов, войну на Кавказе и завоевание Туркестана.

В контексте большевистской индустриализации упоминания заслуживают такие меры, как, например, переход алфавитов младописьменных языков с латиницы на кириллицу, принудительное переселение и депортация народов СССР, политическое преследование «автономистов», репрессии против служителей культа.

Аналогичным образом выделяется и вторая фаза цикла, фаза адаптации западных заимствований к отечественному социокультурному опыту, сопряженная с расширением личных и политических прав и свобод, утверждением ценности этнического многообразия, поиском межконфессионального согласия. Ее характерными чертами являются, во-первых, кооптация иноэтничных элит и передача им престижных функций в государственном аппарате; во-вторых, подчинение «национальной» политики интересам государственной безопасности, понимаемой как обеспечение территориальной целостности; в-третьих, учет исторически сложившихся на национальных окраинах форм подданства и вероисповедания. Вместе с тем она отличается крайней противоречивостью, так как наряду с частичной либерализацией сохраняются репрессивные механизмы подавления «выходящей за пределы дозволенного» манифестации культурной и религиозной идентичности.

Особенности воспроизводства инверсионных форм второй, следующей за первой, фазы цикла социокультурной динамики можно выделить на примере следующих периодов российской истории. Сначала стоит упомянуть период имперского подъема (1762–1800 гг.), который начинается с запрета религиозных гонений против инославных конфессий Петром III и завершается воцарением Александра I, внутренняя политика которого в отношении недоминантных этносов и конфессий отличалась особым либерализмом даже по сравнению с мерами, предпринятыми его дедом, бабкой и отцом. Им, в частности, утверждено «Положение для евреев», частично уравнивающее эту группу подданных с другими категориями в области свободы вероисповедания, образования детей, предпринимательства. В указанный период Екатерина II издает закон о веротерпимости и утверждает учреждение «Духовного собрания магометанского закона», Павел I публикует указ о свободе культов для всех конфессий, в том числе старообрядцев, происходит отказ от русификации татар.

Следующий, «революционный» период (1905–1922 гг.) инициируется развитием российского парламентаризма, завоевания которого в ходе революции 1905 г. открыли возможность перед недоминантными этническими группами российского общества отстаивать свои права на культурную самобытность политическими средствами. Данный период сопровождался подъемом этнических, религиозных и автономистских движений, заявивших о своих политических правах, и завершился образованием СССР.

Наконец, следует отметить также и «Оттепель» (1953–1968 гг.), которая начинается после смерти И. В. Сталина. Она останавливает все

политические процессы с национальным подтекстом. Данный период сопровождался реабилитацией депортированных народов и завершился формальным торжеством советского федерализма при существенном укреплении позиций национальных элит, обязанных своим карьерным восхождением членству в КПСС.

Третья фаза, фаза апробации собственных моделей управления этническим многообразием, характеризуется ориентацией на самодостаточность этнических групп внутри общества, развитием двуязычия, преобразованием этнокультурных движений в общественно-политические. В данной фазе цикла расширяется плюрализм в управлении этническим многообразием, вырабатываются новые институциональные модели воспроизводства и сохранения этничности недоминантных сообществ, осуществляется позитивная дискриминация доминирующей этнической группы (русских). Вместе с тем отметим, что в данной фазе межэтнический баланс между группами большинства и меньшинств приобретает неустойчивость, требует для своей пересборки новых принципов консенсуса.

Элементы мультинационального типа регулирования последовательно прослеживаются на протяжении трех этапов истории России: «либерального» (1800–1833 гг.), раннесоветского (1922–1933 гг.) и позднесоветского периодов (1968–1989 гг.). «Либеральный» период начинается с воцарения Александра I и завершается возобновлением репрессивной политики в отношении религиозных меньшинств. Мерами государственного регулирования, позволяющими оценивать данный период как период, в рамках которого возобладала мультинациональная доминанта управления, следует считать первые попытки интеграции евреев в социокультурное пространство Российской империи, внедрение конституционного правления в Финляндии и Польше, придание особого статуса народам Сибири по реформе М. Сперанского. Поскольку третья фаза является последней фазой цикла, постольку можно говорить об окончании старого и запуске нового цикла.

Раннесоветский период начинается с образования СССР и завершается национально-территориальным размежеванием советских союзных и автономных республик. Элементами управления, позволяющими отнести данный период к третьей фазе цикла, являются внедрение советской модели нациестроительства на принципах национального самоопределения в союзных и автономных республиках СССР, коренизация элит, разработка алфавитов бесписьменных прежде языков.

Наконец, позднесоветский период начинается с провозглашения политики «расцвета и сближения» социалистических наций и завершается провозглашением национальной независимости республик Прибалтики и Закавказья. Это период «зрелого» или «развитого» социализма, создания множества национально-культурных обществ, расцвета «деревенской» литературы, начала суверенизации – процесса обретения автономными республиками самостоятельного статуса в составе России.

Таким образом, каждая из фаз цикла оказывается связанной с действием одной из доминант: первая фаза – с вестернизацией и мононациональной моделью управления многообразием этносов и конфессий, вторая фаза имеет переходное значение, разворачивание третьей обусловлено ориентацией на автомодернизацию и мультинациональный плюрализм. Всего в истории российской модернизации можно выделить три таких цикла: доиндустриальный (1703–1833 гг.), агроиндустриальный (1833–1933 гг.), индустриальный (1933–1989 гг.), каждый из которых, как отмечалось выше, запускался внедрением социальных инноваций определенного типа.

Данная схема является гипотетической и нуждается в дальнейшей эмпирической апробации с опорой на исторические источники и методологию исторического исследования применительно к российским реалиям. Однако с уверенностью можно утверждать, что чередование вестернизированных и самобытных институциональных моделей управления этническим многообразием позволяет решить вопрос об их зависимости от инверсионных механизмов социокультурной динамики положительно.

Список литературы

Августин Аврелий. Творения / Переизд. пер. Киевской духовной академии (1879–1908): В 4 ч. СПб.: Алетейя; Киев: Уцимм-пресс, 1998. Ч. 4: О Граде Божьем, кн. 14–22. 592 с.

Айзенштадт Ш. Конструктивные элементы великих революций: культура, социальная структура, история и человеческая деятельность // THESIS. 1993. Т. 1, вып. 2. С. 190–212.

Арнасон Й. Коммунизм и модерн // Социол. журн. 2011. № 1. С. 10–35.

Ахиезер А. С. Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. 1995. № 1. С. 3–57.

Гегель Г. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 400 с.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.

Лапкин В. В. Циклы, ритмы, волны: проблема моделирования политического развития // Полис. 2002. № 4. С. 26–31.

Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е. изд. М.: Изд-во полит. лит., 1968. Т. 46, ч. 1. 317 с.

Пантин В. И. Возможности циклически-волнового подхода к анализу политического развития // Полис. 2002. № 4. С. 19–25.

Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

Тойнби А. Постижение истории: Избранное. М.: Айрис-Пресс, 2001. 638 с.

Федотова В. Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.

Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории: В 2 т. М.: Мысль, 1998а. Т. 1: Образ и действительность. 667 с.

Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории: В 2 т. М.: Мысль, 1998б. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. 607 с.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

Материал поступил в редколлегию 10.10.2018

E. A. Erokhina

Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

leroh@mail.ru

INVERSION MECHANISMS OF SOCIOCULTURAL DYNAMICS AND INSTITUTIONAL MODELS OF ETHIC DIVERSITY MANAGEMENT

The author uses the example of alternating mono-national and multinational types of ethnic diversity management to consider the mechanism of consistent reproduction of westernization and auto-modernization. The first type appears as a result of copying European institutional models, and the second type emerges as a result of adaptation of western borrowings to Russian realities. Each phase of Russian

modernization cycles turns out to be connected with the work of one of dominants: the first phase - with westernization, the second phase is transitory and the third phase is due to auto-modernization. A conclusion is made about the dependence of institutional models of ethnic diversity management on the inversion mechanisms of socio-cultural dynamics.

Keywords: sociocultural dynamics, inversion, modernization, westernization, auto-modernization, institutional model.

References

Ahiezer A. S. Rossiya: nekotorye problemy sociokulturno dinamiki [Russia: Some Problems of Sociocultural Dynamics]. *Mir Rossii* [*World of Russia*], 1995, no. 1, p. 3–57. (In Russ.)

Arnason J. Kommunizm i modern [Communism and Modern]. *Sociological Journal,* 2011, no. 1, p. 10–35. (In Russ.)

Augustinus Aurelius. O Grade Bozh'em [About the City of God]. *Tvoreniya* [*Creations*: Ch. 4. Kn. 14–22]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., Kiev, Ucimm-press, 1998. (In Russ.)

Danilevskii N. Ya. *Rossiya i Evropa* [*Russia and Europe*]. Moscow, Kniga Publ., 1991. (In Russ.)

Eisenstadt Sh. Konstruktivnye elementy velikih revolyutsii: kultura, sotsialnaya struktura, istoriya i chelovecheskaya deyatelnost [The Constructive Elements of the Great Revolutions: Culture, Social Structure, History and Human Activity]. *THESIS*, 1993, vol. 1, no. 2, p. 190–212. (In Russ.)

Fedotova V. G. *Horoshee obschestvo* [*Good Society*]. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2005. (In Russ.)

Hegel G. *Lektsii po filosofii istorii* [*Lectures on the Philosophy of History*]. St. Petersburg, Nauka, 1993. (In Russ.)

Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [*The Meaning and the Purpose of History*]. Moscow, Politizdat, 1991. (In Russ.)

Lapkin V. V. Tsykly, ritmy, volny: problema modelirovaniya politicheskogo razvitiya [Cycles, Rhythms, Waves: the Problem of Modeling Political Development]. *Polis,* 2002, no. 4, p. 26–31. (In Russ.)

Marks K. Ekonomicheskie rukopisi 1857–1859 g. [Economic Manuscripts of 1857–1859]. Marks K., Engels F. *Sochineniya* [*Works*]. 2nd edition. Moscow, Izd-vo politicheskoi literatury, 1968, vol. 46, ch. 1. (In Russ.)

Pantin V. I. Vozmozhnosti tsiklicheski-volnovogo podhoda k analizu politicheskogo razvitiya [Possibilities of a Cyclically-Wave Approach to the Analysis of Political Development]. *Polis,* 2002, no. 4, p. 19–25. (In Russ.)

Shpengler O. *Zakat Evropy*: *ocherki morfologii mirovoi istorii*: V 2 t. [*The Decline of Europe*: *Essays on the Morphology of World History*: In 2 vols]. Moscow, Mysl' Publ., 1998a, vol. 1: Obraz i deistvitelnost [Image and Reality]. (In Russ.)

Shpengler O. *Zakat Evropy*: *ocherki morfologii mirovoi istorii*: V 2 t. [*The Decline of Europe*: *Essays on the Morphology of World History*: In 2 vols]. Moscow, Mysl' Publ., 1998b. vol. 2: Vsemirno-istoricheskie perspektivy [World Historical Perspectives]. (In Russ.)

Sorokin P. A. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obschestvo* [*The Person. The Civilization. The Society*]. Moscow, Politizdat, 1992. (In Russ.)

Toynbee A. *Postizhenie istorii*: *izbrannoe* [*Comprehension of History*: *The Favorites*]. Moscow, Airis-Press, 2001. (In Russ.)

УДК 316.647.8
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-180-191

В. Е. Тюриков

Институт философии и социально-политических наук
Южного федерального университета
ул. Кузнечная, 130, Ростов-на-Дону, 344033, Россия

turikov.vladimir@mail.ru

РОМА В ЕВРОПЕ: МЕЖДУ ПРАВДОЙ И ВЫМЫСЛОМ

Рассматривается ряд аспектов одной из наиболее давних и глубоких проблем современного европейского общества – проблема взаимоотношений европейцев с народом рома. Предпринимаются попытки рассмотреть основные парадигмы, в рамках которых формируются стереотипы относительно народа рома, бытующие в европейском обществе. Обосновывается идея о необходимости осмысления многомерности проблемы «цыганского вопроса», минуя рамки устоявшихся подходов к проблеме, по причине их очевидной неэффективности.

Ключевые слова: цыгане, рома, ромафобия, «цыганский вопрос», стереотипы, интеграция, преступная деятельность, менталитет, ЕС.

В настоящий момент внимание к проблеме цыган или народа рома, несмотря на постоянное присутствие в европейском научном и правовом дискурсе, несколько снизилось, уступив первые места в общеевропейской повестке дня сексуальным домогательствам, гомофобии и т. д. Тем не менее, как показывают не столь давние события 2010 г., связанные с цыганскими погромами во французском городе Сент-Эньян, а также ежегодное стабильное число регистрируемых случаев насилия и дискриминации в отношении цыган, – «цыганский вопрос» никуда не исчез и все также «болезнен» для европейского континента. Со времени вступления стран Центральной и Восточной Европы в ЕС «цыганская проблема» из регионального измерения стремительно приняла общеевропейский масштаб, а ввиду географических особенностей проживания рома, для стран «старой Европы» столь острого значения прежде не имела. Звучащие сегодня в европейском медийном пространстве заявления об «угрозе роста населения рома»,

© В. Е. Тюриков, 2018

а также намеренное разжигание ненависти к цыганам, приводящее к реальным жертвам, заставляют вновь обратиться к проблеме так называемых антицыганских настроений.

Согласно докладу Специального докладчика ООН по вопросам меньшинств Риты Ижак, приблизительно 11 млн рома проживает сегодня в Европе. При этом около 6 млн проживают в 27 государствах – членах Европейского союза[1]. Ввиду этих обстоятельств абсолютно ясно, что от нахождения путей эффективного мирного сосуществования европейцев с народами, которые принято называть «рома» и которые присутствуют и проживают на европейском континенте около шестиста лет, может зависеть и возможность построения адекватных и равнозначных отношений с народами, не имеющими столь долгого опыта проживания бок о бок с европейцами. Необходимо отметить, что интерес в рамках изучения «ромафобии» представляет сегодня и рассмотрение диаметрально противоположных граней феномена, когда самым парадоксальным образом восприятие истории народа рома и его будущего, декларируемое европейскими институтами, правозащитниками и лицами, называющими себя представителями рома, сосуществует с совершенно иным отношением к прошлому и видению грядущего будущего у самих цыган / рома.

Обращаясь к исследованиям по данной теме, необходимо отметить существующие терминологические сложности в отношении самого определения «цыгане». Наиболее распространенной, а также задействованной большинством общеевропейских и мировых институтов (Совет Европы, ОБСЕ, ООН) дефиницией для обозначения этого народа является «ромá». Под ним понимается мир рома, включающий в себя группы и подгруппы, которые, накладываясь друг на друга, обладают единым историческим происхождением, языковой общностью и коллективным опытом дискриминации со стороны групп большинства. Помимо общепринятого термина «ромá», в тех или иных источниках, мы можем встретить и(или) такие определения, как «тревеллеры», синти, кале, кочующие, странствующие, джипси и др., охватывающие широкое многообразие народностей, включая группы, называющие себя цыганами.

Не все рома / цыгане используют сегодня в повседневном общении диалекты единого материнского языка романес (или языка рома),

[1] Всеобъемлющее исследование по положению в области прав человека рома во всем мире с особым упором на явление антицыганских настроений. Доклад Специального докладчика по вопросам меньшинств Риты Ижак // Совет по правам человека ООН. 29 сессия, 11.05.2015. URL: https://refworld.org/cgibin/texis/vtx/pdf.pdf? reldoc=y&docid=558409af4 (дата обращения 30.05. 2018).

приняв в качестве языка общения венгерский, турецкий, албанский, румынский и т. д. Исповедуют они и различные религии: различные христианские и исламские конфессии. Можно встретить и общности, которые, несмотря на отнесение их местным населением к цыганам, себя таковыми не ощущают, публично декларируя свою другую, не-цыганскую идентичность [Марушиакова, Попов, 2008а].

Обращаясь непосредственно к исследованиям по проблематике «цыганского вопроса», мы можем выделить две кардинально противоположных парадигмы, которые могут быть охарактеризованы: как маргинализация – цыгане рассматриваются как маргинальный общественный слой, являющийся носителем не особой этно-культуры, а «культуры бедности»; и экзотизация – цыгане трактуются исключительно в качестве специфической и уникальной общности [Марушиакова, Попов, 2008а].

Первый подход непосредственно связан с представлениями о том, что цыгане явили собой некую социальную конструкцию, возникшую в слоях маргинализированного европейского населения, воспринявшую бродяжнический образ жизни и отвергшую индустриальную революцию в позднем Средневековье. В рамках данных воззрений цыгане трактуются как некое единое целое, существующее только в одном измерении [Там же].

Вторая парадигма берет свое начало в XIX в., зарождаясь в рамках социально-культурной антропологии. При наложении данного подхода на область социальной политики формируются представления о том, что для сохранения и дальнейшего развития особой цыганской культуры необходимо оградить ее от внешнего воздействия и создать для ее развития особые условия, что часто не совпадает с давно заявленными целями скорейшего интегрирования цыган в европейское общество. Такие противоречия нередко находили свое отражение, к примеру, в сфере школьного образования, когда парадоксально дети рома во имя «благих целей» помещались в специализированные школы, а позже также во имя «благих целей» и под напором правозащитников перемещались в общеобразовательные учебные заведения. Иными словами, процессы сегрегации детей рома сменялись процессами десегрегации [Marushiakova, Popov, 2017].

Говоря же о конкретных работах по данной проблематике, необходимо выделить книгу «Европа изобретает цыган» немецкого профессора Клауса-Михаэля Богдаля, проследившего процесс «деевропеизации» рома с момента их появления в Европе до эпохи модерна, с привлечением массива литературоведческих источников.

Особое место в исследованиях «цыганского вопроса» занимает проблема геноцида цыган в годы Второй мировой войны. В этой связи важно упомянуть работы британских историков Д. Кенрика и Г. Паксона «Цыгане под свастикой», а также книгу «Цыганская трагедия 1941–1945» отечественного этнографа Н. Бессонова.

Огромный вклад в исследование проблем народа рома, признанный как отечественными, так и зарубежными учеными, внесли уже неоднократно упомянутые нами болгарские исследователи Е. Марушиакова, В. Попов.

В свою очередь, отечественные специалисты М. В. Каргалова, А. В. Махова придерживаются традиционных взглядов, говоря об идущей от цыган потенциальной угрозе социальной стабильности европейского общества, а также о «двустороннем» характере проблемы.

Обращаясь же непосредственно к самим причинам нелегких взаимоотношений народов Европы и цыган, считаем необходимым сделать краткий экскурс в историю.

Появившись приблизительно в XIV в. в Европе, предки современных рома, мигрировавшие из Индии около тысячи лет назад, смогли заселить фактически все европейские страны, включая Британские острова. При этом основная часть переселенцев осела в южной части континента. Цыгане, специализировавшиеся на занятии многими ремеслами, всегда производили сильное впечатление на местных жителей, привлекая к себе пристальное внимание, и воспринимались сперва как нечто необычное и забавное [Кенрик, Паксон, 2001]. Но уже совсем скоро первоначальное восприятие рома европейцами начало трансформироваться, а сами рома превратились в жертв бытующих предрассудков, недобросовестной конкуренции, «разменную монету» социально-политических игр.

Недоверие европейцев вызывал смуглый цвет кожи цыган, ассоциировавшийся со злом и ущербностью; отсутствие у цыган родственных корней ни с одним из известных европейцам народов; наличие легенд о том, что все цыгане были прокляты Богом [Там же]. Профессиональные гильдии усматривали в ремесленной деятельности цыган угрозу для своей монополии и в ответ воздвигли на пути к нормальной конкуренции практически непреодолимые барьеры для последних [Там же]. Ограничения привели к тому, что некоторые цыгане для пропитания были вынуждены прибегать к мелкому мошенничеству. Периодически поддерживала антицыганские настроения и церковь.

В результате данные тенденции приобрели правовые контуры и оформились в виде законодательства, направленного на постепен-

ное лишение цыган любых прав и свобод. Как полагает Клаус-Михаэль Богдаль [2014], европейское сообщество восприняло цыган в качестве «начала, несущего угрозу их устоявшемуся укладу, ограничивало это чуждое начало определенными рамками, выделив для него особую нишу в социальном порядке».

Так, с 1501 г. рома запрещалось пребывание на территории Священной Римской империи, где любому гражданину было позволено схватить и убить любого рома без всяких объяснений. На части территории современной Румынии рома находились в крепостном рабстве вплоть до 1855 г. В Австро-Венгрии весь XVIII в. действовала политика насильственной ассимиляции в отношении цыган (см.: [Права человека..., 2011]).

При сложившихся условиях выживание цыган стало возможным лишь благодаря слабой «обратной связи» между европейскими центром и периферией, плохо развитой территориальной доступностью отдельных районов, временному покровительству ряда аристократов.

В XIX в., в рамках просветительской антропологии, параллельно с существовавшими ранее стереотипами, утверждается романтическое представление о цыганах, позитивно повлиявшее на массовое восприятие и обеспечившее цыганам постоянное медийное присутствие [Кенрик, Паксон, 2001].

XX век становится новым периодом усиления гонений на рома, но уже со стороны фашистских режимов. Нюрнбергские расовые законы, одобренные в Германии в 1935 г., лишали рома гражданства и любых прав: цыган массово направляют в трудовые лагеря, подвергают насильственной стерилизации. Объектом дискриминации и преследований со стороны властей фашистского государства цыгане становятся и в Италии. Общее же число рома, падших жертвами преследований со стороны нацистских режимов, до сих пор остается неизвестным.

Все вышеперечисленные факторы сказались на положении большинства рома в европейском социуме. При этом важно отметить, что формирование и развитие отдельных цыганских групп никогда не протекало герметично в рамках лишь их общностей, а находилось в неразрывной связи с процессами, происходящими в обществах, где они проживали. [Марушиакова, Попов, 2008а].

Сегодня рома представляют собой одно из наиболее многочисленных этнических меньшинств в Европе, все минувшие экономические и социальные трансформации 90-х гг. XX в. и начала XXI в., без сомнения, коснулись и их, еще более углубив имевшиеся сложности и противоречия.

Вступление бывших стран восточноевропейского лагеря в ЕС, как уже говорилось ранее, способствовало переходу «цыганского вопроса» с локального уровня на уровень пан-европейского публичного пространства, где он одномоментно становится объектом беспрецедентного внимания правозащитников, международных институций и европейских парламентариев. Многочисленные исследования, организованные на волне этого интереса и зачастую под эгидой различных некоммерческих организаций, как остроумно замечают исследователи Е. Марушиакова и В. Попов, трансформируются в целую финансовую индустрию («NGO science»), где вектор развития задается во многом, «внешними» по отношению к цыганам факторами [Marushiakova, Popov, 2011]. Это делается, например, людьми, безосновательно утверждающими, что у них есть «цыганские корни», не знакомыми с проблемами рома, но активно готовыми их решать [Ibid.].

Говоря о миграции цыган в страны Западной Европы после 2001 г., полагаем необходимым заметить, что она стала закономерным продолжением миграционных перемещений народа рома, начатых еще в 1980-х гг. Миграция после 2001 г. обретает новые формы и аспекты, ставя перед европейскими институтами новую задачу для разрешения – кого из мигрантов рома, со специфическим способом заработка на жизнь и особым укладом быта, действительно можно отнести к «социально незащищенной и уязвимой категории мигрантов», а кто лишь хочет казаться таковыми.

Странами Западной Европы был предпринят ряд попыток по ограничению миграции цыган и возложению ответственности за их судьбу на государства Центральной и Восточной Европы, что не могло не вызвать реакцию со стороны последних и заявления о подрыве фундаментального принципа, на котором зиждется все объединенная Европа – принципа свободного движения людей, товаров и капиталов.

Следует отметить, что вышеназванные обстоятельства напрямую соотносятся еще с одним занимательным фактом – реальные причины, вынуждающие рома мигрировать, в научной среде зачастую получают излишне романтизированное объяснение [Marushiakova, Popov, 2017]. Так, часто миграцию цыган трактуют как путь сохранения свободы этого народа и жизнеспособности его культуры [Ibid.]. Тогда как реальные причины текущей волны миграции рома гораздо прозаичнее и не сильно отличаются от мотивов других жителей восточноевропейских стран. Высокий уровень безработицы среди цыган, социально-экономический кризис и, как следствие, рост ро-

мафобии среди местного населения подталкивают рома к миграции и мобилизируют их [Ibid.].

Рома уже давно стали неотъемлемой частью так называемой «невидимой» миграции с Востока, заняв свою нишу в сегменте низкоквалифицированной рабочей силы в ЕС. В свою очередь, для государств Центральной и Восточной Европы обратным эффектом миграции рома явилось то, что на их территории остались проживать те, кто не способен был уехать – наиболее маргинализированные слои локальных цыганских сообществ, с низким уровнем социальной грамотности, без какой-либо квалификации. Данные обстоятельства серьезно усложняют все дальнейшие усилия по социальной интеграции рома, при этом наиболее негативные эффекты данных событий затронут тех рома, которые остались проживать на своей родине [Ibid.].

Обращаясь непосредственно к реализуемой европейцами политике по интеграции цыган, необходимо указать, что, как полагает большинство авторов, она не привела к желаемым результатам ни в странах, принимающих мигрантов рома, ни в странах, откуда они мигрировали.

Несмотря на предпринимаемые государственными органами Европы усилия, получившие одобрение ООН, и отдельные успешные примеры интеграции рома, прогресс в четырех «приоритетных областях», определенных самими же государствами ЕС (образовании, здравоохранении, жилищной сфере и трудоустройстве), обозрим лишь пока в отдаленном будущем.

Вместе с тем, как полагает Комиссар Совета Европы Т. Хаммамберг, полностью отрицать прогресс, достигнутый европейскими институтами в борьбе с дискриминацией рома, было бы в корне неверно. В ряде государств представители рома работают в государственных органах, полиции, местных или региональных администрациях. Одновременно с этим все удавшиеся начинания легко обратимы, и в случае ослабления интереса какой-либо из заинтересованных в разрешении проблемы сторон просто сойдут на нет [Права человека..., 2011].

Рассматривая существующие сложности в восприятии европейцами народа рома, важно указать, что, например, жителями стран Восточной Европы цыгане никогда не воспринимались как нечто «чуждое». Скорее, их считают здесь «другими», со всеми имеющимися негативными оттенками в рамках подобного рода отношения [Marushiakova, Popov, 2011].

Жителям Западной Европы, по большей части, непривычны все еще свойственный некоторым представителям рома менталитет

кочевников и связанные с ним специфические нормы поведения и морали. Важным является то, что некоторые из этих особенностей менталитета и жизненного уклада напрямую противоречат нормам европейского законодательства. Следствиями этого нередко являются низкий уровень образования, ограниченные возможности для трудоустройства, когда под предлогом «сохранения свободы» занятость подменяется попрошайничеством.

Сами рома нередко предпочитают ссылаться на бытующий в их сообществе лозунг: «Цыгане имеют право искать свой собственный путь к прогрессу» [Каргалова, 2011]. При таких обстоятельствах очевидно, что заложенные в европейских программах интеграции цыган цели по превращению их в среднестатистических европейцев и усвоению ими основ усредненной западной культуры труднодостижимы [Там же].

Отдельным острым аспектом в данной проблематике выступает вопрос насилия и агрессии в отношении рома. Активность голосов представителей крайне правых движений и противников идеи устранения дискриминации в отношении рома заставляет вновь вернуться к используемому нами ранее тезису о том, что рома часто становились и становятся разменной монетой в политических и межгосударственных играх. «Заигрывание» народных избранников, а также СМИ с провокационными популистскими темами, использование жестких и откровенно расистских высказываний в адрес этих групп воспринимаются часто как прямой призыв к действию. Так, необдуманные высказывания со стороны ряда кандидатов во время выборов 2008 г. в Италии спровоцировали нападения на отдельных представителей и целые поселения народа рома [Права народа рома и тревеллеров, 2012]. Разжигание ненависти в Венгрии в 2008–2009 гг. явилось причиной хладнокровного убийства шести рома, среди которых была пятилетняя девочка [Там же].

Свою лепту в общественное недовольство, как в Западной, так и в Восточной Европе, вносит и финансовый аспект проблемы. В Болгарии на социальное обеспечение рома тратится свыше 50 % всей социальной помощи [2]. Справедливыми являются и замечания относительно частых случаев преступлений при участии представителей рома, связанных с воровством, торговлей людьми, организацией преступных сетей и т. д. «Слабым» местом данной аргументации выступает безусловное игнорирование того, что все эти преступления

[2] *Махова А. В.* Цыгане – особый путь к прогрессу. 20.11.2013. URL: https://sensusnovus. ru/analytics/2013/11/20/17506. html. (дата обращения 31.05.2018).

творятся с молчаливого согласия, а иногда и при незримом участии муниципальных властей, правоохранительных служб, государственных и судебных органов.

Не последнее значение в свете всех этих событий имеет мнение самих рома о видении ими текущей ситуации и возможных векторах развития для их народа. Еще в 1971 г. на волне так называемого ромского движения был создан Международный союз ромов, ставший впоследствии неким руководящим органом, представляющим на международном уровне ромскую нацию [Марушиакова, Попов, 2008б]. В течение долгого времени, в рамках данной институции разрабатывались идеологические концепции о характере ромской нации, месте рома в процессах европейской интеграции, официализировалась позиция относительно событий Второй мировой войны и т. д. Развитие движения в русле выработанной «концепции о рома как о нации без государства» до сих пор вызывает вопросы, ввиду определенного отсутствия каких-либо перспектив для такого развития в контексте общеевропейского единства [Марушиакова, Попов, 2008а].

Социальным явлением в последние годы в рамках данных процессов стал сформировавшийся так называемый слой «рома по профессии», часть которого неожиданно вспомнила о своих «забытых» (или же мнимых) цыганских корнях, решив найти свое жизненное призвание в посредничестве между рома и различными общественными структурами [Там же].

Большинство же «обычных» цыган не приемлет комплекса «вечной жертвы истории» и скептически относится к сформировавшимся в процессе институализации ромского движения элитам. Они предпочитают другую трактовку собственной истории и иной публичный образ – образ полноправной части того общества, где они жили столетиями [Марушиакова, Попов, 2008б].

На основании всего вышесказанного позволим себе сделать некоторые выводы.

1. «Цыгане» как общность определяются, по сути, не самими членами этой общности, а окружающим их населением.

2. Ввиду гетерогенности самих цыганских сообществ, непростой истории их развития, а также вышеупомянутых обстоятельств, до сих пор серьезные затруднения вызывает вопрос, кого же можно относить к народу рома.

3. Сам «цыганский вопрос» фактически может быть представлен на уровне трех измерений: восприятия проблемы европейскими институтами, НКО, политиками, ромской элитой; отношения к пробле-

ме населения, проживающего бок о бок с цыганами, или имеющего опыт общения / взаимодействия с ними; и собственно на уровне самих рома / цыган. Данные измерения иногда пересекаются между собой, но зачастую, к сожалению, проходят абсолютно параллельными путями.

4. Возможность разрешения проблемы народа рома будет напрямую зависеть от развития текущей социально-экономической и политической обстановки в Европе.

5. Сам же «цыганский вопрос» будет стабильно присутствовать в общеевропейской повестке дня, по причине ангажированности данной проблемы.

Список литературы

Богдаль К. М. Европа измышляет цыган: история очарования и презрения. Пролог. 2014. URL https:// suhrkamp.de/ download/ Sonstiges/ Sampletranslation_ Bogdal_Europa_Natalia-Bakshi.pdf:. (дата обращения 31.05.2018).

Каргалова М. Цыганский вопрос в Европе – символ социальной опасности // Мир и политика, 2011. URL: http://mir-politika.ru/120-cyganskiy-vopros-v-evrope-simvol-socialnoy-opasnosti.html (дата обращения 28.05.2018).

Кенрик Д., Паксон Г. Цыгане под свастикой. М.: Изд-во «Текст», 2001. 203 с.

Марушиакова Е., Попов В. Идентичность цыган / ромов в новом европейском контексте (на примере Восточной Европы). 2008а. URL: http://mir-politika.ru/120-cyganskiy-vopros-v-evrope-simvol-socialnoy-opasnosti.html (дата обращения 28.05.2018).

Марушиакова Е., Попов В. Холокост и цыгане. Конструирование новой национальной мифологии. 2008б. URL: https// romagenocide com.ua/ data/files/ bibliography/: Marushiakova._Popov.pd (дата обращения 20.07.2018).

Права народа рома и тревеллеров (Выдержки из основного доклада). Управление Комиссара Совета Европы по правам человека. Страсбург: Изд-во Совета Европы, 2012. 23 с.

Права человека в Европе: работа продолжается. Позиция Томаса Хаммарберга Комиссара Совета Европы по правам человека. Управление Комиссара по правам человека Совета Европы. Страсбург: Изд-во Совета Европы / ООО «Русская переводческая компания», 2011. 458 с.

Marushiakova E., Popov V. Between Exoticization and Marginalization. Current Problems of Gypsy Studies // Behemoth: A Journal on Civilisation. 2011. Vol. 4. P. 86–105.

Marushiakova E., Popov V. Current trends in the social-economic integration of Gypsy migrants in the European Union // RUDN Journal of Economics, 2017. Vol. 25 (1). P. 112–121.

Материал поступил в редколлегию 29.09.2018

V. E. Turikov

Institute of Philosophy and Socio-political Sciences, Southern Federal University
130 Kuznechnaya Str., Rostov-on-don, 344033, Russian Federation

turikov.vladimir

ROMA IN EUROPE: A GAP BETWEEN FACTS AND FICTION

This article is concerned with one of the most long-standing and rooted problems of modern European society – the problem of relationship between Europeans and the Roma people. The author tries to consider the main paradigms within which the main stereotypes about gypsies, circulating in the European society, are forming. The author considers it necessary to reflect on the multidimensional nature of the «gipsy issue», going beyond the traditional approaches, due to their inefficiency.

Keywords: Gypsies, The Roma, Romaphobia, Roma issue, stereotypes, integration, criminal activity, mentality, EU.

References

Bogdal K. M. *Evropa izmyshlyaet tsygan: istoriya ocharovaniya i prezreniya. Prolog* [*Europe invents the Gipsies: A story of Fascination and Contempt. Preface*], 2014. URL: https:// suhrkamp.de/download/ Sonstiges/Samplet ranslation_ Bogdal_ Europa_ Natalia-Bakshi.pdf (accessed 31.05.2018). (In Russ.)

Kargalova M. Tsyganskii vopros v Evrope – simvol sotsialnoi opasnosti [Roma issue in Europe – Symbol of social danger]. *Mir i politika* [*World and Politics*], 2011. URL: http://mir-politika.ru/120-cyganskiy-vopros-v-evrope-simvol-socialnoy-opasnosti.html (accessed 28.05.2018). (In Russ.)

Kenrik D., Pakson G. *Cygane pod svastikoi* [*Gypsies under the Swastika*]. Moscow, Tekst Publ., 2001. (In Russ.)

Marushiakova E., Popov V. Between Exoticization and Marginalization. Current Problems of Gypsy Studies. *Behemoth*: *A Journal on Civilisation*, 2011, vol. 4, p. 86–105.

Marushiakova E., Popov V. Current trends in the social-economic integration of Gypsy migrants in the European Union. *RUDN Journal of Economics*, 2017, vol. 25 (1), p. 112–121.

Marushiakova E., Popov V. Holokost i cygane. Konstruirovanie novoj nacional'noj mifologii [Holocaust and The Gypsies: Constructing of a new national ideology] 2008a. URL: https://romagenocide.com.ua/data/ files/ bibliography/ Marushiakova Popov.pd_(accesed 20.07.2018). (In Russ.)

Marushiakova E., Popov V. Identichnost' cygan / romov v novom evropejskom kontekste. Na primere Vostochnoj Evropy. [Gipsies/Roma Identities in a New European Context (From the example of Eastern Europe)]. 2008b. URL: https:// dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/26912/22-Marushiakova.pdf?s (accessed 20.07.2018).

Prava naroda roma i trevellerov (Vyderzhki iz osnovnogo doklada) [The Rights of Roma and Travellers. The Abstracts from the Major Report] Upravlenie Komissara Soveta Evropy po pravam cheloveka. Strasburg, 2012, Izdatel'stvo Soveta Evropy [Strasbourg, Office of the Council of Human Rights Commissioner, Council of Europe Publishing]. (In Russ.)

Prava cheloveka v Evrope: rabota prodolzhaetsya. Pozitsiya Tomasa Hammarberga Komissara Soveta Evropy po pravam cheloveka [Human Rights in Europe: The Work continues. The Position of Thomas Hammarberg, Commissioner for Human Rights of the Council of Europe]. Strasburg, 2011, Izdatel'stvo Soveta Evropy / OOO «Russkaya perevodcheskaya kompaniya. (In Russ.)

УДК 316.4.06
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-192-206

Д. В. Ушаков

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

ushakovdmitrii@mail.ru

СЕМЬЯ КАК ИНСТИТУТ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЭТНИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ МОНГОЛИИ)

Исследование посвящено изучению традиционных и новых компонентов семейных отношений, которые воспроизводят этнические характеристики представителей монгольских народов. Приводятся данные социологических опросов семей, проведенные в 2009–2010 гг. монгольскими учеными, а также данные опроса взрослого населения и монгольской молодежи – жителей столицы Улан-Батора 2014 г. Выделены наиболее значимые факторы влияния на этническую идентичность взрослого и подрастающего поколений. Показано, что природные условия, хозяйственная деятельность, процессы урбанизации, структура семей, условия и факторы формирования этнической идентификации влияют на воспроизводство этнокультурных традиций, а мнения по поводу современных тенденций в семейно-брачных отношениях и принятие новых ценностных установок работают не только на развитие, но и на разрушение семьи как института воспроизводства общества.

Ключевые слова: Семья, семейно брачные отношения, поколения, традиции, язык, социализация, воспроизводство, Монголия.

Важнейшим, ключевым в процессе воспроизводства этноса и этничности является институт семьи, включающий в себя брачные и родственные отношения ее членов. Воспитание в духе приверженности традициям выступает важной составляющей социализации подрастающих поколений и стабильности общества. При этом соотношение традиций и новаций в семейном воспитании молодежи во многом определяет как воспроизводство этноса, так и общества в целом.

ISSN 2541-7517. Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 4. С. 192–206.
© Д. В. Ушаков, 2018

Интерес к народам соседней Монголии связан с тем, что Россия не просто граничит своими южными рубежами с этой страной, но и имеет долгую историю взаимоотношений с этим государством и его многонациональным (полиэтничным) сообществом. В условиях тесного сосуществования и потребностей в сотрудничестве следует обратить внимание на внутреннюю основу, квинтэссенцию воспроизводства обществ – семью, как основной институт порождения и развития традиционной культуры народов.

В последнее время в отечественной этнологии, а также в зарубежной социальной и культурной антропологии все чаще отстаивается мнение, что этничность является продуктом интеллектуального или государственного (политического) конструирования. Противоположная позиция заключается в рассмотрении этничности как объективной социокультурной характеристики, присущей представителям разных народов, в зависимости от рождения и разнообразия природных условий. Вторая методологическая позиция представляется более приемлемой. В данном случае мы не умаляем роль политических решений или других факторов, влияния других институтов на воспроизводство этносов и этничности как социокультурного своеобразия и поведения конкретных представителей того или иного народа, однако необходимо понять, какую роль играет семья в сохранении этнической идентичности народов.

В 2014 г. изучение этносоциальной ситуации в г. Улан-Батор осуществлялось сотрудниками Института философии и права СО РАН совместно с преподавателями Монгольского национального университета. Массовый социологический опрос проводился с применением метода случайной выборки среди учащихся и родителей 9 средних образовательных учреждений (школ), три из которых являются достаточно престижными и находятся в центральной части города, еще три в разных районах, несколько удаленных от центра, и три – на периферии Улан-Батора. В опросе приняли участие 600 молодых людей, учащихся 9–12-х классов, в возрасте от 12 до 18 лет (46 % юношей и 54 % девушек). Среди взрослых было опрошено 410 чел. в возрасте от 20 до 80 лет (33 % мужчин и 67 % женщин). Фактически этнический состав опрошенного населения в основном представлен большой группой халхцев – более 85 %, девятью другими монгольскими

и двумя немонгольским этническими группами – 13 %, а также 2 % представителей смешанных семей.

Одним из важных вопросов, касающихся роли семьи в воспроизводстве этничности, является место первичной социализации носителей этнической культуры, а точнее сельский или городской образ жизни родителей. Если в сельской местности социализация детей происходит в более непосредственном контакте с родителями при освоении их деятельности, то в городских условиях она больше опосредуема воспитательными и образовательными учреждениями, средствами массовой информации и др. факторами.

Важнейшая тенденция Монголии в последнее тридцатилетие – усиление урбанизации. В последние годы в столице этот процесс продолжал усиливаться. Так, несмотря на то, что половина опрошенных нами взрослых (48,7 %) провели свое детство в городской среде, другая половина (49,4 %) провела свое детство в сельской местности, и по 1 % – в сельской и городской местностях другой страны. В этих условиях многие и из городской молодежи не утрачивают традиционных знаний и самих традиций.

Кроме этого, многие семьи, проживающие в городских условиях, поддерживают тесные связи со своими родителями или другими родственниками из сельской местности, называемой «худоном» (от «худее» – сельская местность, провинция, степь). В Монголии город и село тесно связаны не только продовольственными поставками и процессом урбанизации, но и активной временной и постоянной миграциями населения.

Городские жители в большей степени заняты в сфере государственного управления, предпринимательства, торговли и услуг, обслуживания городской инфраструктуры, транспортной сфере, на предприятиях добывающей и обрабатывающей промышленности. При этом городские жители периодически приезжают в сельскую местность для проведения национальных праздников, закупки мяса и других продуктов животноводства. Нередко и сельские жители приезжают для закупок в гости к горожанам.

У сельских жителей – кочевников передача большинства традиций от поколения к поколению происходит в семье, а традиционный жизненный уклад во многом диктуется необходимостью адаптации общества к суровым природно-климатическим условиям территорий проживания. В сельской местности традиционными занятиями

в большей степени остаются кочевое и отгонное пастбищное животноводство как достаточно рациональный способ природопользования и выживания для людей в данных условиях.

Монголия занимает одно из первых мест в мире по количеству скота на душу населения. Основными отраслями экономики страны являются сельское хозяйство, горно-рудная и легкая промышленность. В последнее время экономика страны активно прибегает к иностранной помощи, развивает инфраструктуру и туризм. В настоящее время в Монголии хорошо развит частный бизнес. Важную роль в подъеме монгольской экономики играет гибкая налоговая политика. За исключением крупных предприятий угольной промышленности и энергетической отрасли, все остальное в Монголии отдано в частную собственность. Кочевое скотоводство в Монголии всегда было отраслью, обеспечивающей основные сферы жизнедеятельности общества и являющейся главным условием выживания монгольского народа, сохранения культуры и ареала обитания [Монгольский мир, 2014. С. 216–217].

В структуре монгольских семей более половины – это нуклеарные семьи, где несовершеннолетние дети живут вместе с родителями. Второй достаточно большой по численности группой (около четверти) являются сложные семьи, в которых помимо родителей и детей проживают дедушки, бабушки и другие родственники. Одиноких людей относительно немного, имеется и совсем небольшое количество нестандартных семей [Там же. С. 229].

Ценность официально зарегистрированных браков в Монголии сегодня достаточно высока. Среди опрошенных нами взрослых большинство (81,9 %) – состоят в браке, только 7,1 % – в разводе, 6,3 % не замужем / не женаты и 4,8 % – овдовевшие, что не удивительно, поскольку опрашивались в основном родители, и в некоторых случаях дедушки и бабушки ныне учащейся молодежи.

В последнее время все чаще высказывается мнение, что в условиях современного глобализирующегося общества степень значимости этнической идентичности, или национальной принадлежности, постепенно утрачивает силу. Более того, нередко возникает соблазн минимизировать или вовсе не замечать этнические различия. Насколько важна сегодня этническая идентичность для жителей Улан-Батора?

Как показывают данные исследования, в современных условиях этническая идентичность не утрачивает своей значимости, а сохраняет свою актуальность (табл. 1).

Таблица 1

Степень этнической идентичности взрослого
и подрастающего поколений в г. Улан-Батор, 2014 г.

Согласие с одним из мнений	Взрослые		Молодежь	
	Кол-во ответов	%	Кол-во ответов	%
Каждый человек должен осознавать свою национальную принадлежность, знать язык и культуру своего народа	311	80,4	494	85,8
Важно осознавать свою национальную принадлежность, а знать язык и культуру своего народа не обязательно	32	8,3	27	4,7
Осознание человеком своей национальной принадлежности, знание национального языка и культуры сейчас не имеют большого значения	44	11,4	55	9,5
Всего	387	100	576	100

Как для большинства взрослых, так и для молодежи в целом характерно достаточно высокое признание значимости этнической идентичности. При этом важно, что для современной молодежи полная этническая идентичность имеет даже несколько больший вес, чем включение в локальные и мировые интеграционные процессы. Так, если для 80,4 % взрослых каждый человек должен осознавать свою национальную принадлежность, знать язык и культуру своего народа, то среди молодежи так считают 85,8 %. Среднюю позицию, выражающую частичную этническую идентичность – «важно осознавать свою национальную принадлежность, а знать язык и культуру своего народа не обязательно» – разделяют 4,7 % молодежи и 8,3 % взрослых. А то, что осознание человеком своей национальной принадлежности, знание национального языка и культуры сейчас не имеют большого значения, считают 11,4 % взрослых и 9,5 % молодых людей. Иначе говоря, молодежь в большей степени признает для себя важность пол-

ной этнической идентичности. Таким образом, даже для городской среды сегодня сохраняется высокая значимость этнической идентичности.

Наиболее важным моментом в исследовании национальной принадлежности опрашиваемых было выяснение тех факторов, которые влияют на формирование их этнической идентичности и определение наиболее значимых, детерминирующих этническую принадлежность. Необходимо выяснить то, что собственно люди подразумевают, когда они говорят, что принадлежат тому или иному народу. С этой целью опрашиваемые должны были распределить 10 различных факторов влияния на этническую принадлежность человека, т. е. ранжировать факторы по степени их значимости.

Среди наиболее важных факторов формирования этнической идентичности и родители, и подростки на первом месте отметили – «*родной язык*», а на втором – «*территорию проживания моего народа*». На третьем месте у взрослых – «*гражданство и принадлежность государству*», а у молодежи – «*национальная принадлежность родителей*», т. е. семья. Фактически это наиболее детерминирующие факторы (табл. 2).

Таблица 2

Распределение факторов, влияющих на этническое самоопределение взрослого и подрастающего поколений в г. Улан-Батор, 2014 г.

Ранг	Взрослые	Молодежь
1	Родной язык	Родной язык
2	Территория проживания моего народа	Территория проживания моего народа
3	Мое гражданство, принадлежность к государству	Национальная принадлежность моих родителей
4	Национальная принадлежность моих родителей	Культурные традиции, обряды, обычаи моего народа
5	Культурные традиции, обряды, обычаи моего народа	История моего народа

Окончание табл. 2

6	История моего народа	Мое гражданство, принадлежность к государству
7	Моя внешность	Моя внешность
8	Религия	Религия
9	То, как меня воспринимают представители других народов	То, как меня воспринимают представители других народов
10	То, что я сам отличаю себя от представителей других народов	То, что я сам отличаю себя от представителей других народов

При этом родство и «*национальная принадлежность родителей*» у взрослых оказалась по важности на четвертом месте. Четвертое место у молодежи занимают «*культурные традиции, обряды и обычаи моего народа*», а у взрослых они оказались на пятом месте. У молодежи «*история моего народа*» – на пятом месте, а у взрослых на шестом, «*гражданство и принадлежность государству*» молодые люди поставили на шестое место. Возможно, эта смена приоритетов связана с утратой патриотизма, значимости государства и возрастанием роли семьи, авторитета родителей, а может быть, всего лишь пока слабым осознанием молодежью связи своей этнической принадлежности с гражданской и государственной.

Несколько менее значимым у представителей обоих поколений оказались следующие факторы: «*моя внешность*», который занимает седьмое место, и «*религия*» – восьмое. Последние, девятое и десятое, места и у родителей, и у подростков занимают факторы гетеро- и автовосприятия: «*то, как меня воспринимают представители других народов*», «*то, что я сам отличаю себя от представителей других народов*».

Ключевая, детерминирующая роль семьи в формировании этнической идентичности подтверждается также ответами взрослого населения на вопрос: «*В какой степени повлияли следующие обстоятельства на то, что Вы относите себя именно к этой национальности* (*этому народу*)». Ранжирование учитывалось только по ответу «*Сильно повлияло*» (табл. 3).

Таблица 3

Обстоятельства, повлиявшие на этническую идентификацию взрослого населения в г. Улан-Батор, 2014 г.

Ранг	Условия формирования этнической идентификации	Сильно повлияло	Всего ответов	% от ответивших
1	Родители	329	330	99,7
2	Природа моего края	204	341	59,8
3	Родственники	208	372	55,9
4	Известные люди моего народа	121	318	38,1
5	Художественная литература, искусство	116	335	34,6
6	Уроки географии, истории или литературы в школе	108	317	34,1
7	Соседи, земляки	100	327	30,6
8	Печать, радио, телевидение	100	324	30,9
9	Учеба в образовательных учреждениях	78	328	23,8
10	Контакты с людьми другой национальности	68	315	21,6
11	Иное (укажите, что именно)	8	16	50,0

Больше всего на формирование этнического самосознания взрослого поколения влияют родители и природные условия, достаточно сильное влияние оказывают родственники и известные люди монгольского народа, т. е. фактически этнокультурными детерминантами для этнической самоидентификации являются семья, родная природа и наиболее известные люди монгольского народа.

Несколько меньше формирование этнической идентичности взрослого населения зависит от художественной литературы и искусства, уроков географии, истории или литературы в школе.

Слабое влияние на этническую принадлежность оказывают мнения соседей и земляков, средства массовой информации (печать, радио и телевидение), учеба в образовательных учреждениях и межэтнические контакты с представителями других национальностей. Вместе с тем речь идет о факторах, которые, по мнению сторонников

конструктивизма, должны в наибольшей степени формировать у людей этническое самосознание.

Если рассматривать истоки начала любой этничности, следует обратить внимание на то, что каждый народ имеет те культурные ценности, которые были выработаны в ходе исторического их становления при воспроизводстве условий своей биологической жизни в определенных географических условиях. Но при разнообразии ландшафтов семьи, объединяясь в рода, кланы, сообщества, вынуждены развивать свои собственные элементы культуры, приспосабливаться к природным условиям и контактировать с соседями, осваивающими иной природный ландшафт, и взаимодействовать с ними, то воюя, то заимствуя элементы чужих культур.

Несмотря на то, что в городских условиях многие этнические различия значительно унифицируются, все же семья остается почти единственной ячейкой биологического и социально-культурного основания жизнедеятельности всего сообщества, поскольку именно в семье передаются этнокультурные традиции от дедушек и бабушек родителям и их детям (табл. 4).

Таблица 4

Этнокультурная межпоколенная трансмиссия
среди городских жителей. г. Улан-Батор, 2014 г.

Этнокультурные традиции	Взрослые о своих родителях (дедушках / бабушках)		Взрослые о себе и отношении к детям		Подростки о родителях	
	Кол-во ответов	%	Кол-во ответов	%	Кол-во ответов	%
Отмечают (отмечали) национальные (народные) праздники	302	44	292	55	452	44
Рассказывали народные сказки (поговорки, загадки, пословицы)	109	16	64	12	169	16

Окончание табл. 4

Поют (пели) народные песни на языке Вашего народа	76	11	60	11	130	13
Разговаривали об истории, культуре, судьбе народа	70	10	50	9	137	13
Соблюдают (соблюдали) религиозные обряды	63	9	42	8	80	8
Занимаются (занимались) народными промыслами или владеют (владели) навыками в этой области (резьба, вышивка, столярное или кузнечное дело и др.)	65	9	23	4	65	6
Всего	685	100	531	100	1033	100

В качестве наиболее значимых традиций все опрашиваемые выделили совместное участие родителей и детей в проведении национальных праздников. Это прежде всего такие общенациональные праздники, как: «Цагаан сар» – «Белый месяц», отмечаемый в феврале или в марте, как Новый год по буддийскому календарю; Наадам – праздник скотовода (или Эрийн гурван наадам – «мужские три игры»), проводимый обычно в июле [Очерки Западной Монголии, 2012. С 172–176.]. Это действительно не просто общенациональные, но и семейные праздники. На Новый год «Цагаан сар» соседи и родственники посещают друг друга, обмениваясь поздравлениями, угощениями и подарками, устраиваются семейные и соседские застолья, совместно участвуют во встрече солнца и в обрядах жертвоприношения. Во время летнего Наадама всей семьей готовят участников состязаний и «болеют» за них.

Народные сказки (поговорки, загадки, пословицы), песни и другие этнокультурные образцы устного народного творчества также чаще всего передаются в семье. Несколько меньше передаются религиозные обычаи и обряды, поскольку их исполнение связано со специализированным знанием, так же как и народные промыслы.

Интересным эффектом является оценка подрастающим поколением молодежи того, какие этнокультурные традиции передавали им взрослые. Сами взрослые практически так же оценивают деятельность своих родителей по передаче этнокультурных ценностей. Однако эти различия между оценками своей деятельности по передаче этнокультурных традиций самими взрослыми и подрастающим поколением по каждой позиции различаются незначительно.

Вместе с тем городской, тем более столичный, образ жизни накладывает и свои социально-экономические и культурно-идеологические детерминанты на семейно-брачные отношения. «С одной стороны, сохраняется высокая ценность семьи, направленность на семейный образ жизни. С другой стороны, исследователями отмечается, что в процессе приспособления к требованиям времени ценностные ориентации существенно меняются в различных семейно-брачных областях: добрачном поведении и выборе супруга, в интимной сфере, в сфере репродуктивного поведения, и т. д.» [Винокурова, Бадараев и др., 2012. С. 175].

Так, например, по данным исследований монгольских коллег, проведенных в 2009–2011 гг. в Улан-Баторе и различных областях Монголии, касающихся мнений населения о семейно-брачных отношениях, 40,3 % опрошенных считают, что вступление в интимные отношения до брака возможны, 11,4 %, – что такие отношения являются нормальными, тогда как лишь 24,8 % – не согласны с этим и 23,7 % затруднились с ответом [Монголы в зеркале социологии, 2015. С. 148].

Отношение к другим спорным и негативным для института семьи и брака явлениям выражено в данных социологического опроса, проведенного монгольскими коллегами (табл. 5) [Там же. С. 149].

Среди негативных современных тенденций в развитии брачных отношений монгольских семей монгольские и отечественные авторы отмечают: «Недостаток средств и неудовлетворительные жилищные условия значительной части населения не могли не повлиять на их демографическое поведение (рождение детей, вступление в брак, разводы). Сокращение количества детей в семье, увеличение возраста вступления в брак, рост количества разводов и сокращение количества вступающих в брак – значимые тенденции, оказывающие влияние на воспроизводство населения» [Монгольский мир, 2014. С. 230].

Именно утрата традиционных семейных ценностей и самой идеи семьи как совместного проживания и ведения домохозяйства родителей и детей, воспитания детей, заботы о бабушках и дедушках и других родственниках приводит к утрате воспроизводства не только этнического своеобразия, но и человека, способного к продолжению рода как в биологическом, так и социальном и культурном смысле.

Таблица 5

Представление о семье (n = 1079 чел., %)

Представление	Подходит	Не подходит
Брак с иностранцем – это нормально	46,2	53,8
Однополая семья – это допустимое явление	20,9	79,1
Не обязательно постоянно общаться с родственниками и помогать им	52,3	47,7
Брак может быть по расчету	31,6	68,4
Отношения «на стороне» приемлемы в семье	22,4	77,6
Мужчины должны обеспечивать семью	75,5	24,5
Низкая оценка домашней работы становится одной из причин семейных конфликтов	56,2	43,8
Женщинам не пристало первой знакомиться с мужчинами и делать предложение	46,2	53,8
Все члены семьи должны иметь равные права	92,6	7,4
Сожителей, которые «не расписались и живут вместе», можно назвать семьей	46,8	53,2
Поздний брак бывает крепче раннего брака	45,9	54,1
Родители должны открыто говорить с детьми об интимных отношениях	67,3	32,7
Родители не могут относиться одинаково к родным, приемным и усыновленным детям	55	45
Можно родить детей и не пребывая в законном браке	56,3	43,7
Семейный развод может быть в жизни человека не раз	35,7	64,3

Превалирование индивидуалистических ценностей – забота об индивидуальном выживании, ценности карьерного роста, самосохранения – является важнейшим условием для утраты чувств семейного счастья, потребности в значимости членов семей (ценностей заботы родителей друг о друге, о детях, о предыдущем поколении бабушек и дедушек). Развал семей фактически прекращает физическое и духовное развитие человека как такового, а через него и таких, как он. Соответственно, и этнической группы.

Изучение социокультурных процессов, условий, влияющих на развитие института семьи и брака у соседних народов, позволяет более взвешенно оценить этот опыт, что полезно для понимания ошибок или успехов собственного народа и тенденций глобального развития. При погоне за ценностями «развитого общества» политической и экономической элиты, при одновременном условии внедрения и массированной пропаганды среди населения ценностей индивидуальной социально-экономической выгоды порой утрачиваются не просто возможности внутреннего развития, но и сам вектор самосохранения общества. Более того, через разрушение этнокультурного многообразия, его жизненных основ (в частности, разрушения института брака и семьи) разрушается база и самого общества как такового.

Список литературы

Монгольский мир: между Востоком и Западом / Под ред. Ю. В. Попкова, Ж. Амарсаны. Новосибирск: Автограф, 2014. 351 с.

Монголы в зеркале социологии… Сводный сборник результатов исследований. На монгольском, английском, русском языках / Под ред. Ц. Уртнасан, Ц. Цэцэнбилег, Ж. Батжаргал. МАН, ИФ, Уб., 2015. Т. 4. 182 с.

Очерки Западной Монголии / В. М. Кимеев, В. И. Терентьев, А. С. Акулова, Ю. В. Ширин, Лхагвасурэн Батсуурь. Кемерово: Примула, 2012. Т. 1: Традиции и современность.

Винокурова А. В., Бадараев Д. Д., Батжаргал Д., Энхболд Д. Соотношение семейных и внесемейных ценностей в структуре ценностных ориентаций современной монгольской семьи // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2012, вып. 1. С. 175. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26330316_48950326.pdf (дата обращения 01.09.2018).

Материал поступил в редколлегию 29.09.2018

D. V. Ushakov

Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

ushakovdmitrii@mail.ru

FAMILY AS INSTITUTION FOR THE REPRODUCTION OF ETHNICITY (THE CASE OF MONGOLIA)

The article is devoted to the study of traditional and new components of family relations that reproduce the ethnic characteristics of the Mongolian peoples. It contains the data of sociological surveys of families conducted in 2009 – 2010 by Mongolian scientists, as well as the data of the survey of the adult population and Mongolian youth – the residents of the capital Ulaanbaatar in 2014. The most significant factors influencing the ethnic identity of the adult and the younger generations are identified. It is shown that natural conditions, economic activity, urbanization processes, family structure, conditions and factors of ethnic identification influence the reproduction of ethno-cultural traditions, and opinions about current trends in family-marriage relations and the adoption of new values work not only for the development but also for the destruction of the family as the institution of reproduction of society.

Keywords: Family, matrimonial relations, generations, traditions, language, socialization, reproduction, Mongolia.

References

Mongolskii mir: *mezhdu Vostokom i Zapadom* [*Mongolian world*: *between East and West*]. Ju. V. Popkov, Zh.Amarsany (eds.). Novosibirsk, Avtograf Publ., 2014. (In Russ.)

Mongoly v zerkale sotsiologii… Svodnyi sbornik rezultatov issledovanii [*Mongols in the mirror of sociology...* Consolidated collection of research results] / Ed. Cz. Urtnasan, Cz. Cze`cze`nbileg, Zh. Batzhargal. Ulaanbaatar, MAN, IF, Ub., 2015, vol. 4, p. 182. (In Russ.)

Ocherki Zapadnoi Mongolii [*Essays in Western Mongolia*]. V. M. Kimeev, V. I. Terentiev, A. S. Akulova, Yu. V. Shirin, Lxagvasure`n Batsuur` (eds.). Kemerovo, Primula Publ., 2012, vol. 1: Tradition and Modernity. (In Russ.)

Vinokurova A. V., Badaraev D. D., Batzhargal D., E`nxbold D. Sootnoshenie semeinyh i vnesemeinyh tsennostei v strukture tsennostnyh orientatsii sovremennoi mongolskoi sem`i [The ratio of family and non-family values in the structure of value orientations of the modern Mongolian family]. *Vestnik of Buryat State University*, 2012, no. 1, p. 175. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26330316_48950326.pdf (accessed 01.09.2018). (In Russ.)

УДК 316.334.55
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-207-215

В. С. Шмаков

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

vsshmakov@gmail.com

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ

Осуществлен анализ институциональных изменений в сельских локальных сообществах, определяются детерминанты институционального развития современного села. Выделены ключевые факторы, обусловливающие траекторию институционального развития агропромышленного комплекса: государственная аграрная политика, многоукладная экономика, человеческий капитал сельских локальных сообществ. Отмечается, что в сельском хозяйстве идет активный процесс модификации экономической, организационной, производственной структуры. Развиваются новые субъекты социально-экономических отношений: агрохолдинги, фермерские хозяйства, сельхозкооперативы, что оказывает воздействие на эволюцию трансформационных процессов в сельских локальных сообществах и в экономике села. Изменение состава субъектов социально-экономических отношений приводит к трансформации механизмов, влияющих на институциональные изменения в сельских локальных сообществах. Общую траекторию процессов самоорганизации социально-экономических систем в сельском хозяйстве определяет государство.

Ключевые слова: сельские локальные сообщества, институционализация, институциональные детерминанты.

Рассматривая ситуацию в сельском хозяйстве Российской Федерации в настоящее время, можно отметить, что в агропромышленном комплексе (далее – АПК) идут процессы значительных институциональных преобразований. В целом трансформируется тип социально-экономической системы общества. Аграрная реформа привела к развалу колхозно-совхозной системы, в процессе приватизации государственная поддержка сельского хозяйства страны была практически минимизирована. Эти процессы привели к слому в сельскохозяйственных регионах сложившейся институциональной системы, разрушению материально-технической базы и инфраструктуры.

ISSN 2541-7517. Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 4. С. 207–215.
© В. С. Шмаков, 2018

Сельское хозяйство претерпевает значительные изменения, меняются вектора интересов различных групп населения села. Большая часть жителей сельских локальных сообществ слабо адаптируется к новым социально-экономическим условиям. Таким образом, потребляя ранее созданные ими ценности и доступные природные ресурсы, всю экономическую деятельность они направили на выживание.

Анализ институциональных изменений в сельских локальных сообществах позволит определить основные детерминанты институционального развития, выработать методологический подход к изучению процесса эволюционирования институциональной среды экономики села, сформировать целостную систему социально-экономических отношений в агропромышленном секторе, способствовать устойчивому экономическому и социокультурному развитию села. Определяя сельские локальные сообщества объектом исследования, мы подчеркиваем необходимость предметного изучения институциональных детерминант и факторов, воздействующих на структурные изменения в АПК.

В качестве основных детерминант, наиболее значимо влияющих на развитие АПК и сельских локальных сообществ, мы выделяем в первую очередь государственную аграрную политику как основу институциональных изменений, происходящих в системе АПК; активно развивающуюся многоукладную экономику, являющуюся отправной точкой совершенствующихся экономических и социокультурных процессов на селе; человеческий капитал сельских локальных сообществ, претерпевающий сложнейшую систему экономических и социокультурных преобразований.

Анализ литературы показывает, что проблемы, связанные с институциональным развитием сельских локальных сообществ, достаточно актуальны не только для социологии, но и для ряда других наук. Теория институциональных изменений предполагает наличие описательных, исторических, нормативных и других исследований, способствующих накоплению материала для построения общей теории институциональных трансформаций (см.: [Хайек, 2006; Норт, 2010; Tang, 2011; Панов, 1999; Лебедева, 2002] и др.).

Отмечая проблему в целом, заметим, что исследователи, рассматривая институциональную эволюцию аграрного сектора России, фиксируют несовпадение итогов проведенных социально-экономических реформ с прогнозами, которые были основаны на методологии либеральных программ. Предполагалось провести модернизацию институциональной среды сельского хозяйства России как процесс эволюционного изменения социально-экономических, политических

институтов и их систем, но совершенно не заметили необходимости учета социокультурных проблем развития села, способности жителей сельских локальных сообществ адаптироваться к новым экономическим условиям, отсюда реформы приняли неконтролируемый и стихийный характер. Эти процессы обусловили проявление интереса научного сообщества к проблемам институционализма, необходимости анализа разнообразия материалов, полученных в процессе изучения динамики экономических и социокультурных процессов в сельских локальных сообществах для прогнозирования последствий реформирования, что и возродило интерес к методологии институционального анализа (см.: [Барлыбаев, 2005; Ситнова, 2011; Ушачев, 2013] и др.).

Институционализм – это «школа экономической теории», изучающая эволюцию социальных институтов и их влияние на экономическую, правовую и социокультурную сферы жизнедеятельности общества в целом и на принятие конкретных экономических и социокультурных решений в частности. Термин «институциональная экономика» был введен в 1919 г. Уолтоном Гамильтоном [2007]. Основоположником институциональной экономики считается Торстейн Веблен [1984]. В российском обществе, в связи с развитием новых экономических и социокультурных отношений, возникла острая необходимость в новых институтах, способных удовлетворять потребности людей. Начиная с середины 90-х гг. в АПК Российской Федерации, в социально-экономическом пространстве сельских локальных сообществ разворачивается тенденция перевода хозяйствующих субъектов на капиталистические рельсы. Основой нового институционального развития была определена такая организационно-правовая форма, как крестьянское (фермерское) хозяйство [1]. Можно отметить: хотели как лучше, получилось как получилось. Бывшие колхозы и совхозы приватизируются и разоряются, так как нет условий для результативного хозяйствования (материально-техническая база «крупхозов» разрушена, ресурсов, семенного фонда нет, острая конкуренция со стороны зарубежных производителей, поборы и т. д.). В политике идет активный процесс «укрепление вертикали власти», включая и село. Наши исследования показывают, что в сельскохозяйственных регионах возникают сложные миграционные процессы, изменяются векторы социальной мобильности, формируются обширные сферы теневой экономики, создающие качественно иную структуру связей и отношений, реализующихся через комплексы

[1] Закон РСФСР от 22.11.1990 № 348-1 (ред. от 21.03.2002) «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» 22 ноября 1990 года № 348-1. Consultant.ru›document/cons_doc_LAW_11050/

неформальных практик. Непоследовательная институциональная аграрная политика государства приводит к разрушению баланса интересов, что не способствует достижению разумного взаимодействия государственных и общественных институтов, сложившаяся ранее институциональная система приходит в упадок, что в существенной степени обусловливает дезинтеграцию сельских локальных сообществ, фактически приводит к хаосу. Наряду с этим идут процессы целенаправленного реформирования правил поведения на законодательном уровне: формируется новая государственная аграрная политика, разрабатываются и принимаются законодательные акты по вопросам сельского хозяйства, отражающие проблемы изменения форм собственности, формирования многоукладной экономики, развития человеческого капитала села. Бессистемная государственная аграрная политика свела роль и значение АПК лишь к обеспечению страны продовольствием и сырьем и то не в полной мере.

Анализируя опыт истории, нужно не упускать из виду, что сельское хозяйство – это не только экономика села, необходимо и полезно рассматривать сельские локальные сообщества как самостоятельный, самобытно существующий социум, имеющий свою историю, культуру, свой специфический образ жизни. Современное сельское хозяйство имеет многофункциональный характер. Развитие многоукладной экономики дает возможность использовать многовариантность путей его функционирования, что оказывает существенное влияние на формирование новых институтов, изменение норм, традиций, обычаев и т. д. Большинство исследователей определяют институт как «исторически сложившуюся устойчивую форму организации и регулирования общественной жизни», совершенствующуюся и развивающуюся в процессе изменения социальных практик. Сельские локальные сообщества мы определяем как целостную социально-экономическую и социокультурную систему общающихся между собой членов сообщества, совокупность людей, объединенных общей территорией проживания, связанных экономическими, политическими, социокультурными, социально-психологическими, этническими и кровно-родственными связями [Шмаков, 2017б]. Соответственно, нас интересуют не только собственно институты, но и институции (нормы, традиции, ценности, обычаи поведения людей в обществе). Мы рассматриваем развитие сельских сообществ как субъектов экономики, но учитываем влияющие на них социокультурные внеэкономические факторы, оказывающие воздействие на их эволюцию в условиях модернизации экономики. Наши исследования реальных институциональных отношений в АПК показывают сложную и про-

тиворечивую картину. В ней особого внимания заслуживают следующие три момента.

1. Объединяющие сельские локальные сообщества неформальные институты далеко не всегда способствуют адаптации к новым экономическим реалиям и стимулируют экономическое развитие. Так, тенденции развития АПК определяют товаропроизводители, как базовые институты отрасли, которые, надо отметить, не особо стремятся вкладывать финансы в социально-экономическое, более того, социокультурное развитие села, как основу институциональной среды. Эта же проблема зачастую выпадает из рамок государственной аграрной политики, из сферы влияния государственных институтов, в которой функционирует аграрный сектор, что особенно проявилось в условиях кризиса и распада сельскохозяйственных предприятий в постперестроечный период. В качестве примера можно привести ликвидацию медицинских фельдшерских пунктов в селах.

2. Мы полагаем, что развитие сельского хозяйства необходимо рассматривать во взаимодействии аграрных институтов не только между собой, но и с институтами, определяющими социокультурную жизнь сельских локальных сообществ.

3. Мы выделяем ключевые институциональные основания, оказывающие влияние на динамику развития сельских локальных сообществ: государственная аграрная политика, многоукладная экономика, человеческий капитал села, которые характеризуют их институционально-эволюционную динамику.

Можно определить некоторую совокупность факторов, обусловливающих эволюционные процессы в социально-экономическом развитии села. В АПК идет активный процесс модификации экономической, организационной, производственной структуры. Изменяются социально-экономические практики населения. Жители села становятся наемными работниками, этос крестьянства претерпевает значительные изменения. Инновационная экономика, представленная крупным фермерством и агрохолдингами, диктует свои условия развития. Адаптация жителей села к новым социально-экономическим реалиям происходит достаточно болезненно. Мы полагаем, что государственная аграрная политика является центральной составляющей, оказывающей существенное влияние на институциональные изменения. Она определяет цели, направление, функции, ресурсы на развитие сельскохозяйственного комплекса, и должна проявлять максимальную заинтересованность в решении проблем человеческого фактора в сельских регионах.

Еще одним существенным фактором, обусловливающим интенсивность и направленность институциональных изменений, является, с нашей точки зрения, многоукладная экономика, детерминирующая основные этапы становления новых форм собственности (агрохолдинги, фермерские хозяйства, ЛПХ) и социально-экономических отношений. Государство, намечая общую линию институциональных процессов, может определять местоположение и функции сельхозпредприятий и личных подсобных хозяйств (ЛПХ) в институциональном пространстве страны. Изменение состава субъектов социально-экономических отношений, в ходе приватизации: зарождение агрохолдингов, фермерских хозяйств, сельхозкооперативов, ЛПХ – все это оказывает кардинальное воздействие на направленность, характер и течение трансформационных процессов в сельских локальных сообществах и в экономике села. В связи со сменой форм собственности, активным развитием агрохолдингов меняются условия работы жителей села. Значительная часть людей занята сезонным трудом, проявляется скрытая безработица, возникает острая необходимость поиска дополнительного заработка, что в условиях сельской местности достаточно проблематично.

Следующим фактором, активно влияющим на динамику развития институциональных процессов, является человеческий капитал сельских локальных сообществ. Именно человеческий капитал, человеческий потенциал современного села, национально-семейные традиции, доминирующая религия и т. д. являются наиболее важными элементами при анализе институциональных изменений и их последствий в обществе. Прежде всего, речь идет о сохранении крестьянского этоса, способности жителей села к кооперации и самоуправлению, адаптации к изменениям в правах собственности и рыночной экономике, в целом к системе институциональных изменений в аграрной отрасли.

Выделим основные, с нашей точки зрения, последствия институциональных изменений в АПК в целом, и в сельских локальных сообществах в частности. 1. Произошла утрата сельскохозяйственными предприятиями статуса градообразующей системы села. 2. Осуществляются кластеризация и проблемное зонирование социально-экономического пространства сельскохозяйственных регионов России. 3. В сельских локальных сообществах идет интенсивный процесс развития кровно-родственных, дружеских, соседских сетей социальной поддержки, формируемых и поддерживаемых сельскими жителями, как один из способов их выживания в кризисных условиях. 4. Идет процесс пауперизации значительной части трудоспособного населе-

ния, занятого в ЛПХ. 5. Возникают экономические симбиотические структуры: домохозяйства (ЛПХ), достаточно плотно связанные с «крупхозами» и являющие собой элемент неформальных интегративных структур сельских локальных сообществ России. 6. Можно отметить широкое распространение в сельскохозяйственных регионах феномена «отходничество». В ходе проведения неэффективной государственной аграрной политики у жителей села возникает мотивация наемного работника. Идет процесс распада целостности сельского локального сообщества, снижение его роли в системе самоуправления, разрушается этос крестьянства. Отмечается снижение значимости ЛПХ как альтернативы формального трудоустройства, а также ослабление его роли в общей структуре аграрной экономики и развитии инновационной экономики, представленной крупным фермерством и агрохолдингами. Институциональные факторы оказывают существенное влияние на функционирование сельских локальных сообществ. Идет процесс поляризации социально-экономического пространства, проявляющийся в разделении (сегментации) относительно однородного социально-экономического поля на кластеры инновационных изменений [Шмаков, 2017а. С. 37]. Происходит экономическая дифференциация: специализация отдельных регионов и территорий в рамках глобализованной экономики; упадок традиционных форм организации сельскохозяйственной экономики. Растет значение не аграрной занятости в сельской регионах, как проявление диверсификации социально-экономической активности домохозяйств и изменения сельского образа жизни.

Список литературы

Барлыбаев А. А. Институциональная эволюция агрохозяйственной системы современной России и индивидуально-семейные хозяйства. Уфа, 2005.

Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.

Гамильтон У. Х. Институциональный подход к экономической теории / Пер. И. В. Розмаинского // Экономический вестник Ростовского гос. ун-та. 2007. Т. 5, № 2. С. 110–117.

Лебедева Н. Н. Институциональный механизм экономики: сущность, структура, развитие. Волгоград, 2002.

Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М., 2010.

Панов П. В. Институты и институциональные практики: проблема концептуализации. М., 1999.

Ситнова И. А. Устойчивое сельское развитие России: институты, инвестиции, инфраструктура. Уфа, 2011.

Ушачев И. Г. Аграрная политика России: проблемы и решения. М., 2013.

Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М., 2006.

Шмаков В. С. Трансформация жизненных стратегий сельских локальных сообществ на рубеже XX–XX1 вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 2017а. Т. 24, № 4. С. 34–38.

Шмаков В. С. Сельские локальные сообщества: к методологии исследования // Сиб. филос. журн. 2017б. Т. 15, № 4. С. 135–145.

Tang S. A General Theory of Institutional Change. 2011. London; New York: Routledge, 2011.

Материал поступил в редколлегию 03.09.2018

V. S. Shmakov

Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

vsshmakov@gmail.com

THE DEVELOPMENT OF RURAL LOCAL COMMUNITIES: INSTITUTIONAL DETERMINANTS

The paper provides an analysis of institutional changes in rural local communities and identifies the determinants of institutional development of the modern village. It singles out the key factors that determine the trajectory of the institutional development of the agro-industrial complex: the state agrarian policy, a mixed economy, and the human capital of rural local communities. It notes an active ongoing process of modifying the economic, organizational, and production structure in agriculture. New subjects of social and economic relations: agricultural holdings, farms, agricultural cooperatives are developing, which has an impact on the evolution of transformation processes in rural local communities and in the rural economy. Changes in the composition of the subjects of socio-economic relations lead to the transformation of mechanisms affecting institutional changes in rural local communities. The general trajectory of self-organization processes of agricultural socio-economic systems in determined by the state.

Keywords: rural local communities, institutionalization, institutional determinants.

References

Barlybaev A. A. *Institutsionalnaya evolyutsiya agrohozyaistvennoi sistemy sovremennoi Rossii i individualno-semeinye hozyaistva* [*Institutional Evolution of the Agricultural System of Modern Russia and Individual and Family Farms*]. Ufa, 2005. (In Russ.)

Gamilton U. H. Institutsionalnyi podhod k ekonomicheskoi teorii Perevod I. V. Rozmainskogo [Institutional approach to economic theory]. *Economic Bulletin of Rostov State University,* 2007, vol. 5, no. 2, p. 110–117. (In Russ.)

Hayek F. *Pravo, zakonodatelstvo i svoboda*: *Sovremennoe ponimanie liberalnyh printsipov spravedlivosti i politiki* [*Law, Legislation and Liberty*: *a Modern Understanding of Liberal Principles of Justice and Politics*]. Moscow, 2006. (In Russ.)

Lebedeva N. N. *Institutsionalnyi mekhanizm ekonomiki*: *suschnost, struktura, razvitie* [*Institutional Mechanism of Economy*: *Essence, Structure, Development*]. Volgograd, 2002. (In Russ.)

Nort D. *Ponimanie protsessa ekonomicheskih izmenenii* [*Understanding the Process of Economic Change*]. Moscow, 2010. (In Russ.)

Panov P. V. *Instituty i institutsionalnye praktiki*: *problema kontseptualizatsii* [*Institutions and Institutional Practices*: *the Problem of Conceptualization*]. Moscow, 1999. (In Russ.)

Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa* [*Theoria Ancessat Genus*]. Moscow, 1984. (In Russ.)

Shmakov V. S. Selskie lokalnye soobschestva: k metodologii issledovaniya [Rural local community: on the methodology of the study]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2017b, vol. 15, no. 4, p. 135–145. (In Russ.)

Shmakov V. S. Transformatsiya zhiznennyh strategii selskih lokalnyh soobschestv na rubezhe XX–XX v. [Transformation of life strategies of rural local communities at the turn of XX–XX1 centuries]. *The Humanities in Siberia,* 2017a, vol. 24, no. 4, p. 34–38. (In Russ.)

Sitnova I. A. *Ustoichivoe selskoe razvitie Rossii*: *instituty, investitsii, infrastruktura* [*Sustainable Rural Development in Russia: Institutions, Investments, Infrastructure*]. Ufa, 2011. (In Russ.)

Tang S. *A General Theory of Institutional Change.* 2011. London, New York, Routledge, 2011.

Ushachev I. G. *Agrarnaya politika Rossii*: *problemy i resheniya* [*Agricultural Policy of Russia*: *Problems and Solutions*]. Moscow, 2013. (In Russ.)

УДК 1:3; 001.8:3
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-216-226

В. В. Самсонов

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

highbook@yandex.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Исследуется логика развития теории постсоциалистического транзита под влиянием практики преобразований в различных странах бывшего «соцлагеря», показавшей необходимость выработки более дифференцированной доктрины, а также проблема соотношения институциональных и социокультурных факторов преобразований. Если в современных исследованиях причин path dependency авторы все чаще обращают внимание на культурологические факторы, то практический анализ развития постсоциалистических обществ в контексте важнейших институциональных изменений демонстрирует удивительную динамику, выступающую скорее рационально-реактивным ответом на сиюминутные изменения в институциональных условиях. Это дает основания предположить, что институты определяют выбор траектории развития (на индивидуальном уровне – смену адаптационных, жизненных стратегий), а устойчивой «колеей» ее делает культура.

Ключевые слова: трансформация, постсоциалистический транзит, институциональные и социокультурные факторы, экономические реформы.

Радикальные преобразования в постсоциалистических странах, начавшиеся в конце 80-х гг. XX в., актуализировали проблему транзита социальных систем, его направлений и вариаций, а также вопросы механизма, факторов, да и самой возможности преобразования одного общества в типологически другое путем простого копирования институционального устройства стран-«моделей» (их импорта в совершенно иной культурный контекст). Эти вопросы имеют не только теоретическое значение, поскольку следование простейшей (неолиберальной) схеме транзита привело большую часть реформируемых

ISSN 2541-7517. Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 4. С. 216–226.
© В. В. Самсонов, 2018

государств к глубокому социально-экономическому кризису, углубляемому существенной деформацией новых рыночно-демократических институтов под воздействием неформальных практик, обусловивших их крен в «серую зону». При механических заимствованиях технологий и институтов не учитывается, что импортируемые институты – результат длительного эволюционного развития, а попытка «привить» их к реалиям общества, находящегося на ином, возможно, параллельном, пути эволюционного развития, – изначально чревата проблемой совместимости новых институтов и укоренившихся ценностей, обычаев, норм поведения и т. п. Поэтому имплантируемые из другой социальной реальности формы жизнеустройства на новой почве дают совсем иной эффект, нежели тот, на который рассчитывали реформаторы.

В данной работе исследуется логика развития теории постсоциалистического транзита под влиянием практики преобразований в различных странах бывшего «соцлагеря», показавшей необходимость выработки более дифференцированной доктрины, а также проблема соотношения институциональных и социокультурных факторов преобразований, решение которой требует отказа от одномерных транзитологических концепций в сторону более сложных, способных учесть те противоречия и парадоксы, которые открываются исследователям изменений в реформируемых обществах.

Доминирующая доктрина перехода первоначально применяла однородный анализ и стратегию к большинству национальных случаев (за исключением азиатских стран), подразумевая под транзитом механистическое и детерминированное представление о движении от одной точки равновесия к другой. Первоначальные обобщения о «транзите вообще», как правило, основывались на опыте одной или нескольких «типичных» стран, которые считаются «типичными», но выводы аналитиков опровергались другими примерами реформирования. Чтобы извлечь «общие уроки» из процессов трансформации, необходимо обратиться к проблеме разнообразия. В противном случае мы сталкиваемся с риском ошибочной генерализации одного специфического или частного опыта без понимания исторической и культурной специфики как необходимого компонента общей теоретизации.

В ходе постсоциалистического транзита первоначально основное внимание уделялось институциональному реформированию сфер политики и экономики («двойной транзит»), путем принятия новых (официальных) норм. Институциональная имитация западных обществ поддерживалась влиянием международных организаций,

таких как Международный валютный фонд (с его требованиями выполнения «условий» для получения инвестиций и помощи), и ставила своей целью определенную конвергенцию или, по крайней мере, приближение к институциональным и организационным конфигурациям, характерным для западных социально-экономических систем. До середины 1990-х гг. исследователи постсоциалистического транзита почти полностью игнорировали вопрос государствостроительства и национальный вопрос, поскольку использовались наработки, полученные на осмыслении опыта реформирования латиноамериканских стран и государств Южной Европы, где транзит имел место в устоявшихся государствах, с устоявшимися институтами частной собственности и рыночной экономики [Kuzio, 2001].

Однако опыт первых лет реформирования постсоциалистических государств показал, что без формирования и укрепления государственных институтов власти невозможно обеспечить такие существенные общественные блага, как личная безопасность, правосудие, а также юридическое равенство как важнейший элемент всех жизнеспособных институтов. В этом смысле имеется важное различие между уходом государства из экономики, уменьшением его веса в общественно-политической жизни и его неспособностью обеспечивать указанные общественные блага. Признание этого факта приводит исследователей к заключению о том, что «проблемы государственности должны переместиться в центр внимания политических деятелей и теоретиков» [Linz, Stepan, 1996. P. 366]. Например, Украина и Белоруссия с обретением независимости столкнулись с необходимостью не только реформирования экономики и политики но также с проблемами создания властных институтов и строительства национального государства.

С добавлением исследователями государствостроительства к структуре постсоциалистического транзита он стал «тройным переходом», в отличие от «двойного транзита», который пережили пост-авторитарные государства Южной Европы и Латинской Америки. Некоторые исследователи объединяют четыре аспекта транзита в две широкие области – демократия / рынок и нация / государствостроительство [Hall, 1996]. Еще одно важное направление постсоциалистического перехода связано со сферой национального строительства, трактуемого как масштабные реальные социальные изменения, выражающиеся в изменении массовых стратегий социального поведения, детерминированных сменой ценностных установок, индивидуальных и массовых идентификаций, обусловленных заменой свойственного социализму принципа интернационализма на принцип

национального самоопределения и государственного суверенитета. В современном понимании национальное строительство означает, прежде всего, не акцентирование этнических интересов, а консолидацию нескольких видов объективных отношений (экономических, политических, языковых, культурных, религиозных, исторических) и их субъективного отражения в коллективном сознании, а наблюдаемое возрождение национального самосознания следует интерпретировать в рамках мобилизационного подхода, в соответствии с которым национальная идентичность, обладающая значительным солидаристическим потенциалом, усиливается, в то время как другие мобилизационные модели ослабевают.

Добавление в структуру постсоциалистического транзита проблематики нациестроительства позволяет говорить о четырехчастной структуре социального кризиса постсоветских обществ.

Национальные траектории изменений совмещают в себе элементы конвергенции, дивергенции и воспроизводящихся различий. Сложное сочетание различных тенденций и факторов определяет как сходство социальных процессов в реформируемых странах бывшего социалистического лагеря, так и их вариативность.

К группе конвергентных факторов (факторов сходства) следует отнести: институциональное подражание Западу (имитация, импорт институтов западных обществ), общие черты в экономике, в традициях и технологиях управления, а также тенденции глобализации и влияние международных организаций (Международный валютный фонд и т. п.) и их требований. Общие тенденции развития реформируемых обществ могут быть обобщены тремя характеристиками: общее (постсоциалистическое) наследие, подражание западным странам (в том числе направленность на интеграцию в ЕС и другие структуры) и влияние международных организаций. Общее наследие проявляется в следующем: 1) значительный удельный вес общественного сектора; 2) разнообразие институциональных форм собственности; 3) большая значимость неформальных норм и социальных сетей разного рода; 4) сократившийся, но не исчезнувший вовсе патернализм государства.

К факторам вариативности относятся: разнообразие начальных условий, как следствие различающегося опыта развития при социализме, различие национальных траекторий реформирования (уникальные политические, социально-экономические, социокультурные условия: национальная «зависимость пути»), разнообразие внешних институциональных влияний, особенности адаптации импортируемых институтов (в соответствии с национальным, социальным

и культурным контекстом), развитость государственных институтов и их инфраструктуры, определяемая фактическим статусом реформируемых государств в административно-политических системах союзных государств и социалистической системе в целом, уровень и качество национальной консолидации (различие в стратегиях и практиках нациестроительства).

Первая группа общих тенденций обусловливает движение реформируемых государств к группе западных капиталистических экономик (в большинстве случаев – к их европейской подгруппе). Вторая часть конвергентных тенденций, связанных с постсоциалистическим наследием (а также с до-социалистической историей), обусловливает воспроизводство разрыва между реальным состоянием дел и целью преобразований. Наконец, фактор зависимости «от предшествующего пути» развития играет важную роль формировании весьма различающихся и устойчивых траекторий институциональных изменений, которые не могут быть сведены к простой конвергенции, ни к дивергенции [Stark, 1992].

Самая важная проблема «реформирования сверху» заключается в соответствии нового институционального порядка внешним условиям, что, в свою очередь, предполагает обращение к проблеме влияния культуры и предшествующих форм институциональной организации на современные процессы преобразований, получившей в неоинституционализме концептуализацию в понятии path dependency (зависимость от первоначально выбранного пути, эффект колеи). Общая сущность такого представления заключается в том, что развитие любой детерминированной системы будет определяться начальными условиями и законом движения (динамическими соотношениями). На процесс становления демократических институтов и гражданского общества в странах бывшего «соцлагеря» неизбежно должны были оказывать влияние исторически предшествующие институциональные формы управления, а также традиции, значимые для управленческих и социально-политических взаимодействий (преемственность политической культуры и представлений о власти и политике).

В современных исследованиях причин path dependency авторы все чаще обращают внимание на культурологические факторы – ментальность, образование, традиции, обычаи, что иногда может послужить поводом для обвинения в культурном редукционизме и сверхконцептуализации изучаемых феноменов. Так, неоинституционалист С. Пейович пишет, что «культура коллективизма и эгалитаризма в Центральной и Восточной Европе тем более сильна, чем далее

на восток и юго-восток продвинется путешественник… Культурные различия региона объясняют и различия в результатах транзита» [Pejovich, 2003. P. 351]. Культурологические теории иногда являются тавтологическими. Отсталость Японии с точки зрения капиталистического развития в течение длительного времени приписывалась конфуцианской культуре (например, Вебером). Однако позже та же самая культура была призвана объяснить успехи Японии в капиталистическом развитии. Также культурологический подход иногда используется, чтобы объяснить как «случай» Северной Кореи («культура риса», традиции «большой семьи»), так и вестернизацию Южной Кореи – т. е. вариативность в развитии одного народа с древней единой культурой.

Поскольку особенности в ходе реформ связываются с факторами, воспринимаемыми преимущественно как культурно обусловленные и поэтому относительно стабильные, медленно эволюционирующие (если вообще изменяющиеся), культура становится важной, но внешней (экзогенной) переменной. Как отмечает М. Грановеттер, отсутствие ясно выраженного динамического аргумента приводит к тому, что институционализм «не знает готовых способов объяснения институтов как порождения индивидуального действия и таким образом возвращается к подходам, основанным на общих чертах окружающей среды» [2004. С. 79].

Логичным следствием «культурного подхода» является переход от предметной области институциональной экономики к сфере социальной философии и антропологии, к анализу логики действий неформальных акторов в категориях «этоса», ценностно-этической обусловленности социального действия. Рассматриваемый с такой точки зрения российский сельский социум (в котором неформальное регулирование в период реформ оказалось более значимым, чем формальное) представляется воплощением неустранимых в процессе развития общества социально-организационных принципов (или, как принято говорить сегодня – определенной «матрицы»). Очевидно, что признание культурной обусловленности массовых неформальных практик ведет к архаизации явления, а теоретический и практический инструментарий исследований оказывается одинаков для изучения обществ, находящихся на разных стадиях развития, например неформальных практик восточноевропейских крестьян и социальных норм общинной экономики земледельцев Нигерии. Основной же недостаток социокультурной трактовки явления заключается в том, что она уделяет недостаточное внимание адаптивно-реактивному характеру динамики развития институтов и практик. Воспри-

нимая адаптационные реакции индивидуумов и социальных групп как оформленные и устойчивые явления (к тому же иногда связывая и обобщая их с феноменами, существовавшими в совершенно иных условиях), социокультурный подход к объяснению неформальной экономики вводит ряд новых концептуальных дихотомий (например, традиционности / инновационности, отсталости / развития и т. п.), что задает иногда совершенно излишние контексты для анализа. Таким образом, складывается устойчивая тенденция «сверхконцептуализации» феномена. Критикуя излишнюю увлеченность объяснения экономического или социального поведения условиями среды (например, культурными паттернами), М. Грановеттер справедливо замечает, что исследователи неформальных институтов придерживаются крайних позиций, от «недосоциализированного» понятия рационального, максимизирующего выгоду индивидуума, до «сверхсоциализированных» концепций индивидуумов, послушных правилам и культурному диктату.

Анализ развития российского сельского неформального сектора в контексте важнейших институциональных изменений в стране показывает, что процессы и явления, основания которых исследователи пытаются обычно связать с традиционной культурой (крестьянства), – демонстрируют удивительную динамику, выступающую скорее рационально-реактивным ответом на сиюминутные институциональные условия деятельности.

Важнейшей особенностью процессов самоорганизации сельских сообществ России в 1990-е гг. являются усиление роли неформальных взаимодействий и неформальный характер большинства вновь сформированных интегративных институтов и структур. Неформальный сектор существовал и в советский период, но в годы реформ субъектами неформальных практик стали выступать практически все основные акторы и структуры сельского социума – от простых жителей села, сельских домохозяйств и реформированных колхозов и совхозов – до органов местного самоуправления и бюджетных, государственных и муниципальных структур, школ и больниц (т. е. и субъектов формальной сферы), а экономика ЛПХ превратилась в один из крупнейших сегментов аграрной отрасли.

Анализ современных тенденций социально-экономического развития российского села показывает сокращение значения всех основных структур, генерирующих неформальные связи и отношения [Самсонов, 2015]. Часть этих структур теряет свое значение, другая часть видоизменяется, трансформируясь. (Например, сектор личных подсобных хозяйств населения, выступающий «первичным элемен-

том» сельской неформальной экономики, производившие в начале 2000-х г. более половины товарного мяса, сейчас снизили этот показатель ниже «дореформенных» («советских») значений; углубление социально-экономической дифференциации сельского социума в последнее десятилетие привело к существенному сокращению интенсивности межсемейных обменов (свертыванию социальных сетей) и т. п.)

Динамичный рост и последующее стремительное сокращение значимости неформально-интегративных структур свидетельствуют о том, что мы имеем дело с определенным приспособительным (адаптивным) феноменом, зависящим, как любая адаптация, от сочетания внешних условий-вызовов и ресурсов, доступных адаптанту, практический выбор стратегий и практик действия которого ограничен кругозором его жизненного мира, наличием образцов инновационного поведения, или наоборот, традиционных паттернов, культурных норм, с одной стороны, структурирующих поле неформальных взаимодействий, а с другой – обеспечивающих некоторую надежность деятельности, разворачивающейся вне правового регулирования. Можно предположить, что институты определяют выбор траектории (на индивидуальном уровне – смену адаптационных, жизненных стратегий), а устойчивой «колеей» ее делает культура.

Гипертрофированное развитие неформальных практик и отношений в 1990-е гг., лежащих в основе сельской самоорганизации в России, было вызвано как особенностями адаптации сельского населения к рынку (вынужденного, вследствие сокращения возможностей официальной занятости, искать новые каналы социально-экономической активности), так и ослаблением государственного контроля в различных сферах общественной жизни в период масштабной перестройки, отсутствием детальной законодательной базы, адекватной изменившимся реалиям. Вслед за общим «упорядочением» социальной (и институциональной) среды происходит упадок неформальных структур. Также и развитие бартерной экономики в России во время периода острого финансового кризиса 1990-х гг. положило начало сложным и широким неформальным правилам обмена. Неписаные бартерные правила существовали и в предыдущей, советской системе, но постсоветская бартерная экономика и ее специфические правила представляли собой подлинную новацию, особенно потому, что новые неформальные отношения сформировались в сложную систему в краткий (и в конечном счете преходящий) исторический период.

Наблюдения, подобные вышеприведенным, заставили некоторых исследователей подчеркнуть важность правовых рамок, адекватного регулирования и реализации формальных правил [Sachs, Pistor, 1997] – так как период преобразований продемонстрировал неустойчивость формальных правил, своего рода транзитной аномии. Характеризуя реформируемую Польшу, П. Штомпка писал: «Общее настроение неуверенности происходит также из-за нормативной дезорганизации или аномии. Правовая система – фрагментированная мозаика норм и инструкций, старых и новых, часто непоследовательных, неоднократно измененных, и произвольно интерпретируемых… противоречивая интерпретация законов делает их непостижимыми. Парламент обсуждает двадцать семь проектов новой конституция, а старая – путаница специальных поправок. Верховенство закона поставлено под угрозу экстра-юридическими решениями самых высоких властей, включая канцелярию президента.... Вера в непрерывность, стабильность и упорядоченность общественной жизни подорвана» [Sztompka, 1999. P. 77].

Помимо транзитной аномии кризисно-конфликтный характер развития постсоветских обществ обусловлен не-когерентностью институциональной среды в период преобразований, ведущей к дисбалансам в трансформации различных сфер общества, неравномерным темпам реформирования различных сфер социума, усиливающей «разницу социального времени» культурно-экономических центров и периферии. Так, приоритетное внимание реформированию экономики в 1990-е гг. в России, сопровождавшееся инерционными показателями развития системы государственных институтов и массовых ценностей россиян (с приоритетом пассивно-реактивной адаптации), привело к обострению кризисных явлений в первую очередь в сфере экономики (кризис 1998 г.). Приоритетное внимание руководства Украины, отдаваемое вопросам нациестроительства, и усилия, направленные на решение очевидно невыполнимых задач по достижению культурной однородности, наряду с отсутствием существенного развития в других сферах – закономерно (с точки зрения необходимости согласованного и одновременного внедрения новаций в ткань общества) привели к масштабному этнически-культурному конфликту современности.

Список литературы

Грановеттер М. Экономические институты как социальные конструкты: рамки анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7, № 1. С. 76–89.

Самсонов В. В. Неформальный сектор сельской России и его динамика // Сиб. филос. журн. 2015. Т. 13, № 3. С. 119–129.

Hall J. A. Civil Society. Theory, History, Comparison. Cambridge: Polity, 1996.

Kuzio T. Transition in Post-Communist States: Triple or Quadruple? // Politics. 2001. Vol. 21(3). P. 168–177.

Linz J. J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation // Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1996.

Pejovich S. Understanding the Transaction Costs of Transition: It's the Culture, Stupid! // Review of Austrian Economics. 2003. No. 16. P. 361–374.

Sachs J., Pistor K. The Rule of Eaw and Economic Reform in Russia. Boulder (Co.), Westview Press, 1997.

Stark D. Path Dependence and Privatization Strategies in East Central Europe // East European Politics and Societies. 1992. Vol. 6. No. 1. P. 17–54.

Sztompka P. Trust: A Sociological Theory. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999.

Материал поступил в редколлегию 29.09.2018

V. V. Samsonov

Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

highbook@yandex.ru

INSTITUTIONAL AND SOCIO-CULTURAL FACTORS OF POST-SOCIALIST TRANSFORMATIONS

The paper studies the logic of the development of the theory of post-socialist transit under the influence of the practice of transformations in various countries of the former «socialist camp», which showed the need for a more differentiated doctrine of analysis. It also treats the problem of the correlation of institutional and sociocultural transformation factors. While in modern studies of the reasons for path dependence, authors increasingly pay attention to cultural factors, a practical analysis of the development of post-socialist societies in the context of the most important institutional changes demonstrates surprising dynamics, which is rather a rational reactive response to momentary changes in institutional conditions. This gives grounds to assume that the institutions determine the choice of the

trajectory of development (at the individual level – the change of adaptive, life strategies), and culture makes a stable «path».

Keywords: transformation, post-socialist transit, institutional and socio-cultural factors, economic reforms.

References

Granovetter M. Ekonomicheskie instituty kak social'nye konstrukty: ramki analiza [Economic Institutions as Social Constructs: Framework for Analysis]. *Journal of Sociology and Social Anthropology,* 2004, vol. 7, no 1, p. 76–89. (In Russ.)

Hall J. A. *Civil Society. Theory, History, Comparison,* Cambridge, Polity, 1996.

Kuzio T. Transition in Post-Communist States: Triple or Quadruple? *Politics,* 2001, vol. 21 (3), p. 168–177.

Linz J. J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. *Southern Europe, South America and Post-Communist Europe*. Baltimore, Johns Hopkins Univ. Press, 1996.

Pejovich S. Understanding the Transaction Costs of Transition: It's the Culture, Stupid ! *Review of Austrian Economics,* 2003, no. 16, p. 361–374.

Sachs J., Pistor K. *The Rule of Eaw and Economic Reform in Russia*. Boulder (Co.), Westview Press, 1997.

Samsonov V. V. Neformalnyi sektor selskoi Rossii i ego dinamika [Informal sector of rural Russia and its dynamics]. *Siberian Journal of Philosophy,* 2015, vol. 13, no 3, p. 119–129. (In Russ.)

Stark D. Path Dependence and Privatization Strategies in East Central Europe. *East European Politics and Societies,* 1992, vol. 6, no. 1, p. 17–54.

Sztompka P. *Trust*: *A Sociological Theory*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999.

УДК 316.334
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-227-239

М. Р. Зазулина

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

zamashka@yandex.ru

ПАТЕРНАЛИЗМ, СЕЛЬСКИЙ ВАРИАНТ: К ВОПРОСУ О СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРАХ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА

Выделена и описана установка на патернализм среди сельского населения России. Эмпирическую базу составили данные исследований в сельских сообществах Новосибирской области в период с 2005 по 2014 г. Проанализирована структура ожиданий, связанных с деятельностью различных властных и экономических институтов, а также выявлены закономерности, определяющие изменение этой структуры. Показаны особенности трансформации установки на патернализм в условиях социального кризиса и падения доверия к доминирующим политическим институтам.

Ключевые слова: патернализм, сельское локальное сообщество, трансформация, институт, социокультурные факторы.

Патернализм относится к тому классу социальных и культурных явлений, которые имеют долгую историю и осмысление которых в современной науке и обыденном сознании призвано преодолеть, «перерасти» само это явление, как нечто традиционное и отсталое. Термин «патернализм» происходит от латинского слова paternus, которое переводится как «отцовский, отеческий». Характеристика социальных отношений, как отношений отца и детей, встречается в трудах Сократа, Платона, Аристотеля. Конфуция. Описанию подобного типа взаимоотношений между государством и гражданами уделили внимание Дж. Локк, Л. де Бональд. Из представителей российской политической мысли тезис о выстраивании отношений царя с народом, как «отца» с «детьми», развивали славянофилы. М. Вебер трактовал патернализм как форму традиционного политического господства (патримониализм), в рамках которой пользующийся авторитетом па-

ISSN 2541-7517. Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 4. С. 227–239.
© М. Р. Зазулина, 2018

триарх обеспечивает своим подчиненным защиту, за что последние платят ему лояльностью и послушанием.

Предельно широкое и множественное определение понятия «патернализм» в современных социальных науках связано с распространением этого явления во всех сферах общественной жизни.

Большой толковый социологический словарь дает следующее определение патернализма: 1. Тип руководства, при котором руководители обеспечивают удовлетворение потребностей подчиненных взамен за их лояльность и послушание. 2. Покровительство, «отеческая власть» индивида или группы над другими индивидом или группой, считающихся слабыми. 3. Идеология и социальная практика в области трудовых отношений, которая проявляется в благотворительности и заботе предпринимателей о своих работниках. 4. Политика индустриально развитых стран по оказанию помощи развивающимся странам, фактически закрепляющая экономическую и политическую, зависимость последних [1].

Экономисты обращают внимание на то, что патерналистская система отношений представляет собой систему строгой субординации групп, в рамках которой нижестоящие могут рассчитывать на защищенность и заботу со стороны вышестоящих. Таким образом, патернализм выступает как основа для механизмов специфического социального обмена и как метод утверждения классовых отношений и вырастает из потребности в стабилизации и моральном оправдании системы, покоящейся на фундаментальном неравенстве [Радаев, Шкаратан, 1995. С. 210].

В качестве черт патернализма отмечаются отношения зависимости, подчиненности, связанные с дифференцированным доступом к власти и различным ресурсам. Отношения патернализма характерны для традиционных обществ с сильными традициями общинности, он является неотъемлемой частью культурной традиции азиатских, латиноамериканских и европейских обществ.

Цель данной работы – определить особенности существования установки на патернализм в условиях трансформационных изменений, которые переживает современный российский сельский социум. Достижение поставленной цели предполагает выявление и анализ структуры ожиданий, которые сельское население связывает с различными властными и экономическими институтами, а также выяв-

[1] Большой толковый социологический словарь. URL: http://znachenieslova.ru/slovar/sociologic/paternalizm. (дата обращения 25.08.2018).

ление основных причин и закономерностей, определяющих изменение этой структуры.

В качестве эмпирической базы послужили данные социологических исследований, реализованных в сельских сообществах Новосибирской области при участии либо под руководством автора в период с 2005 по 2014 г.

Как культурный феномен патернализм имеет долгую историю, выступая неотъемлемой частью российской культуры. Правомерность использования этого понятия при анализе особенностей российского исторического процесса признается большинством исследователей. Устойчивые патерналистские традиции определяли отношения в крестьянской и помещичьей среде в царской России, делая, таким образом, патернализм ключевым элементом массового сознания большинства сельского населения Российской империи [Горянов, 2011]. Патернализм советского государства по отношению к обществу проявлялся в широкой системе социальных гарантий, а также в особых государственных мерах поддержки в отношении наименее социально и экономически защищенных групп населения: к проявлениям патернализма можно отнести такие черты советской административно-командной системы, как планирование деятельности предприятий «сверху», их защита от конкуренции, а также забота предприятий о своих сотрудниках.

Современные социологические исследования показывают, что на рубеже XX–XXI вв. патерналистские ценности продолжают определять социальное поведение россиян вплоть до электоральных предпочтений. При этом существование запроса на патерналистские отношения прослеживается сегодня на всех уровнях российского общества, от обыденного сознания граждан вплоть до государственных документов, что дает повод рассматривать трансформацию патерналистских ценностей в двух аспектах: 1) как систему мер «сверху» патернализм существует в виде принципа дотационной выравненности различных территорий, от целых регионов до отдельных муниципалитетов, которым руководствуется государственная политика. После рыночных преобразований одним из самых ярких проявлений патернализма в сельской местности можно считать феномен «опеки» сельскохозяйственных предприятий над хозяйствами своих работников, описанный ведущими сельскими социологами [Калугина, Фадеева, 2009]; 2) как система ожиданий «снизу» патернализм проявляется в традиционалистских ценностях и в определенных установках по отношению к властным институтам.

Репрезентированный в повседневной системе коммуникаций патернализм предстает как многоуровневая система социальных практик, в которой государство заботится о предприятиях и населении, которые в ответ обеспечивают послушное и лояльное отношение к властным политическим институтам.

Яркие проявления патернализма в сельских регионах России фиксируются исследованиями последнего десятилетия и позволяют говорить о выделении такого специфического феномена, как «сельский» патернализм. Сельский патернализм – это сформировавшийся у сельских жителей блок ожиданий, связанных с поддержкой не только властных, но и хозяйственных структур. Понимаемый таким образом сельский патернализм репрезентируется к повседневной системе взаимодействий сельских жителей, ориентированных на улучшение своего благосостояния путем получения помощи от различных политических и экономических институтов в условиях осознания невозможности выжить без получения таковой.

Наиболее явно данная установка проявляется в убежденности селян, что существование современного села невозможно без помощи государства (табл. 1). На первый взгляд такая позиция кажется само собой разумеющейся и не нуждается в дополнительных комментариях. Однако именно этот вопрос оказывается тем маркером, который в целом характеризует позицию российского села в отношении рыночных реформ и демонстрирует, что тренд на либерализацию не только экономической, но и социальной сферы (который в середине 2000-х проявился в реформе по монетизации льгот, а сейчас, спустя десятилетие, в пенсионной реформе) является глубоко чуждым сельскому населению.

Таблица 1

Реально ли, на Ваш взгляд, развитие села без существенной помощи со стороны государства? Экспертный опрос, %

Вариант	Год		
	2007	2011	2014
Да, развитие без помощи государства возможно	4	0	5
Нет, развитие без помощи государства невозможно	94	98	92
Нет ответа	2	2	3

В ситуации постоянного кризиса и изменения привычного образа жизни отношение к государству и представляющим его институтам неизбежно трансформируется, причем достаточно неожиданно: результаты опросов демонстрируют, что в указанный период наблюдается сокращение доли тех, кто считает, что правительство предпринимает усилия по решению проблем села, но одновременно сокращается и доля тех, кто считает, что правительство бросило село на произвол судьбы. Компенсируется это увеличением количества сельских жителей, которые затрудняются дать какую-либо оценку государственной политики, ориентированной на село (табл. 2).

Таблица 2

Как можно охарактеризовать политику правительства в отношении российского села? Массовый опрос, %

Вариант	Год			
	2005	2007	2011	2014
Предпринимает усилия по решению проблем села	11	9	8	5
Бросило село на произвол судьбы	88	88	84	72
Затрудняюсь ответить	1	3	8	23

Тот факт, что «без помощи государства прожить невозможно», говорит о том, что государство продолжает оставаться основным адресатом патерналистских ожиданий. Вывод о систематизирующем характере установки на помощь государства в общей структуре патерналистских ожиданий сельского населения позволяют сделать данные об ожиданиях, которые население связывает с различными уровнями власти (табл. 3). Несмотря на фиксируемое исследованиями общее снижение ожиданий, связываемых с государственной властью, именно она оказывается первой в рейтинге, значительно обгоняя своих «конкурентов»: региональные и местные администрации.

Таблица 3

От какого уровня власти вы ожидаете социальной поддержки прежде всего? Массовый опрос (в % от ответивших)

Вариант	Год			
	2005	2007	2011	2014
Государство	41	73	53	47
Областная администрация	38	22	26	17
Местные администрации	21	5	21	36

Данные позволяют определить количественные и качественные изменения в структуре ожиданий от различных уровней власти. В первое десятилетие 2000-х – это классическая пирамида в которой на первом месте самая популярная власть – государственная, на втором – власть областная, а на третьем – местная. К 2014 г. пирамида трансформируется в песочные часы, в которых основные полюса ожиданий – это государство и местные администрации, в то время как ожидания от региональной власти значительно сокращаются.

Проводимые нами исследования дают основания предположить, что зафиксированные изменения связаны с этапами осуществления муниципальной реформы и укладываются в объяснительную схему движения от периода регионализма (сила региональных властей и слабость местных) через постепенное изменение ситуации вследствие эффектов от введения муниципальной реформы (которая на территории Новосибирской области реализуется с 2003 г. и к 2005 дает первый эффект в плане адаптации к ней населения и возможности осмысления первых результатов) к все большим упованиям на власть местную, оказавшуюся последним институтом реально, решающим проблемы селян в условиях осознания того, что государство «бросило село на произвол судьбы».

Общее снижение «рейтингов доверия» государству отнюдь не означает разрушение патерналистского комплекса ожиданий в целом, а лишь его трансформацию. Не отказываясь полностью от установки на ожидание помощи извне, сельские жители в значительной степени трансформируют этот комплекс ожиданий.

Если рассматривать сельский патернализм как определенную структуру, представляющую собой ожидания от разных институтов, то очевидно, что эта структура имеет как минимум два уровня реализации. Первый, верхний уровень – это ожидания, связанные с государственной социальной и экономической политикой в отношении села.

Второй, нижний уровень – это ожидания, которые сельское население связывает с «местными» властвующими и локальными субъектами. Реализация этих ожиданий может быть связана не только с действиями местных администраций, но также с социальной политикой местных предприятий, осуществляющих «опеку» над хозяйствами своих работников и в целом над населенными пунктами, на территории которых они находятся. Сквозным, объединяющим оба уровня ожиданий моментом можно считать феномен редистрибуции, понимаемый как совокупность практик по поступлению ресурсов от государства в крупные сельскохозяйственные предпри-

ятия, и перераспределяемые затем в личные подсобные хозяйства населения. Получается система, в которой государство обеспечивает предприятия, а предприятия обеспечивают своих работников. Работники остаются заняты в сельском хозяйстве, даже в условиях общего низкого уровня оплаты и тяжелых сезонных условий труда, поскольку, кроме этого, получают возможность (в ряде случаев формально, а в ряде случаев и неформально) использовать ресурсы предприятия для ведения личных приусадебных хозяйств. Речь идет о таких практиках, как получение комбикормов, использование колхозной техники для обработки личных участков, помощь в заготовке сена, дров и пр.

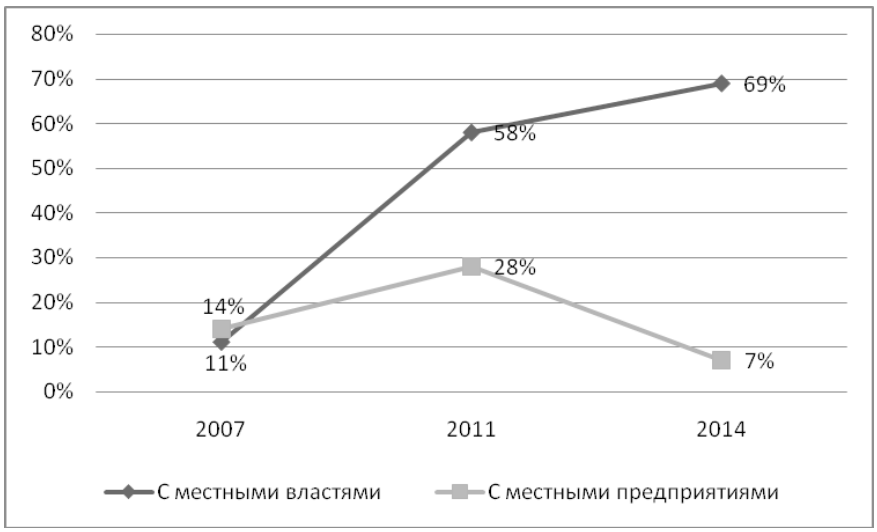
Предприятия при такой системе оказываются основным редистрибутивным механизмом, а работники живут в уверенности, что смогут получить помощь, без которой иначе личные подсобные хозяйства не могли бы существовать (их ведение было бы нерентабельным), а сами семьи продолжать жить в сельской местности (небольшая зарплата попросту не позволяла бы этого делать). Несмотря на ярко выраженный неформальный характер редистрибутивных механизмов, период их существования оказался достаточно долгим, а их значение для экономики крестьянских домохозяйств и сельской экономики в целом трудно переоценить. Сокращение количества сельскохозяйственных предприятий, ставшее следствием реорганизации всей сельской экономики, должно было привести к интенсификации деятельности на личных подворьях. И такой тренд действительно имел место: как показывают данные статистики, сокращение количества крупных сельскохозяйственных производителей привело к уменьшению доли производимой в них продукции и к увеличению доли продукции, производимой в ЛПХ [2].

Однако еще одним следствием данной ситуации стало постепенное разрушение, а затем и полный распад десятилетиями складывающихся редистрибутивных механизмов сельской экономики и сокращение, а в ряде случаев и полное прекращение поддержки личных подсобных хозяйств населения со стороны сельскохозяйственных предприятий, что привело к значительному сокращению экономической активности и на личных подворьях (отметим, что следствием крушения редистрибутивной системы можно считать и усиление миграционных потоков из села в город, и процессы диверсификации сельской экономики, связанные с отходничеством и работой вахто-

[2] См.: *Зазулина М. Р.* Институциональная динамика аграрного сектора, как фактор трансформаций сельских сообществ: социально-философский аспект // Сиб. филос. журн. 2018. № 3. (в печати)

вым методом, оформившиеся и интенсифицировавшиеся именно в последнее десятилетие). Изменение структуры ожиданий сельского населения также стало одним из последствий такой ситуации.

В целом и данные статистики, и данные исследований, проводимых различными коллективами, позволяют утверждать, что в последние десятилетия происходит уменьшение значимости крупных сельскохозяйственных экономических структур в жизни целых сельских локальных сообществ и отдельных домохозяйств. В условиях, когда местные предприятия оказались экономически слабы и переживают кризис, «рейтинг доверия» к ним со стороны местных жителей снизился и, как следствие, вырос «рейтинг доверия» к местной власти. Именно уменьшение значимости «крупхозов» в представлении жителей села, наряду с одновременным возрастанием авторитета местной власти фиксируется исследованиями начиная со второй половины 2000-х (см. рисунок).



С кем Вы связываете надежды на решение социально-экономических проблем Вашего села, массовый опрос

Положительным аспектом данной тенденции является возрастание значения формальных институтов самоуправления, что может быть интерпретировано как показатель успешности муниципальной реформы, в ходе которой местное самоуправление получило не только более четкую организационную структуру, но и определенные гарантии своей публичной власти.

Очевидно, что огромный эффект для сельских территорий имела реформа самоуправления, инициированная принятием в 2003 г. Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Реинституциализация института местной власти, наделение ее четкой организационной структурой и системой полномочий, подкрепленных пусть небольшим, но финансированием, позволили стабилизировать ситуацию на селе, обозначить «нового хозяина» в качестве которого выступили сельские власти. Рост поддержки населения в данном случае означает становление местной власти в качестве действительно публичной. В результате было преодолено положение дел, характерное для российских сельских сообществ на протяжении 1990-х – первой половины 2000-х, при котором основным властным субъектом на селе оказались сельскохозяйственные предприятия, т. е. субъекты экономические.

В то же время, после сворачивания социальной активности крупных сельскохозяйственных предприятий, полностью эта ниша так и осталась фактически никем не занятой. Связано это с ограниченностью ресурсов локальных сообществ, стабильностью и немногочисленностью основных субъектов социально-экономических взаимодействий. Несмотря на то, что уход со сцены сельскохозяйственных предприятий ведет к переносу функций по оказанию помощи селу на администрацию и фермеров, однако ни сельские администрации, ни фермерские хозяйства не обладают достаточной ресурсной обеспеченностью для поддержания социальной жизни села и сельской экономики личных подсобных хозяйств. Таким образом, ликвидация или банкротство крупхозов являются спусковым механизмом деградации и гибели сельских сообществ.

Рост поддержки местной власти среди сельского населения позволяет сделать вывод не только об успешной институциализации самоуправления в результате муниципальной реформы, но и об очередной трансформации сельского патернализма и изменении системы ожиданий, связанных с различными локальными институтами. Дело в том, что формирование системы ожиданий связанных со становлением института местного самоуправления, в сельской местности не сопровождалось формированием самих сельских сообществ в качестве сознательных участников локальной муниципальной политики или повышением их социальной или политической активности. И это – характерная черта ситуации в сельской местности, позволяющая интерпретировать ее именно как проявление патернализма. Данные многочисленных исследований показывают, что отсутствие ак-

тивной социально-политической позиции характеризует отношение рядовых сельских жителей не только к самоуправлению, но и к более широким вопросам публичной и общественной жизни [Белинская и др., 2004]. В результате в сельских сообществах вместо процессов гражданского и политического участия происходят очередной всплеск и реструктурирование патерналистских ожиданий.

Ориентация на патернализм оказывается определяющей не только для сельских жителей и не только для простого населения, но и для правящих элит, вплоть до влияния на уровень принятия законодательных и стратегических решений. Наиболее ярко этот момент был продемонстрирован в ходе последних изменений муниципальной реформы, в рамках которых произошло встраивание местного самоуправления в вертикаль власти (на законодательном уровне сопровождавшееся отменой выборности глав муниципальных образований, сокращением количества компетенций муниципалитетов низового уровня). Среди сельских элит (депутатов и представителей местного самоуправления) это проявляется в убежденности, что местное самоуправление должно быть хотя бы частично подчинено государственным органам власти (табл. 4).

Таблица 4

Предпочитаемые принципы взаимодействия местных и центральных властей в Российской Федерации, экспертный опрос, %

Вариант	Год		
	2007	2011	2014
Взаимная независимость в рамках действующего законодательства и недопустимость контроля со стороны центральных властей за деятельностью органов МСУ	28	23	30
Полная подчиненность местных органов власти центральным	19	21	23
Частичная подчиненность	44	41	40
Затруднились с ответом	9	15	7

Очевидно, что воспроизводство установки на патернализм в условиях современного села является закономерным не только потому, что это устойчивая установка обыденного сознания, но и в силу цело-

го ряда обстоятельств, связанных с факторами социально-психологического и социально-экономического характера.

Так, исследования, проводимые различными коллективами, показывают, что установки на патернализм чаще воспроизводятся в ситуации неопределенности и тревожности и сопровождаются снижением уровня социального самочувствия [Белинская и др., 2004]. Также исследования показывают, что установки на патернализм в гораздо большей степени выражены в условиях социальной недифференцированности и внутренней неструктурированности сообществ. Можно предположить, что подобная ситуация – одно из следствий феномена «двойной эксклюзии», в которой оказались сельские сообщества, связанной с процессами социально-географической и отраслевой стратификации (в результате чего сельское население находится в неравных условиях по сравнению с городским) и социальной дифференциации, приводящей к маргинализации отдельных социальных групп и целых сообществ. Российское село в данном случае представляет собой яркий пример того, как социальные и экономические условия влияют на процессы политического участия населения и более широко – на формирование им образа мира.

Пример «сельского» патернализма показывает, что существуют социокультурные установки, которые могут трансформироваться под воздействием целого ряда факторов, но при этом вряд ли полностью исчезнут. Проведенные исследования позволили выявить закономерности трансформации патерналистской системы ожиданий в условиях социально-экономических изменений в сельском социуме.

В целом можно утверждать, что, несмотря на все изменения, основным адресатом патерналистских ожиданий остается государство. Подобное неоднозначное отношение к государству (разочарование и надежда) продолжает оставаться яркой чертой российского обыденного сознания. В условиях изменения социально-экономической ситуации и снижения роли хозяйствующих субъектов в жизни сельских сообществ особое значение приобретают другие институты. При этом наблюдается смещение ожиданий по линии государство – местные власти, а также невластные – властные институты (экономические – политические субъекты).

Установка на патернализм ярко проявляется как среди экспертного сообщества, так и среди рядового сельского населения. В современном российском селе актуализации установки на патернализм способствует, с одной стороны, некорректное формирование современных демократических и рыночных ценностей (неоформленность отношения к частной собственности на землю, ощущение проигры-

ша от реформ), а с другой – низкие показатели социального самочувствия, общее снижение рейтингов доверия всем уровням власти при одновременном распаде горизонтальных связей.

Список литературы

Белинская Е., Литвинова С., Муравьева О. и др. Политическая культура: установка на патернализм в ментальности россиян // Сиб. психол. журн. 2004. Т. 20. С. 63–70.

Горянов А. В. Патернализм как одна из основ существования сельской дворянской усадьбы в России в XVIII–XIX вв. // Власть. 2011. № 4. С. 113–116.

Калугина З. И., Фадеева О. П. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск, 2009.

Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация: Учеб. пособие для высш. учеб. заведений. М.: Наука, 1995.

Материал поступил в редколлегию 29.09.2018

M. R. Zazulina

Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

zamashka@yandex.ru

PATERNALISM, RURAL MODE: ON SOCIO-CULTURAL FACTORS OF THE RUSSIAN SOCIETY TRANSFORMATION

The paper identifies and describes the paternalistic mindset among the rural population of Russia. The empirical base consists of research data in rural communities of the Novosibirsk region in the period from 2005 to 2014. The structure of expectations related to the activities of various power and economic institutions is analyzed, and the regularities that determine the change in this structure are revealed. The article shows the specific features of transformation of the paternalistic mindset in the conditions of social crisis and decline of trust in dominating political institutions.

Keywords: paternalism, rural local community, transformation, institution, socio-cultural factors.

References

Goryanov A. B. Paternalizm kak odna iz osnov sushchestvovaniya selskoi dvoryanskoi usad'by v Rossii v XVIII–XIX vv. [Paternalism as one of the foundations of the existence of a rural noble estates in Russia in the XVIII–XIX centuries]. *Vlast'* [*Authority*], 2011, no. 4, p. 113–116. (In Russ.)

Kalugina Z. I., Fadeeva O. P. *Rossiiskaya derevnya v labirinte reform: sotsiologicheskie zarisovki* [*Russian Village in the Labyrinth of Reforms: Sociological Sketches*]. Novosibirsk, 2009. (In Russ.)

Belinskaya E., Litvinova S., Muravieva O. et al. Politicheskaya kultura: ustanovka na paternalizm v mentalnosti rossiyan [Political culture: installation on paternalism in mentality of Russians]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal* [*Siberian Psychological Journal*], 2004, vol. 20, p. 63–70. (In Russ.)

Radaev V. V., Shkaratan O. I. *Sotsialnaya stratifikatsiya: Uchebnoe posobie dlya vysshikh uchebnykh zavedenii* [*Social Stratification*: *a Textbook for Higher Education*]. Moscow, Nauka, 1995. (In Russ.)

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1 (91)
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-240-256

М. Н. Вольф

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

rina.volf@gmail.com

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ КАК КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА: ДВА КЕЙСА

Ричард Рорти предложил трактовать философию как культурную политику, связывая ее со сменой словарей философии в сторону морального и политического контекста и полагая философию в первую очередь как программу действия, как социальную и лингвистическую практику. В контексте обсуждения автономии существования историко-философской дисциплины мы считаем, что она также может функционировать как культурная политика, что позволяет в таком аспекте говорить о новом современном модусе существования истории философии. Рассматриваются два кейса, которые иллюстрируют такое понимание истории философии, а именно, когда историки античной философии (М. Нуссбаум и Б. Кассен) использовали культурные образцы прошлого для создания современных актуальных гуманистических и социальных проектов.

Ключевые слова: история философии, культурная политика, прагматизм, Ричард Рорти, Марта Нуссбаум, Барбара Кассен, развитие человеческого потенциала, проблема несоизмеримости, проблема перевода, словари.

Сегодняшние реалии все настойчивее подсказывают нам, что главными действующими лицами в мире следует считать политиков, силы, которые действительно что-то решают, сосредоточены в руках военных, что в приоритете стоят экономические ценности, а под культурой понимается либо то, что находится в ведении Министерств культуры и образования, либо остается прибежищем узкого круга интеллектуалов, где и пребывает в относительной изоляции. Современный мир все тише говорит о важности гуманитарной составляющей, но забыть о ней – это значит забыть о том, что однажды

ISSN 2541-7517. Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 4. С. 240–256.
© М. Н. Вольф, 2018

философия и литература сделали мир другим, и продолжают изменять его сегодня. Навыки, которым учат гуманитарные науки, в техногенном мире кажутся невостребованными, а компетенции, которые они дают – избыточными. Однако именно они снабжают нас теми «технологиями», без которых невозможна организация совместного пространства, невозможны эмпатия, коммуникация и понимание.

Культурная политика редко включается в список политтехнологий, поскольку подразумевается, что это еще одна сфера государственной экспансии, находящаяся в полном ведении и подчинении у государства, не являющаяся чем-то действительно «технологичным». Политическая риторика будет нам говорить, что необходимо определяться с внятным формулированием культурной политики на различных уровнях власти, но при этом понятие культурной политики трактуется крайне узко. Чаще всего она понимается как арена, на которой развертываются баталии между социальными, экономическими и политическими ценностями, в результате которых создаются новые или модифицируются старые ценности, а их проводниками в мир служат объединенные усилия медиа, средств и технологий коммуникации и политиков. Создается впечатление, что во всем этом хорошо отлаженном процессе не предполагается какой-либо ниши, куда могли бы органично встроиться философия или хотя бы культура как таковая. Можно предположить, что за этим стоит желание, а вернее нежелание самих культуры и философии, поскольку они подразумевают принципиально другой способ существования и действия: политика и государство ассоциируются с принуждением и подчинением, культура и философия – со свободой. Термин «культурная политика» в таком ключе оказывается самопротиворечивым: человек может делать что-то необходимое, но будет ли он *хотеть это делать*, т. е. делать *добровольно,* зависит только от его свободы воли. Можно не вспоминать примеры тотального ментального эскапизма людей, зажатых в определенных социальных и политических рамках, которыми полнятся фильмы и книги. В таком случае, что же подразумевает термин «культурная политика», когда его употребляют философы, и почему они это делают?

Концепция философии как культурной политики Р. Рорти

Сегодня складывается впечатление, что философия мало на что может повлиять. Маргинализовавшись, уйдя в собственные узкие интеллигибельные сферы, философия почти не имеет активного голоса в социальном пространстве ни в сравнении с древнегрече-

ской эпохой, когда философы писали законы для полисов, ни даже в сравнении с серединой XX в., когда публичные заявления философа играли значимую роль в предотвращении ядерного Армагеддона[1]. Тем не менее философия не теряет надежду оставаться влиятельной и вносить свой вклад, по выражению Рорти, в продолжающийся разговор человечества о том, что ему делать с самим собой [Rorty, 2007. P. ix]. Однако этот давний разговор, длящийся минимум 2,5 тыс. лет, создал новые практики и внес определенные изменения в словари, с помощью которых он ведется, и эти словари в современном мире смещают фокус в сторону морального и политического контекста. Философы стремятся вносить в эти словари свои поправки, и это для них – одна из стратегий вмешательства в культурную политику, для многих – основное предназначение философии [Ibid.]. Вся вторая половина XX в., особенно в континентальной философии, полна отчаянными попытками философов, часто на гране эпатажа и утраты академических границ, оказать влияние на политические системы и государственные политики (Франкфуртская школа, Хабермас, Жижек и др.). Однако роль философии при такой стратегии оказывается вторичной, подчиненной политическим и экономическим интересам, следующей заданным ими курсом.

Наряду с этим имеется такое понимание культурной политики, в котором определяющим является собственно философское содержание. Понятие «философия как культурная политика» с философской доминантой было введено американским философом Ричардом Рорти. Последнее десятилетие своей жизни, с 1996 по 2006 г., Рорти настойчиво возвращается к теме культурной политики [2], повторяя одну и ту же мысль, что используемые той или иной культурой слова (термины, афоризмы, выражения и пр.) формируют определенные словари, а те, в свою очередь – культуру социальных отношений, и в таком случае культурная эволюция сопряжена с эволюцией социальных и лингвистических практик [Ibid. P. 158]. По мнению Рорти, имеются слова, от которых человечество должно отказаться. Слово «негр», сказанное белым, «бош», сказанное французом в отношении немца, благородные, полукровки, расы, – все эти слова должны уйти

[1] Мало кто знает о том влиянии, которое оказал Б. Рассел на общественное мнение и политику США в первой половине XX в. в связи с ядерной угрозой. Обсуждению вклада Рассела в решение этих вопросов посвящен цикл эссе: [Bertrand Russell on nuclear war..., 2002].

[2] Статьи Р. Рорти, так или иначе затрагивающие вопросы культурной политики, включены в последний из четырех томов избранных философских работ, посвященный изменению роли философии в западной культуре [Rorty, 2007].

и почти ушли из нашего обихода [Ibid.]. Однако остается и появляется значительное количество других слов, которые снижают градус нашей толерантности друг в отношении друга.

Другой момент, на который обращает внимание Рорти, связан с широтой или узостью контекста, с целевой группой, в которой те или иные «провоцирующие» слова будут звучать уместно. Он иллюстрируется двумя яркими примерами. Рорти отмечает, что слово «раса» должно перекочевать в медицинский и генетический вокабуляр и не использоваться в политическом контексте, а исключительно в научном. Напротив, разговор о нейтронах и радиоактивности только на первый взгляд кажется сугубо научным, однако, исходя из сопутствующих этому понятию следствий, он оказывается принципиально политическим и социальным [Ibid. P. 4].

Культурную политику, по мнению Рорти, должны определять такие слова, как «аскет», «пророк», «беспристрастный искатель истины», «гражданин», «революционер» [Ibid. P. ix]. Культурная политика формируется, продолжает он, когда мы обсуждаем возможные эскизы идеального или хотя бы справедливого общества либо государства. Хотя в разные времена это были разные модели: греческий полис, христианская церковь и др., однако философия всегда стремилась вмешиваться в культурную политику, что выражалось не только в ее стремлении создавать, вносить свои дополнения и корректировки в такого рода модели, но и в ее попытках сглаживать непримиримые противоречия, которые неизбежно возникали при их обсуждении – между разумом и верой, между естественной наукой и общим нравственным сознанием, и пр. Как подчеркивает Рорти, вовлеченность философии в культурную политику всегда была воплощением надежд философов на культурные изменения: «Разумеется, философы занимали определенную сторону в дебатах, но делали они это, прежде спросив себя, какие изменения сможет внести их позиция в социальные надежды, программы действий, пророчества о лучшем будущем. Если никаких позитивных сдвигов не случится, то, вероятно, этого не стоит делать» [Ibid. P. x].

В конечном счете нельзя свести культурную политику только к спору о словах, за этим термином стоит непростая философская задача понять, каким образом граждане демократических обществ могут достичь баланса между ответственностью по отношению к самим себе и к своим согражданам [Ibid. P. 26]. Очевидно, при такой формулировке эта задача переходит в разряд вечных философских проблем. Впервые ее артикулировал Аристотель в «Никомаховой этике» (*EN*. I), совмещая задачи этики и политики и пытаясь понять, каким обра-

зом жизнь гражданина в государстве может создать наилучшие условия для обретения им добродетели и счастья и как установить тонкий баланс между благом одного гражданина и благом государства и всего народа, тем более что интересы тех и других часто не совпадают.

Сам Рорти увязывает идею и задачи культурной политики с прагматизмом, подчеркивая, что прагматизм прежде всего является философией действия, практической философией, основным тезисом которой остается максима Пирса – наше знание о вещах складывается из совокупности наших знаний об их практическом использовании, из тех следствий, которые возникают при таком подходе к вещам. Именно поэтому онтология, которая всегда занимала центральное место в философской проблематике, должна уступить место культурной политике [Rorty, 2007. P. 5]: главный вопрос человечества, который прежде звучал как «что существует?», сегодня формулируется принципиально иначе: «как сделать мир лучше?». Часто мы продолжаем думать о прагматизме как о конкретном северо-американском философском направлении, но Рорти и неопрагматисты подчеркивают, что идеи прагматизма гораздо шире и давно обрели общечеловеческое значение. Достаточно вспомнить, как высоко оценивал прагматизм Ф. К. С. Шиллер в первые десятилетия существования этого направления, предлагая Джеймсу переименовать его в «гуманизм». Уточняя содержание прагматизма через реабилитацию протагоровского тезиса «человек – мера всех вещей», Шиллер полагает нелепым считать его скептическим или нигилистским. Эта максима, по его мнению, не ведет ни к скептицизму, ни к нигилизму или абсолютизму, а только к плюрализму и терпимости. И в этом тезисе оформляется весь дальнейший курс прагматизма на толерантность, релятивизм в его положительном определении и способы преодоления проблемы несоизмеримости концептуальных каркасов, блокирующей человеческую коммуникацию [Вольф, Косарев, 2018. С. 50]. Ту же самую задачу преследует культурная политика.

Сегодня философия стала профессиональной, академической, автономной и гораздо более изолированной от общества дисциплиной, как и сами философы, чем это было сотню лет назад и ранее. Однако философам следует сопротивляться этим тенденциям автономизации. Чем интенсивнее философия взаимодействует с другими областями человеческой деятельности – не только естественными науками, но и искусством, литературой, религией и политикой, – тем более актуальной, гуманистической становится и культурная политика, и тем более полезной и действенной она будет. В понимании Рорти, культурная политика – это продолжение философского разговора

Запада с самим собой, но в то же время и существенное изменение тональности и курса этого разговора, с введением новых практик и нового словаря. Философы должны понимать, что их прямая задача заключается не в том, чтобы заниматься автономными изысканиями, все более стягивая на себя границы своего дисциплинарного дискурса, а напротив, раскрывая границы собственного знания, быть в состоянии видеть себя в социальной практике, реализуемой как культурная политика.

Обсуждая различные варианты понимания философии, Дж. Дьюи в работе «Философия и демократия» (1919) приходит к выводу, что «философия ни в каком смысле не является формой знания» [Dewey, 1998. P. 72], она должна быть понята как «социальная надежда, сводимая к рабочей программе действий, предсказанию будущего». Если, вслед за прагматистами, рассматривать не только философию в ее практическом аспекте, но и историю философии как серию попыток изменить мир и человечество, то станет очевидно, что и история философии может занять в культурной политике такую нишу, которая бы максимально соответствовала ее задачам. В современной историографии философии нередко звучит вопрос о действительной необходимости автономного существования истории философии и выделения ее из философского знания в самостоятельную дисциплину [3]. Основания для этого были, поскольку история философии в ее контекстуалистском, «антикварном» варианте все больше замыкалась в проблемах прошлого – его языка, культуры, буквального перевода текстов, установления того, «как оно было на самом деле», все сильнее изолируясь как от живых проблем повседневной жизни, так и от актуальных проблем философской дисциплины. Однако в свою очередь сама философия, особенно в рамках аналитической традиции, все глубже погружалась в аисторический метод, фактически относясь к *истории* философии как к строго исторической дисциплине по аналогии с историей точных и естественных наук, в которых актуальные теории и парадигмы раз и навсегда отменяют прежние. Такая установка делала любые философские проблемы и решения прошлого раз и навсегда устаревшими, в лучшем случае годными для ознакомительных университетских курсов, в худшем – комическими образцами отчаянных заблуждений. Однако современный модус существования истории философии убеждает нас в том, что пройти между Сциллой сохранения интеллектуальных образов прошлого, полноты

[3] Обзор этого вопроса см.: [Вольф, 2018].

исторического самосознания и Харибдой вовлеченности в решение живых актуальных задач настоящего возможно.

Ниже мы рассмотрим два кейса, в которых история философии реализует себя, на практике осуществляя культурную политику в своем стремлении изменить мир к лучшему, далеко выходя за пределы своей автономии. Примеры, которые мы выбрали, нельзя назвать стереотипными: они о женщинах-философах, которые имеют непосредственное отношение к истории античной философии, и связаны с конструированием собственных подходов к культурной политике, в основании которых лежат классические образцы и ценности западной цивилизации.

Кейс Марты Нуссбаум

Марта Нуссбаум, американский философ, профессор этики и права, хорошо известна и философам, и историкам философии. Первые работы Нуссбаум в области античной философии (80-е – 90-е гг. XX в.) были посвящены досократикам, античной этике, хорошо известен ее перевод трактата Аристотеля «О движении животных», как и исследования, касающиеся «Государства» Платона и «О душе» Аристотеля. Не менее значимы и влиятельны ее работы в области этики, гендерных исследований, феминизма и либерализма.

Однако если говорить о философии как программе действий, то самым известным, а вернее, наиболее значимым проектом Нуссбаум должен быть назван созданный вместе с индийским политологом и экономистом, нобелевским лауреатом по экономике Амартия Кумар Сеном Индекс развития человеческого потенциала (далее – ИРЧП; HDI – Human Development Index). Вместе с Кумар Сеном Марта Нуссбаум стала одним из основателей «Общества человеческого развития и способностей» (Human Development and Capability Association), а ее участие в проекте Сена не только способствовало исследованиям, но и повлияло на современное понимание ИРЧП, придав ему более гуманистическое звучание. В 1990 г. Индекс разрабатывался экономистами и публиковался ежегодно как экономический показатель. Фактически, как излагает концепцию ИРЧП аналитический портал «Гуманитарные технологии», он представляет собой индекс измерения уровня жизни с учетом валового национального дохода, но также учитываются продолжительность жизни (здоровье и долголетие) и грамотность (доступ к образованию) детского и взросло-

го населения исследуемой территории [4]. В 2010 г. понятие «развитие человека» было дополнено еще тремя компонентами: учет благосостояния (расширение реальных свобод), уважения к правам человека и агентность, и социальная справедливость [5]. На этом основании ИРЧП был скорректирован и дополнен индексами социально-экономического неравенства, гендерного неравенства и многомерной бедности.

Свои идеи, которые нашли применение в Индексе развития и явившиеся итогом ее многолетних исследований, Марта Нуссбаум выразила в книге «Создавая возможности: подход с точки зрения человеческого развития» [Nussbaum, 2013]. В ней Нуссбаум предлагает новый подход к критериям оценки обществ, не просто альтернативный, а призванный прийти на смену концепции учета ВВП для учета эффективности обществ. В интервью «Русскому журналу», сделанному в связи с выходом в свет книги, она говорит: «Мой подход можно условно определить как способ сравнительной оценки качества жизни и теоретизирования о базовой социальной справедливости. Согласно этому подходу, ключевым вопросом при сравнении обществ и оценке базового уровня их достоинства или справедливости является вопрос о том, "что в этом обществе может делать конкретный человек и кем он может стать?" Другими словами, в рамках такого подхода *каждый отдельный человек является самоцелью*, а разговор идет не о совокупном или среднем уровне благосостояния, но о доступных каждому человеку возможностях… В наше время погоня за прибылью и забота об экономическом росте – основные мотивирующие факторы для государств. Однако экономический рост, являясь важной составной частью благоразумной государственной политики, есть всего лишь часть, лишь один из инструментов этой политики» [6]. М. Нуссбаум подчеркивает, что есть точка схождения задач современного развития на международном, равно и на национальном уровне, – позволить людям жить полноценной творческой жизнью, развивая собственный потенциал и обустраивая свое существование в соответствии с присущим всем людям в равной мере человеческим достоинством, обеспечивая людям стабильный культурный прогресс.

---

[4] https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info

[5] Там же.

[6] *Нуссбаум М.* Новый стандарт справедливости // Русский журнал. 2011. 24 нояб. URL: http://www.russ.ru/pole/Novyj-standart-spravedlivosti).

В другой книге «Не ради прибыли» М. Нуссбаум снова возвращается к вопросам человечности, humanities. Книга открывается предупреждением о масштабном кризисе, к которому, в отличие от экономического кризиса, не готов никто и меры по предотвращению которого даже не начинают разрабатываться – это кризис гуманитарных дисциплин [2014. С. 15–16]. Многие страны, реализуя свою экономическую политику, направленную на получение прибыли, сознательно избавляются от изучения гуманитарных наук и искусств, и вместе с ними – от тех навыков, которые лишают их маневренности в погоне за прибылью. За скобки выносятся искусство и гуманитарные дисциплины, которым не только в вузах, но и повсеместно уделяется все меньшее внимание. С точки зрения М. Нуссбаум, уничтожение этих навыков приводит к утрате тех человеческих качеств, которые обеспечивают жизнеспособность демократии. Общественная и гуманистическая значимость гуманитарных наук наравне с искусством очевидна: они развивают у молодых поколений способность к критическому, образному, творческому, а с ним – и к «изобретающему», мышлению, формируют эмпатию, чувство сострадания, учат сдерживать агрессию и видеть мир глазами других людей, готовят молодежь к самостоятельным действиям, к разумному сопротивлению застывшим традициям, нести ответственность за собственные суждения и свободно обмениваться мнениями с другими членами общества [Там же. С. 23–25, 32].

Эти рассуждения напрямую связаны с ИРЧП, – мы заблуждаемся, когда полагаем, что экономический рост всегда ведет к улучшению качества жизни. Качество жизни людей и процветание государств напрямую зависят от искусств и гуманитарных наук, пренебрежение ими приведет к тому, что «скоро все страны мира начнут производить поколения полезных машин, а не полноценных граждан» [Там же. С. 15].

То, что предлагает Нуссбаум – и новый план воспитания, и соответствующая ему сократическая педагогика, призванная воспитать не просто граждан, а «универсальных» граждан, граждан мира, – является «призывом к действию», образцом практической философии и культурной политики, результатом которой может стать формирование «полноценных членов общества, обладающих собственными мыслями и чувствами и заслуживающих уважение и сострадание, и государства, которые способны преодолеть страх и подозрительность и предпочесть им дискуссию, основанную на взаимном уваже-

нии и оперирующую обоснованными доводами» [Там же. С. 27–28, 31–33, 44, 77].

Кейс Барбары Кассен

Барбара Кассен как историк философии хорошо известна в первую очередь своими исследованиями софистики и риторики. Наиболее известны ее перевод древнегреческого анонимного трактата «О Мелиссе, Ксенофане, Горгии» [Cassin, 1980], а российскому читателю – монография «Эффект софистики» [Кассен, 2000], исследования, посвященные Пармениду, Аристотелю. Широко известны работы Кассен, касающиеся философии постмодернизма.

Одна из доминантных идей, которую стремится выразить Барбара Кассен, заключается в том, что софистика, которую тщательно вытесняли из философии Платон и Аристотель, а вместе с ними – и практически вся последующая философская традиция, тем не менее обладает значительным потенциалом, который раскрывается в контексте лингвистического поворота. Софистика и риторика, равно как и логика, имеют дело с анализом языка, анализом лежащих в его основании структур, без чего невозможно никакое философское осмысление действительности и ее описания. Однако они делают это на основании другого типа рациональности, которую часто толкуют как коммуникативную. В частности, механизмы, применяемые риторикой и софистикой, активно используются в политике, журналистике, юриспруденции и других областях социальной жизни, тесно соприкасающихся с эмоциональной сферой и практикой убеждения, которые, как полагают, не поддаются формальному анализу.

Обсуждая проблемы политической риторики, политики памяти, создания образа прошлого, Б. Кассен подчеркивает, что политические силы скорее изобретают прошлое, чем стремятся сохранить и воссоздать его, делая его инструментом достижения конкретных политических целей [7]. Однако коллективная память может оказаться инструментом не только национальной или государственной политики, но прежде всего культурной политики. Именно в таком ключе мы предлагаем трактовать наиболее значимый проект, который реализует Б. Кассен – «Европейский словарь философий: Лексикон непереводимостей», начало которому было положено в 2004 г. [8]

[7] Кассен Б. Амнистия и прощение: о разделительной полосе между этикой и политикой // Гефтер. 24.09.2012 (http://gefter.ru/archive/6260)

[8] Французское издание [Vocabulaire européen des philosophies, 2004] легло в основу проектов на других языках. Русское издание словаря [Европейский словарь фило-

Только на первый взгляд может показаться, что «Европейский словарь» – это всего лишь книга. В действительности это – полномасштабный проект, который часто называют одним из самых ярких интеллектуальных проектов Европы. С одной стороны, «Словарь» реализует еще один способ написания европейской философии, способ изложить ее историю, осмыслить ее уникальную специфику, с другой стороны – возможность сделать это без свойственного Европе европоцентризма, избегая предрассудков и пережитков, и раскрыть при этом связь различных понятий философии и культуры в контексте разных языков, менталитетов и институтов, связь прошлого и настоящего в интеллектуальном наследии Европы.

Одной из ключевых философских проблем современности является проблема несоизмеримости. Почти одновременно поставленная во 2-й половине XX в. Т. Куном и П. Фейерабендом в философии науки как проблема несоизмеримости научных теорий, за последующие 40 лет она претерпела определенную эволюцию и сегодня распространяется в том числе на концептуальные схемы, которые поддерживаются различными языками. Соответственно несоизмеримость концептуальных схем ведет к несоизмеримости, или непереводимости, языков [Дэвидсон, 1993]. Подзаголовок словаря «Лексикон непереводимостей» подчеркивает его главную миссию – акцентуацию на проблеме несоизмеримости [9]. Любой философ так или иначе сталкивается с проблемой перевода, причем не только с языка на язык (с греческого – на латынь, с латыни – на немецкий, с немецкого – на английский, и т. д.), но и перевода из одной концептуальной схемы, определяемой временным, социальным, политическим и пр. контекстом, в другую.

Иллюзия переводимости с языка на язык подпитывается почти тотальным использованием «имперского» globish, английского, по меткому выражению М. Маяцкого «в его калеченном изводе “средства международного общения”», в парадигму которого человечество пытается втолкнуть все возможные смыслы и любое содержание. Английский негласно признается нейтральным концептуальным языком, в матрицу которого сегодня старательно укладываются все языки и смыслы не без вмешательства авторитета аналитической фи-

---

софий, 2009–2016] публикуется на основании украинского перевода [Європейський словник філософій, 2009–2016]. Еще до выхода русскоязычной версии появление украинского варианта словаря вызвало большой резонанс в российской литературе [Голубович, 2010; Маяцкий, 2011; Кассен, 2011].

[9] К слову сказать, в английском переводе «Словаря» фокус смещен именно на эту часть названия [Dictionary of Untranslatables, 2014].

лософии, чей сухой и формальный язык, излеченный от болезни многозначности и образности естественных языков, напрямую отождествляется с английским. Он по умолчанию становится посредником, медиатором при переводе с одного языка на другой, и шутка «переводить философские трактаты нужно с оригинала, т. е. с английского» угрожает стать действительностью. Человечество стоит перед выбором: поддаться очередному искушению создать универсальный язык, несмотря на то, что все предыдущие попытки оказались провальными, хотя и привели к пусть побочным, но весьма значимым результатам [Эко, 2007], либо наоборот, отказаться от единственного чисто утилитарного языка, по крайней мере в гуманитарных науках, поскольку значительная часть исследований в этой области не может в полной мере осуществляться таким образом [10].

Задача, стоящая перед «Словарем», как раз и заключается в том, чтобы показать, что не существует каких-либо сакральных, специфических для написания философии языков (какими долгое время считались греческий и немецкий, а теперь эту роль берет на себя английский), и что несмотря на проблему непереводимости языков и стоящих за ними концептуальных схем, взаимное обогащение и коммуникация между ними все же возможны. По мнению Кассен, «при переходе от одного языка к другому не только слова, но в равной степени и терминологические сети, грамматика и синтаксис не накладываются друг на друга, и подобные различия вовсе не являются источником контекстной темноты, которую следовало бы во что бы то ни стало «прояснить» с помощью какого-то одного универсального языка, сведенного к своему самому простому выражению. Наоборот, эта несоизмеримость не требует уничтожения, потому что она – суть источник обогащения языков, поскольку каждый язык набрасывает на этот мир какую-то свою, новую уникальную по-

[10] [Кассен, 2011. С. 7]. Неудивительно, что в попытках создать универсальный язык страдают не только языки мира, существенно упрощаясь и подстраиваясь под английский, но и язык английской культуры, превращаясь в служебный globish, также нуждается в защите от упрощения наряду с другими языками. Проект «Social Science Translation Project», начатый по инициативе «American Council of Learned Societies», с одной стороны, направлен на реализацию этих задач, с другой – перекликается с задачами «Словаря». Этому проекту принадлежит «Слово в защиту публикаций на своих языках, обращенное к научным исследователям», где говорится: «Стиль мышления и способ аргументации, присущие гуманитарным наукам в англо-американской среде, стали прокрустовым ложем, в чьи рамки должны укладываться все типы концептуализации. Результатом чего является все возрастающая унификация и оскудение самого характера научного рассуждения, истощения самого метода рассуждения» (цит. по: [Кассен, 2011, С. 7–8]).

нятийную сетку» [Кассен, 2011. С. 7]. Именно поэтому разноязычные версии «Словаря» радикально различны по своей структуре и отчасти различны по содержанию. Словарь живет и эволюционирует в зависимости от того, в какой концептуальный каркас он попадает и на каком языке звучит: составители и переводчики не только меняют его структуру, но и добавляют разделы и словарные статьи, свойственные именно этой культуре и языку [11].

Б. Кассен, вспоминая Умберто Эко, цитирует его слова: «...язык Европы – это перевод» [Кассен, 2011. С. 10]. Однако в рамках проекта «Словаря» переводчик выступает скорее в роли «проводника между способами мышления» [Маяцкий, 2011. С. 14]. В этом смысле «Словарь» озабочен скорее не переводом как таковым, а вовлечением как можно большего числа национальных языков в *разговор человечества*, созданием единого дискурсивного и коммуникативного пространства, внутри которого мы не будем нуждаться в переводе как таковом. С этой задачей перекликается еще один проект, реализованный по инициативе Б. Кассен в 2013 г. в Париже – «Мультиязычная лекция – Поэма Парменида» («Lecture multilingue – Le Poème de Parménide»). Заявленный как лекция, этот проект, однако, был осуществлен как театральная пьеса на сцене «Palais de Tokyo» под руководством режиссера Даниэля Месгича. Авторы проекта стремились привлечь внимание к переводу как новой парадигме гуманитарных наук. Команда (а в данном контексте лучше сказать «труппа») философов-антиковедов и переводчиков из Великобритании, Бразилии, Франции, Германии и Китая, среди которых такие влиятельные исследователи античной философии, как Джонатан Барнс, Фернандо Санторо, Хайнц Висманн, вместе с Барбарой Кассен читали со сцены фрагменты поэмы Парменида на древнегреческом и в различных переводах (включая эсперанто), что, по мнению авторов лекции, помогло показать, как создаются оригинал философского произведения и его копии, как работает история философии. Конечно, данный проект не получил столь широкого резонанса, как «Словарь», тем не менее, отлично показал, что антиковедение и античная философия, как и вообще история философии, являются на деле не столь уж антикварными и кабинетными, как о них принято думать, и могут с не меньшей отдачей включаться в реализацию культурной политики как практического раздела философии.

[11] О расхождениях французского оригинала и украинской версии см.: [Голубович, 2010]; о русской части «Словаря», написанной украинскими исследователями и переводчиками, см.: [Маяцкий, 2011]. В рецензии на русскую версию «Словаря» [Балла-Гертман, 2016] также дан обзор структуры.

Рассмотренные выше кейсы, на наш взгляд, хорошо показывают, что социальные науки и философия, разумеется, влияют на инструменты культурной политики, определяют ее содержание. Делают это они в первую очередь посредством языка, словарей, сопряженных с ними определенных, в первую очередь философских практик, в немалой степени привлекая тот, которым обладает история философии. Ведь кому как не ей знать, на каких языках говорила европейская культура и как сделать так, чтобы современный мир не перестал понимать эти языки, чтобы не прервался разговор человечества о самом себе, своих надеждах и своем месте в будущем.

Список литературы

Балла-Гертман О. А. Корни универсальности. Европейский словарь философий: Лексикон непереводимостей / Под рук. Б. Кассен; пер. с фр. Киев: Дух і Літера, 2015. Т. 1. 450 с. // Вестн. Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2016. № 2 (20). С. 133–137.

Вольф М. Н. Историография истории философии как модус аналитической истории философии // Сиб. филос. журн. 2018. Т. 16, № 2. С. 189–201.

Вольф М. Н., Косарев А. В. Риторический поворот основателей прагматизма // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2018. № 431. С. 47–53.

Голубович И. В. Европейский словарь философий: Лексикон непереводимостей (французский оригинал и украинская версия: универсум, мультиверсум, картография) // Идеи и идеалы. 2010. № 3 (5). Т. 2. С. 92–103.

Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы // Аналитическая философия. Избр. тексты. М., 1993. С. 144–159.

Европейский словарь философий: Лексикон непереводимостей / Под рук. Б. Кассен. Киев: Дух і Літера, 2015–2017.

Кассен Б. В защиту непереводимости. Беседа с Микаэлем Устинофф // Логос. 2011. № 5–6 (84). С. 4–12.

Кассен Б. Эффект софистики / Пер. с фр. А. Россиуса. М.; СПб.: Моск. филос. фонд; Университетская книга, 2000.

Маяцкий М. Непереводимости реальные и воображаемые. Листая «Европейский словарь философий: лексикон непереводимостей» / Под ред. Б. Кассен (2004) // Логос. 2011. № 5–6 (84). С. 13–21.

Нуссбаум М. Не ради прибыли: зачем демократии гуманитарные науки. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014.

Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре / Пер. с итал. А. Миролюбовой. М.: Александрия, 2007.

Європейський словник філософій: Лексикон неперекладностей / Під керівництвом Барбари Кассен. Киев: Дух і Літера, 2011–2016.

Bertrand Russell on nuclear war, peace, and language: critical and historical essays / Ed. by A. Schwerin; under the auspices of the Bertrand Russel Society. Westport: Praeger Publ., 2002.

Cassin B. Si Parménide – le traité anonyme De Melisso Xenophane Gorgia. Edition critique et commentaire. Presses universitaires de Lilies / Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1980.

Dewey J. Philosophy and Democracy // The Essential Dewey / Eds. L. A. Hickman, T. M. Alexander. Indiana Univ. Press, 1998. Vol. 1: Pragmatism, Education, Democracy. P. 71–78.

Dictionary of Untranslatables. A Philosophical Lexicon / Ed. by B. Cassin. Princeton and Oxford, 2014.

Nussbaum M. Creating Capabilities. The Human Development Approach. Cambridge, 2013.

Rorty R. Philosophy as Cultural Politics. Philosophical Papers. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007. Vol. 4.

Vocabulaire européen des philosophies: Dictionnaire des intraduisibles / Sous la direction de B. Cassin. Paris: Seuil, 2004.

Материал поступил в редколлегию 20.09.2018

M. N. Volf

Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

rina.volf@gmail.com

HISTORY OF PHILOSOPHY AS CULTURAL POLITICS: TWO CASES

Richard Rorty proposed to interpret philosophy as cultural politics, understanding it as the shift of philosophy vocabularies to the moral and political context, and considering philosophy primarily as a program of action, a social and linguistic practice. In the context of discussing the autonomy of the history of philosophy as a discipline, we believe that it can also function as a cultural policy, which allows in this aspect to talk about the new contemporary mode of existence of the history of philosophy.

The paper discusses two cases that illustrate this understanding of the history of philosophy, namely when the specialists in ancient philosophy (M. Nussbaum and B. Cassin) used the cultural patterns of the past to create contemporary, relevant humanistic and social projects.

Keywords: history of philosophy, cultural politics, pragmatism, Richard Rorty, Martha Nussbaum, Barbara Cassin, human development, the problem of incommensurability, the problem of translation, vocabularies.

References

Balla-Hartman O. A. Korni universalnosti. Evropeiskii slovar' filosofii: Leksikon neperevodimostei / pod rukovodstvom Barbary Kassen. Perevod s francuzskogo. T. 1. K.: Duh i litera, 2015. 450 p. [The roots of universality. European Dictionary of Philosophy: The Lexicon of Untranslatability / under the guidance of Barbara Cassin. Translation from French. V. 1. Kiev: Dukh i Litera, 2015. 450 p.] *Vestnik of the Samara Humanitarian Academy. Series*: *Philosophy. Philology*, 2016, no. 2 (20), p. 133–137. (In Russ.)

Bertrand Russell on nuclear war, peace, and language: critical and historical essays. A. Schwerin (ed.); under the auspices of the Bertrand Russel Society. Westport, Praeger Publ., 2002.

Cassin B. *Effekt sofistiki* [*Effect of Sophistry*] / Transl. A. Rossius. Moscow, St. Petersburg, 2000. (In Russ.)

Cassin B. *Si Parménide – le traité anonyme De Melisso Xenophane Gorgia. Edition critique et commentaire*. Presses universitaires de Lilies / Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1980.

Cassin B. V zashhitu neperevodimosti. Beseda s Mikaelem Ustinoff [In defense of untranslatability. Chatting with Michael Ustinoff]. *Logos*, 2011, no. 5–6 (84), p. 4–12. (In Russ.)

Davidson D. Ob idee kontseptualnoi shemy [On the Very Idea of a Conceptual Scheme]. *Analiticheskaya filosofiya. Izbrannye teksty* [*Analytical Philosophy. Selected Texts*]. Moscow, 1993, p. 144–159. (In Russ.)

Dewey J. Philosophy and Democracy. *The Essential Dewey*. L. A. Hickman, T. M. Alexander (eds.). Indiana Univ. Press, 1998, vol. 1: Pragmatism, Education, Democracy, p. 71–78.

Dictionary of Untranslatables. A Philosophical Lexicon. B. Cassin (ed.). Princeton and Oxford, 2014.

Eco U. *Poiski sovershennogo yazyka v evropeiskoi kulture* [*The Search for the Perfect Language in the European Culture*]. Moscow, 2007. (In Russ.)

Evropeis'kii slovnik filosofii: Leksikon neperekladnostei / pid kerivnictvom Barbari Kassen [*European Dictionary of Philosophy. Lexicon of Untranslatable terms*]. B. Cassin (ed.). Kiev, 2015–2017. (In Ukr.)

Evropeiskii slovar filosofii: Leksikon neperevodimostei / pod rukovodstvom Barbary Kassen [*European Dictionary of Philosophy. Lexicon of Untranslatable terms*]. B. Cassin (ed.). Kiev, 2015–2017. (In Russ.)

Golubovich I. V. Evropeiskii slovar filosofii: Leksikon neperevodimostei (francuzskii original i ukrainskaya versiya: universum, multiversum, kartografiya [European Dictionary of Philosophy. Lexicon of Untranslatable terms (French original and Ukrainian version): Cosmos and Cartography. *Ideas and Ideals*, 2010, no. 3 (5), vol. 2, p. 92–103. (In Russ.)

Mayatskiy M. Neperevodimosti realnye i voobrazhaemye. Listaya «Evropeiskii slovar filosofii: leksikon neperevodimostei» / pod red. B. Kassen (2004) [Untranslatable real and imaginary Leafing through the «European Dictionary of Philosophy: the Lexicon of Untranslatability». B. Cassin (ed.). (2004)]. *Logos*, 2011, no. 5–6 (84), p. 13–21. (In Russ.)

Nussbaum M. *Creating Capabilities. The Human Development Approach*. Cambridge, 2013.

Nussbaum M. *Ne radi pribyli: zachem demokratii gumanitarnye nauki* [*Not for Profit. Why Democracy Needs the Humanities*]. Moscow, 2014. (In Russ.)

Rorty R. *Philosophy as Cultural Politics. Philosophical Papers*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2007, vol. 4.

Vocabulaire européen des philosophies: *Dictionnaire des intraduisibles* / Sous la direction de B. Cassin. Paris, Seuil, 2004.

Volf M. N. Istoriografiya istorii filosofii kak modus analiticheskoi istorii filosofii [Historiography of the history of philosophy as a modus of the analytic history of philosophy]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2018, vol. 16, no. 2, p. 189–201. (In Russ.)

Volf M. N., Kosarev A. V. Ritoricheskii povorot osnovatelei pragmatizma [The rhetorical turn of pragmatism's founders]. *Vestnik of Tomsk State University*, 2018, no. 431, p. 47–53. (In Russ.)

УДК 1 (091)
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-257-266

А. М. Стрельцов

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

streltsov@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ БЕССТРАСТИЯ БОГА В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ: БЫЛ ЛИ КОНСЕНСУС?

Рассмотрены представления древнегреческих философов о бесстрастии Бога. Показано, что бесстрастие Бога утверждалось как одно из его свойств в античной философской теологии, даже несмотря на очевидные концептуальные различия между самими философскими школами, причем это представление нельзя свести только к наличию общей критики антропоморфизма богов мифов.

Ключевые слова: Бог, бесстрастие, страсти, античная философская теология.

Одним из отличий античной философской теологии от предшествовавшего ей мифологического сознания было отношение к возможности страдания или претерпевания божественного существа. Греческая традиционная религия подразумевала страсти богов [Лосев, 2006. С. 357–364; Драч, 2003. С. 53]. Ф. Кессиди отмечает, что «греческая мифология быстрее других прошла стадию зооморфизма и пришла к антропоморфизму» [2003. С. 52]. Э. Доддс указывает на роль «культуры стыда» в перенесении таких страстей, как раздражение и гнев с людей на богов [2000. С. 54]. Такие популярные представления о богах, характерные для дофилософского эпоса, мифологии, нужно отделить от так называемого «Бога философов».

Страсти были присущи людям и олимпийским богам, философы же постарались максимально дистанцироваться от приписывания претерпевания богу. Более всего в этом преуспел Ксенофан, который обвинил Гесиода и Гомера в приписывании богам антропоморфных страстей, таких как стремление к воровству, блуд и обман (Adv. Math. IX.193) [Секст Эмпирик, 1975. С. 276.]. Ссылаясь на Ксенофана, Климент Александрийский отмечает, что греки представляют богов

© А. М. Стрельцов, 2018

не только антропоморфными, но и подверженными страстям (ἀνθρωποπαθεῖς), изображая их внешне подобными себе (Strom. 7.4.22.1) [Климент Александрийский, 2003б. С. 207 (=21 B16 DK [1])]. Используя reductio ad absurdum, Ксенофан высмеивает антропоморфизм под видом зооморфизма в знаменитом примере: если бы кони и быки умели рисовать, они также сделали бы богов похожими на себя (Strom. 5.109.3) [Климент Александрийский, 2003а. С. 210 (=21 B 16 DK)]! Сам же Ксенофан, выступая против олимпийской религии, измыслил бога, по словам Тимона из Фриунта, «непохожего на людей … неуязвимого (ἀσκηθῆ)» (Timon fr. 60); согласно интерпретации этого текста Секстом Эмпириком – «бесстрастного и неизменного» (ἀπαθῆ καὶ ἀμετάβλητον) (Sext. P. H. 1 224) [Фрагменты ранних греческих философов, 1989. С. 166].

Платон, первым использовавший понятие теологии и попытавшийся разработать для нее правильную основу [2], в «Государстве» также подвергает критике олимпийских богов за их антропоморфизм. Мифы содержат не только истину, но и ложь; такие «кем попало выдуманные мифы» (Rep II, 377b) [Платон, 1994. С. 140] надлежит отвергнуть без колебаний. Гесиод и Гомер составили для людей лживые сказания (Rep II, 378). В упрек им Платон ставит то, что они «плохо изображают» богов, боги не похожи здесь на самих себя. Месть, претерпевание мучений, козни, раздоры, сражения – вот список упреков, вот что изображать недостойно [Там же. С. 141–142]. Такие изображения никак не могут помочь в воспитании стражей.

Было ли мнение Платона о важности утверждения бесстрастности Бога типично для последующей истории философии? Сексту Эмпирику принадлежит утверждение, что «философское положение (δόγμα) признает, что божество не доступно страданиям (ἀπαθές)» [Секст Эмпирик, 1976. С. 239]. Однако недавно универсальность представления о бесстрастности божества среди греческих философов была поставлена под вопрос. Согласно предложенному подходу, за ними можно признать только общность убеждения в необходимости коррекции взгляда поэтов на страсти богов. Соответственно, «наблюдение Секста Эмпирика, что философы согласны в том, что боги бесстрастны, стоит толковать в свете этого общего пожелания», а не «в том смысле,

[1] Здесь и далее пагинация текстов досократиков дана по изд.: [Die Fragmente der Vorsokratiker / Griechick und deutsch H. Diels, hrsg. v. W. Kranz. Berlin, 1951–1952. Bd. I–III.].

[2] См.: *Месяц С.* Теология поэтов и теология философов. URL: https://nsu.ru/classics/bibliotheca/Mesyats.pdf (дата обращения 15.05.2018).

будто бы боги статичны и лишены эмоций, а потому безучастны к делам людей» [Gavrilyuk, 2004. P. 35].

В данной работе мы попробуем хотя бы в грубом приближении оценить имеющиеся ключевые свидетельства по этому вопросу.

Среди текстов досократиков обращает на себя внимание выражение Демокрита о бесстрастных и неизменных атомах (ἀπαθῆ καὶ ἀναλλοίωτα [ἄτομα]) (55 A 44. DK). Согласно реконструкции А. Мурелатоса, свойство «бесстрастия» атома можно понять в двух смыслах: (1) атом не подвержен внутреннему изменению и всегда пребывает в одном и том же состоянии; (2) атом не подвержен никакому изменению при взаимодействии с другими атомами, существование которых в таком случае очевидным образом подразумевается [Mourelatos, 2005. P. 47]. Таким образом, никакой атом не способен воздействовать на другой атом, что позволяет каждому атому сохранять форму и абсолютное отличие от прочих атомов [Mourelatos, 2005. P. 51].

Анаксимандр говорил, что «целое остается неизменным» (τὸ δὲ πᾶν ἀμετάβλητον εἶναι) (12 A 1. DK). Анаксагор, согласно свидетельству Аристотеля, говорил про «бесстрастный ум» (τὸν νοῦν ἀπαθή) (59 A 56 DK).

В то время как рассуждать о теологии как таковой применительно к милетской школе натурфилософии или атомистике Демокрита было бы необоснованно, следует отметить, что тому, что данные философы считали основополагающим в своих системах (атому Демокрита, τὸ πᾶν Анаксимандра), они пытались приписать отсутствие претерпевания или изменяемости.

В платоновском «Пире» Диотима говорит Сократу, что боги блаженны и прекрасны, а Эрот менее, чем бог, потому что «не отличаясь ни добротою, ни красотой, он вожделеет к тому, что у него нет» [Платон, 1993. С. 112], что имплицитно подразумевает, что бог не имеет страстей как ни в чем не нуждающийся.

В «Софисте» Платона в процессе развития идеи о пяти родах сущего чужеземец утверждает, что «все, обладающее по своей природе способностью (δύναμιν) либо воздействовать на что-то другое (εἰς τὸ ποιεῖν ἕτερον), либо испытывать хоть малейшее воздействие (εἰς τὸ παθεῖν), пусть от чего-то весьма незначительного и только один раз, – все это действительно существует» (Soph 247e) [3] [Там же. С. 316]. В итоге чужеземец и Теэтет приходят к понятию движения и покоя как двух из родов сущего.

[3] Привлечением нашего внимания к этому тексту мы обязаны [Hallman, 1991].

Во второй книге «Государства» Платон подвергает уничижительной критике богов поэтов за их изменяемость и за то, что они являются людям в человеческом облике (Rep II 381d). То, что находится в наилучшем состоянии, менее всего подвергается изменению под воздействием другого. Бог – наилучшее во всех отношениях, поэтому он не подвержен изменению под воздействием иного, сам же он, «будучи в высшей степени прекрасным и превосходным», может превратиться только во что-то худшее, что абсурдно. Поэтому бог неизменен и бесстрастен (380d-381d).

В трактате «О душе» Аристотель, приведя вышеупомянутое мнение Анаксагора о бесстрастном уме, продолжает далее уже собственное рассуждение о бесстрастности ума:

«И этот ум существует отдельно и не подвержен ничему, он ни с чем не смешан, будучи по своей сущности деятельностью (καὶ οὗτος ὁ νοῦς χωριστὸς καὶ ἀπαθὴς καὶ ἀμιγής, τῇ οὐσίᾳ ὢν ἐνέργεια). …этот ум ничему не подвержен; ум же, подверженный воздействиям, преходящ (τοῦτο μὲν ἀπαθές, ὁ δὲ παθητικὸς νοῦς φθαρτός), и без деятельного ума ничего не может мыслить» (De. an. III.5 430a) [Аристотель, 1976. С. 436].

Если в «О Душе» до конца непонятно, как человеческий ум связан с высшим в его бесстрастном аспекте, то в 12-й книге «Метафизики», где имеется основное теологическое рассуждение Аристотеля, высказывания становятся гораздо более определенными.

Согласно Аристотелю, Бог (θεός) есть ум (νοῦς), пребывающий в максимальном блаженстве (Met. XII.7 1072b). Ум «бесстрастен и неизменен» (ἀπαθές καὶ ἀναλλοίωτον) (Met. XII.7 1073a). Ум не меняется, потому что любое изменение для него как совершенного было бы изменением к худшему, т. е. движением, которое Аристотель напрямую связывает с изменением. Соответственно, Бог Аристотеля как ум есть бесстрастный недвижимый движитель. Он мыслит сам себя, его мышление есть самозамкнутое «мышление о мышлении».

Для божественного ума мыслить самого себя – значит проводить наилучшую жизнь, совершенно свободную от ограничений и внешних влияний. В отличие от людей, верховное существо никогда не устает [Watson, 1985. P. 62]. Итак, концепция Бога как недвижимого движителя очевидным образом подразумевает бесстрастность.

Эпикурейское понимание πάθη неразрывно связано с телесным ощущением удовольствия или боли [Glidden, 1979. P. 300]. Испытывание удовольствия возможно ввиду контраста с предыдущим состоянием. Это не относится к богам, что следует из теологического рассуждения Эпикура в Письме к Менекею: «Прежде всего верь, что Бог есть существо бессмертное и блаженное, ибо таково всеоб-

щее начертание понятия о боге; и поэтому не приписывай ему ничего, что чуждо бессмертию и несвойственно блаженству, а представляй о нем лишь то, чем поддерживается его бессмертие и его блаженство» [Эпикур, 1983. С. 316]. Божественное блаженство заключается в отсутствии внешнего воздействия, иначе говоря, в бесстрастности как неспособности потерять это блаженство и отсутствии необходимости в приобретении блаженства. При этом бессмысленно говорить о богах как подверженных страстям: «Богам чуждо страдание, ничто не вызывает у них радости и не накладывает на них страдания извне» [Usener, 1887. P. 133].

Какой-либо вовлеченности в мир людей такое представление о божественном бесстрастии не подразумевает.

Пожалуй, применительно к античной философии понятие ἀπάθεια более всего ассоциируется именно со стоиками. В отличие от перипатетиков, которые в поисках «золотой середины» учили об умеренности в отношении страстей (μετριοπάθεια), стоики настаивали на достижении бесстрастия. Дж. Диллон указывает на то, что с развитием концепции εὐπάθεια различия двух школ свелись к минимуму и были в основном обусловлены их разными взглядами на строение души, неделима ли она или же двух- или трехчастна [Dillon, 1990. P. 508–517]. Н. Титаренко идет дальше и говорит, что «понятия “μετριοπάθεια”, “εὐπάθεια” и “ἀπάθεια” оказываются очень близкими по смыслу, а иногда и полностью взаимозаменяемыми» [4].

У стоиков было развито учение о «страстях», от которых нужно избавляться. Как стоики понимали страсть? «Согласно Зенону, страсть в собственном смысле есть неразумное и противное природе движение души (ἄλογος καὶ παρὰ φύσιν ψυχῆς κίνητος), или чрезмерно сильное влечение» (DL VII 110 = ФРС I 205). Главных страстей, как говорят Гекатон… и Зенон в книге «О страстях», четыре рода: скорбь, страх, вожделение и наслаждение» (DL VII 110 = ФРС I 211).

Таким образом, для стоиков ἀπάθεια – идеал, к которому нужно стремиться, для чего необходимо контролировать и в конце концов избавиться от четырех вышеупомянутых страстей. Поскольку, по представлениям стоиков, миром управляет λόγος (разум, закон) как безличностная сила, очевидно, что приписывать предельно рациональному божеству стоиков иррациональные антропоморфные страсти бесмысленно: «[В определении страсти] слова “неразумное” (ἄλογον) и “противоприродное” используются не в обычном значе-

[4] См. *Титаренко Н. И.* Эволюция представлений о душе в стоической философии: от рационального к иррациональному. URL: https://nsu.ru/classics/bibliotheca/titarenko_stoics.pdf (дата обращения 15.05.2018).

нии, но “неразумное” означает “не повинующееся разуму” (ἀπειθές τῶ λόγω)… И “противоприродное” используется в определении страсти в смысле “происходящее вопреки верному и согласному с природой разуму” (τὸν ὀρθόν καὶ κατὰ φύσιν λόγον)» (Stob ecl II 89,4 W = ФРС III 389).

Гаврилюк настаивает, что из этого вовсе не следует, что само божество стоиков было бесстрастным, поскольку для них проблема божественных чувств просто не ставилась [Gavrilyuk, 2004. P. 29].

Однако вопрос заключается не в возможности наличия чувств у божества стоиков, но в самом наличии концепции божественного бесстрастия. И здесь имеющиеся у нас свидетельства явно противопоставляют претерпевание материи и бесстрастие бога. Согласно свидетельству Диогена Лаэртия, «По их мнению, есть два начала мироздания – действующее и испытывающее воздействие. То, которое испытывает воздействие, – это бескачественная сущность, или вещество. А действующее – это присутствующий в ней логос, или бог» (DL VII 134 = ФРС I 85). Об этом же говорит Секст Эмпирик в его критике стоиков: «Стоики, признавая два начала – бога и инертную материю, принимают, что бог действует, а материя страдает и [им] направляется» (Adv. Math. IX) [Секст Эмпирик, 1975. С. 245]. Он показывает невозможность постулирования претерпевания божеством, «ибо божественная природа несовместима со страданием и мучением, ибо все страждущее смертно» [Секст Эмпирик, 1976. С. 246].

В этом смысле вполне уместно говорить о бесстрастии божества стоиков, хотя бы потому, что ему нельзя приписать страсти; что касается неизбежных отличий, то они обусловлены различием самих философских систем.

Наш короткий экскурс по античной философии приводит нас к неоплатонизму как последней вершине античной мысли. Даже если не соглашаться с известным замечанием А. Уайтхеда, что вся европейская философия представляет собой комментарий к Платону, то в качестве такового в любом случае следует признать саму платоническую традицию.

По словам Дж. Диллона, в эпоху среднего платонизма преобладала проблематика природы и Бога как высшего начала [2002. С. 57]. Позднейшая эллинистическая философия характеризуется синкретизмом, поэтому наряду с очевидным влиянием Платона исследователю всегда приходится учитывать взаимодействие средних платоников с идеями перипатетиков и стоиков.

При этом средний платонизм и затем неоплатонизм упрочивает свое место в качестве основной школы поздней Античности. В платонизме этого периода представление о неизменности и бесстрастии Бога является общим местом, достигая высшей точки в учении Плотина, который выстраивает строгую иерархию бытия, где все бестелесное бесстрастно, а Бог совершенно трансцендентен.

Было ли мнение поздних платоников о божественном бесстрастии сравнительно новым развитием этой темы [Gavrilyuk, 2004. P. 34]? На этот вопрос можно дать положительный ответ только в том случае, если под новизной понимать место бесстрастия в специфической картине мира неоплатонизма. Плотин не придумал божественное бесстрастие, но проработал эту устоявшуюся в античной философии концепцию и распространил бесстрастие на большее число сущностей в его иерархической системе. Было ли бесстрастие Единого Плотина большим, чем бесстрастие космического ума Аристотеля или безличностного божества стоиков? Едва ли. Бесстрастие есть бесстрастие. Нельзя быть отчасти бесстрастным, так же как женщине нельзя быть отчасти беременной.

Вышесказанное позволяет прийти к определенному резюме в свете изученных данных. Полагаем продемонстрированным, что у философов имелось общепринятое представление о бесстрастии Бога; оно отличалось от антропоморфизма богов мифологии, религии, мистериальных культов. К Богу нельзя отнести эмоции (блаженство ума Аристотеля или богов Эпикура – не эмоция) и претерпевание от чего-либо внешнего. Расхождения же между самими философами были частностями, обусловленными различиями между их системами в целом [5]. Мнение средних платоников и неоплатоников о бесстрастии не было новым, если под новизной понимается смена направления по сравнению с предыдущей традицией мысли, но можно отметить, что оно имело принципиальное значение для дальнейшего развития философской мысли ввиду воздействия, оказанного им на последующую философскую традицию.

Список литературы

Аристотель. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1.

Диллон Дж. Средние платоники. 80 г. до н. э. – 220 н. э. СПб.: Изд-во Олега Абышко, Алетейя, 2002.

Доддс Э. Р. Греки и иррациональное. СПб.: Алетейя, 2000.

[5] Contra [Gavrilyuk, 2004. P. 35–36].

Драч Г. В. Рождение античной философии и начало антропологической проблематики. М.: Гардарики, 2003.

Кессиди Ф. От мифа к логосу: Становление греческой философии. СПб.: Алетейя, 2003.

Климент Александрийский. Строматы. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003а. Т. 2.

Климент Александрийский. Строматы. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003б. Т. 3.

Лосев А. Ф. Гомер. М.: Молодая гвардия, 2006.

Платон. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2; 1994. Т. 3.

Секст Эмпирик. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1; 1976. Т. 2.

Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / Под ред. А. В. Лебедева. М.: Наука, 1989.

ФРС – Фрагменты ранних стоиков / Пер. и коммент. А. Столярова. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1998. Т. 1; 2007. Т. 3, ч. 1.

Эпикур. Письмо к Менекею / Пер. и коммент. М. Л. Гаспарова // Тит Лукреций Кар. О природе вещей. М.: Худож. лит., 1983. С. 305–319.

Dillon J. M. Metriopatheia and Apatheia: Some Reflections on a Controversy in a Later Greek Ethics / The Golden Chain. Studies in Development of Platonism and Christianity. Variorum, 1990. P. 508–517.

Gavrilyuk P. L. The Suffering of the Impassible God: The Dialectics of Patristic Thought. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.

Glidden D. K. Epicurus on Sense-Perception // American Philosophical Quarterly. 1979. Vol. 16. No. 4. P. 297–306.

Hallman J. M. The Descent of God: Divine Suffering in History and Theology. Minneapolis: Fortress Press, 1991.

Mourelatos A. P. D. Intrinsic and Relational Properties of Atoms in the Democritean Ontology / Ed. by R. Salles. Metaphysics, Soul and Ethics in Ancient Thought. Themes from the Work of Richard A. Sorabji. Oxford: Clarendon Press, 2005. P. 37–63.

Usener H. Epicurea. Lipsia: B. G. Teubner, 1887.

Watson G. The Problem of the Unchanginng in Greek Philosophy // Neue Zeitschrift für Systematische Theologie und Religionsphilosophie. 1985. Vol. 27. P. 57–70.

Материал поступил в редколлегию 29.09.2018

A. M. Streltsov

Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

streltsov@mail.ru

IMPASSIBILITY OF GOD IN ANCIENT GREEK PHILOSOPHY: WAS THERE A CONSENSUS?

The paper analyzes views of ancient Greek philosophers concerning impassibility of God. It is demonstrated that impassibility of God has been maintained as one of his main attributes within philosophical theology of antiquity in spite of obvious differences between philosophical schools themselves. One may not reduce this view solely to the common critique of anthropomorphism of gods of mythology.

Keywords: God, impassibility, passions, ancient philosophical theology.

References

Aristotle. *Sochineniya*: V 4 t. [*Works*: In 4 vols.]. Moscow, 1976, vol. 1. (In Russ.)

Dillon J. M. Metriopatheia and Apatheia: Some Reflections on a Controversy in a Later Greek Ethics / The Golden Chain. Studies in Development of Platonism and Christianity. Variorum, 1990, p. 508–517.

Dillon J. *Srednie platoniki*. 80 g. do n. e. [*The Middle Platonists*. 80 BC–220 ad]. St. Petersburg, 2002. (In Russ.)

Dodds E. R. *Greki i irratsionalnoe* [*The Greeks and the irrational*]. St. Petersburg, 2000. (In Russ.)

Drach G. V. *Rozhdenie antichnoi filosofii i nachalo antropologicheskoi problematiki* [*The Birth and Ancient Philosophy and the Beginning of Anthropological Problematics*]. Moscow, Gardariki Publ., 2003. (In Russ.)

Kessidi F. Ot mifa k logosu: Stanovlenie grecheskoi filosofii [From myth to Logos: Formation of Greek philosophy]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2003. (In Russ.)

Clement of Alexandria. *Stromaty* [*Stromates*]. St. Petersburg, 2003, vol. 2. (In Russ.)

Clement of Alexandria. *Stromaty* [*Stromates*]. St. Petersburg, 2003, vol. 3. (In Russ.)

Losev A. F. *Gomer* [*Homer*]. Moscow, 2006. (In Russ.)

Plato. *Sochineniya*: In 4 t. [*Works*: In 4 vols]. Moscow, 1993, vol. 2; 1994, vol. 3. (In Russ.)

Sextus Empiricus. *Sochineniya*: B 2 т. [*Works*: In 2 vols.]. Moscow, 1975, vol. 1; 1976, vol. 2. (In Russ.)

F*ragmenti rannikh grecheskikh filosofov* [*Fragments of Early Greel Philosophers*]. A. V. Lebedev (ed.). Moscow, 1989. (In Russ.)

FRS – *Fragmenty rannikh stoikov* [*Fragments of Early Stoics*]. A. A. Stolyarov, tr. and com. Moscow, 1998, vol. 1; 2007, vol. 3, pt. 1. (In Russ.)

Epicurus. *Pismo k Menekeyu* [*The Letter to Menoeceus*]. M. L. Gasparov, tr. and com. Moscow, 1983, p. 305–319. (In Russ.)

Gavrilyuk P. L. The Suffering of the Impassible God: The Dialectics of Patristic Thought. Oxford, Oxford Universtity Press, 2004.

Glidden D. K. Epicurus on Sense-Perception. *American Philosophical Quarterly*, 1979, vol. 16, no. 4, p. 297–306.

Hallman J. M. *The Descent of God*: *Divine Suffering in History and Theology*. Minneapolis, Fortress Press, 1991.

Mourelatos A. P. D. *Intrinsic and Relational Properties of Atoms in the Democritean Ontology*. R. Salles (ed.). Metaphysics, Soul and Ethics in Ancient Thought. Themes from the Work of Richard A. Sorabji. Oxford, Clarendon Press, 2005, p. 37–63.

Usener H. *Epicurea*. Lipsia, B. G. Teubner, 1887.

Watson G. The Problem of the Unchanginng in Greek Philosophy. *Neue Zeitschrift für Systematische Theologie und Religionsphilosophie*, 1985, vol. 27, p. 57–70.

УДК 1 (091)
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-267-275

А. А. Санженаков

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

sanzhenakov@gmail.com

ЭТИКА АРИСТОТЕЛЯ КАК ПЕРВАЯ ФИЛОСОФИЯ *

Рассмотрена проблема комплементарности этики и метафизики Аристотеля. Ставится вопрос, возможна ли этика Аристотеля как первая философия? Сначала рассматривается понятие «первой философии». Выявлены те причины и основания, согласно которым «первая философия» является *первой*. Затем понятие этики как первой философии представлено в том виде, как оно было сформулировано в философии Э. Левинаса. Согласно этому, этика представляет собой линзу, через которую должны рассматриваться все прочие философские вопросы, и в силу этого она является первой. Выделены три критерия, которым этика Аристотеля должна соответствовать, чтобы быть первой философией. Этика должна (1) заниматься первыми началами и причинами, (2) давать наиболее универсальное знание и (3) цениться в силу этого выше других дисциплин. Показано, что этика ни одному из этих критериев в полной мере не соответствует. В то же время сделан вывод, что этика может претендовать на звание первой философии, если под этикой мы будем понимать лишь ту часть, которая касается дианоэтических добродетелей.

Ключевые слова: этика, первая философия, метафизика, Аристотель, Левинас.

Настоящая статья – продолжение исследования проблемы комплементарности этики и метафизики Аристотеля, которое было начато в прошлом году и результаты отражены в статье [Санженаков, 2018]. Если на первом этапе нашего исследовательского проекта нас интересовала возможность выявления метафизических оснований этики Аристотеля, то на этот раз мы намерены поставить противоположный вопрос: возможна ли этика как первая философия? Сама постановка вопроса в тех терминах, в которых он сформулирован, не является случайной. Дело в том, что в таком неоднозначном виде

* Исследование выполнено в рамках программы Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых (проект № МК–589.2017.6).

© А. А. Санженаков, 2018

он дает больше свободы, поскольку имплицитно включает в себя две линии понимания первой философии. С одной стороны, первую философию можно понимать буквально как наиболее важную часть теоретического построения (как это делал Левинас), с другой стороны, ее можно понимать как учение о сущем, поскольку оно сущее (т. е. в первоначальном аристотелевском смысле). Благодаря этой неоднозначности понятия «первая философия», мы сможем рассмотреть предмет в более широком контексте.

Итак, по сути, перед нами два вопроса. Во-первых, может ли этика заменить собой метафизику (при этом не превращаясь ни по форме, ни по содержанию в последнюю, но лишь занимая первенствующее место)? И второй вопрос: может ли этика содержательно хотя бы отчасти преобразоваться в метафизику, взяв на себя ее функции?

Начнем с первого вопроса. Его истоки, как уже было сказано, обнаруживаются в работе Э. Левинаса «Этика как первая философия» [Lévinas, 1998], в которой он предлагает пересмотреть традиционные приоритеты в философии, утвердившие со времен Аристотеля метафизику на первое место. Напомним те основания, согласно которым метафизика, по мнению Аристотеля, является первой философией. В самом начале «Метафизики» (а затем в шестой книге) Аристотель выстраивает иерархию человеческих знаний от более общего знания к менее общему. Наиболее общее знание нам дает наука о первых началах и причинах [1], и поискам именно этой науки Аристотель посвятил содержание своей «Метафизики». На этот, очевидно, эпистемический уровень рассуждения накладывается второй – аксиологический. Помимо того, что предметом рассмотрения является некая наука, позволяющая нам достигнуть наиболее универсального знания, она также имеет своим предметом то, что наиболее достойно познания. «А наиболее достойны познания первоначала и причины (τὰ πρῶτα καὶ τὰ αἴτια), ибо через них и на их основе познается все остальное, а не они через то, что им подчинено» (Met. 982b2–3) [Аристотель, 1983. С. 68]. Таким образом, благодаря высокому эвристическому потенциалу первоначала и причины занимают достойное положение. Здесь, между прочим, можно увидеть некоторое подобие принципа «экономии мышления», согласно которому познание должно быть как можно более ясным и полным, чтобы предотвратить необходимость повторного обращения к познаваемому объекту. На языке Аристотеля этот принцип будет звучать так: первоначала и причи-

[1] «Совершенно очевидно, что необходимо приобрести знание о первых причинах: ведь мы говорим, что тогда знаем в каждом отдельном случае, когда полагаем, что нам известна первая причина» (Met. 983a24–26) [Аристотель, 1976. С. 70].

ны дают нам более полное и ясное знание и по этой причине должны быть познаны прежде всего.

Эта аристотелевская идея первенства познания начал была унаследована и получила наибольшее развитие в философии Декарта. В своих «Размышлениях о первой философии» Декарт следует логике Аристотеля, поскольку, осознав ложность собственных мнений, навязанных ему еще с раннего детства, он предпринимает поиски основы своего знания, нового первоначала. Показательно, что соотношение рассуждений Декарта в рамках теоретических наук влияет на его рассуждения в рамках практических наук. В частности, в третьей главе сочинения «Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках» Декарт формулирует некоторые правила морали на то время, пока его разум не обрел надежной основы. Поскольку критический период изысканий не отменяет течения жизни, на время поиска надежного базиса необходимо выработать самые общие правила поведения, «чтобы не быть не решительным в действиях» [1989. С. 263]. Хотя в целом идеи Декарта берут свои истоки в первой философии Аристотеля, нет сомнения, что мы имеем дело с уже искаженной, гипертрофированной позицией последнего. В самом деле, вряд ли Аристотель согласился бы, что влияние первой философии и поисков первоначал столь сильно, что заставляет нас колебаться в повседневной жизни. Возможно, это возросшее влияние первой философии и экспансия ею территории практической философии и стали одной из причин возникновения контрдвижения, пионером которого был Ницше, а продолжателем и наследником – Левинас. Суть этого, революционного по своему содержанию, движения заключается в стремлении расставить новые акценты и приоритеты в философии, выдвинув на первое место человека. Если раньше в античной философской традиции человек рассматривался как сущее ординарное, которое возвышается над животными, но покорно склоняет голову перед величием упорядоченного космоса, то в новой традиции все онтологическое разнообразие мира «перетекает» в человека. Как следствие, поле первой философии также смещается.

Утверждение «этика есть первая философия», по Левинасу, тождественно утверждению «этика есть оптика» [2000. С. 68]. Иначе говоря, этика представляет собой линзу, через которую должны рассматриваться все прочие философские вопросы. Как полагает Левинас, вплоть до недавних пор представители западной философии не осознавали в полной мере сущности морального обязательства перед другим человеком в силу того, что они пытались обосновать этические отношения через онтологию, через поиски ответна на вопросы о фун-

даментальных структурах реальности. Провокационный лозунг Левинаса – знанием о бытии является не онтология, но этика – может пониматься по-разному. Чаще всего здесь видят отход от Хайдеггера, который был обусловлен не только теоретическими разногласиями, но и политическими [2]. Некоторые исследователи полагают, что интенции Левинаса могут быть полностью раскрыты только если поместить его этику в феноменологический контекст [Crowell, 2015]. Мы же хотели совсем иначе посмотреть на предложенную Левинасом формулировку. Нам представляется небезынтересным ответить на вопрос о смысле и значении этики как первой философии в аристотелевских терминах.

На первый взгляд данный подход является заведомо несостоятельным, ведь первая философия и этика Аристотеля не могут смешиваться, поскольку имеют разный предмет (предметом первой философии является сущее, поскольку оно сущее [3], в то время как предметом второй – наивысшее человеческое благо, осуществимое в поступке). Однако далеко не все разделяют это мнение [4]. Так, Клаудиа Барачии посвятила монографию рассмотрению этики Аристотеля как первой философии [Baracchi, 2008]. С ее точки зрения, «теоретическая мудрость действительно выходит за пределы человеческих проблем, но не в том смысле, что человеческие проблемы остаются позади, не говоря уже о том, что область чувствительности, феноменальности и практики преодолена» [Ibid. P. 22]. Иначе говоря, хотя Аристотель утверждает, что человеческое благо есть «деятельность души сообразно добродетели, а если добродетелей несколько – то сообразно наилучшей и наиболее полной» (EN 1098a16–18) [Аристотель, 1983. С. 64], это не значит, что заботы более высшей добродетели (мудрости) отменяют обязательства добродетели менее высшей (рассудительности). Это сугубо теоретическое положение основывается также на определенной методологической установке по отношению к корпусу текстов античного философа. Наш автор полагает, что «этические» и «метафизические» сочинения Аристотеля не следует рассматривать как самостоятельные и независимые части корпуса, но как динамически связанное и оформленное целое [Baracchi, 2008. P. 13].

[2] См.: [The Cambridge…, 2002. P. 8].

[3] «Но если есть некоторая неподвижная сущность, то она первее и учение о ней составляет первую философию, притом оно общее [знание] в том смысле, что оно первое. Именно первой философии надлежит исследовать сущее как сущее – что оно такое и каково все присущее ему как сущему» (Met. 1026a28–32) [Аристотель, 1976].

[4] Из отечественных исследователей отметим статью О. П. Зубец [2018].

С нашей точки зрения, чтобы быть первой философией, этика должна (1) заниматься первыми началами и причинами, (2) давать наиболее универсальное знание и (3) цениться в силу этого выше других дисциплин. Давайте посмотрим, способна ли этика Аристотеля выполнить все эти три условия. Как уже было сказано, предметом этики является высшее человеческое благо, осуществимое в поступке. Однако она касается не только поступков, но и их начал, причем эта топика является довольно важной в «Никомаховой этике». Еще в первой главе Аристотель заявляет, что его курс адресован опытному в житейских делах человеку, поскольку для обсуждения моральных вопросов нужно быть хорошо воспитанным. Такой человек «или имеет начала (ἀρχὰς), или легко их приобретает». Под началами здесь подразумевается знание блага в каждом отдельном случае или же умение видеть достойные цели. Далее, определяя счастье через начало, Аристотель разъясняет, что счастье есть «начало в том смысле, что все [мы] ради него делаем все остальное…» (EN 1102a2–3) [Аристотель, 1983. С. 74]. В третьей книге «Никомаховой этики» ἀρχή рассматривается как источник поступка, который может быть в деятеле или же вовне. В шестой книге начала поступков понимаются как то, *ради чего* они совершаются, и то, *из-за чего* они совершаются. «Дело в том, что принципы поступков (αἱ ἀρχαὶ τῶν πρακτῶν) – это то, ради чего они совершаются, но для того, кто из-за удовольствия или страдания развращен, принцип немедленно теряет очевидность, как и то, что всякий выбор и поступок надо делать ради этого принципа и из-за него. Действительно, порочность уничтожает [именно] принцип» (EN 1140b16–20) [Там же. С. 177]. Итак, казалось бы, первому критерию – заниматься началами и причинами – этика соответствует. Но дело в том, что первая философия должна заниматься именно *первыми* причинами и началами, а не отдельными началами и причинами, которыми, по сути, занимается каждая наука, будь то врачевание или математика [5].

Обратимся ко второму и третьему критериям. Что касается универсальности, то этика Аристотеля определенным уровнем всеобщности обладает, поскольку предлагает концепцию счастья человека в целом. Поскольку счастье определяется в «Никомаховой этике» как «некая деятельность души в полноте добродетели», постольку оно не имеет

[5] Относительно разнообразия причин и начал Аристотель пишет: «Одни из начал постигаются через наведение, другие – чувством, третьи – благодаря некоему приучению, а другие еще как-то иначе. Нужно стараться “преследовать” каждое начало по тому пути, который отвечает его природе…» (EN 1098b3–4) [Аристотель, 1983. С. 65].

никаких ограничений. Однако эта универсальность все же имеет серьезные ограничения. Дело в том, что эта «некая деятельность души», по мнению Аристотеля, согласована с суждением или не без участия такового, и в конечном счете она тождественна «созерцательной деятельности». Такое понимание счастья, как справедливо отметил Б. Рассел, выражает «господствовавшие мнения образованных и много повидавших людей его (Аристотеля. – *А. С.*) времени» [1993. С. 193]. Иначе говоря, этика Аристотеля по своей сути была этикой аристократической и манифестировала лишь те идеалы, которые были приняты в обществе того времени. Наконец, что касается ценности этики, то здесь следует вспомнить принцип иерархии аристотелевских наук. Действия, искусства и науки, постулирует Аристотель, имеют различные цели. «Поскольку ряд таких [искусств и наук] подчиняется одному какому-нибудь умению – подобно тому как искусство делать уздечки и все прочее, что относится к конской сбруе, подчинено искусству править лошадьми, а само оно, как и всякое действие в военном деле, подчинено искусству всеначалия, и таким же образом остальные искусства подчинены [каким-то] другим, – постольку во всех случаях цели управляющих (ἀρχιτεκτονικῶν) [искусств и наук] заслуживают предпочтения перед целями подчиненных» (EN 1094a9–16) [Аристотель, 1983. С. 54]. Другими словами, политика и этика как ее часть являются самыми высшими и предпочтительными, а их цель – высшее благо для людей. Этот же тезис повторяется на первых страницах «Метафизики»: «…наука, в наибольшей мере главенствующая и главнее вспомогательной, – та, которая познает цель, ради которой надлежит действовать в каждом отдельном случае; эта цель есть в каждом отдельном случае то или иное благо, а во всей природе вообще – наилучшее (τὸ ἄριστον)» [Аристотель, 1976. С. 68]. Похоже, что и здесь Аристотель, сначала возвысив этику и политику, затем указывает нам, что есть более высокий уровень – уровень природы, где аналогом блага выступает наилучшее и где цели и стремления человека затушевываются и отступают на задний план перед космическими целями, целями природы. В самом деле, по мнению Аристотеля, ни наука о государстве, ни рассудительность не являются самыми важными (σπουδαιοτάτην), поскольку их предмет – человек – «не есть высшее (μὴ τὸ ἄριστον) из всего в мире» (EN 1141a) [Аристотель, 1983. С. 179].

Итак, мы рассмотрели возможные варианты понимания этики Аристотеля как первой философии. В целом можно сделать вывод, что самые базовые установки и аксиомы философии Аристотеля не позволяют согласиться с пониманием этики как первой фило-

софии. В то же время если вспомнить о том, что этика Аристотеля по его же идее делится на две части, – первая касается этических добродетелей, а вторая дианоэтических – то, возможно, поиски метафизической этики следует продолжить во второй части. И поскольку высшая дианоэтическая добродетель – мудрость – есть не только научное знание, но и постижение умом вещей по природе наиболее ценных, а реализуется она в созерцании, которое по своей природе более совершенно, нежели деятельность, состоящая в поступках, постольку именно эта часть этики наиболее ближе к первой философии, хотя и не является в полной мере таковой.

Список литературы

Аристотель. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1.

Аристотель. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4.

Декарт. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 250–296.

Зубец О. П. Не метафизические основания этики, но этика как первая философия // Этическая мысль. 2018. Т. 18, № 1. С. 78–83.

Левинас Э. Тотальность и Бесконечное / Пер. И. С. Вдовиной // Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 66–291.

Рассел Б. История западной философии. М.: МИФ, 1993.

Санженаков А. А. Метафизика Аристотеля как основа его этики // Этическая мысль. 2018. Т. 18, № 1. С. 66–77.

Baracchi C. Aristotle's Ethics as First Philosophy. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.

The Cambridge companion to Levinas / Eds. S. Critchley, R. Bernasconi. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.

Crowell S. Why is Ethics First Philosophy? Levinas in Phenomenological Context // European Journal of Philosophy. 2015. Vol. 23, No. 3. P. 349–813.

Lévinas E. L'Éthique comme philosophie première. P.: Grasset, 1998.

Материал поступил в редколлегию 29.09.2018

A. A. Sanzhenakov

Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

sanzhenakov@gmail.com

ARISTOTLE'S ETHICS AS FIRST PHILOSOPHY

The paper is devoted to the problem of the correlation between Aristotle's ethics and metaphysics. The author raises the following question: could Aristotle's ethics be the first philosophy? First, the article reveals the reasons and grounds according to which the «first philosophy» is the first. Then the concept of ethics as the first philosophy is exposed through the philosophy of E. Levinas. According to this view, ethics is a lens through which all other philosophical questions must be considered, and therefore it is the first. The author identifies three criteria that Aristotle's ethics must meet in order to be the first philosophy. Ethics (1) has to deal with the first principles and causes, (2) to give the universal knowledge and (3) to be valued above other disciplines. It is shown that ethics does not fully meet any of these criteria. At the same time, the author concludes that ethics can claim to be the title of the first philosophy, if by ethics we mean only the part that concerns the dianoetic virtues.

Keywords: ethics, first philosophy, metaphysics, Aristotle, Levinas.

References

Aristotle. *Sochineniya*: V 4 t. [*Works*: In 4 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1976, vol. 1. (In Russ.).

Aristotle. *Sochineniya*: V 4 t. [*Works*: In 4 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1983, vol. 4. (In Russ.).

Baracchi C. *Aristotle's Ethics as First Philosophy*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2008.

The Cambridge companion to Levinas. S. Critchley, R. Bernasconi (eds.). Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2002.

Crowell S. Why is Ethics First Philosophy? Levinas in Phenomenological Context. *European Journal of Philosophy*, 2015, vol. 23, no. 3, p. 349–813.

Descartes. Rassuzhdenie o metode, chtoby verno napravlyat' svoi razum i otyskivat' istinu v naukakh [Discourse on the Method of Rightly Conduct-

ing One's Reason and of Seeking Truth in the Sciences]. *Sochineniya*: V 2 t. [*Works*: In 2 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1989, vol. 1, p. 250–296. (In Russ.)

Lévinas E. *L'Éthique comme philosophie première*. Paris, Grasset, 1998.

Lévinas E. Totalnost i Beskonechnoe [Totality and Infinity] / Trans. by I. S. Vdovina. Levinas E. *Izbrannoe. Total'nost' i Beskonechnoe* [*Selected Works. Totality and Infinity*]. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2000, p. 66–291. (In Russ.).

Russel B. *Istoriya zapadnoi filosofii* [*The History of Western Philosophy*]. Moscow, MIF Publ., 1993. (In Russ.).

Sanzhenakov A. A. Metafizika Aristotelya kak osnova ego etiki [Aristotle's Metaphysics as Basis of His Ethics]. *Eticheskaya mysl'* [*Ethical Thought*], 2018, vol. 18, no. 1, p. 66–77. (In Russ.).

Zubets O. P. Ne metafizicheskie osnovaniya etiki, no etika kak pervaya filosofiya [On Ethics as the First Philosophy but Not on the Metaphysical Foundations of Ethics]. *Eticheskaya mysl'* [*Ethical Thought*], 2018, vol. 18, no. 1, p. 78–83. (In Russ.).

УДК 1 (091)
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-276-287

Р. М. Мазаев

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

ruX12345@gmail.com

АПОЛОГЕТИКА АФИНАГОРА АФИНСКОГО

Анализируется апологетика Афинагора Афинского, автора апологии «Прошение о христианах» и трактата «О воскрешении мертвых». Рассматриваются следующие проблемы: форма произведений, характер их аудитории, функции апологетики, а также специфика догматических воззрений Афинагора. Делается вывод о направленности апологии как к языческой интеллектуальной элите, по отношению к которой производится презентация христианского учения, так и к самим христианам. Последователи веры Христовой получали не только конкретные примеры для словесной защиты себя и своего учения, но в отношении их апологетом проводилось формирование идентичности посредством выстраивания оппозиций с языческим миром и его культурой, а также формирования догматики.

Ключевые слова: Афинагор Афинский, античная религия, раннее христианство, христианская апологетика, средний платонизм.

Статья обращена к теме раннехристианской апологетики, интерес к которой в науке возрастает в течение последних 30–40 лет, чему способствует коренной пересмотр представления об аудитории и функций апологий. Большинство современных исследователей подвергают сомнению ранее господствующие представления о христианских апологиях, исключительно, как произведениях предназначенных для языческой аудитории и формирования общего дискурсивного поля с ее интеллектуальной элитой. Весьма вероятно, что апологии служили и средством для созидания христианской идентичности, а также ведения полемики. Анализ наследия одного из наиболее выдающихся христианских апологетов II в. – Афинагора Афинского, а до своего обращения – философа-платоника афинской школы, может способствовать освещению данной проблематики.

ISSN 2541-7517. Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 4. С. 276–287.
© Р. М. Мазаев, 2018

Сведения об Афинагоре сообщают лишь два автора: Мефодий Олимпийский и Филипп Сидет. Но ряд писателей указывают на труд Филиппа как на некачественный (Socr. Schol. Hist. eccl., VII, 27; Phot. Bibl., 35) [1], причем дошел он до нас лишь в катенах Никифора Каллиста [Афинагор, 2009. С. 83]. Некоторую информацию об апологете можно почерпнуть из трудов самого Афинагора.

Вероятно, перед своим обращением в христианство Афинагор был философом, примыкающим к платонической школе. Об этом есть указание Филиппа Сидета. Это предположение также подкрепляется фактом высокой образованности Афинагора, в его сочинениях присутствует множество цитат из произведений философов, поэтов и историков (Athen. Leg., 5–7; 17–30; 33–37) [2]. Труды апологета имеют строго выверенный стиль подачи материала. К тому же заметно положительное отношение Афинагора к эллинской мудрости, способной напоминать истину (24) [3], при этом не будучи заимствованной у пророков. Также Афинагор благосклонно отзывается о личностях многих философов (2; 6; 23; 36), особенно о личности Платона, почти целая глава посвящена тому, чтобы доказать, что Платон был вынужден признать существование множества божеств из-за угроз невежественной толпы (23). Известно, что Афинагор был достаточно хорошо знаком с герметизмом и учением орфиков (18; 28).

На основе сообщений об Афинагоре, предполагается его достаточно длительное пребывание в Малой Азии, что объясняет сохранность известий о нем именно в малоазийской традиции. Есть также вероятность того, что Афинагор создал в Александрии некую катехезаторскую школу, отличную от школы Пантена и имеющую не большое значение, с чем связанно отсутствие упоминаний о ней у какого-либо автора, кроме Филиппа Сидета [Сидоров, 1996. С. 123–126].

Апологетический труд Афинагора – «Прошение за христиан», адресованный Марку Аврелию и Коммоду, был создан, вероятно, между 176 и 178 гг. Однако ряд исследователей стремятся точнее датировать написание апологии, назовем наиболее распространенные версии.

---

[1] Здесь и далее ссылки на античных и средневековых авторов даются в скобках с указанием издания, по которому дается нумерация: Socrates and Sozomenus Ecclesiastical Histories / Ed. by P. Schaff. New York: Christian Ethereal Library, 1890; Photius Bibliotheca / Transl. by R. Pears. URL: http://www.tertullian.org/fathers/photius_03bibliotheca.htm#35 (дата обращения 25.08.2018).

[2] Athenagoras Legatio and De Resurrectione / Ed. and transl. by W. R. Schodel. Oxford: Oxford Univ. Press, 1972.

[3] При повторном цитировании работ Афинагора ссылки даются без указания названия сочинения.

Версия, вероятно, наименее правдоподобная, хотя и находящая сторонников среди исследователей, состоит в том, что «Прошение» было предназначено для прочтения во время пребывания императоров в Афинах осенью 176 г. [Муравьев, 2000. С. 40–42; Barnard, 1972. P. 112]. Однако, несмотря на более мягкий тон в сравнении с прочими апологиями, в случае публичной декламации, Афинагор подверг бы себя неминуемой опасности, при этом не оказав какого-либо влияния на императора, к тому же по форме «Прошение» мало походит на речь для ораторского выступления [Buck, 1997. P. 216–219, 232–234, 238–239].

Другая версия заключается в том, что апология к публичному прочтению Афинагором не предназначалась и должна была распространяться в письменной форме [Ibid. P. 222]; время ее написания может относиться к периоду между концом 176 и началом 177 г., это предположение основывается на том, что в апологии не упоминаются гонения, произошедшие в Галлии [Сагарда Н. И., Сагарда А. И. 2004. С. 409–410].

Еще одна версия, напротив, указывает на написание апологии после начала этого гонения. Обосновывается эта позиция тем, что в апологии затронуты те же самые обвинения, которые были выдвинуты против христиан Лиона и Виены (Euseb. Hist. eccl., V, 1, 14) [4] [Керн, 1992–1996. С. 105; Сидоров, 1996. С. 125].

Но, в самом деле, обвинения в атеизме, каннибализме и кровосмесительстве не были чем-то необычным. Их стремились опровергнуть апологеты, писавшие и до событий в Галлии (ср. Iust. Martyr. I Apol., 26 [5]; Min. Fel. Oct., 5–7; 9 [6]). Поэтому датировка написания апологии до того момента, когда Афинагор узнал о событиях в Галлии, кажется наиболее правдоподобной. Однако неизвестно точно, как скоро Афинагор мог узнать о них. Поэтому датировку времени написания стоит ограничить периодом между ноябрем 176 г., когда Коммод был назван Августом (ср. Athen. Leg., 1; SHA, Comm., II, 4 [7]), и 177 г.

Замечателен факт, что Афинагор иным образом, отличным от апологии Иустина, преподносит характер отношения языческого общества к философам, при этом оба апологета сравнивают преследования

[4] Eusebius Pamphilius Church History. Life of Constantine. Oration in Praise of Constantine / Ed. by P. Schaff. New York: Christian Ethereal Library, 1890.

[5] St. Justin Martyr Apologies / Transl. and eds. D. Minns and P. Parvis. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009.

[6] Minucius Felix The Octavius / Transl. by J. H. Freese. London: The Macmillan Company, 1919.

[7] The Scriptores Historiae Augustae / Transl. by D. Magie. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1991. Vol. 1.

некоторых философов с гонениями на христиан (ср. Iust. Martyr., II Apol., 7; Athen. Leg., 8). Иустин говорил о том, что философы, например Сократ, подвергались гонениям за следование истинному знанию, подобно христианам (Iust. Martyr. II Apol., 7). К тому же причиной гонений Иустин называл действия злых демонов (Iust. Martyr. I Apol., 5; 9; 24–26), что могло, вероятно, оскорбить причастных к гонениям язычников, в частности, должностных лиц и императора. Афинагор же указывает, что преследования философов связаны с порочностью отдельных нечестивцев, вводя для этого образ персонифицированных порока и добродетели, враждующих меж собой (Athen. Leg., 31). Ряд других особенностей «Прошения» также говорит в пользу того, что апология могла быть в действительности послана императорам или хотя бы быть нацеленной на распространение среди языческой элиты [Buck, 1997. P. 9; Young, 1998. P. 85–87; Rankin, 2008. P. 25]. Это, во-первых, отсутствие упоминаний о демонах-гонителях; во-вторых, обильные лестные обращения к императорам (1; 7), о невозможности поклонения или вознесения почестей им не говорится прямо; в-третьих, указание на распутство лишь в отношении языческих масс (11; 32).

Однако апология содержит ряд нарушений норм написания петиций к императору, о которых вряд ли Афинагор не знал. Следовательно, апологет стремился не обратиться к императору, а лишь стилизовать свое сочинение под петицию [Buck, 1997. P. 223–231]. Этими нарушениями являются чрезвычайно большая длина апологии по отношению к нормам написания петиций [Buck, 1997. P. 230; Rankin, 2008. P. 25] и отсутствие в обращении к императору титулов «победитель Парфии» и «Август» [Buck, 1997. P. 223–224]. И даже если Марк Аврелий все-таки принял апологию, рассматривая ее в качестве философского произведения, мало вероятно, чтобы она произвела на него особое впечатление (Marc. Aur. Ad se ipsum., XI, 3) [8] [Ibid. P. 231–232].

Также Афинагору принадлежит сочинение «О воскрешении мертвых», написанное несколько позже апологии. На этот факт указывают слова Афинагора, содержащиеся в апологии, о том, что рассмотрение темы воскрешения следует отложить (Athen. Leg., 36). Вероятно, что предполагаемая аудитория произведения состояла как из христиан, которые должны были получить пример аргументации по отношению к учению о воскрешении (Athen. De res., 23), так и из обра-

[8] Marcus Aurelius Meditations / Transl. by M. Hammond. London: Penguin Books, 2006.

зованных язычников, с чем связан полемический характер трактата (1; 5). Возможно, что Афинагор также стремился опровергнуть представления гностиков, которые подразумеваются под «извратителями истины» (1) [Rankin, 2008. P. 33–36].

Бога Афинагор определяет как Единое и Сущее, называет его несотворенным, вечным и всегда себе созвучным (Athen. Leg., 22). Бог противопоставляется в онтологическом, но не в этическом плане, сотворенной, тленной и текучей материи (4; 15; 21–22). Однако в одном месте Афинагор говорит о смешанных частицах, существовавших до появления высказанного Логоса (10). Как это соотносится с тварностью материи, не совсем ясно. Возможно, что Афинагор, подобно Филону Александрийскому (Philo. Spec. Leg., IV, 187 [9]; LA, III, 77) [10], признавал бытие бескачественной материи (или, скорее, некоего «несущего») до творения мира [Buck, 1997. P. 108]. Познание Бога осуществляется лишь через познание его внешних проявлений, в его действиях по отношению к миру (Athen. Leg., 4; 10). Мир же был создан для высшей твари – человека (Athen. De res., 12–13).

Логос, а точнее Логос невысказанный (λόγος ἐνδιάθετος), определяется как Ум и Слово Отца (Athen. Leg., 10). Однако Умом называет Афинагор и Бога-Отца (10; 23), вероятно, что это отношение Умов заимствованно из учения средних платоников, в частности, подобное соотношение Умов присутствует у Нумения (Num. Des. Places., 17) [11] [Диллон, 2002. С. 356]. Эта концепция отношения Умов у Афинагора должна была подчеркнуть, с одной стороны, сущностное единство первого и второго лица Троицы [12], а с другой – указать на функциональное различие, что также ясно выражено в формуле: «мы признаем Бога и Сына Его – Слово и Духа Святого, именно составляющих одно по силе своей Отца, Сына и Духа; ибо Сын есть ум, Слово, мудрость Отца, а Дух есть истечение Его, как свет от огня» (Athen. Leg., 24, Пер. А.В. Муравьева) [Сидоров, 1996. С. 129]. Высказанный Логос (λόγος προφορικός), являющийся Идеей и Силой Божьей, осу-

[9] Philo On the Special Laws, IV. On the Virtues. On Rewards and Punishment / Transl. by F. H. Colson. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1999.

[10] Philo On the Account of the World's Creation given by Moses. Allegorical Interpretation of Genesis / Transl. by F. H. Colson. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1981.

[11] *Афонасин Е. В., Афонасина А. С.* Нумений из Апамеи. Фрагменты и свидетельства // SCHOLE. Философское антиковедение и классическая традиция. 2009. Т. 12, вып. 1. С. 213–278.

[12] Афинагор, как и абсолютное большинство доникейских христианских авторов, не использует в своей терминологии слово «ипостась» (ὑποστάσεως) в том смысле, который установился в период Вселенских Соборов. См.: [Фокин, 2016. С. 180–193].

ществляет творение и устроение мира, участвует в Провидении (10), а также в спасении человечества (21) [Диллон, 2002. С. 131].

Функциональная самостоятельность третьего лица Троицы выражена достаточно ясно, Святой Дух обеспечивает динамическую взаимосвязь между Богом и миром (24) [Там же. С. 130].

Непосредственное участие Бога в Провидении проявляется лишь в отношении человечества, частное же провидение, относящееся к предметам тварного мира, осуществляется ангелами. Ангелы, как и люди, обладают свободой воли (24). Часть ангелов отклонилась от Бога, они пали, будучи побеждены плотью (24); от обладания женщинами падшими ангелами были рождены великаны, чьи души, как и сами падшие ангелы, есть блуждающие по миру демоны (24–25). Но для подпитки жизненных сил демонам требуется кровь, эту кровь они получают посредством жертвоприношений языческих культов, которые они и учредили (26).

О человеке Афинагор говорит, что он состоит из материального тела и души, обладающей разумом (Athen. De res., 15). Тело представлено как постоянно развивающееся и изменяющееся, его связь с душой может временно ослабевать, так, тело отделяется от души в связи со сном или смертью (16–17). Но итогом цикла существования тела является обретение им нетленности в результате воскрешения, причем нетленность обретает именно материальное тело (7; 16). Потеря первоначальной нетленности тела есть результат грехопадения, состоящего в том, что человек по своей свободной воле уклонился от созерцания Бога к миру материальному (Athen. Leg., 12; 27).

Преследование христиан рассматривается как незаконное и противоречащие тому факту, что анонимные доносы на них запрещены (3). К тому же гонения христиане претерпевают лишь за имя (1–2). Обвинения, которые относятся к имени христиан, связаны со злодеяниями самих язычников (4; 34), а также с их аморальной мифологией и культовыми практиками (32; 34), дающими материал для выдумки наветов.

Представление о безбожии христиан Афинагор опровергает указанием на то, что христиане почитают единого Бога, служение которому требует блюдения добродетели (10–13). О подобном единобожии, по мнению Афинагора, говорили также философы и поэты (5–7; 22–24), которые делали это безнаказанно (7). Однако затем Афинагор замечает, что гонения на философов все же имели место, но лишь по инициативе порочной толпы (31). В подтверждение истинности христианского представления о едином Боге, Афинагор приводит свидетельства ветхозаветных пророков (9–13), которые были испол-

нены Духом Божьим (7). О верности их слов говорят древность и отсутствие противоречий между изречениями разных пророков (7). При этом Афинагор указывает, что учения философов могут быть подобны истинам пророков (24), но о каких-либо заимствованиях упоминания отсутствуют [Афинагор, 2009. С. 83].

Непричастность христиан к преступлениям обосновывается тем, что христиане живут интересами мира иного, в котором они получат блага в соответствии с божественным воздаянием (12), поэтому они не заинтересованы в приобретении благ земных. Это, в свою очередь, доказывается тем, что христиане спокойно переносят совершаемые по отношению к ним несправедливости (11). В связи с тем же принципом посмертного воздаяния, христиане сторонятся аморальных поступков (Athen. Leg., 31). Отрешенность христиан от мира вкупе со стремлением к познанию Бога дает возможность Афинагору провести еще одну параллель между философией и христианством (Athen. Leg., 7; 12). Христианство, как и у некоторых других апологетов (ср. Iust. Martyr. II Apol., 7; Tat. Orat., 35; 42 [13]; Min. Fel. Oct., 20), приобретает черты философской школы.

Обвинения в половой распущенности Афинагор опровергает указанием на то, что половые отношения среди христиан имеют место только в браке, создаваемом лишь в целях деторождения, а некоторые христиане вовсе стремятся к сохранению девственности для приближения к Богу (Athen. Leg., 33). Каннибализм также чужд христианам, которые желают не видеть кровопролитий (35). К тому же, веря в воскрешение тел, они не хотят стать человеческими гробами (36).

Аргументация Афинагора в пользу догмата о воскрешении в материальных телах имеет большое значение, как в связи с защитой учения Христова от критики, так и по причине отсутствия до того достаточно убедительной, обоснованной и ясной позиции по отношению к проблеме воскрешения среди самих христиан [14]. Как было указанно выше, представление о воскрешении в телах являлось чуждым эллинскому мировоззрению (Min Felix. Oct., 11; Orig. Contr. Cels., V, 14) [15], к тому же и среди различных течений христианства существовали

[13] Tatian Oratio ad Graecos / Ed. and transl. by M. Whittaker. Oxford.: Oxford Univ. Press, 1982.

[14] Сочинение «О воскресении» содержит весьма сходную с Афинагором позицию. Но оно, вероятно, было написано каким-то неизвестным автором, жившим в конце II – III в., а не Иустином Мучеником. Поэтому возможна зависимость трактата «О воскресении» от труда Афинагора. См.: [Сидоров, 1996. С. 100; Шевченко, 2012. С. 615].

[15] Origen. Contra Celsum / Transl. by H. Chadwick. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1980.

противоречия относительно признания материальной природы тех тел, которые должны будут воскреснуть (Epis. ad Rheg., 46–50) [16].

Афинагор начинает с того, что доказывает саму возможность воскрешения тела. Во-первых, если человек был однажды сотворен из ничего, то Бог и может, и знает, как сотворить материальное тело для человека (Athen. De res., 2–3). Во-вторых, человек есть высшее творение, имеющее целью познание Бога, а следовательно, человек не существует для чего-то или кого-то в материальном мире, но наоборот, весь материальный мир существует для него (8; 12). Из этого следует, что при распаде человеческого тела его частицы не могут быть усвоены ни более низкими, по отношению к человеку, тварями материального мира, ни другими людьми (6–8). Они сохраняются в рассеянии во вселенной, поэтому Богу даже не требуется создавать новое тело из ничего, но лишь соединить до того разъединенные частицы тела (8). Действие это будет соответствовать справедливости, так как несправедливости в отношении нетленных ангелов здесь не будет, а предметы материального мира: животные, растения, неодушевленная природа, вовсе не имеют представления о справедливости и созданы для человеческих нужд (10).

Необходимость же воскрешения вытекает из трех положений: во-первых, человек создан разумным для вечного познания Бога, что требует получения человеком нетления (12–13); во-вторых, человек является совокупностью души и материального тела, которые должны существовать совместно (15; 18); в-третьих, добродетель стяжается усилиями как души, так и тела, а это значит, что воздание человек должен претерпевать в своей полноте (22–23).

Для критики язычества Афинагор использует тактику противопоставлений. Обличение идолопоклонства и мифологии часто подкрепляется словами поэтов (Athen. Leg., 5; 17; 29) и Геродота (17). Но критикуя аллегорическое понимание богов, Афинагор противопоставляет представлениям поэтов слова философов (19; 21–22; 23), а для критики положений учений самих философов Афинагор использует противоречия во мнениях между философскими школами (19; 25) и слова пророков (7; 24) [Jacobsen, 2014. P. 86–87;Young, 1998. P. 96–97].

Афинагор указывает на тварность идолов (15; 17), создание мифологических систем древними и обожествление в их рамках людей (17; 28). Также Афинагор замечает, что сами язычники не имеют согласия в том, что представляет собой божество из-за различия в объектах

[16] The Nag Hammadi Library / Ed. by J. M. Robinson. San Francisco, 1990.

культового поклонения (14). Говоря о богах как о мифических персонажах, Афинагор демонстрирует, что их деяния не соответствуют тому идеалу, который присущ истинному божеству, к тому же они телесны и материальны (18–20), подвержены страстям и слабостям, доходящим до зависимости от действий людей (21).

Указание на материальность также относится и к небесным светилам, что опровергает возможность их обожествления и их влияния на судьбу человека, которая находится во власти божественного Проведения (16).

Важно отметить также своеобразную «прекрипцию против многобожия» – топологический аргумент, использованный для апологии христианства впервые именно Афинагором. Состоит он в моделировании ситуации сосуществования двух богов-абсолютов, из этой ситуации возможны два следствия. Во-первых, эти боги могут иметь различные онтологические статусы, один из них подобен другому, но тогда подобный бог уже не абсолют, так как он не самотождественен. Во-вторых, если оба бога имеют одинаковые онтологические статусы, то не существует места, где один из богов мог бы существовать отдельно от другого, поскольку в качестве абсолюта каждый из них объемлет все существующее пространство (8) [Афинагор, 2009. С. 84]. Однако данный аргумент показывает, что Афинагор допускает некую телесность трансцендентного Бога, который мыслится апологетом в пространственных категориях [Майоров, 1979. С. 67].

Также апология Афинагора содержит непосредственную критику учений философских школ. Рассмотрению подвергается представление стоиков о божестве как имманентном по отношении к материальному миру. Афинагор указывает, что если божество пребывает в материальном мире, то оно само материально и изменчиво (19). Прямо не называя эпикурейцев, Афинагор пытается опровергнуть их концепцию самостоятельного устроения вселенной. Так, апологет замечает, что «демонские влияния <…> производят <…> беспорядочные случаи <…> поэтому некоторые немаловажные люди пришли к мысли, что этот мир существует не по какому–нибудь закону <…>. Они не понимали, что в устройстве вселенной нет ничего беспорядочного, а напротив <…> каждая часть ее произошла разумно, почему и не преступает установленного для ней порядка» (25, Пер. П. Преображенского).

В заключение следует привести ряд выводов. Предполагаемая аудитория сочинений Афинагора представлена была как христианами, так и язычниками, а именно интеллектуальной элитой, что позволяет понять анализ формы апологии и трактата. Будучи одним из наибо-

лее образованных и близких к эллинской культуре христианских апологетов II в., Афинагор активно привлекает материал классической литературы и различные философские концепции, создавая общее понятийное поле для взаимодействия с языческой элитой, а также формирования христианской догматики (в частности, демонстрирует это представление апологета о воскрешении в телах). При этом апологет четко очерчивает границу христианского мировоззрения, используя материал языческой культуры лишь как средство аргументации или интерпретации христианской догматики.

Список литературы

Афинагор // Православная Энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. Т. 4. С. 83–86.

Диллон Дж. Средние платоники. 80 г. до н. э. – 220 г. н. э. / Пер. с англ. Е. В. Афонасина. СПб.: Наука, 2002.

Керн К. Э. (архим. Киприан). Патрология. Париж; М.: Изд. Свято–Сергиевского богословского ин-та, 1992–1996. Т. 1.

Муравьев А. В. «Этот муж проповедовал христианство, сохраняя мантию философа...» // Раннехристианские апологеты II–IV веков: Переводы и исследования. М.: Ладомир, 2000. С. 39–45.

Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии. М.: Мысль, 1979.

Сагарда Н. И., *Сагарда А. И.* Полный корпус лекций по патрологии. СПб.: Воскресенье, 2004.

Сидоров А. И. Курс патрологии. Возникновение церковной письменности. М.: Русские огни, 1996.

Фокин А. Р. Ипостась // Православная Энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2016. Т. 26. С. 180–193.

Шевченко Э. В. Иустин Философ // Православная Энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2012. Т. 28. С. 610–637.

Barnard L. W. Athenagoras: A Study in Second Century Christian Apologetic. Paris: Beauchesne, 1972.

Buck L. PhD dissertation. Second–Century Greek Christian Apologies Addressed to Emperors: Their Form and Function. Ottawa: University of Ottawa, 1997.

Jacobsen A. C. Athenagoras // Early Christianity in the Context of Antiquity: In Defence of Christianity. Early Christian Apologists. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2014. P. 81–101.

Rankin D. Athenagoras; Philosopher and Theologian. Burlington: Ashgat Publ. Limited, 2008.

Young F. Greek Apologists of the Second Century // Apologetics in the Roman Empire: Pagans, Jews, and Christians. Oxford: Oxford Univ. Press, 1998. P. 81–105.

Материал поступил в редколлегию 24.09.2018

R. M. Mazaev

St. Petersburg State University
University Embankment, 7–9, St. Petersburg, 199034, Russian Federation

ruX12345@gmail.com

APOLOGETICS OF ATHENAGORAS OF ATHENS

The article contains an analysis of the apologetics of Athenagoras of Athens, the author of the apology «Legatio Pro Christianis» and the treatise «On the Resurrection of the Body». It examines the form of texts, the audience and the functions of apologetics, the dogmatic views of Athenagoras. A conclusion is made that the apology was directed both at the pagan intellectual elite for which the presentation of the Christian doctrine is made, and at the Christians themselves. The followers of the faith of Christ received not only concrete examples for the verbal defense of themselves and their teachings, but the apologist also formed their identity, by building oppositions with the pagan world and its culture, as well as forming the dogmatics.

Keywords: Athenagoras of Athens, ancient religion, early Christianity, Christian apologetics, Middle Platonism.

References

Barnard L.W. *Athenagoras: A Study in Second Century Christian Apologetic*. Paris, Beauchesne, 1972.

Buck L. PhD dissertation. *Second–Century Greek Christian Apologies Addressed to Emperors: Their Form and Function*. Ottawa, Univ. of Ottawa, 1997.

Jacobsen A. C. Athenagoras. *Early Christianity in the Context of Antiquity: In Defence of Christianity. Early Christian Apologists*. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2014, p. 81–101.

Rankin D. *Athenagoras; Philosopher and Theologian*. Burlington, Ashgat Publ. Limited, 2008.

Young F. Greek Apologists of the Second Century. *Apologetics in the Roman Empire*: *Pagans, Jews, and Christians*. Oxford, Oxford Univ. Press, 1998, p. 81–105.

Afinagor [Athenagoras]. *Pravoslavnaya Entsiklopediya* [*Orthodox Encyclopedia*]. Moscow, The Church and Science Center «Orthodox Encyclopedia», 2009, vol. 4, p. 83–86. (In Russ.)

Dillon J. *Srednie platoniki.* 80 g. do n. je. – 220 g. n. e. [The *Middle Platonists: 80 B.C. to A.D. 220*]. E. V. Afonasin (transl.). St. Petersburg, Nauka, 2002. (In Russ.)

Kern K. Je. (arhim. Kiprian). *Patrologiya* [*Patrology*]. Paris, Moscow, Publ. house of St. Sergius Theological Institute, 1992–1996, vol. 1. (In Russ.)

Muraviev A. V. «Etot muzh propovedoval khristianstvo, sokhranyaya mantiyu filosofa...» [«This man preached Christianity, preserving the mantle of the philosopher...»]. *Rannekhristianskie apologety II–IV vekov*: *Perevody i Issledovaniya* [*Early Christian Apologists of the II–IV Centuries*: *Translations and Research*]. Moscow, Ladomir Publ., 2000, p. 39–45. (In Russ.)

Maiorov G. G. *Formirovanie srednevekovoi filosofii* [*Formation of Medieval Philosophy*]. Moscow, Mysl' Publ., 1979. (In Russ.)

Sagarda N. I., Sagarda A. I. *Polnyi korpus lektsii po patrologii* [*The Full Body of Lectures on Patrology*]. St. Petersburg, Voskresene Publ., 2004. (In Russ.)

Sidorov A. I. *Kurs patrologii. Vozniknovenie tserkovnoi pismennosti* [*Course of Patrology. The Emergence of Church Literature*]. Moscow, Russkie ogni Publ., 1996. (In Russ.)

Shevchenko Je. V. Iustin Filosof [Justin the Philosopher]. *Pravoslavnaya Enciklopediya* [*Orthodox Encyclopedia*]. Moscow, The Church and Science Center «Orthodox Encyclopedia», 2012, vol. 28, p. 610–637. (In Russ.)

УДК 1 (091)
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-288-298

В. В. Бровкин

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

drakar@ngs.ru

ДРЕВНЯЯ АКАДЕМИЯ И ПЕРИОД РАННЕГО ЭЛЛИНИЗМА

Установлено, что в философии академиков в период раннего эллинизма существовали две противоположные тенденции. Отчуждение индивида от общества проявилось в усилении морально-этического ригоризма и развитии жанра утешения. Также эта тенденция проявилась в затворническом и аскетическом образе жизни академиков. Стремление к политической активности проявилось в интересе академиков к политике, а также в их участии в государственных делах. Первая тенденция была связана с образованием эллинистических монархий. Вторая тенденция являлась следствием сохранения полисной системы.

Ключевые слова: Древняя Академия, Ксенократ, Полемон, отчуждение индивида от общества, стремление к политической активности.

В данной статье мы рассмотрим вопрос о соотношении основных тенденций развития в философии академиков в период раннего эллинизма (334–281 гг. до н. э.). Наряду с Ликеем, Академия была крупнейшей философской школой, которая играла заметную роль не только в культурной, но и в общественно-политической жизни Греции и эллинистического мира. Платоновская Академия была старейшей философской школой в Афинах и пользовалась заслуженной славой и уважением. В период раннего эллинизма схолархами Академии были Ксенократ (339–314 гг. до н. э.) и Полемон (314–269 гг. до н. э.). Кроме них заметными представителями школы были такие философы, как Кратет Афинский и Крантор из Сол. В жизни и учениях представителей Древней Академии прослеживаются две тенденции. Первая – это отчуждение индивида от общества. Вторая – стремление к политической активности. Поскольку эти тенденции являются противоположными, то перед нами встает задача объяснить их сосуще-

ISSN 2541-7517. Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 4. С. 288–298.
© В. В. Бровкин, 2018

ствование. В свою очередь, эта задача не может быть решена без ответа на вопрос о происхождении этих тенденций. Но прежде всего следует подробно рассмотреть сами данные тенденции и выяснить, каким образом они проявились в философии академиков.

Почти полное отсутствие источников по Древней Академии не дает возможности полноценно реконструировать философские взгляды ее представителей. Однако отдельные моменты все же поддаются исследованию, благодаря чему общая картина несколько проясняется. Согласно Джону Диллону, Полемон внес значительный вклад в развитие этики Древней Академии (см.: [2005. С. 186]). Именно Полемон заострил внимание на проблеме соотношения добродетели, телесных и внешних благ. В этом вопросе Полемон занял позицию, которая сблизила его со стоиками. Суть этой позиции заключается в признании абсолютной значимости добродетели для достижения счастья. При этом телесные и внешние блага выступают в качестве дополнения к счастью (см.: [Там же. С. 189]). Можно предположить, что позиция Полемона была неким компромиссом между позицией стоиков, которые связывали счастье с одной только добродетелью, и Аристотелем, для которого одной добродетели было недостаточно для счастья. Причем, по мнению Диллона, Полемон скорее был ближе к стоикам, чем к Аристотелю, поскольку в целом разделял положение о том, что добродетель «сама по себе – достаточное условие для счастья» [Там же. С. 188]. Здесь уместно привести фрагмент из «Строматов» Климента Александрийского, в котором озвучивается позиция Полемона и на который ссылается Диллон: «Ученик Ксенократа хотел бы, чтобы счастье состояло в самодостаточности по отношению ко всяким благам. Он говорит, что без добродетели никакое счастье невозможно; и наоборот, добродетели, даже без благ телесных и внешних для счастья совершенно достаточно» [Климент Александрийский, 2003. С. 330]. Как отмечает Диллон, позиция Полемона являет собой «пример постепенного ужесточения доктрины Академии в этом вопросе» [2005. С. 188]. На основании этого Диллон делает вывод о том, что «основным нововведением Полемона можно считать усиление этического ригоризма, что предвосхитило доктрину Зенона и его последователей» [Там же. С. 192].

Усиление этического ригоризма в философии академиков было тесно связано с их поведением и образом жизни. Согласно свидетельствам Диогена Лаэртского, Ксенократа и Полемона отличало очень строгое и воздержанное поведение. Сообщается, что оба этих философа поражали окружающих людей своей удивительной невозмутимостью и самообладанием. Ничто не могло вывести их из себя

и заставить проявлять чувства (см.: [Диоген Лаэртский, 1979. С. 184–188]) [1]. Весьма интересными являются сообщения об образе жизни академиков. Так, упоминается о независимом и крайне скромном образе жизни Ксенократа (см.: [Там же. С. 184]). О Полемоне сообщается, что он, несмотря на почет, которым пользовался в Афинах, «жил затворником в саду Академии, а ученики его селились вокруг» (см.: [Там же. С. 188]). Как отмечает Грейф, переход от участия в государственных делах к частной жизни наблюдался не только в эллинистических школах и Ликее, но также и в Академии. Грейф пишет: «Члены Академии тоже воздерживались от всякой открытой политической деятельности, и говорят, что Ксенократ, как пример другим, вел уединенную, почти "монашескую" жизнь» [Grayeff, 1974. P. 40]. В сведениях о закрытом и непубличном образе жизни академиков нет ничего удивительного, если учесть, что в это же самое время подобный образ жизни вели эпикурейцы, Пиррон и некоторые стоики.

В философии Ксенократ, Полемон и Крантор уделяли повышенное внимание вопросам морали и этики. Известно, что они критиковали тех, кто предавался чистому теоретизированию. Академики настаивали на том, что следует упражняться в добродетели. Как говорил Полемон, «должно упражнять себя на поступках, а не на диалектических умозрениях» [Диоген Лаэртский, 1979. С. 187]. О важности практической составляющей в философии академиков говорит самое известное сочинение Крантора «О горе». Целью данного сочинения была моральная поддержка и утешение человека, потерявшего детей (см.: [Диллон, 2005. С. 256]). Как отмечает Люк Бриссон, Крантор «стал родоначальником жанра утешения, получившего в будущем значительное развитие» [2008. С. 664]. Нельзя не отметить, что представление о философии как врачевании души получило широкое распространение именно в период раннего эллинизма. Как известно, современник Крантора Эпикур говорил: «Пусты слова того философа, которыми не врачуется никакое страдание. Как от медицины нет никакой пользы, если она не изгоняет болезней из тела, так и от философии, если она не изгоняет болезней души» [Лукреций, 1947. С. 641–643]. Таким образом, на наш взгляд, в философии академиков и их образе жизни просматриваются общие черты, характерные для греческой философии в период раннего эллинизма. Это повышение роли этики, стремление к автаркии и невозмутимости, упражнение в добродетели, идея философии как врачевания души. Все это свидетельствует

[1] Следует отметить, что уже Спевсипп придерживался представления, согласно которому счастье есть состояние невозмутимости (αξοχλησι>α) (см.: [Климент Александрийский, 2003. С. 330]).

о такой тенденции в философии академиков, как отчуждение индивида от общества.

В то же время в Древней Академии сохранялась и противоположная тенденция – стремление к политической активности. Преемники Платона продолжали активно изучать сферу общественно-политических отношений. Как сообщает Диоген Лаэртский, Ксенократ написал такие сочинения, как «О государстве», «О силе закона», «Политик», «Начала царской власти» к Александру в четырех книгах (см.: [1979. С. 185–186]). Также упоминаются «Речи всенародные» и «Речи посольские» Кратета (см.: [Там же. С. 189]). Ни одно из этих сочинений не сохранилось. Более того, до нас не дошло ни одного фрагмента из этих работ. Единственным, и при этом весьма слабым, источником по политической мысли академиков может служить диалог Платона «Минос». По мнению Кристофера Роу, этот псевдоплатоновский диалог был написан кем-то из академиков как раз в период раннего эллинизма. Как отмечает Роу, отличительной особенностью этого диалога является то, что в нем отражается политическая реальность, сложившаяся в результате завоеваний Александра Македонского и образования эллинистических монархий (см.: [Rowe, 2008. P. 304]). Главный участник этого диалога – Сократ последовательно проводит мысль о том, что только цари являются знатоками в деле управления государством и законотворчества (см.: [Платон, 1994. С. 587–588]). Роу пишет: «Приверженность идее хорошего царя, который будет издавать “правильные” законы, более типична для эллинистической теории царствования, чем для Платона» [Rowe, 2008. P. 308]. Мы согласны с Роу в том, что усиление интереса академиков к теории царствования было связано с ростом влияния эллинистических монархий.

Существование в Древней Академии такой тенденции, как стремление к политической активности подтверждается также участием Ксенократа в государственных делах. В свою очередь, это подводит нас к вопросу о политических предпочтениях академиков. В современной науке данный вопрос остается открытым. Ханс Келсен полагает, что в Афинах «на стороне македонской партии была не только философская школа Аристотеля, но и платоновская Академия» [Kelsen, 1937. P. 56]. Согласно Келсену, доказательством этого служит упоминание о том, что Александр заказал у главы Академии Ксенократа работу, посвященную монархии. Феликс Грейф и Джон Диллон полагают, что академики были сторонниками демократической партии в Афинах, которая боролась с Македонией. Грейф считает, что платоновская Академия выступала на стороне антимакедонской партии Демосфена. По мнению Грейфа, «ее глава в это время, племян-

ник Платона Спевсипп, был, без сомнения, противником Македонии» [Grayeff, 1974. P. 33]. Когда Филипп II осадил Византий (340 г. до н. э.), академик Клеон, отправился в город и, пробуждая боевой дух жителей, способствовал удержанию Византия в войне против Македонии (см.: [Ibid. P. 33]). Особое внимание вопросу о политической позиции Ксенократа уделил Диллон. По его мнению, Ксенократ был сторонником афинской демократии и противником Македонии. В пользу этой версии, по Диллону, можно привести следующие доводы. Во-первых, это плохие отношения между наместником Македонии Антипатром и Ксенократом. Сообщается, что, когда к македонянам прибыло афинское посольство для переговоров после поражения греков в Ламийской войне (323–322 гг. до н. э.), Антипатр не захотел даже слушать Ксенократа. Глава Академии по этому поводу якобы заметил, что «Антипатр правильно делает, что стыдится меня, замышляя против города дурное» (см.: [Диллон, 2005. С. 111]). Во-вторых, согласно Диллону, Ксенократ разделял политические взгляды Платона, которые в «Законах» предстают в виде демократических и антиолигархических. А Антипатр планировал установить в Афинах очень жесткий олигархический режим, который должен был раздражать Ксенократа (см.: [Там же. С. 112]). В-третьих, антимакедонские настроения Ксенократа подтверждаются его отказом от денег и подарков македонских правителей (см.: [Там же. С. 113]).

На наш взгляд, данные аргументы выглядят достаточно слабо. Как отмечает Дройзен, существует два предания о приеме, который оказал Антипатр Ксенократу. По одной из версий, Антипатр действительно приказал замолчать Ксенократу, видимо, по той причине, что философ не был гражданином Афин и не имел, по мнению Антипатра, права участвовать в переговорах. По другой, противоположной версии, Антипатр не только принял Ксенократа с уважением, но и отпустил по его ходатайству нескольких пленных (см.: [Дройзен, 2011. С. 47]). Мнение о демократических взглядах Ксенократа, основанных на идеях Платона, изложенных им в «Законах», также вызывает у нас большое сомнение. Мы полагаем, что Платона никак нельзя считать сторонником демократии, и поэтому версия о демократических взглядах его учеников выглядит неправдоподобно.

Против версии о том, что Ксенократ и академики были противниками Македонии, говорят следующие аргументы. В первую очередь это уже упомянутое участие Ксенократа в афинском посольстве к Антипатру. Дело в том, что Афины и их союзники потерпели полное поражение в Ламийской войне и вопрос стоял о выживании города. Все лидеры антимакедонской партии, в том числе Демосфен, бежали

из Афин. Поэтому посольство, направленное к Антипатру, возглавили те, кто считался сторонником Македонии и кто мог умилостивить победителя. В числе таковых оказались Фокион, Демад и Ксенократ (см.: [Там же. С. 47]). Мы полагаем, что было бы очень неразумно со стороны афинян отправлять в качестве посла человека, враждебно относящегося к Македонии и находящегося в недобрых отношениях с Антипатром. Дройзен прямо пишет, что Ксенократ был включен в состав посольства в расчете на то, что его авторитет и хорошие отношения с Антипатром помогут на переговорах (см.: [Там же]). Также следует учитывать тот факт, что Ксенократ поддерживал общение не только с Антипатром, но и с другими правителями Македонии. Источники сообщают о его связях с царями Филиппом II и Александром Македонским (см.: [Диоген Лаэртский, 1979. С. 184–186]) [2]. Плутарх также сообщает о дружеских отношениях, которые связывали Ксенократа с диадохом Полисперхонтом и лидером македонской партии в Афинах Фокионом (см.: [Plutarch's Moralia, 1957. P. 71–73; Плутарх, 1964. С. 7]). Сообщается, что Фокион даже учился у Платона и Ксенократа в Академии (см.: [Плутарх, 1964. С. 7]). Да, в источниках неоднократно упоминаются случаи, когда Ксенократ отказывался принять деньги и подарки от македонских правителей (см.: [Диоген Лаэртский, 1979. С. 184]). Но из этого не следует, что философ был противником Македонии и сторонником демократической партии [3]. Еще одним доказательством того, что академики не являлись сторонниками демократической партии, является история с изгнанием всех философских школ из Афин в 306–305 гг. до н. э. (см.: [Феофраст, 1974. С. 54–55]). Этот закон был принят как раз сторонниками народной партии и распространялся в том числе на Академию. Таким образом, мы полагаем, что Ксенократ и другие академики не являлись убежденными сторонниками ни одной из враждующих в Афинах в период раннего эллинизма партий. Участие Ксенократа в афинском посольстве, на наш

[2] Представителей Академии и македонских царей связывали давние и непростые отношения. Так, сообщается, что некий ученик Платона Евфрей находился при дворе царя Македонии Пердикки III. Позднее он стал решительным противником Филиппа II (см.: [Демосфен, 1995. С. 122, 521]). Также до нас дошло письмо Спевсиппа к Филиппу II, где философ, как пишет Диллон, «пытается заигрывать с Филиппом от имени Академии» и оправдывает завоевания македонского царя (см.: [Диллон, 2005. С. 47]).

[3] Тот же Фокион считался образцом честности и неподкупности. Он неоднократно отказывался от денег и подарков македонских властителей. Однако в Афинах на него все равно смотрели как на сторонника Македонии и олигархии. В итоге он поплатился за это жизнью (см.: [Плутарх, 1964. С. 16–18; Корнелий Непот, 1992. С. 80–81]).

взгляд, говорит только о его теплых чувствах к Афинам и готовности помочь этому городу в час нужды и опасности.

Как мы видим, в философии академиков существовали две противоположные тенденции, ни одну из которых нельзя назвать доминирующей. С одной стороны, академики стремились к невозмутимости и независимой жизни. Они придавали большое значение нравственному совершенствованию индивида и непреклонному следованию моральным принципам в жизни. Они предпочитали тихую и уединенную жизнь в кругу единомышленников. С другой стороны, академики активно интересовались вопросами общественно-политического развития. Они писали политические сочинения на разные темы. Некоторые из этих работ были посвящены теории царствования, что говорит о живом интересе академиков к тем политическим изменениям, которые происходили в Греции в период раннего эллинизма. Также некоторые академики, побуждаемые благородными целями, принимали непосредственное участие в политической деятельности.

Что касается происхождения этих тенденций, то здесь, на наш взгляд, ситуация обстоит следующим образом. В науке уже давно сформировалось представление о греческой философии в эпоху эллинизма как философии отчуждения. Доказательством этого служит то, что во всех философских учениях эллинизма теоретическая часть была подчинена практической цели достижения безмятежности и невозмутимости. Также с этой целью были связаны такие черты эллинистической философии, как индивидуализм и стремление к независимости от внешних обстоятельств. Считается, что эти особенности греческой философии сформировались в условиях образования эллинистических монархий и потери греческими полисами политической независимости (см.: [Zeller, 1880. P. 10–17; Лосев, 2000. С. 7–13]).

Мы согласны с этим представлением, но лишь отчасти. Дело в том, что данная научная теория хорошо объясняет происхождение одной тенденции в философии Древней Академии – отчуждение индивида от общества. Но она не объясняет существование другой тенденции – стремления к политической активности. На наш взгляд, наличие этой тенденции в философском учении академиков говорит о сохранении полисной системы в Греции в период раннего эллинизма. Мы разделяем мнение о том, что в данный исторический период полис не погиб и продолжал играть важную роль в жизни Греции (см.: [Hansen, 2004. P. 16–22; Billows, 2003. P. 196–215]). А вместе с тем сохраняли силу и полисные традиции, из которых одной из главных было активное участие граждан в политической жизни государства. Таким образом, мы полагаем, что обе тенденции в философии Древней Ака-

демии были обусловлены социально-историческим развитием Греции в период раннего эллинизма. Тенденция к отчуждению индивида от общества была связана с образованием эллинистических монархий. Тенденция к политической активности являлась следствием сохранения полисной политической организации.

Подведем итоги. Как мы установили, в философии академиков в период раннего эллинизма существовали две противоположные тенденции, ни одна из которых не была доминирующей. С отчуждением индивида от общества были связаны усиление морально-этического ригоризма в философии Полемона и развитие жанра утешения в философии Крантора. Также эта тенденция проявилась в затворническом и аскетическом образе жизни академиков. Со стремлением к политической активности был связан серьезный интерес Ксенократа и Кратета к политике, а также участие Ксенократа в государственных делах. Происхождение этих тенденций мы связываем с той политической обстановкой, которая сложилась в Греции в период раннего эллинизма. Тенденция к отчуждению индивида от общества усилилась у академиков под влиянием образования эллинистических монархий. Существование тенденции к политической активности объяснялось сохранением полисной системы.

Список литературы

Бриссон Л. Традиции платонизма и аристотелизма // Греческая философия / Под ред. М. Канто-Спербер: В 2 т. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2008. Т. 2.

Демосфен. Речи: В 3 т. М.: Памятники исторической мысли, 1995. Т. 3.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.

Диллон Дж. Наследники Платона: Исследование истории Древней Академии (347–274 гг. до н. э.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.

Дройзен И. Г. История эллинизма. История диадохов. М.: Академ. проект; Киров: Константа, 2011.

Климент Александрийский. Строматы: Кн. 1–3. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. Кн. 1.

Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках. М.: Изд-во МГУ, 1992.

Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М.: АСТ, 2000.

Лукреций. О природе вещей. Ленинград: АН СССР, 1947. Т. 2: Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла.

Платон. Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 4.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. М.: Наука, 1964. Т. 3.

Феофраст. Характеры. Ленинград: Наука, 1974.

Billows R. Cities // A Companion to the Hellenistic World / Ed. by A. Erskine. Blackwell Publ., 2003. P. 196–215.

Grayeff F. Aristotle and his School. London: Duckworth, 1974.

Hansen M. H. The Lifespan of Hellenic Polis // An Inventory of Archaic and Classical Poleis / Eds. M. H. Hansen, Th. H. Nielsen. Oxford Univ. Press, 2004. P. 16–22.

Kelsen H. The Philosophy of Aristotle and the Hellenic-Macedonian Policy // International Journal of Ethics. 1937. Vol. 48. No. 1. P. 1–64.

Plutarch s Moralia: In 15 Vols. Cambridge, Massachusetts: Harvard Univ. Press. London: William Heinemann Ltd, 1957. Vol. 7.

Rowe C. Cleitophon and Minos // The Cambridge History of Greek and Roman Political Thought / Eds. C. Rowe, M. Schofield. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008. P. 303–309.

Zeller Eduard. Stoics, Epicureans and Sceptics. London: Longmans, Green, and Co, 1880.

Материал поступил в редколлегию 03.09.2018

V. V. Brovkin

Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

drakar@ngs.ru

THE OLD ACADEMY AND THE EARLY HELLENISTIC PERIOD

The paper shows that the philosophy of academics in the period of early Hellenism contained two opposite tendencies. The alienation of the individual from society, which manifested itself in the strengthening of moral and ethical rigorism and the development of the genre of consolation. This tendency was also seen in the reclusive and ascetic way of life of academics. The desire for political activity was manifested in the interest of academics in politics, as well as in their participation in state affairs. The first tendency

was associated with the formation of Hellenistic monarchies. The second tendency was a consequence of the preservation of the Greek polis.

Keywords: Old Academy, Xenocrates, Polemon, alienation of the individual from society, the desire for political activity.

References

Brisson L. Traditsii platonizma i aristotelizma [Traditions of Platonism and Aristotelian]. *Grecheskaya filosofiya* [*Philosophie Grecque*]. M. Kanto-Sperber (ed.): In 2 vols. Moscow, Greko-latinskii cabinet Yu. A. Shichalina, 2008, vol. 2. (In Russ.)

Demosfen. *Rechi* [*Speeches*]: In 3 vols. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli, 1995, vol. 3. (In Russ.)

Dillon J. *Nasledniki Platona: Issledovanie Drevnei Akademii* (*347–274 gg. do n. e.*) [*The Heirs of Plato. A Study of the Old Academy* (347–274 B.C.)]. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. Un-ta, 2005. (In Russ.)

Diogenes Laertius. *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov* [*Lives of Eminent Philosophers*]. Moscow, 1979. (In Russ.)

Droizen I. G. *Istoriya ellinizma. Istoriya diadokhov* [Geschichte des Hellenismus. Geschichte der Diadochen]. Moscow, Akadem. Proekt Publ., Kirov, Konstanta Publ., 2011. (In Russ.)

Feofrast. *Kharaktery* [*The Characters*]. Leningrad, Nauka, 1974. (In Russ.)

Kliment Aleksandriiskii. *Stromaty* [*Stromata*]: Books 1–3. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2003. Book 1. (In Russ.)

Kornelii Nepot. *O znamenitych inozemnych polkovodtsakh* [*De Viris Illustribus*]. Moscow, MGU Publ., 1992. (In Russ.)

Losev A. F. *Istoriya antichnoi estetiki. Rannii ellinizm* [*History of Ancient Aesthetics. Early Hellenism*]. Moscow, AST Publ., 2000. (In Russ.)

Lucretius. *O prirode veshchei* [*De Rerum Natura*]. Statÿ i, kommentarii, fragmenty Epikura I Empedokla. Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1947, vol. 2. (In Russ.)

Plato. *Sobranie sochinenii*: *V 4 t.* [*Collected Works*]. In 4 vols. Moscow, Mysl' Publ., 1994, vol. 4. (In Russ.)

Plutarch. *Sravnitelnye zhizneopisaniya* [*Parallel Lives*]: In 3 vols. Moscow, Nauka, 1964, vol. 3. (In Russ.)

Billows R. Cities. *A Companion to the Hellenistic World*. A. Erskine (ed.). Blackwell Publ., 2003, p. 196–215.

Grayeff F. *Aristotle and his School*. London, Duckworth, 1974.

Hansen M. H. The Lifespan of Hellenic Polis. *An Inventory of Archaic and Classical Poleis*. M. H. Hansen and T. H Nielsen. (eds.). Oxford Univ. Press, 2004, p. 16–22.

Kelsen H. The Philosophy of Aristotle and the Hellenic-Macedonian Policy. *International Journal of Ethics*, 1937, vol. 48, no. 1, p. 1–64.

Plutarchў Moralia: In 15 vols. Cambridge, Massachusetts, Harvard Univ. Press, London, William Heinemann Ltd, 1957, vol. 7.

Rowe C. Cleitophon and Minos. *The Cambridge History of Greek and Roman Political Thought*. C. Rowe & M. Schofield (eds.). Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2008, p. 303–309.

УДК 1 (091)
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-299-310

В. П. Горан

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

goran@philosiphy.nsc.ru

Т. ГОББС И Б. СПИНОЗА О «БОГОДАННОСТИ» БИБЛИИ

Сопоставлены позиции Гоббса и Спинозы по актуализированному ими вопросу о том, принимал ли библейский бог непосредственное участие в создании Библии. Известно, что если Спиноза решительно отвергал, то Гоббс признавал «богоданность» Библии. Вместе с тем на основе сопоставления соответствующих текстов этих философов выявлено, что имела место и существенная преемственность между ними в их отношении к Библии и к связанным с этим вопросами, в том числе и к вопросу о боге как ее авторе.

Ключевые слова: Гоббс, Спиноза, Библия, бог, богоданность Библии.

По вопросу о, так сказать, «богоданности» Библии, т. е. о том, принимал ли библейский бог участие в ее создании посредством прямого руководства теми людьми, чьими руками она была написана, позиции Т. Гоббса и Б. Спинозы на первый взгляд не только не совпадают, но противоположны. Если Гоббс признает, то Спиноза решительно отвергает «богоданность» Библии.

В своей наиболее пространной по количеству страниц книге, имеющей и весьма длинное название «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского», Гоббс выражает свое согласие с тем, что Библия создана при самом непосредственном участии бога. Причем делает он это неоднократно, т. е. с настойчивостью, которая не оставляла бы читателю возможности не замечать эту составляющую его позиции. Более того, эта его позиция выглядит как решение данного частного вопроса, естественным образом вытекающее из более общей его трактовки роли бога как творца всей

ISSN 2541-7517. Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 4. С. 299–310.
© В. П. Горан, 2018

природы, т. е. мироздания, соответственно также человека и всего, что он предназначил для человека.

Так, уже в первом предложении «Введения» ко всей книге, правда в скобках, Гоббс демонстрирует это, характеризуя всю природу как «*искусство*, при помощи которого бог создал мир и управляет им» [1964. С. 47]. А через десяток страниц он заверяет читателя: «Не приходится, конечно, сомневаться в том, что бог может сотворить сверхъестественные явления» [Там же. С. 57]. Соответственно, Гоббс здесь же признает возможность для бога вообще «приостановки или изменения хода природы» [Там же]. И если «ход природы» – это сфера естественного, то его приостановка или изменение оказывается, по Гоббсу, уже за пределами этой сферы, т. е., как видим, оно якобы должно быть признано «сверхъестественным».

При этом для Гоббса «сверхъестественное» не равнозначно «противоестественному». Напротив, он специально подчеркивает, что «сверхъестественное» и «противоестественное» взаимоисключают друг друга. В гл. XII ч. I «Левиафана» Гоббс утверждает относительно «сверхъестественного откровения», что оно «может в самом деле дать человеку многое такое, что превосходит естественный разум, но ничего такого, что идет вразрез с ним» [Там же. С. 146]. То, что «превосходит естественный разум», и есть, по Гоббсу, «сверхъестественное», а то, что «идет вразрез с естественным разумом», есть для него «противоестественное». Это последнее, отмечу это специально, Гоббс оценивает как полностью исключающееся там, где имеется «сверхъестественное» откровение. Соответственно, по оценке Гоббса, «подобно тому как в естественных вещах здравомыслящие люди требуют естественных доказательств, точно так же в сверхъестественных вещах, прежде чем согласиться внутренне и от всего сердца, они требуют сверхъестественных доказательств (каковыми являются чудеса)» [Там же. С. 147]. Как видим, к сфере сверхъестественного Гоббс относит чудеса. Они и есть, согласно ему, осуществляемые богом «приостановка и изменение хода природы».

Одним из проявлений у Гоббса его признания использования богом именно сверхъестественных средств воздействия на людей является следующее утверждение: «С самого момента творения бог не только через *природу* благодаря своему могуществу царствовал над всеми людьми, но имел также *особенных* подданных, которым он возвещал свои заповеди голосом, как человек говорит с человеком. Именно таким образом он *царствовал* над Адамом, запретив ему есть от древа познания добра и зла» [Там же. С. 411]. Это признание Гоббсом достоверности библейского повествования об использовании богом голоса

и понятной человеку речи для возвещения ему своих заповедей и есть фактическое признание того, что бог прибег к сверхъестественному средству воздействовать на человека. Ведь речь как средство общения является естественной для человека как телесного и, главное, пространственно конечного существа. А бог не является таковым, так что использование им понятных человеку речевых средств – это нечто сверхъестественное. Таким образом, признание Гоббсом достоверности библейского повествования об использовании богом понятных человеку речевых средство сообщения своих заповедей наглядно демонстрирует признание философом сверхъестественности того, что сделал бог.

И этим позиция Гоббса радикально отличается от позиции Спинозы. Ведь Спиноза признает существование единственно естественного миропорядка, исключающего что бы то ни было сверхъестественное. Весьма наглядно это проявляется у Спинозы в том, что истоки религии он усматривает исключительно в самом человеке. А именно, посредством текстуального анализа Библии он обосновал вывод о сугубо человеческом ее происхождении, тем самым отвергнув его сверхъестественность. Приведу некоторые из высказываний Спинозы, наглядно демонстрирующие его критическое отношение к текстам Библии. Так, в первой же главе «Богословско-политического трактата», посвященного исследованию вопроса «о божественности Писания» [Спиноза, 1957б. С. 12], он делает следующее показательное признание. «Но я не понимаю: каким образом люди, которые раньше о боге ничего, кроме имени, не знали и желали услышать его речь с целью удостовериться о его существовании, как могли они удовлетвориться созданием, которое, допустим, сказало: “Я есмь бог” (созданием, относящимся к богу не больше, чем и остальные твори, и не принадлежащим к природе бога)? А что, спрошу я, если бы бог заставил уста Моисея – но зачем Моисея? – просто даже какого-нибудь животного – произнести и сказать то же самое: “Я есмь бог”, уразумели ли бы они из этого, что бог существует?» [Там же. С. 21].

Как видим, здесь Спиноза резонно ставит вопрос о том, какие были у Моисея основания полагать, что с ним действительно говорит бог, если он услышал слова «Я есмь бог». И Спиноза вполне обоснованно заключает, что ветхозаветные пророки «воспринимали божественные откровения при помощи воображения» [Там же. С. 31]. А это означает следующее. То, что религиозной традицией квалифицируется как «божественное откровение», есть не более чем плод воображения авторов ветхозаветных текстов. И далее Спиноза уже напрямую заключает, «что пророчество никогда не делало пророков

более учеными, но что они оставались при своих предвзятых мнениях и что поэтому относительно чисто спекулятивных вещей мы нимало не обязаны им верить» [Спиноза, 1957б. С. 38]. Соответственно, Спиноза следующим образом оценивает сторонников позиции, которой, как мы видели, придерживался и Гоббс. «Если они хвастают, что обладают чем-то, что выше разума, то это чистая выдумка и гораздо ниже разума…» [Там же. С. 86]. А согласно Спинозе «законы природы суть и настоящие решения бога, вытекающие из необходимости и совершенства божественной природы» [Там же. С. 89].

И далее, уже касаясь непосредственно позиции, которая совпадает с изложенными мной выше утверждениями Гоббса, Спиноза делает следующее заявление: «Здесь я не признаю никакого различия между делом противоестественным (opus contra Naturam) и делом сверхъестественным (opus supra Naturam) (т. е., как некоторые говорят, делом, которое хоть и не противоречит природе, однако не может быть произведено или сделано ею» [Там же. С. 93]. Действительно, здесь Спиноза ведет речь о том различении противоестественного и сверхъестественного, которое, как мы видели, столь активно использовал Гоббс.

Тем не менее оказывается, что наряду с представителями пантеистического миропонимания [1] также и Гоббс внес свой значительный вклад в подготовку радикально критической по отношению к Библии позиции Спинозы. Как явственно демонстрирует приведенное только что заявление Спинозы, он был хорошо осведомлен о позиции Гоббса. Соответственно, не удивительно, что по определенным вопросам у этих философов есть и согласие. Просматривается оно и в критическом отношении к библейским сюжетам. А именно, под весьма, можно сказать, искусно построенным прикрытием своей на деле также и критической по отношению к Библии позиции Гоббс эту критическую составляющую своей позиции все же реализует весьма отчетливо. И делает он это так, что обнаруживается ее соответствие аналогичным составляющим позиции Спинозы. Разумеется, при этом не Гоббс, так сказать, следовал Спинозе, а, напротив, Спиноза Гоббсу. Ведь основные произведения Гоббса публиковались с 1642 по 1658 г. («Левиафан» издан в 1651 г.), т. е. тогда, когда Спиноза был еще или ребенком (род. в 1632 г.), или, после изгнания в 1656 г. из еврейской общины Амстердама, еще только осваивал философскую и научную литературу, в особенности произведения Де-

[1] См.: *Горан В. П.* Джордано Бруно – Лючилио Ванини – Бенедикт Спиноза: через пантеизм к материализму // Философия науки. 2018, № 4 (79). (в печати)

карта. О том, насколько в своем творчестве Спиноза учитывал вклад, внесенный в новоевропейскую философию Гоббсом, красноречиво говорит то обстоятельство, что, как и Гоббс, посвятивший свою самую объемную книгу «Левиафан» критическому анализу типичных для его времени толкований Библии, Спиноза посвятил этому же свой «Богословско-политический трактат». Так что эти их произведения составляют своеобразную пару, заслуживающую совместного рассмотрения, что я здесь и делаю, разумеется, только частично, а именно, в той мере, в какой это требуется для достижения целей данного конкретного исследования.

И делая это, попытаюсь теперь сосредоточиться на тех положениях, имеющихся в «Левиафане» Гоббса, с которыми явственно перекликаются взгляды Спинозы. Начну со следующего текста Гоббса: «Любознательность, или любовь к познанию причин, заставляет людей переходить от наблюдения последствий к отысканию их причин, а затем к отысканию причин этих причин, так что в конце концов они должны прийти к тому заключению, что есть некая причина, которая не обусловлена никакой предшествовавшей причиной, а является вечной. И эту первую причину люди называют богом. Таким образом, нельзя углубиться в исследование естественных причин, не став склонным верить в существование предвечного бога» [1964. С. 134]. В этом отрывке текста Гоббс фактически дает описание того, как можно представить интеллектуальный путь Спинозы, еще не сложившегося к тому времени, когда он делал это описание, в качестве философа.

Действительно, *во-первых*, в начальных двух предложениях этого отрывка Гоббс фиксирует долженствующие иметь место и действительно сложившиеся впоследствии у Спинозы обстоятельства формирования представления о соотношении, с одной стороны, выводов, сделанных к тому времени естествоиспытателями относительно причинно-следственных отношений в природе, и, с другой, заключения философов, также впоследствии и Спинозы, но не его одного, а перед ним и наряду с ним приверженцев деизма, о признании первопричины всего сущего как необусловленной никакой предшествующей ей причиной, а, соответственно, вечной. Более того, впоследствии Спиноза, как бы следуя описанным здесь Гоббсом путем, по которому перед ним шли деисты, именует эту причину богом, но при этом добавляет уже и собственную, отсутствующую у деистов и, соответственно, не указанную у Гоббса, особенность уже своего представления о боге как первопричине. Состоит эта спинозовская добавка в том, что богом он считает все мироздание в целом,

так что этот бог – причина не внешняя по отношению к мирозданию, а все оно во всей его полноте.

Во-вторых, здесь же Гоббс как бы предугадывает и еще одну особенность содержания будущего учения Спинозы. Ведь Спиноза продемонстрирует, что для него на предельном уровне углубления в исследование естественных причин всего сущего нельзя не признать существование предвечного бога: «*Все, что только существует, существует в боге, и без бога не может ни существовать, ни быть представляемо*» [Спиноза, 1957а. С. 373]. Вместе с тем позиции Гоббса и Спинозы и здесь совпадают только отчасти. Ведь, в отличие от Гоббса, Спиноза, тоже мысля бога предельной причиной всего сущего, предельно жестко отмежевывается от теологов и метафизиков – сторонников представления о боге как существе, обладающем волей и, соответственно, действующем целесообразно, квалифицируя такое представление как прибежище незнания тех, кто привержен ему. Вот соответствующие фрагменты текста Спинозы: «…природа не предназначает для себя никаких целей и…все конечные причины составляют только человеческие вымыслы. …ибо если бог творит ради какой-либо цели, то он необходимо стремится к тому, чего у него нет. …Теологи и метафизики… не перестанут спрашивать о причинах причин до тех пор, пока вы не прибегнете к воле бога, т. е. к asylum ignorantiae (убежище незнания)» [Там же. С. 397–398]. Но и здесь у Гоббса и Спинозы обнаруживается не только различие, но и близость их позиций. Только что мы видели, насколько решительно и резко Спиноза отвергает приписывание богу воли, при котором, по сути дела, воля бога понимается по аналогии с представлением о человеческой воле. А такую аналогию тоже весьма решительно отвергает и Гоббс: «...когда мы приписываем волю богу, то это не следует понимать по аналогии с человеческой волей как *разумную склонность*, а лишь как силу, способную произвести все» [1964. С. 372].

В том, что касается и *третьей* особенности содержания спинозовского представления о боге-природе, Гоббс также как бы предугадал ее только отчасти. Обусловлена эта частичность той добавкой, которую привнес Спиноза в первую особенность миропонимания, которую я выделил у Гоббса в рассматриваемом мной сейчас отрывке его текста. Это – признание Спинозой у бога-субстанции двух постижимых для человека атрибутов: протяженности и мышления. Причем под мышлением как атрибутом субстанции у Спинозы фактически имеется в виду закономерность всего происходящего (см.: [Горан, 2017. С. 209]). А согласно Гоббсу, о боге на основании достижений естествознания сказать можно только то, что он существует и сотво-

рил этот мир, но не о том, каков он сам: «...имя *бога* употребляется не с тем, чтобы дать нам представление о нем, ибо он непостижим и его величие и сила непредставляемы, а лишь с тем, чтобы мы почитали его» [1964. С. 64]. Таким образом, Гоббс и данным утверждением только отчасти предвосхитил будущую концепцию Спинозы.

Ибо Спиноза признал наличие у его бога-мироздания бесчисленного количества атрибутов: «Под *богом* я разумею существо абсолютно бесконечное (ens absolute infinitum), т. е. субстанцию, состоящую из бесконечно многих атрибутов, из которых каждый выражает вечную и бесконечную сущность» [1957a. С. 361–362]. И за исключением только что названных атрибутов протяженности и мышления все остальное Спиноза, так же как это делает и Гоббс относительно всех свойств бога, признал непостижимыми для человека, причем совершенно непостижимыми. Действительно, Спиноза утверждает: «Мы не чувствуем и не воспринимаем никаких других отдельных вещей, кроме тел и модусов мышления» [Там же. С. 403]. Под телом Спиноза разумеет «модус, выражающий известным и определенным образом сущность бога, поскольку он рассматривается как вещь протяженная (res extensa)» [Там же. С. 402]. А под идеей он разумеет «понятие, образуемое душой в силу того, что она есть вещь мыслящая (res cogitans)» [Там же].

Теперь вернусь к отмеченному мной выше признанию Гоббсом «богоданности» Библии, а тем самым фактическому его согласию с тем, что в ней сам бог якобы прибег к сверхъестественному откровению, чтобы люди уверовали в него. При всей решительности утверждения Гоббсом тезиса о «богоданности» Библии он, тем не менее, в «Левиафане» в уже упомянутой мной выше главе «О религии» последовательно и аргументированно проводит мысль, заявленную им в следующем первом же ее предложении: «Ввиду того, что все признаки, все плоды *религии* находятся лишь в человеке, то нет никакого основания сомневаться в том, что семя *религии* находится лишь в человеке» [Гоббс, 1964. С. 135]. Как видим, однозначно поместив «семя» религии единственно в самого человека, Гоббс тем самым фактически отверг представление о том, что подлинный ее источник внешний для человека, а именно, бог.

И, тем не менее, эту заявленную приведенным утверждением позицию сам же Гоббс не выдерживает, ибо в этой же главе сразу после убедительных разоблачений нелепостей языческих верований он делает исключение для христианской религии. Показательно в этом плане то, что начинает он свое признание исключительности христианства словом «однако», тем самым выводя христианство за пределы

всего сказанного им до этого относительно любых иных религиозных представлений, им самим оцененных как именно фантастических. Вот эта начальная фраза данных суждений Гоббса о христианстве: «Однако там, где сам бог основал религию посредством сверхъестественного откровения, он также установил особое царство для себя и дал законы, определяющие поведение людей не только по отношению к нему самому, но также и по отношению друг к другу…» [Гоббс, 1964. С. 145]. Таким образом, по Гоббсу, все языческие религии – продукт ложного фантазирования людей, а вот христианская религия – результат сверхъестественного божественного откровения. А вот Спиноза и в этом вопросе довел до последовательного проведения содержащуюся у Гоббса мысль о том, что истоки религии не сверхъестественные, а находятся исключительно в самом человеке. Это он убедительно показал посредством текстуального анализа Библии в своем «Богословско-политическом трактате».

В соответствии со своей позицией, состоящей в том, что сущность бога для человека непостижима, так что человек в состоянии принимать только его существование, причем согласно единственно с христианским вероучением, Гоббс и декларирует, что сосредоточивает свое внимание на атрибутах не бога, а только человеческого его понимания. Причем, как мы могли убедиться в этом, почитания именно бога, признаваемого существующим *вне* мироздания. Тем не менее Гоббс декларирует признание не только существования бога, но и такой специфической для христианских представлений о нем его особенности, причем тоже оцениваемой в качестве атрибутивной, сущностной для него, которая состоит в том, что именно его творчеством создан весь посюсторонний мир. Таким образом, Гоббс, как мы увидим сейчас, признает именно атрибутивный статус, по меньшей мере, этих двух утверждаемых христианским вероучением особенностей бога – существование его самого и то, что он – причина мира. Причем, обращаясь к теме существования бога, Гоббс сначала пытается сохранить вид, что ведет речь об атрибутах не бога самого по себе, а всего лишь его почитания. Делает он это, дав следующий заголовок соответствующему подразделу своего текста: «Атрибуты почитания бога» [Там же. С. 371].

Но в первом же предложении самого текста этого подраздела Гоббс утверждает следующее: «Для того чтобы мы могли знать, какого рода поклонение богу диктует нам естественный разум, я начну с его атрибутов» [Там же]. Местоимением «его» в этом предложении Гоббс заменил существительное «бога», так что фактически повел речь об атрибуте не почитания бога, а бога самого по себе. И подтверждает

эту ситуацию непосредственное продолжение данного текста Гоббса. Вот оно. «Прежде всего очевидно, что мы должны приписать богу *существование*, ибо никто не может иметь намерение воздавать почести тому, что он считает несуществующим» [Там же]. Как видим, существование как именно атрибут Гоббс мыслит здесь принадлежащим богу самому по себе. И только такое признание существования атрибутом самого бога оправдывает, по Гоббсу, и соответствующее почитание бога со стороны верующих в него людей.

Столь же определенно Гоббс сразу же далее отстаивает атрибутивный статус творческой мощи бога самого по себе, а не всего лишь его человеческого почитания. Действительно, далее в этом же подразделе читаем следующее: «Во-вторых, недостойно говорили о боге и отрицали его существование те философы, которые утверждали, что мир или душа мира есть бог. Ибо под богом они понимали причину мира, а сказать, что мир есть бог, – значит сказать, что мир не имеет причины, т. е. что бога нет» [Там же]. И как бы не удовлетворившись этим утверждением, Гоббс после него, но уже как нечто новое, ибо вставляет выражение, «в-третьих», все таки едва ли не буквально повторяет только что процитированное мной. Действительно, сразу же далее читаем у него следующее: «В-третьих, сказать, что мир не был создан, а существует вечно, – значит отрицать существование бога (ибо то, что извечно, не имеет причины)» [Там же. С. 372]. Разумеется, разницу между смыслом завершающих слов предыдущего утверждения Гоббса (то, что у него «во-вторых») и таковым у только что приведенного (то, что у него «в-третьих») следует видеть. Но состоит она единственно в том, что в предыдущем утверждении вывод о несуществовании бога мыслится как следствие его отождествления с миром, а в приведенном только что – несозданности и, соответственно, извечности мира. Но все же в обоих случаях Гоббс настаивает на том, что признание несотворенности, а тем самым и беспричинности, мира означает отрицание существования бога.

Как видим, еще до создания Спинозой своего варианта пантеистического учения Гоббс отвергает пантеизм, усматривая у тех, кто отождествляет бога с миром, фактическое отрицание у мира причины его появления, а заодно отрицание и бога, мыслимого как такая причина. Спиноза определенно учел эти, так сказать, «соображения» Гоббса. Ведь Спиноза прямо отверг представление о боге как причине мира, причем причине для мира внешней. Исходя из того, что «причина, в силу которой какая-либо вещь существует, или должна заключаться в самой природе и определении существующей вещи (*именно в силу того, что существование присуще ее природе*), или же должна

находиться вне ее» [Спиноза, 1957а. С. 366–367], Спиноза заключает о существовании того, что он называет и богом, и субстанцией, как о необходимо существующей в силу ее собственной природы (см.: [Там же]) и состоящей из бесконечно многих атрибутов (см.: [Там же. С. 368]). А совокупность этих ее атрибутов и составляет все существующее мироздание, так что о боге как внешней по отношению к этому последнему причине у Спинозы речи быть не может. Соответственно, Спиноза сознательно встал на позицию, смысл которой определенно отчасти раскрыл приведенными мной перед этим утверждениями Гоббс.

А именно, фактически учел Спиноза то утверждение Гоббса, что, отрицая бога как внешнюю причину мира, мы фактически признаем его, этого мира, несотворенность, т. е. вечность его существования. Словом, Гоббс прозорливо отметил в приведенных мной перед этим его высказываниях, что отождествление бога с миром, т. е. то, что составляет суть пантеистических концепций, фактически означает приверженности позиции, «что бога нет». Следует признать, что Гоббс, по сути, прав, утверждая это, поскольку он мыслит бога в соответствии с многие века преобладающей традицией как потустороннее мирозданию личностное существо. А Спиноза такое представление о боге отверг и последовательно развил то представление, которое столь решительно отвергал Гоббс. При этом Спиноза, как можно заключить из изложенного, полностью учел высказанные Гоббсом рассмотренные мной только что соображения, касающиеся утверждения, что бог и есть мир.

Итак, с одной стороны, Гоббс открыто и при этом настойчиво, даже декларативно, провозглашает признание «богоданности» Библии, тогда как позиция Спинозы в этом отношении прямо противоположная. Он решительно отвергает такую «богоданность» и делает обоснованный вывод о сугубо человеческом ее происхождении. Но, с другой стороны, при всей радикальности этого различия их позиций все же налицо и существенная преемственность между ними в их отношении к Библии и к связанным с этим несомненно важным для их времени вопросам оценки религиозных представлений. Главное здесь в том, что и Гоббс также признает, что «семя религии» находится в самом человеке. А это фактически предполагает непризнание и непосредственной его «богоданности» человеку, т. е. источника ее для него именно внешнего. Но делает это Гоббс так, что о его приверженности такому выводу можно судить, предельно внимательно отнесясь к проявлениям этой составляющей его позиции. Рассмотрение преемственности между Гоббсом и Спинозой в том, что касается их

отношения к Библии, и обеспечивает, как я попытался продемонстрировать это здесь, реализацию такой возможности.

Список литературы

Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Избр. произв.: В 2 т. М.: Мысль, 1964. Т. 2. С. 43–678.

Горан В. П. Холистическая доминанта онтологии Спинозы: материалистическая составляющая // Сиб. филос. журн. 2017. Т. 15, № 2. С. 205–216.

Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Избр. произв. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957а. Т. 1. С. 359–618.

Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Спиноза Б. Избр. произв. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957б. Т. 2. С. 5–284.

Материал поступил в редколлегию 01.09.2018

V. P. Goran

Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

goran@philosophy.nsc.ru

T. HOBBES AND B. SPINOZA ON THE «GOD-GIVENNESS» OF THE BIBLE

The paper compares the positions of Hobbes and Spinoza on whether the biblical god was directly involved in the creation of the Bible. It is known that Spinoza decisively rejected and Hobbes recognized the «God-givenness» of the Bible. At the same time, the comparison of the corresponding texts of these philosophers shows that there was a substantial continuity between them in their relation to the Bible and corresponding questions, including the question of God as its author.

Keywords: Hobbes, Spinoza, the Bible, God, God-givenness of the Bible.

References

Hobbes Th. Leviathan, or the matter, form and power of the state of the church and civil. Hobbes Th. *Izbrannye proizvedeniya*: V 2 t. [*Selected Works*: In 2 vols]. Moscow, Mysl' Publ., 1964, vol. 2, p. 43–678. (In Russ.)

Goran V. P. Holisticheskaya dominanta ontologii Spinozy: materialisticheskaya sostavlyayuschaya [Holistic dominant of ontology of Spinoza: the materialistic component]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2017, vol. 15, no. 2, p. 205–216. (In Russ.)

Spinoza B. Bogoslovsko-politicheskii tractat [The Theological and Political Treatise]. Spinoza B. *Izbrannye proizvedeniya*: V 2 t. [*Selected Works*: In 2 vols]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literatury, 1957, vol. 2, p. 5–284. (In Russ.)

Spinoza B. Etika [Ethics]. Spinoza B. *Izbrannye proizvedeniya*: V 2 t. [*Selected Works*: In 2 vols]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literatury, 1957, vol. 1, p. 359–618. (In Russ.)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, ПОЛЕМИКА И ДИСКУССИИ

УДК 101
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-311-321

В. С. Диев, В. В. Петров, Н. С. Розов

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

diev@smile.nsu.ru; vvpetrov@mail.nsu.ru; nrozov@nsu.ru

ФИЛОСОФИЯ ГУМАНИЗМА И ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА (ПО ИТОГАМ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ФИЛОСОФИЯ, НАУКА, ГУМАНИЗМ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ»)

Представлен обзор Всероссийской научной конференции «Философия, наука, гуманизм в эпоху глобальной турбулентности», которая прошла в Академгородке с 13 по 15 сентября 2018 г., и была посвящена 25-летию профессионального философского образования в НГУ.

Ключевые слова: философия, наука, гуманизм, общество, университет, философское образование, постсоветская наука, глобализация, инновации, риски, история философии.

Философское сообщество новосибирского Академгородка в этом году отмечает две знаменательные даты: 13 мая 1993 г. ученый совет Новосибирского государственного университета принял решение о создании философского факультета, а спустя десять лет 2 июня 2003 г. был подписан в печать первый номер «Вестника НГУ. Серия: Философия» (с 2016 г. – «Сибирский философский журнал»).

Ключевую роль в создании факультета сыграли академик Юрий Леонидович Ершов, в те годы – ректор НГУ, и Виталий Валентинович Целищев – в те годы заместитель директора Института философии и права СО РАН. В течение первых двух лет после создания факультета обязанности его декана исполняла Тимофеева Мария Кирилловна.

ISSN 2541-7517. Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 4. С. 311–321.
© В. С. Диев, В. В. Петров, Н. С. Розов, 2018

Юрий Леонидович стал первым председателем ученого совета факультета, возглавлял его в течение первых пяти лет и много сделал для того, чтобы философский факультет НГУ занял одно из лидирующих мест среди других философских факультетов страны. С самого начала факультет развивался в тесной интеграции с Сибирским отделением РАН. Институт философии и права СО РАН стал базовым для факультета. Близость с институтами СО РАН обеспечивала соответствие идеалам гумбольдтовского университета, а понимание фундаментальной роли философского образования отвечало идеям кантовского «Спора факультетов».

Визитной карточкой философского факультета НГУ является ориентация на научно-рациональное мировоззрение и исследования в области логики, философии науки, социальной философии, исторической макросоциологии, философии управления и истории философии. Не случайно V Российский философский Конгресс «Наука. Философия. Общество» был проведен в августе 2009 г. на базе НГУ.

Изначально подготовка студентов философского факультета НГУ проводилась только по программам магистратуры, в 2010 г. состоялся первый набор бакалавров. В 2016 г. философский факультет университета вместе с юридическим факультетом вошли в состав образованного Института философии и права НГУ, который в настоящее время обладает не только высококвалифицированным профессорско-преподавательским составом и необходимой учебно-методической базой для обеспечения образовательного процесса, но и значительным потенциалом проведения научных исследований – согласно рейтингу QS World University Rankings by Subject с 2015 г. и по настоящее время НГУ по направлению «Философия» находится в группе «151–200» ведущих университетов мира.

На торжественном заседании, посвященном 25-летию профессионального образования в НГУ, 13 сентября собрались гости из разных концов страны: представители факультетов и кафедр дружественных университетов, коллеги, друзья, студенты и аспиранты. Поздравления были полны юмора и искренней доброжелательности. Небольшой и относительно молодой философский факультет хоть и не является главным столпом НГУ, который со времени своего основания славится точными, естественными науками, но занял в университете свое достойное место и пользуется уважением со стороны других факультетов.

Ректор НГУ чл.-корр. РАН Михаил Петрович Федорук в своем выступлении затронул проблему взаимодействия философии и есте-

ственных наук, прежде всего, физики. Поделился воспоминаниями о том, как сам в аспирантские годы изучал философию.

В адрес философского сообщества НГУ прозвучали поздравления от директора Института математики СО РАН акад. РАН С. С. Гончарова. Говоря об истории факультета, он заметил, что для факультета можно считать базовым не только Институт философии и права, но и Институт математики.

Информационно-коммуникационные технологии позволили коллегам, которые не смогли принять личное участие в конференции и юбилейных мероприятиях, поздравить факультет дистанционно: декан философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова чл.-корр. РАН В. В. Миронов отметил вклад философского факультета НГУ в развитие социально-гуманитарного знания и пожелал сибирскому профессиональному философскому сообществу дальнейших успехов.

Директор Института философии Санкт-Петербургского государственного университета проф. С. И. Дудник выразил надежду на продолжение дальнейшего сотрудничества и плодотворного обмена опытом.

От имени Президиума Российского философского общества главный ученый секретарь РФО А. Д. Королев сердечно поздравил весь коллектив преподавателей, сотрудников, аспирантов и студентов Института философии и права НГУ с 25-летним юбилеем, выразил глубокую признательность коллективу за многолетнюю подготовку кадров общественно-гуманитарного профиля, отметив, что за годы своего существования ИФП НГУ добился выдающихся результатов в образовательной и научной деятельности.

Директор Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета проф. М. Д. Щелкунов отметил, что за истекшие четверть века НГУ превратился в признанный центр подготовки специалистов в области философских наук, широко известный как в России, так и за рубежом, пожелал и дальше развивать многолетнее партнерство между НГУ и КФУ как на «взрослом», так и на молодежном уровнях путем взаимного участия в совместных мероприятиях, проведения телемостов и студенческих обменов.

География поздравлений вышла и за пределы России: добрые пожелания пришли от профессора Техасского университета (США) Крейга Кэмпбелла, профессора университета Аояма Гакуин (Токио, Япония) Петра Подалко, коллег из Афинского института развития

образования и исследований (Греция), а также от многих других зарубежных университетов.

Много теплых слов в адрес философского факультета НГУ прозвучало от представителей новосибирских вузов: с поздравлениями выступили заведующий кафедрой философии НГУЭиУ проф. О. А. Донских, декан факультета гуманитарного образования НГТУ проф. М. В. Ромм и другие.

Поздравили новосибирских философов и коллеги, приехавшие на торжество из различных регионов: заведующий кафедрой онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета Томского государственного университета проф. В. Н. Сыров, заведующий кафедрой истории философии и логики философского факультета Томского государственного университета проф. В. А. Суровцев; заведующий кафедрой философии социально-гуманитарного факультета Омского государственного университета проф. В. И. Разумов, доцент кафедры философии и культурологии Хакасского государственного университета А. П. Никитин и другие.

Юбилейная конференция была посвящена теме гуманизма, исключительно актуальной в тревожные первые десятилетия XXI в., которые в названии Конференции обозначены как «эпоха глобальной турбулентности». В ситуации, когда не преодолены отчуждение и разобщенность народов и культур, а мир в XXI в. оказался отнюдь не свободен от войн, терроризма, массового насилия, голода, эпидемий, важнейшей объединяющей идеей, базовым принципом в решении сложнейших проблем современности представляется гуманизм в союзе с философией, наукой, технологиями.

В первый день конференции на пленарном заседании выступили: директор ИФПР СО РАН проф. М. Н. Вольф (Новосибирск) с докладом «Роль и место историко-философского знания в XXI веке», президент Российского гуманитарного общества доц. Я. Б. Головин (Москва) с докладом «История европейской философии в гуманистической перспективе», заведующий кафедрой социальной философии и политологии ИФП НГУ проф. Н. С. Розов (Новосибирск) с докладом «Антропростасия (защита человека) и шесть эпох глобальной турбулентности», заведующий кафедрой философии НГУЭиУ проф. О. А. Донских (Новосибирск) с докладом «Миф сквозь логос или логос сквозь миф: этапы формирования общих понятий».

На конференции были представлены доклады с весьма разнообразным и богатым содержанием. Обсуждались актуальные проблемы гуманизма в широком спектре от проблем гендера и биоэтики до роли научного познания: гуманизм в концептуальном поле пси-

хотерапии; неоматриархат как нейрофилософская проблема; этос, правила и институты в биоэтике; неантропоцентрический гуманизм; проблема ценностей в глобальных сетевых структурах; репрезентация насилия в гетеротопном пространстве медиа; гуманизм в пространстве экономической коммуникации; человеческое тело в новом цифровом мире; состояние, перспективы развития, риски современного знания; когнитивные науки и гуманистическое мировоззрение; гуманистическая функция науки в единении народов и др.

Большое внимание было уделено истории философии, где затронуты такие темы, как «предпосылки к началу» в истории философии; образ фиванцев в сочинениях Ксенофонта; софистика и постмодернизм; проблема «другого» в философии Э. Левинаса и ряд других.

На конференции был рассмотрен широкий спектр глобальных и геополитических проблем, а также философии и социологии религии и этничности. Обсуждалась тематика эволюции социального проблематизирования; институциональные ограничения демократического подхода к элитогенезу; особенности «мягкой силы» в контексте подхода конструктивной аксиологии; идеализм в парадигматике «обмирщенной философии». Рассматривались проблемы легитимизации социологических исследований «новой» религиозности, диалога культур и постколониального дискурса, социокультурных детерминант трансформации регионального сообщества, вопросы этноэкономики и этнокультуры, а также специфики современных трансформаций межэтнических установок молодежи.

Так, первая часть работы секции «Знание и метод», прошедшая под председательством проф. В. А. Суровцева (Томск), открылась докладом профессора Омского госуниверситета В. И. Разумова (Омск), посвященным анализу знания в настоящее время. Особый упор при этом был сделан на вопросы получения нового знания и связанные с этим риски.

Продолжением и углублением разговора о феномене рисков в современную эпоху стал доклад директора ИФП НГУ проф. В. С. Диева (Новосибирск) «Черные лебеди» как особый тип неопределенности». В докладе проф. В. Н. Сырова (Томск) была предложена оригинальная трактовка параллелей в толковании справедливости Кантом и Ролзом. Последующие два доклада – проф. В. А. Суровцева (Томск) «Логический минимализм и проблемы априорного знания» и ассистента кафедры философии ИФП НГУ Л. М. Зеленкиной (Новосибирск) «Смешение разных смыслов слова “реализм” как источник философских недоразумений» были сосредоточены на обсуждении дискуссионных проблем философии знания. Заключительный доклад

в первой части работы секции доц. Т. В. Барчуновой (Новосибирск) был посвящен обсуждению методических и методологических вопросов проведения антропологических исследований, в частности, косвенного наблюдения.

Вторая часть работы секции, прошедшая под председательством доц. А. М. Аблажея (Новосибирск), началась докладами из области философии науки. Речь идет о докладе проф. В. И. Кудашова (Красноярск), посвященном соотношению когнитивных наук и гуманистического мировоззрения, выступлениях доц. ИФП НГУ В. М. Резникова (Новосибирск) «О роли философских исследований в науке» и преподавателя Сибирского университета геосистем и технологий М. А. Креймера (Новосибирск), предложившего оригинальную концепцию метода в гуманитарных науках. Отчасти к этому блоку примыкал и доклад ведущего научного сотрудника ИФПР СО РАН А. А. Шевченко (Новосибирск) «Мысленный эксперимент в социальной теории».

Два доклада были сделаны на стыке философии, психологии и социологии: совместный доклад ведущего научного сотрудника ИФПР СО РАН Е. А. Ерохиной (Новосибирск) и преподавателя Новосибирского медицинского университета Л. Б. Сандаковой (Новосибирск) «Социогуманитарный анализ: контекст настоящего и проекции будущего» и выступление Е. В. Кузьминой о «периферийных религиях» и способах их теоретического моделирования. Завершилась работа секции докладами науковедческой проблематики: научного сотрудника ИФПР СО РАН Е. М. Лбовой (Новосибирск) о значении научной публикации в гуманитарной среде после реформы Российской академии наук и доц. А. М. Аблажея, который изложил основные результаты исследования спектра мнений отечественных ученых относительно радикальной реформы РАН.

В рамках работы конференции значительное внимание было уделено гуманистической миссии университета в условиях глобальной турбулентности, что отразилось в тематическом обсуждении постиндустриальной эпохи как эпохи трансформации образования, которая привела к неизбежной реорганизации университетской системы; подчеркивалась актуальность гуманитарного знания; рассматривалась мода на «образовательный гуманизм». Было обращено внимание на коммуникативный ресурс социально-философского образования; обсуждались вопросы рациональности и антигуманности современного высшего образования, а также предлагалось обратиться к проблемам наставничества в инклюзивном образовании и опыту работы с клиповым мышлением у студентов.

Проф. С. И. Черных (Новосибирск) обозначил, что сегодня формируется новая экосистема университетского образования, которая базируется на отходе от массового образования, осознании уникальности единичного и необходимости массового обучения / образования, что выражается как перманентное противоречие. Доц. В. В. Петров (Новосибирск) обратился к кризису классического университетского образования и на примере зарубежных концепций показал, что в условиях социальных трансформаций без развития социогуманитарных направлений университет рискует превратиться в институт образования, ориентированный на подготовку узкоспециализированных кадров, обслуживающих интересы предприятий и рынка, а не на формирование гражданина. Доц. А. П. Никитин (Хакасия, Абакан) заострил внимание на эволюции института высшего образования, которая наглядно демонстрирует, что функционирование университета становится все более формально рациональным и все менее гуманным, стремясь к реализации антигуманных ценностей, поскольку формальная рациональность в университетах начинает доминировать над содержательной рациональностью. В. Е. Савельева (Томск) и Е. Н. Буденкова (Томск) обозначили ответственность образовательной среды высшей школы не только за воспитание профессиональных качеств, но и за формирование человека новой эпохи, за сохранение его идентичности, отметив, что в этом случае университет способен вновь приобрести свою изначальную интеллектуальную и социальную миссию в рамках общества в качестве гаранта универсальных ценностей и культурного наследия.

Ряд заседаний проводился по панельному принципу, где делалось подряд 3–4 доклада в рамках одной большой темы с последующим критическим выступлением рецензента, заранее ознакомленного с текстами докладов, после чего осуществлялся переход к вопросам и общей дискуссии.

Панельное заседание по теме «Эволюция организованного насилия и становление гуманных порядков» открыл проф. Н. С. Розов (Новосибирск), который выделил критерии гуманности социальных порядков, обрисовал основные этапы эволюции насилия в связи с происхождением государств и фазами их развития, показал амбивалентность государственного насилия, которое, с одной стороны, обеспечивает внешнюю и внутреннюю безопасность, с другой стороны, служит интересам элит и нередко используется для утверждения их господства.

Доц. С. И. Филиппов (Новосибирск) рассказал о закономерной эволюции казачества от бунтарства к лояльности в контексте отно-

шений иррегулярных войск и государственной власти. Доц. Ю. А. Пустовойт (Новосибирск) посвятил доклад «бархатным революциям», сосредоточив внимание на причинах их преимущественно мирного характера, а также на факторах высокого уровня насилия в отдельных случаях (события в Румынии и распад Югославии).

В роли рецензента по этим докладам выступил доц. И. В. Борисов (Новосибирск), который вполне успешно справился с объективной трудностью: осмыслить содержание докладов в марксистской парадигме, тогда как они были сделаны в рамках и средствами веберианского подхода.

По панельному принципу было построено и обсуждение историко-философских проблем. Заседание включало в себя три взаимосвязанных доклада. Перед участниками панельного заседания был поставлен вопрос об истоках жанра философской биографии. Как, что и с какой целью желали рассказать потомкам первые историки интеллектуальной жизни? Ведь фундаментальным препятствием на пути решения этой проблемы оказывается не только ограниченность и фрагментированность большей части наших источников. Не менее сложные вопросы ставят методология самой истории и механизм формирования исторической памяти. Возможно ли проникнуть через эту двойную завесу? Или же история «как она есть» – это миф?

Проф. Е. В. Афонасин (Новосибирск) обратился к перипатетической традиции философской биографии. Основное внимание было уделено не только несохранившимся историко-философским произведениям Аристотеля, но и также дошедшим лишь в фрагментах сочинениям его ближайших учеников Дикеарха и Аристоксена. Напротив, их современника Гераклида Понтийского мало беспокоит правдоподобность тех историй, которые он рассказывает. Например, оставаясь во многом легендарной фигурой, Пифагор представлялся перипатетикам реальным человеком, основавшим в определенное время и в определенном месте важное философское и религиозное движение, влияние которого явственно ощущалось и в их время. Напротив, для Гераклида Пифагор, Эмпедокл и другие мудрецы и философы древности – это уникальные личности, наделенные сверхъестественными способностями, но в то же время выражающие платонический идеал созерцательной жизни.

А. С. Афонасина (Новосибирск) рассмотрела методологические проблемы, с которыми сталкивается историк философии в своей попытке изучения фрагментированных источников. В качестве важного примера была выбрана античная биографическая традиция, связан-

ная с философом, врачом и прорицателем Эмпедоклом из Акраганта. Особое внимание было уделено сведениям о пророческих способностях Эмпедокла, его практике в качестве целителя и знаменитой истории о гибели философа во время извержения Этны. Свое представление о том, как зафиксировать и сохранить в памяти потомков важные события прошлого, имел и римский философ и политический деятель Марк Туллий Цицерон. В. К. Пичугина (Москва) подчеркивает значимость для него своеобразного «заказа на текст». Правдивость исторического повествования остается, но как бы отступает на задний план. Пространственный характер организации исторической памяти, важный для римлянина, делает ее более материальной и связанной с разнообразными образовательными практиками.

Наряду с панельным принципом организации работы конференции, ряд заседаний проводился в традиционной форме «круглых столов». Круглый стол «Семантика пропозициональных установок», где в качестве ведущего выступил О. А. Доманов (Новосибирск), был посвящен одному из актуальных разделов семантики. В первом выступлении проф. Е. В. Борисов (Томск) рассказывал о динамической семантике, т. е. об эффектах зависимости значения от контекста, влиянии контекста на само наличие значения и т. д. Он представил вариант динамической файловой семантики Ирен Хайм (Irene Heim), который позволяет, в частности, корректно учитывать контекст высказываний, явно прослеживать анафорические связи и т. д. Сообщение А. Ю. Моисеевой (Новосибирск) было посвящено концептуализации значения в ситуационной семантике Дж. Барвайса и Дж. Перри. В первой части доклада были представлены основные понятия и концепции ситуационной семантики, во второй – продемонстрировано, как они применяются для разрешения загадки Фреге в варианте с собственными именами. Доклад О. А. Доманова (Новосибирск) был также посвящен ситуационной семантике, на этот раз ее теоретико-типовой интерпретации. Судя по всему, имеется тесная структурная и идейная связь этих двух подходов. Акцент в изложении был сделан на возможностях данной интерпретации обеспечить корректную формализацию предложений с пропозициональными установками. И. В. Берестов (Новосибирск) в своем выступлении обратил внимание на то, что существующие способы решения проблемы интенционального тождества бессильны против обоснования различия объектов различных интенциональных актов. Это различие имеет разрушительные следствия для понимания познания как последовательного приписывания интенциональных свойств различными интенциональными актами с одним и тем же фокусом. В свою

очередь, директор ИФПР СО РАН проф. М. Н. Вольф (Новосибирск) в своем докладе проанализировала доказательство весьма шокирующего тезиса о несуществовании сущего и указала на отличие аргументации Горгия в изложении Секста от его аргументации в изложении Анонима из трактата «О Мелиссе, Ксенофане, Горгии». В результате дискуссий и обмена мнениями большинство участников согласилось, что варианты семантики, представленные в выступлениях, несмотря на их разнообразие, оказались сходны по своей направленности, что примечательно и, возможно, указывает на некую «естественность» этих способов разрешения проблем описания пропозициональных установок.

На заседании молодежной секции «Актуальные проблемы социального и гуманитарного знания», которая проходила под руководством А. А. Санженакова (Новосибирск), была предоставлена возможность тесно пообщаться и обменяться мнениями студентам бакалавриата и магистратуры, аспирантам и молодым исследователям. В рамках секции обсуждался широкий спектр вопросов: междисциплинарный дискурс диалога «двух культур»; современная аналитическая этика и проблема оправдания насилия; биоэтика, как «вектор» гуманизации медицины в современности; роль образования в жизненных стратегиях сельской молодежи; неантропоцентрический гуманизм; философия и искусство в эпоху Возрождения; идеи красоты и восхищения жизнью в философии Возрождения; применение моделей интерпретации к феномену экранизации на примере анализа новеллы Т. Манна «Смерть в Венеции»; феномен отчуждения в политической философии Ж.-П. Сартра; мотив траты: от Жоржа Батая к Жану Бодрийяру; возможность познания слова в работах Витгенштейна, Куайна.

В работе юбилейной конференции приняло участие около двухсот человек, восемьдесят из которых стали докладчиками.

Направленность конференции в Новосибирске – взаимодействие не только сибирских, но и российских философов, их профессиональная консолидация и координация усилий.

По итогам работы конференции издан Сборник научных трудов [Философия, наука, гуманизм…, 2018]. Надеемся, что успешно проведенная юбилейная конференция станет не только импульсом дальнейшего развития профессионального философского образования в НГУ, но и послужит плодотворной консолидации сибирской философии, ее более активному включению в российское и мировое интеллектуальное пространство.

Список литературы

Философия, наука, гуманизм в эпоху глобальной турбулентности: Сб. науч. тр. Всерос. науч. конф. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2018. 328 с.

Материал поступил в редколлегию 10.10.2018

V. S. Diev, V. V. Petrov, N. S. Rozov

Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

diev@smile.nsu.ru; vvpetrov@mail.nsu.ru; nrozov@nsu.ru

THE PHILOSOPHY OF HUMANISM AND THE CHALLENGES OF 21-ST CENTURY (RESULTS OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE «PHILOSOPHY, SCIENCE, HUMANISM IN THE EPOCH OF GLOBAL TURBULENCE»)

The paper presents a review of the All-Russian Scientific Conference «Philosophy, Science, Humanism in the Era of Global Turbulence», which was held in Akademgorodok on September 13–15, 2018 and dedicated to the 25th anniversary of professional philosophical education at Novosibirsk State University.

Keywords: philosophy, science, humanism, society, university, philosophical education, post-soviet science, globalization, innovations, risks, history of philosophy.

References

Filosofiya, nauka, gumanizm v epohu globalnoi turbulentnosti [*Philosophy, Science, Humanism in the Epoch of Global Turbulence*]. Novosibirsk, 2018. (In Russ.)

УДК 1 (91)
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-322-328

П. А. Бутаков

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

pavelbutakov@academ.org

ДИАЛОГ С ТЕОЛОГАМИ В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ

Приведен краткий обзор нескольких конференций по аналитической теологии и аналитической философии религии, прошедших в текущем году. Обсуждаются способы конструктивного участия философов в теологических дискуссиях и возможные перспективы сотрудничества аналитических философов с теологами.

Ключевые слова: аналитическая теология, аналитическая философия, аналитическая философия религии.

В последние десятилетия аналитическая философия достигла того уровня развития, когда она может не только успешно осваивать новые области, но и вступать в конструктивный диалог с другими, нефилософскими дисциплинами. Поначалу, в первой половине XX в., сфера деятельности аналитических философов была весьма узкой – в нее входили логика, философия науки и философия языка. Ранние аналитики исповедовали идеалы сциентизма и логицизма и чурались всего, что связано с религией и любой метафизикой [Лакс, 2015]. Сегодня ситуация в аналитическом лагере заметно изменилась – несмотря на то, что методологические приоритеты отцов-основателей продолжают служить отличительным признаком «аналитичности», их мировоззренческие идеалы уже давно перестали быть хоть сколько-нибудь нормативными. Метафизика и философия религии прочно вошли в список основных разделов аналитической философии, наряду с этикой, эстетикой и политической философией. В результате такой трансформации аналитические философы смогли выработать универсальный набор методик, позволяющих подвергать анализу

ISSN 2541-7517. Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 4. С. 322–328.
© П. А. Бутаков, 2018

любые системы знания и включаться в дискуссии даже за пределами своих традиционных дисциплин. Одной из таких междисциплинарных инициатив стал стартовавший десять лет назад проект «Аналитическая теология» [Crisp, Rea, 2009], в рамках которого профессиональные теологи при помощи инструментария аналитической философии пытаются находить новые решения традиционных богословских проблем.

Несмотря на то, что аналитическая теология была задумана как теологический проект, в его рамках регулярно происходят разнообразные совместные мероприятия и дискуссии между теологами и философами. В этом году мне удалось принять участие в работе нескольких таких междисциплинарных конференций, о которых я и намерен рассказать в данной статье.

Первыми в моем списке стали летняя школа и конференция «Природа Бога: личностные и неличностные концепции божества», прошедшие на базе теологического факультета университета Инсбрука (Австрия, 26.07–08.08.2018). Основной целью конференции был поиск возможных точек соприкосновения между классическим теизмом, доминирующим в традиционной теологии, и мировоззренческим натурализмом, который господствует в естественных науках. В качестве возможных промежуточных позиций между натурализмом и классическим теизмом были предложены к обсуждению концепции неличностного божества, пантеизма и панентеизма. Лейтмотивом большинства дискуссий было оправданное опасение, что неличностная концепция божества окажется неприемлемой для традиционного теистического мировоззрения. Как ни странно, вопрос о приемлемости данной концепции для натуралистического мировоззрения даже не обсуждался. Следует заметить, что большинство участников этой теологической конференции составляли не теологи, а аналитические философы – как атеисты, так и представители всех основных монотеистических религий: ислама, иудаизма и главных направлений христианства. Именно философы, а не теологи, определяли повестку дня и круг проблемных вопросов. Основные дискуссии были сосредоточены вокруг вопросов о том, каковы преимущества неличностной концепции божества, какие из традиционных божественных атрибутов применимы к неличностному божеству и какие метафизические, эпистемические и этические требования влечет за собой неличностная концепция. С моей точки зрения, наиболее интересными и содержательными были доклад Юджина Нагасавы (Бирмингем) об аксиологических проблемах пантеизма и доклад Джонатана Кванвига

(Сент-Луис) о необходимости метатеологического подхода к теологическим теориям.

Следующая конференция по аналитической теологии, на которой мне удалось выступить в этом году, прошла в Католическом университете Лувена (Лувен-ля-Нёв, Бельгия, 12–14.09.2018). Она называлась «Аналитическая теология и Троица: тринитарное возрождение в аналитической традиции» и проходила на базе Междисциплинарного научно-исследовательского института религии, духовности, культуры и общества при Университете. Дело в том, что за последние двадцать лет одним из самых плодотворных направлений применения логического инструментария аналитической философии в теологии стала христианская доктрина Троицы. Аналитические философы предложили несколько новых метафизических моделей и подходов к интерпретации основополагающего христианского догмата о триединстве Бога, наиболее популярными из которых стали концепция относительной идентичности и концепция материальной конституции. Цель данной конференции состояла в том, чтобы подвести итоги успехов и неудач применения аналитического подхода к тринитарной теологии и обсудить новые направления исследований. Особенно порадовало то, что в конференции смогли принять участие некоторые из первопроходцев данного направления – Ричард Суинберн (Оксфорд) и Питер ван Инваген (Нотр-Дам, США). По итогам конференции можно смело утверждать, что аналитическая философия имеет огромный потенциал и может многое предложить церковной догматике, в частности, внести свой существенный вклад в осмысление и, по возможности, преодоление проблемы *filioque*, которая уже больше тысячи лет является предметом раздора между Восточными и Западными христианскими церквами.

Другие три конференции, о которых пойдет речь дальше, не имели прямого отношения к проекту «Аналитическая теология», но были весьма созвучны ему по духу и содержанию. С 17 по 21 сентября в Германии (Берген, Нижняя Саксония) прошел очередной раунд переговоров между представителями Международного лютеранского совета и Папского совета по содействию христианскому единству. Уже почти пятьсот лет в Западной церкви существует раскол между римо-католиками и лютеранами. После Второго Ватиканского собора при Римской Курии был учрежден совет, целью которого было преодоление церковного разделения посредством диалога с другими ответвлениями христианства, в частности, с лютеранами. С лютеранской стороны в этих переговорах участвовали теологи из Германии, США, Канады и Бразилии. На текущем этапе данного диалога

одной из центральных тем обсуждения стал вопрос о присутствии Голгофской жертвы Христа в таинстве Евхаристии, на который лютеране традиционно дают отрицательный ответ, а римо-католики положительный. В какой-то момент участники переговоров пришли к выводу, что для разрешения теологических разногласий им необходима помощь профессиональных философов, поскольку римо-католическое объяснение вышеупомянутого таинственного присутствия затрагивает вопросы о природе пространства и времени. Интересно то, что традиционная для германских теологов «континентальная» философская подготовка оказалась бессильной для достижения взаимопонимания с оппонентами в метафизических областях. В результате было принято решение привлечь к диалогу аналитических философов с обеих сторон. В своем докладе «Евхаристическое преодоление времени» [Butakov, 2017] мне, насколько я могу судить, удалось убедительно показать, что некоторые популярные римо-католические теории являются совершенно неприемлемыми либо с точки зрения метафизики, либо с точки зрения самого римо-католического богословия. Я надеюсь, что дальнейшее привлечение аналитических философов к этому диалогу позволит преодолеть пятьсот лет взаимного непонимания между лютеранами и римо-католиками, что может открыть пути для их примирения.

Последние две конференции, о которых я хочу рассказать, прошли в России – в Воронеже и Москве. Воронежская конференция, проходившая в этот раз в ВГМУ им. Н. Н. Бурденко 21–22.09.2018, уже третий год подряд собирает отечественных аналитических философов, интересующихся философией религии. Успех этой конференции, на мой взгляд, связан с тремя нестандартными стратегическими решениями ее организатора – воронежского философа Игоря Гаспарова. Во-первых, в качестве темы каждой конференции выступает не какой-то проблемный вопрос или область исследований, а творчество конкретного современного аналитического философа. Так, в этом году конференция называлась «*Quam dilecta*: Философские темы от Питера ван Инвагена», а две предыдущие были посвящены работам Алвина Плантинги и Дэвида Льюиса. Поскольку количество российских аналитических философов весьма незначительно, и области их специализации не всегда пересекаются, то такие «персональные» темы конференций позволяют каждому участнику найти в творчестве обсуждаемого философа что-то свое. Во-вторых, для конференции выбран нетипичный для российской науки формат: доклад, комментарий и обсуждение. Для основных докладов назначаются комментаторы, которые имеют возможность заранее

ознакомиться с содержанием доклада и подготовить развернутый ответ. Этот формат требует качественной подготовки как со стороны основных докладчиков, так и со стороны комментаторов. В результате получается конструктивная полемика, а не приевшееся показное высказывание частных мнений, демонстрация эрудиции и обмен оценочными суждениями. Наконец, в-третьих, организаторы конференций решили не связываться со спонсорами, грантами и меценатами и провести конференцию без какой-либо финансовой поддержки. Каждый участник конференции вынужден самостоятельно решать все вопросы о транспорте, проживании и их оплате. Эта стратегия, с одной стороны, дает организаторам полную независимость от чиновников, а с другой – отсекает тех незаинтересованных участников, которые посещают конференции лишь ради отчетности. Казалось бы, в современных условиях вряд ли можно было бы рассчитывать на то, что для такой конференции найдется достаточное количество участников. Тем не менее число желающих ежегодно растет, причем приезжают и гости из-за рубежа, так что значительную часть докладов и обсуждений приходится делать на английском языке. Все это указывает на то, что аналитическая философия религии весьма востребована в нашей стране, и в недалеком будущем она сможет стать площадкой для конструктивного обсуждения теологических и межцерковных вопросов современности.

Последнее мероприятие в моем списке прошло на базе сектора философии религии Института философии РАН (Москва, 25–26.09.2018) в рамках проекта «Теистические и атеистические убеждения и стандарты рациональности». Темой этой конференции стала «этика веры» – междисциплинарное направление в аналитической эпистемологии, этике и философии сознания. Доклады были посвящены обсуждению вопросов о том, каковы критерии рациональности наших убеждений, в чем состоят эпистемические, моральные и практические нормы для формирования убеждений или отказа от них, и какой должна быть корреляция между убеждениями и фактами. Несмотря на то, что сама по себе «этика веры» не имеет прямого отношения к философии религии, тем не менее, все эти вопросы напрямую касаются проблемы рациональности религиозных убеждений, что отразилось в большей части представленных на конференции докладов. Поиск универсальных критериев рациональности и нормативности для религиозных убеждений, помимо чисто теоретической ценности, может способствовать развитию диалога между последователями самых разных теистических и атеистических воззрений, преодолению замкнутости, ксенофобии и фундаментализма.

Завершая этот краткий обзор, следует еще раз задаться вопросом о том, какую именно роль играют аналитические философы в теологических дискуссиях. Очевидно, что философы не могут и не должны пытаться самостоятельно решать теологические проблемы – эта задача целиком лежит на самих теологах. Более того, философам также не следует вступать в полемику с теологами в качестве их оппонентов по теологическим вопросам, ведь опять же защита и опровержение теологических убеждений не входят в профессиональную компетенцию философов. Мне представляется, что аналитическая философия со всем своим универсальным инструментарием может оказаться наиболее удачной площадкой для теологических дебатов. Философы могут (и, по-моему, должны) принимать участие в теологических спорах в качестве миротворцев и беспристрастных помощников, способных оценить и улучшить качество используемых доводов, отследить применение некорректной аргументации, а также предложить новые направления развития диалога. Напоследок хочется сослаться на образ философии как «разговора человечества», предложенный Ричардом Рорти. Согласно Рорти, именно сама возможность диалога является окончательным контекстом познания, и в этом разговоре человечества философы выступают не в качестве носителей некоего сокровенного знания или судей, чей голос всегда перевешивает все остальные. Роль философов – влезать в чужие разговоры со своими полезными комментариями (useful kibitzing), а их право вторгаться в чужие дискуссии обусловлено знакомством с универсальной аргументацией и знанием наизусть тех за и против, на которые другим участникам разговора еще предстоит не раз наткнуться [Рорти, 1997. С. 288, 291].

Список литературы

Лакс М. Дж. Метафизика в аналитической традиции // Философский журнал. 2015. Т. 8, № 2. С. 5–15.

Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997.

Butakov P. The Eucharistic Conquest of Time // Faith and Philosophy. 2017. Vol. 34. No. 3. P. 247–271.

Crisp O. D., Rea M. C. Analytic Theology: New Essays in the Philosophy of Theology. Oxford: OUP, 2009.

Материал поступил в редколлегию 01.10.2018

P. A. Butakov

Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

pavelbutakov@academ.org

A DIALOGUE WITH THEOLOGY IN THE CONTEMPORARY HISTORICAL PHILOSOPHICAL CONTEXT

The article provides a brief description of several conferences on analytic theology and analytic philosophy of religion, which took place earlier this year. It discusses ways of beneficial participation of philosophers in theological debates, and the promising perspectives of the collaboration of analytic philosophers and theologians.

Keywords: analytic theology, analytic philosophy, analytic philosophy of religion.

References

Butakov P. The Eucharistic Conquest of Time. *Faith and Philosophy*, 2017, vol. 34, no. 3, p. 247–271.

Crisp O. D., Rea M. C. *Analytic Theology*: *New Essays in the Philosophy of Theology*. Oxford, OUP, 2009.

Loux M. J. Metafizika v analiticheskoi traditsii [Metaphysics in Analytic Tradition]. *Filosofskii zhurnal* [*Philosophy Journal*], 2015, vol. 8, no. 2, p. 5–15. (In Russ.)

Rorty R. *Filosofiya i zerkalo prirody* [*Philosophy and the Mirror of Nature*]. Novosibirsk, 1997. (In Russ.)

РЕЦЕНЗИИ

УДК 165.0:82
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-329-334

Н. В. Головко

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

golovko@philosophy.nsc.ru

ЗНАНИЕ О ПРОШЛОМ И ПРОБЛЕМА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ НАГРУЖЕННОСТИ НАБЛЮДЕНИЙ

Рец. на кн.: Kosso P. Knowing the Past. Philosophical Issues of History and Archaeology. Amherst, New York: Humanity Books, 2001

Проблема соотношения теории и реальности в археологии является классическим примером, иллюстрирующим значимость и многообразие постановок основной проблемы философии науки. С эпистемологической точки зрения, проблема статуса археологических данных является одним из примеров постановки проблемы теоретической нагруженности наблюдений в соответствующей натуралистической перспективе. Для того чтобы решить проблему эпистемической независимости данных, на которых обосновываются утверждения о прошлом, П. Коссо предлагает оригинальную концепцию «взвешенного когерентизма».

Размышления о книге: *Kosso P.* Knowing the Past: Philosophical Issues of History and Archaeology. Amherst, New York: Humanity Books, 2001.

Ключевые слова: знание о прошлом, философия археологии, теоретическая нагруженность наблюдений, П. Коссо.

Основная проблема интерпретации данных в истории и археологии – это проблема теоретической нагруженности наблюдений. То, как мы интерпретируем имеющиеся данные (археологические находки, исторические факты и т. д.), зависит и от представлений о том, как анализируемые события происходили в прошлом, и от представлений о том, как имеющееся понимание этих событий определяет то, что мы наблюдаем сейчас (почему мы находим то, что находим и т. д.). П. Коссо отмечает: «Неотъемлемое противоречие (essential tension) знания о прошлом состоит в том, что мы должны накладывать

© Н. В. Головко, рец., 2018

(impose) информацию с целью обнаружить новую информацию. Это противоречие между субъективной и объективной компонентой знания. Описание объекта является предварительным условием знания об объекте, и само это описание стремится, так или иначе, сформировать (fit) объект в соответствии с нашей концептуальной системой. Проблема состоит в том, чтобы различать ту часть знания, которая отвечает действительно новому (discovery), от той части, которая – вымысел (invention)… Очень часто мы будем находиться в приводящем в замешательство (confounding) состоянии, когда мы ищем свидетельства о событиях в прошлом и в то же время, опираясь на те же самые данные, мы будем пытаться представить, как они могли бы выглядеть» [Kosso, 2001. P. 24–25]. Собственно, цель, которую видит перед собой П. Коссо, – показать, что отмеченное противоречие в интерпретации данных в области истории и археологии не делает знание там менее обоснованным или менее объективным, – менее научным. Примечательно то, что, по-видимому, для самого автора погружение в проблематику обоснования знания в области истории и археологии является развитием результатов, полученных ранее, на другом, более каноническом, материале, – в области философии физики (см., например: [Kosso, 1989]).

Тематически книга разделена на две части. В первой части основное внимание уделяется авторской концепции обоснования знания в истории и археологии, получившей название «взвешенный когерентизм». «Когерентизм», поскольку фаундализм в чистом виде (с набором базовых убеждений и т. д.) тут не применим, а «взвешенный», поскольку предполагается, что одни убеждения могут играть большую эпистемическую роль, например, объясняя и служа проверке других (чем больше подобных «объяснительных» связей, тем больше вес; теоретические утверждения играют ту же роль, что и эмпирические, и т. д.). «Достоверность убеждений зависит не только от того, можно ли их проверить, но и от того, можно ли их использовать для проверки. Это достоверность, которая демонстрируется наличием следствий существования данного убеждения, а не по посылкам, делающим это убеждение значимым» [Kosso, 2001. P. 107]. Особую роль тут играет независимость «посылок», на основании которых обосновываются убеждения. В общем случае, эта «независимость» касается независимости между теориями, на основании которых мы конституируем имеющиеся данные, которые мы и будем в дальнейшем использовать для проверки возникающих гипотез (тот аспект, который традиционно относят к «теоретической нагруженности» наблюдения), и те-

ориями (или гипотезами), которые эти данные должны проверять. Однако, учитывая сложность с этим типом независимости, отмеченную выше, П. Коссо, в первую очередь ссылаясь на Л. Бинфорда и его концепцию «теории среднего уровня» (middle-range theory) (см.: [Binford, 1977]), говорит о важности другого типа независимости – независимости источников и подходов, «в чьих терминах мы будем конституировать исходное множество данных» [Kosso, 2001. P. 52]. Например, говоря о соотношении текстологических и материальных свидетельств, которые одинаково могут привлекаться для обоснования утверждений о прошлом, П. Коссо подчеркивает, что «утверждения, играющие роль подтверждающих (evidential claims), должны различаться по типу связи между доступными данными и предметом обосновываемого убеждения» [Ibid. P. 81]. Именно поэтому, в частности, в качестве основной предметной области, которая помогает наилучшим образом проинтерпретировать содержание и преимущества концепции «взвешенного когерентизма», он выбирает историческую археологию, в которой тезис об эпистемической независимости текстологических и материальных свидетельств является одним из основных.

Вторая часть книги посвящена тому, что можно назвать применением полученных теоретических представлений к анализу конкретно-научного материала. Первый пример, который приводит П. Коссо, это обоснование гипотезы существования афинских клерухий («cleruchy» – особый тип поселения за пределами Аттики) на острове Эвбея (гл. 6). Исторические (текстологические) данные, такие источники, как Геродот, Фукидид, Плутарх и другие авторы, говорят о том, что афиняне основали большое число клерухий, в частности, на островах Эвбея, Наксос и Адрос, однако долгое время археологические находки не подтверждали письменные свидетельства. Как результат, П. Коссо удается показать отсутствие цикличности в обосновании присутствия афинских клерухий на острове Эвбея, анализируя соотношение и роли материального и текстологического в сложной системе взаимно обосновывающих друг друга убеждений, включающих исходную гипотезу, интерпретации археологических находок, а также различные теории «среднего уровня», которые использовались для придания соответствующего значения археологическим данным. Второй пример (гл. 7) – обоснование применения концепции «центрального места» (central place theory) для объяснения появления и становления городов на Крите в период минойской культуры (XX в. до н. э.). В частности, возникли ли города Ханиа, Фаистос,

Малиа, Закрос и другие спонтанно и только потом подчинились влиянию города Кносс, либо Кносс изначально доминировал в первую очередь как политический центр, а значит, диктовал условия распространения городской культуры? Находясь в ситуации, когда исходные данные сами являются предметом обоснования, П. Коссо предлагает использовать концепцию «центрального места» (город – это экономический центр, обслуживающий себя и предоставляющий товары и услуги своей округе, формируя сеть населенных пунктов с доступом к объектам сферы услуг и перемещением товаров между собой) как одну из теорий «среднего уровня», сопутствующих интерпретации имеющихся археологических находок. В этом смысле уровень экономического взаимодействия критских городов между собой и оценка «параллельности» их культурного развития говорят о том, что Кносс не сразу стал столицей микенского Крита. В качестве третьего примера П. Коссо анализирует достоверность утверждений Фукидида о Пелопонесской войне в V в. до н. э. (гл. 8). Проблема в том, что сочинения Фукидида являются единственным источником информации об этой войне, которую крайне сложно подтвердить археологическими находками, соответственно, проверка утверждений Фукидида должна опираться только на внутреннюю «связность» интерпретации. Рассмотрев исключительно «интерналистскую» интерпретацию текста Фукидида, автор приходит к выводу, что независимо от очевидных логических неувязок, которые можно найти в тексте, сам факт того, что текстологический анализ обоснованности утверждений не повторяет именно тот паттерн аргументации, который мы привыкли выделять, говоря о той обоснованности, которая опирается на анализ материальных источников (включая анализ представлений, которые можно отнести к «теоретической нагруженности» данных, – о чем и шла речь в первой части книги), свидетельствует в пользу того, что описанная «война» является вымыслом.

Сложно сказать, какая из частей книги вызовет наибольший интерес у читателя. Судя по задумке автора, книга в первую очередь рассчитана на работающих историков и археологов, интересующихся проблемой обоснования знания в области истории и археологии, и в меньшей степени – на философов, разбирающих проблемы обоснования знания о прошлом. Тем не менее эту книгу можно и нужно рассматривать как хороший пример работы по философии науки, раскрывающей многообразие постановок проблемы соотношения теории и эмпирических данных, в зависимости от конкретно-науч-

ного контекста, в котором мы рассматриваем проблему обоснования знания.

Список литературы

Binford L. For Theory Building in Archaeology: Essays on Faunal Remains, Aquatic Resources, Spatial Analysis, and Systemic Modeling. New York: Academic Press, 1977.

Kosso P. Observability and Observation in Physical Science. Dordrecht: Kluwer Academic Publ., 1989.

Kosso P. Knowing the Past: Philosophical Issues of History and Archaeology. Amherst, New York: Humanity Books, 2001.

Материал поступил в редколлегию 06.11.2018

N. V. Golovko

Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

golovko@philosophy.nsc.ru

KNOWLEDGE OF THE PAST AND THE THEORY-LADENNESS OF OBSERVATION

The relationship between theory and reality in archeology is a classic example that illustrates the significance and diversity of the main problem of philosophy of science. From the epistemological point of view, the problem of the status of archaeological data is one of the examples of the problem of the theory-ladenness of observations within the corresponding naturalistic perspective. Trying to solve the problem of epistemic independence of the data, which corroborates the justification of the statements about the past, Peter Kosso offers a concept of «weighted coherence».

Reflections on the book: *Kosso P.* Knowing the Past: Philosophical Issues of History and Archaeology. Amherst, New York: Humanity Books, 2001.

Keywords: knowledge of the past, philosophy of archaeology, theory-ladenness of observation, P. Kosso.

References

Binford L. *For Theory Building in Archaeology: Essays on Faunal Remains, Aquatic Resources, Spatial Analysis, and Systemic Modeling*. New York, Academic Press, 1977.

Kosso P. *Observability and Observation in Physical Science*. Dordrecht, Kluwer Academic Publ., 1989.

Kosso P. *Knowing the Past: Philosophical Issues of History and Archaeology*. Amherst, New York, Humanity Books, 2001.

УДК 165.0:82
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-335-340

Н. В. Головко

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

golovko@philosophy.nsc.ru

ТРОПНЫЙ РЕАЛИЗМ И ЗНАНИЕ КАК ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛОЖНЫХ УБЕЖДЕНИЙ
Рец. на кн.: Niiniluoto I. Critical Scientific Realism. Oxford University Press, 1999

Критический научный реализм И. Ниинилуото является одной из немногих современных концепций, которые говорят не только о научном реализме, но и о самой реальности. Такие элементы концепции, как тропный реализм – минимальная в патнэмовском смысле концепция онтологического реализма, утверждающая, что не существует единственного истинного описания реальности, или представление о том, что знание может быть предметом анализа ложных убеждений (по определению, правдоподобные убеждения не обязаны быть истинными), – как нельзя лучше иллюстрируют то, как И. Ниинилуото понимает современный тренд нечеткости задания основных философских категорий, таких как «онтологический объект», «истинностное значение» и др.

Размышления о книге: *Niiniluoto I. C*ritical Scientific Realism. Oxford University Press, 1999.

Ключевые слова: критический научный реализм, тропный реализм, правдоподобие, И. Ниинилуото.

Если бы концепцию правдоподобия К. Поппера можно было бы представить как научно-исследовательскую программу по И. Лакатосу, в ядре которой находится трактовка правдоподобия по И. Ниинилуото, то концепция критического научного реализма, несомненно, была бы одной из наиболее сильных эвристик этой программы, намеренно оппонируя концепциям и метафизического, и внутреннего реализма Х. Патнэма. На наш взгляд, подобное допущение является единственным объяснением тому, почему И. Ниинилуото,

ISSN 2541-7517. Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 4. С. 335–340.
© Н. В. Головко, рец. 2018

при построении фаллибилистской версии научного реализма, отверг натурализацию как основание, которое объединяет фаллибилизм и обоснованность знания. В этом смысле книга И. Ниинилуото является классическим примером того, как парадигма формирует взгляды ученого. Имея в запасе серьезные результаты в области анализа проблем индуктивной систематизации знания в свете формального подхода Я. Хинтикка (достаточно вспомнить книги «Теоретические понятия и гипотетико-индуктивный вывод» [Niiniluoto, Tuomela, 1973] или «Правдоподобие» [Niiniluoto, 1987]), а также позитивистскую установку на понимание содержания философии (использование концепции трех миров К. Поппера в качестве онтологической платформы, неприятие многих идей У. Куайна и т. д.), книга И. Ниинилуото является крайне сложной для восприятия. И не только потому, что от читателя требуется определенный уровень погружения в «техническую сторону» аргументации, но и потому, что книга пишется и выходит практически параллельно с лучшими «представителями в своем классе» того времени – книгами М. Девитта [Devitt, 1997] и С. Псиллоса [Psillos, 1999]. К моменту выхода книги уже никто не говорит о научном реализме так, как о нем говорит И. Ниинилуото, в частности, потому, что его книга «не про физику». Однако именно это и может сделать книгу И. Ниинилуото обязательной для прочтения всеми, кто близок тематике научного реализма. Смелая фраза, что «мою книгу следует рассматривать и как учебник, и как монографию, и как полемический трактат» [Niiniluoto, 1999. P. ix], если воспринимать ее буквально, может многое рассказать о том, с какими трудностями был сопряжен один из наиболее серьезных метафизических проектов позднего позитивизма, – периода, условно, ниспровержения научного реализма Х. Патнэма (см.: [Putnam, 1978]) философами, разделявшими с ним представление о «лингвистическом приоритете» существования.

Одна из ключевых точек позиции И. Ниинилуото – сочетание представления о необходимости корреспондентной теории истинности и концептуального плюрализма: «истина относительна заданной концептуализации реальности, но это не делает ее эпистемическим понятием» [Niiniluoto, 1999. P. viii]. Физический объект – это ансамбль (связка) тропов (bundle of tropes), где «тропы» – это индивидуальные проявления характеристик (property-individuals), локализованные в пространстве и времени (коричневый-цвет-шерсти-моей-собаки), которые как проявления качеств (quality-instances) находятся «в естественном отношении с понятием подобия. В то время как физические

тропы находятся в объективном Мире 1, характеристику "быть коричневым" можно понимать как класс тропов, связанных понятием подобия. Как класс и результат креативной способности человека, получаемый путем абстрагирования в результате анализа подобных тропов, характеристики принадлежат Миру 3» [Ibid. P. 30]. Предположив (против того, что сделал Х. Патнэм), что «предикаты идеального языка указывают не на тропы, а на характеристики» [Ibid. P. 214–215], очевидно, мы можем сказать, что существует множество способов «сконструировать» эти характеристики, равно так же, как и множество описаний объективной реальности. В этом смысле тропный реализм И. Ниинилуото будет существенно отличаться от метафизического реализма Х. Патнэма. Естественно, большинство из этих описаний будет ошибочно, какие-то описания будут лучше, чем другие, и то, насколько данное описание будет приближенным к истине, будет зависеть от того, как мы понимаем «подобие». Тем не менее И. Ниинилуото утверждает, что «существование и характеристики концептуально сконструированных (conceptually created) объектов зависят от реальности, и знание о них содержит правдоподобную (truthlike) информацию» [Ibid. P. 223]. Более того, вслед за Ч. Пирсом, он постулирует возможность объективного знания о реальности, следующую за (а) возможностью «причинного взаимодействия между объектом и предметом познания» (информация о внешнем мире доступна только посредством данных органов чувств и результатов наблюдений и экспериментов) и (б) публичным характером научного знания, достоверность которого «контролируется процессом критического обсуждения результатов в рамках профессионального сообщества» [Ibid. P. 94]. Выступая сторонником «фаллибилистской традиции в эпистемологии» [Ibid. P. 85], И. Ниинилуото подчеркивает необходимость «правдоподобного знания». Проблема в том, что в традиционной теории познания, знание – это характеристика истинного убеждения, а с точки зрения И. Ниинилуото, фаллибилизм делает знание предметом анализа убеждений, которые «не являются истинными в прямом (strict) смысле» [Ibid. P. 84]. И в этом плане особое значение имеет ответ на вопрос, в каком смысле одни ложные убеждения можно считать знанием, а другие – нет? И. Ниинилуото предлагает переписать классическое определение пропозиционального знания «*S* знает, что *p*» (*S* убежден, что *p*; *p* – истинно; убеждение S в *p* – обоснованно) следующим образом: «*S* убежден, что *p* – правдоподобно (truthlike); *p* – правдоподобно; у *S* есть достаточно оснований утверждать, что *p* – более правдоподобно, чем ее альтернативы,

принимая во внимание доступные данные» [Ibid.]. Ключевой момент здесь – то, как следует теперь понимать отношение между *S* и «доступной для *S* информацией»: «моя единичная оценка [обоснованности *p* в классическом смысле] должна быть заменена на достаточно широкий оценочный интервал, который покрывает истинностное значение [для *p*] с высокой степенью достоверности [с точки зрения имеющейся информации]» [Ibid.]. Степень правдоподобия *p*, в данном случае, будет зависеть от «подобия (similarity) между состоянием дел, которое фиксирует *p*, и истинным положением дел, которое фиксирует p^*, принадлежащее выбранному оценочному интервалу» [Niiniluoto, 1987. P. 198], но не будет зависеть от «размера» этого интервала. Очевидно, такая интерпретация фаллибилизма не является «прямой дорогой» к релятивизму. Более того, нечеткость задания объекта, либо, в данном случае, – истинностного значения *p*, является одной из визитных карточек современной философии.

Содержательно книгу можно разбить на две части. Первые шесть глав посвящены экспликации содержания критического научного реализма, который базируется на следующих тезисах: (а) объективная реальность существует; (б) с точки зрения методологии научного исследования, представление об истинности наилучшим образом может быть схвачено концепцией корреспондентной теории истины А. Тарского; (в) и утверждения в языке наблюдения, и утверждения в языке теоретических терминов имеют истинностные значения; (г) истина является целью научного исследования; (д) приближение к истине в результате развития научного знания можно, используя формальную методологию разработанную автором, рационально описать; (е) наилучшее объяснение успешности научного знания состоит в том, что научные теории являются приближенно истинным, или правдоподобным описанием реальности. Соответственно, достаточно подробно, с серьезным погружением в предмет анализа, рассматриваются проблемы научного реализма в области онтологии (гл. 2), семантики (гл. 3), эпистемологии (гл. 4), методологии (гл. 6) и при построении научных теорий (гл. 5). Последние четыре главы посвящены приведению эвристик и обоснованию преимуществ критического научного реализма не только в традиционном поле – здесь концепция сравнивается с внутренним реализмом Х. Патнэма (гл. 7) и с различными формами инструментализма и релятивизма (включая моральный релятивизм и феминистскую философию науки) (гл. 8), но и в гораздо более широкой области аргументации, включающей рефлексию о «вненаучных» факторах развития науки и научно-

го знания, – с точки зрения концепции социального конструктивизма (гл. 9), а также общих представлений о роли науки в свободном обществе (гл. 10). Очевидно, что в ряде случаев И. Ниинилуото жертвует строгостью анализа в пользу полноты представления материала. С одной стороны, это довольно спорный шаг, но с другой, если ваша цель – написать полемический трактат, то демонстрация помещенности ваших идей в широкий историко-философский контекст является обязательной.

Книга вышла почти двадцать лет назад, однако, учитывая то, что концепция правдоподобия И. Ниинилуото, как развитие идей Ч. Пирса и К. Поппера с использованием формальных методов, почти наверняка обеспечила себе место в дискуссиях будущих поколений философов, метафизическая концепция, на нее опирающаяся, по крайней мере, заслуживает внимания. Более того, в свое время Х. Патнэм сетовал, что «все больше и больше философов говорит сейчас о реализме, но о том, *что* такое реализм говорится чрезвычайно мало» [Putnam, 1978. P. 18]. В этом смысле тропный реализм И. Ниинилуото является одной из немногих современных концепций, которые действительно что-то говорят собственно о природе реальности.

Список литературы

Devitt M. Realism and Truth. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1997.

Niiniluoto I. Truthlikeness. Dordrecht: D. Reidel, 1987.

Niiniluoto I. Critical Scientific Realism. Oxford Univ. Press, 1999.

Niiniluoto I., *Tuomela R.* Theoretical Concepts and Hypothetico-Inductive Inference. Dordrecht: D. Reidel, 1973.

Psillos S. Scientific Realism: How Science Tracks Truth. New York: Routledge, 1999.

Putnam H. Meaning and the Moral Sciences. London: Routledge & Kegan Paul, 1978.

Материал поступил в редколлегию 06.11.2018

N. V. Golovko

Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

golovko@philosophy.nsc.ru

TROPIC REALISM AND KNOWLEDGE AS AN EPISTEMIC PROPERTY OF FALSE BELIEFS

The critical scientific realism by I. Niiniluoto is one of the few concepts that speaks not only of scientific realism, but also of reality itself. Such an elements of the concept, like tropic realism – the minimal ontological realism (in the Putnam's sense), stating that there is no single true description of reality, or the idea that the knowledge can be a subject of the analysis of false beliefs (by definition, truthlike beliefs do not have to be true) – are the best ways to illustrate how I. Niiniluoto understands the contemporary trend to imply vagueness into definitions of the main philosophical categories like "ontological object", "truth value", etc.

Reflections on the book: *Niiniluoto I.* Critical Scientific Realism. Oxford University Press, 1999.

Keywords: knowledge of the past, philosophy of archaeology, theory-ladenness of observation, P. Kosso.

References

Devitt M. Realism and Truth. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1997.

Niiniluoto I. *Truthlikeness*. Dordrecht, D. Reidel, 1987.

Niiniluoto I. *Critical Scientific Realism*. Oxford University Press, 1999.

Niiniluoto I., Tuomela R. *Theoretical Concepts and Hypothetico-Inductive Inference*. Dordrecht, D. Reidel, 1973.

Psillos S. *Scientific Realism: How Science Tracks Truth*. New York, Routledge, 1999.

Putnam H. *Meaning and the Moral Sciences.* London, Routledge & Kegan Paul, 1978.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аблажей Анатолий Михайлович – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Бессонов Александр Владимирович – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН, Новосибирск

Бровкин Владимир Викторович – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Бутаков Павел Анатольевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Бутина Анастасия Васильевна – аспирантка Института философии и права СО РАН, Новосибирск, преподаватель Алтайского государственного университета, Барнаул

Вольф Марина Николаевна – доктор философских наук, директор Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Головко Никита Владимирович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Гончаров Сергей Савостьянович – доктор физико-математических наук, профессор, академик РАН, директор Института математики им. С. Л. Соболева Сибирского отделения РАН, заведующий кафедрой Новосибирского государственного университета

Горан Василий Павлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Гребенщикова Елена Георгиевна – доктор философских наук, руководитель Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Москва

Диев Владимир Серафимович – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, директор Института философии и права Новосибирского государственного университета

Ерохина Елена Анатольевна – доктор философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Журавлева Светлана Михайловна – кандидат философских наук, доцент Алтайского государственного аграрного университета, Барнаул

Зазулина Мария Рудольфовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Иванов Андрей Владимирович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Алтайского государственного аграрного университета, Барнаул

Лбова Екатерина Михайловна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Мазаев Руслан Михайлович – студент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Овчинников Степан Евгеньевич – аспирант Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Петров Владимир Валерьевич – кандидат философских наук, доцент Института философии и права Новосибирского государственного университета, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН

Розов Николай Сергеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, заведующий кафедрой социальной философии и политологии ИФП НГУ, профессор кафедры международных отношений и регионоведения НГТУ

Самсонов Всеволод Владимирович – научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Сандакова Людмила Борисовна – доцент Новосибирского государственного технического университета

Санженаков Александр Афанасьевич – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Свириденко Дмитрий Иванович – доктор физико-математических наук, профессор, научный сотрудник Института математики им. С. Л. Соболева Сибирского отделения РАН, ведущий научный сотрудник Новосибирского государственного университета

Синюкова Наталья Алексеевна – аспирантка Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Слюсарев Владимир Владимирович – аспирант Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород

Солодова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, профессор Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики, Новосибирск

Стрельцов Алексей Михайлович – магистр философии, аспирант Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Тюриков Владимир Евгеньевич – аспирант Южного Федерального университета, Ростов-на-Дону

Ушаков Дмитрий Викторович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Хусяинов Тимур Маратович – аспирант Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород

Шмаков Владимир Сергеевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила представления, рецензирования и опубликования научных статей

I. Общая информация

1. «Сибирский философский журнал» (до 2016 г. «Вестник НГУ. Серия: Философия», свидетельство ПИ № ФС77-40146 от 04.06.2010, ISSN 1818-796X) публикует научные статьи и критические материалы по широкой философской и научной (социально-гуманитарной) тематике. Журнал выражает общий настрой и позицию Сибирского отделения Российского философского общества, философского факультета Новосибирского государственного университета, а также дух новосибирского Академгородка, совмещающий интеллектуальную свободу и требовательность к обоснованности суждений, стремление к ясности и четкости мышления, рациональности аргументации.

2. Журнал зарегистрирован как средство массовой информации (свидетельство ПИ № ФС77-64829 от 02.02.2016). Подписной индекс по каталогу Роспечати – 18289 (договор № 6585 от 02.11.2006). Журнал зарегистрирован в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) – договор № 548-09/2014 от 17.09.2014. Периодичность издания – 4 раза в год.

3. Основные разделы журнала: «Аналитическая философия, эпистемология и философия науки» («Онтология, гносеология, логика»), «Социальная философия», «История философии» и «Научная жизнь, рецензии, переводы». Рубрики соответствуют Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени кандидата и доктора наук, по следующим отраслям науки:

09.00.00 – Философские науки;

22.00.00 – Социологические науки.

4. Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет редакции следующие неисключительные права на использование произведения на весь срок действия авторского права, предусмотренного действующим законодательством РФ, следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, и перевод произведения; доведение до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, в том числе право на публикацию статьи как в виде твердой копии (в журнале), так и в электронном виде (в том числе на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru). Территория использования статьи способами, предусмотренными выше, не ограничивается территорией Российской Федерации.

5. Осуществляется рецензирование всех поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки. Привлекаемые ре-

цензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в редакции издания в течение 5 лет.

Все статьи проходят обязательное простое слепое (single-blinded) рецензирование. О принятом решении авторы извещаются по указанному автором адресу электронной почты. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также (при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса) направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации.

6. Недопустимо представлять в редакцию ранее опубликованные работы, а также не оригинальные рукописи, скомпилированные из цитат или представляющие собой изложение ранее опубликованных работ, которые могут вызвать подозрение в нарушении научной этики.

Если статья возвращается автору для доработки, исправления или сокращения, то датой представления ее в журнал считается день получения редакцией окончательного текста. Гонорар за публикуемые статьи, доклады, сообщения и рецензии не выплачивается. Не принятые к публикации материалы авторам не возвращаются.

7. Редакция оставляет за собой право редактировать, сокращать (по согласованию с автором) и адаптировать публикуемые материалы к рубрикам журнала. Обязательным условием публикации материалов является наличие УДК, отвечающего основным разделам журнала. Общий объем статей с главным (первым) индексом УДК, не относящимся к разделу 1 «Философия», не может превышать четверти объема каждого выпуска.

8. Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором при наличии ключевых слов и аннотации на русском языке объемом до 3 000 знаков с пробелами.

9. Рукописи принимаются только в электронном виде.

10. Примерные сроки подачи рукописей в соответствующий номер: № 1 – до 15 декабря; № 2 – до 15 февраля; № 3 – до 1 июля; № 4 – до 1 сентября.

Адрес редакционной коллегии журнала
Новосибирский государственный университет,
философский факультет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363-42-38. E-mail: philos@vestnik.nsu.ru

II. Правила оформления текста рукописи

1. Подаваемая в редколлегию рукопись формально делится на два раздела – «основное содержание статьи», соответствующим образом подготовленное для рецензирования, и «дополнительная информация», отвечающая техническим требованиям к публикации материалов. Предоставление полной информации по каждому из разделов является обязательным.

2. К «основному содержанию» относятся: УДК; ФИО автора; почтовый адрес места работы (с индексом); e-mail; название статьи на русском языке; аннотация на русском языке (до 100 слов); ключевые слова на русском языке (до 10 слов); текст статьи (до 20 000 знаков с пробелами); список литературы на русском языке.

3. К «дополнительной информации» относятся: ФИО автора на английском языке; название статьи на английском языке; аннотация на английском языке (до 100 слов); ключевые слова на английском языке (до 10 слов); список литературы в транслитерации и на английском языке, подготовленный по образцу; место работы и адрес места работы на английском языке; информация об авторе на русском языке (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, место работы, почтовый адрес места работы с индексом, должность, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора). ФИО автора, название статьи, содержание аннотации и ключевые слова на английском языке проверяются редколлегией. За транслитерацию и перевод на английский язык списка литературы редколлегия ответственности не несет.

4. Текст статьи оформляется следующим образом. Основной шрифт – Times New Roman. Размер шрифта – 14 пт. Междустрочный интервал – 1,5 строки. Масштаб шрифта – 100 %. Интервал шрифта – Обычный. Смещение шрифта – Нет. Поля стандартного листа А4: верхнее – 2 см, нижнее – 2,5 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см. Абзацный отступ – 1,25 см. Авторы, оформляющие материалы в формате .docx, должны выставить в настройках стандартные значения для абзацев: Отступ слева – 0 см, Отступ справа – 0 см, Интервал перед – 0 пт, Интервал после – 0 пт. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Публикации, значительно превышающие указанный объем текста статьи (до 20 000 знаков с пробелами), допускаются к рассмотрению только по согласованию с редколлегией.

5. Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания, страницы (если приводится

цитата). Список литературы оформляется в конце статьи в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), для статей указывается объем публикации (первая и последняя страницы). Ссылки на архивные документы и документы из сети Internet оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы), для документов из сети Internet кроме URL также обязательно указывается дата обращения.

6. Размер изображений не должен превышать 190 × 270 мм. Рекомендуемый размер фотографий 100 × 150 мм. При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки принимаются только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr. Просим Вас *не изменять исходный электронный формат* создаваемого Вами графического объекта. Допускается создание таблиц и диаграмм в Word и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 × 270 мм.

III. Образец оформления рукописи

УДК 165.0

И. И. Иванов

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

xyz@philosophy.nsc.ru

НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ: ПЕРВИЧНОСТЬ МЕТАФИЗИКИ

Приведен ряд примеров, демонстрирующих преимущества рассуждений с точки зрения натуралистических представлений при анализе классических постановок скептического аргумента: неопределенность указания в рамках семантического приоритета, неопределенность и релятивизм онтологических допущений как следствие принятия во внимание проблемы недоопределенности теории данными и конструктивистских представлений об онтологии.

Ключевые слова: натуралистический поворот, скептицизм, семантический приоритет, недоопределенность, конструктивизм, реализм.

Основной текст статьи
Список литературы

I. I. Ivanov

Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

xyz@philosophy.nsc.ru

NATURALISTIC TURN: PUTTING METAPHYSICS FIRST

The paper aims to illustrate one of the main features of the naturalistic turn – overcoming of the sceptic's challenge by «putting metaphysics first» (M. Devitt). The sceptic's argument is viewed as a consequence of the wrong direction of thought from a priori epistemology and/or semantics to a priori metaphysics. The naturalistic turn gives us a chance to give up the sceptic's argumentation by allowing to argue from empirical metaphysics to empirical epistemology and/or semantics. Various examples of the advantage of the naturalized view are given. In particular, it is shown how to avoid scepticism, which is a follow-up of the indetermination and underdetermination problems and constructivist ideology.

Keywords: naturalistic turn, scepticism, semantic priority, underdetermination, constructivism, realism.

References

Сведения об авторе

Библиографические ссылки оформляются в следующем формате: в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания, страницы (при прямом цитировании), например: [Ролз, 1995] или [Horton et al., 2006. P. 427–428]. В тексте статьи допускается наличие подстрочных сносок «внизу страницы», пронумерованных по порядку с цифры 1. Например: …[1]. Второй пример [2]. В качестве подстрочных сносок допускаются ссылки на источники в Интернете, например [3]. В тексте статьи используется тире одного вида – так называемое короткое тире

[1] Здесь мы согласны с мнением В. Е. Петрова [Петров, 2002. С. 111].

[2] Подробный анализ самого подхода см. в [Rorty, 1979].

[3] См.: Гуссерль Э. Философия как строгая наука. URL: http://www.philosophy.ru/library/husserl/ gus_fil.html(дата обращения 11.09.2001).

(сочетание клавиш: CTRL + Num-). В качестве пунктуационного знака тире требует пробелов с обеих сторон, при обозначении интервала используется тире без пробелов (2–3, 1920–1940 гг.; но с поясняющими словами: конец 1920 – начало 1921 г.).

Образец оформления списка литературы

Горан В. П. Исторические истоки христианской догмы о сотворении мира «из ничего» // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 1. С. 123–132.

Карпович В. Н. Термины в структуре теории. Новосибирск: Наука, 1978.

Целищев В. В. Рационалистический оптимизм и философия Курта Геделя // Вопр. философии. 2013. № 8. С. 12–23.

Aach J. Psychologism Reconsidered: A Revaluation of the Arguments of Frege and Husserl // Synthese. 1990. Vol. 85. P. 315–338.

Benacerraf P. Tasks, Super-Tasks and the Modern Eleatics // Zeno's Paradoxes / Ed. by W. C. Salmon. Indianapolis, USA; Cambridge: Hackett Publ. Company, 2001. P. 103–129.

Davidson D. On the Very Idea of a Conceptual Scheme // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association. 1974. Vol. 47. P. 5–20.

Gödel K. On Formally Undecidable Propositions of Principia Mathematica and Related Systems I // Kurt Gödel. Collected Works / Eds. S. Feferman, T. R. Dawson, S. C. Kleene, G. H. Moore, R. M. Solovay, T. van Heijenoort. New York, 1986. Vol. 1.

Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1979.

Образец оформления References

Aach J. Psychologism Reconsidered: A Revaluation of the Arguments of Frege and Husserl. *Synthese*, 1990, vol. 85, p. 315–338.

Benacerraf P. Tasks, Super-Tasks and the Modern Eleatics. *Zeno's Paradoxes.* W. C. Salmon (ed.). Indianapolis, USA; Cambridge, Hackett Publ. Company, 2001, p. 103–129.

Goran V. P. Istoricheskie istoki khristianskoi dogmy o sotvorenii mira «iz nichego» [Historical Origins of The Christian Dogma of Creation of The World From Nothing]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series*: *Philosophy*, 2014, vol. 12, no. 1, p. 123–132. (In Russ.)

Gödel K. On Formally Undecidable Propositions of Principia Mathematica and Related Systems I. *Kurt Gödel. Collected Works*. S. Feferman, T. R. Dawson, S. C. Kleene, G. H. Moore, R. M. Solovay, T. van Heijenoort (eds.). New York, 1986, vol. 1.

Karpovich V. N. *Terminy v strukture teorii* [*Terms in the Theory Structure*]. Novosibirsk, Nauka, 1978. (In Russ.)

Tselishchev V. V. Ratsionalisticheskii optimizm i filosofiya Kurta Gedelya [Rationalistical Optimism and the Philosophy of Kurt Godel]. *Voprosy filosofii* [*Questions of Philosophy*], 2013, no. 8, p. 12–23. (In Russ.)

Davidson D. On the Very Idea of a Conceptual Scheme. *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*, 1974, vol. 47, p. 5–20.

Rorty R. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1979.

Образец оформления сведений об авторе

Иванов Иван Иванович – кандидат философских наук, доцент Новосибирского государственного университета, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2, заведующий кафедрой философии и социологии; р.т. (383)000-00-00, e-mail: xyz@philosophy.nsc.ru

Таблица транслитерации символов

Русский алфавит	Транслитерация	Русский алфавит	Транслитерация	Русский алфавит	Транслитерация
А	A	К	K	Х	KH
Б	B	Л	L	Ц	TS
В	V	М	M	Ч	CH
Г	G	Н	N	Ш	SH
Д	D	О	O	Щ	SCH
Е	E	П	P	Ы	Y
Ё	E	Р	R	Ь	’
Ж	ZH	С	S	Э	E
З	Z	Т	T	Ю	YU
И	I	У	U	Я	YA
Й	I	Ф	F		